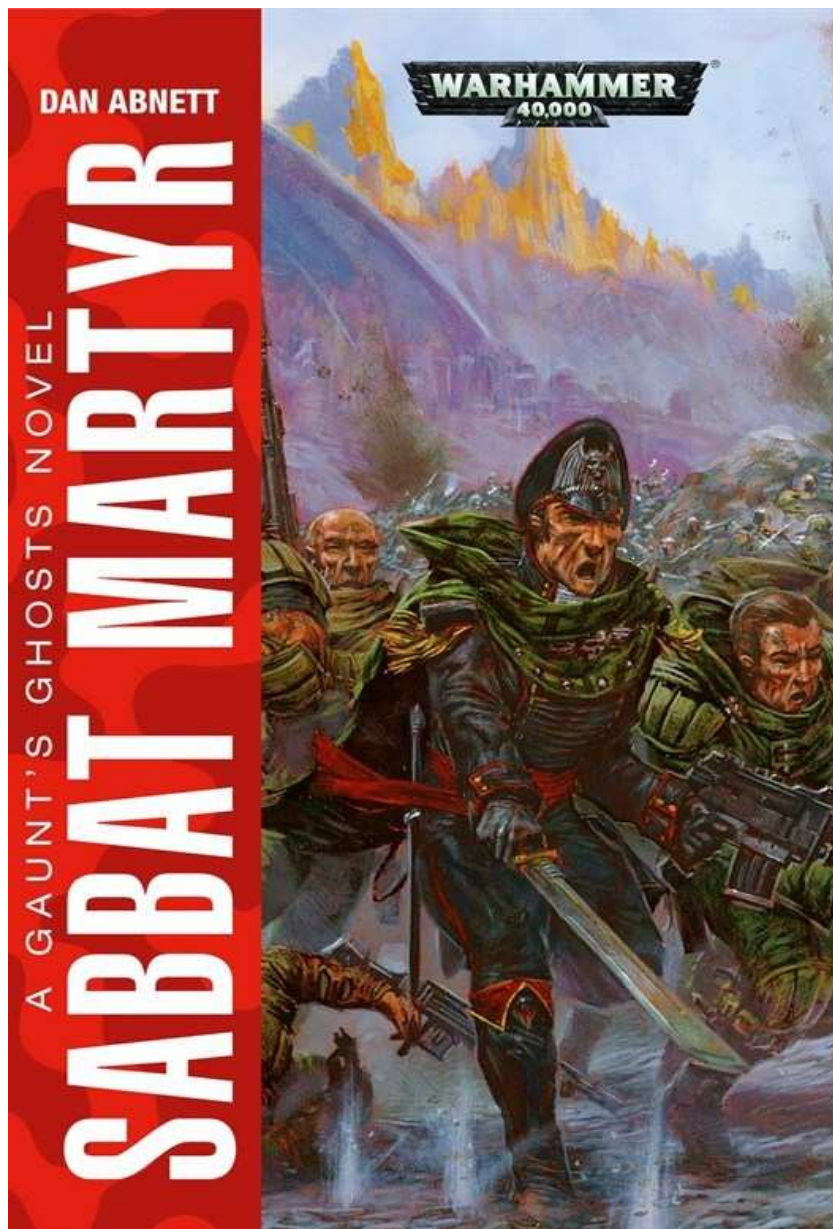

Gaunt's Ghosts - 07

Sabbat Martyr

Призраки Гаунта

Мученик Саббат

Перевел: AquariusNox

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империиума никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишаций демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждающих богов.

«К концу 773.М41, восемнадцатого года Кампании в Мирах Саббат, войска Имперского крестового похода под командованием Магистра Войны Макакота не смогли захватить печально известный мир-крепость Морлонд. До тех пор, пока Морлонд стоял, наступление крестового похода заглохло, и Макакот не мог вести свои войска в решающую битву против основных сил сюзерена архиврага ('Архонта'), Урлока Гора, в Каркадонском Кластере. Больше, чем когда-либо, войска крестового похода оказались слишком растянутыми и уязвимыми для атак с фланга. На самом деле, войска Хаоса под командованием двух, наиболее беспощадных военачальников, Анакванара Сека и Энока Иннокенти, уже достигли успеха в контратаке части передовых войск Имперцев. Если такие успехи продолжились бы, силы крестового похода рисковали быть разделенными надвое, и большую часть, вместе с Магистром Войны, могли бы отрезать, окружить и уничтожить.»

«Макакот был очень хорошо осведомлен об опасности, и очень хорошо осведомлен о непредсказуемой сути проблемы. Он больше не мог оставлять войска растянутыми из-за страха перед фланговой атакой, но, так же, не мог и перевести резервы с Морлондского фронта, так как это сделало бы его авангард уязвимым для Гора.»

«Любой выбор, казалось, был проклят на неудачу. Макакоту всего лишь нужно было решить, чем рискнуть.»

Хорошо известен один факт, когда он показал одному из своих генералов две одинаковые чашки с вином, и попросил его взять одну.

«Одна с эликсиром, другая с ядом,» сказал он. «Как я смогу их различить?» спросил генерал. «Взяв одну и попробовав,» ответил Магистр Войны.

«В конечном счете, Макакот решил оставить все как есть, рискуя растянутой линией войск, и сделать последнюю попытку взять Морлонд. В третьей четверти 773-го, Энок Иннокенти начал свою убийственную, катастрофическую фланговую атаку в Группе Хана. Это было время несчастий, надвигающейся неудачи.»

«И чудес...»

- из Истории Поздних Имперских Крестовых Походов

ПРОЛОГ

Информация, что бы она собой не представляла, была в их распоряжении уже неделю. Два или три раза в день, а в ночные часы даже чаще, Он просматривал ее, как будто Он ожидал, что что-то изменится.

Этродай не был уверен в том, что это означало. Он не был уверен в том, взволнован ли Он новостями, или же встревожен. Это ненормально беспокоило Этродая, но он гордился тем, что знал Его прихоти и настроение, как никто другой. Этродай был Его телохранителем девяносто два года, выиграв этот хваленый пост победой над предыдущим, занимавшим эту должность, в легальной смертельной схватке. Никто не знал Его лучше, чем Этродай.

За исключением этого момента, потому что Этродай был не более осведомлен, чем остальные.

Вдоль тусклых колонн и пыльных альковов Процесса, затрепетала паутина, и кости начали стучать. Это означало, что Он опять не отдыхает. До того, как открылась дверь из оникса, Этродай был уже на ногах, его клинок был покрыт кожей и поднят перед лицом.

Этродай ждал, внимательно, испытывая тревогу. Стук стал более настойчивым. Сухие щелчки человеческих черепов, большинство из которых были с бурыми пятнами от разложения, как будто они были покрыты лаком, еще можно было выносить. Звуки большинства черепов пришельцев было труднее вытерпеть. Они шелестели и кашляли, кудахтая, как птицы, тикая, как часы, открытые рты, подергивались в пыли, как мертвые листья. Однажды, когда Он лечился от пси-ранения, Этродай ждал долгие часы, пытаясь пересчитать черепа в Процессе. Он дошел, примерно, до десяти тысяч. Они продолжали его перебивать и заставляли сбиваться со счета.

Мягкий шум, и дверь из оникса, высокая, как пять человек, и такая же широкая, открылась назад, во влажную сердцевину изолированной камеры. Сквозь щель заструился теплый воздух. Кости затихли.

Он вышел из Своей неприкосновенной комнаты. Нулевое поле лопнуло, натянутая поверхность, вокруг Него.

«Магистр,» сказал Этродай, держа свое лезвие поднятым, но уважительно отведя глаза. «Какова ваша воля?»

«У меня была пси-аудиенция с Архонтом, и теперь знаю его мысли по этому поводу. Он говорит, что если новости правдивы, я должен действовать, как велит сердце.» Его голос был ломким, но, все же, музыкальным, как звуки бэйл-пайпа или сонорета, и Этродаю всегда было стыдно за свою мерзкую, механическую речь. «И мое сердце говорит мне, что мы должны сделать это нашим приоритетным долгом над всем остальным.

Теперь, инструменты?»

«Они собраны, Магистр. На внутренней палубе. Все были безопасно собраны.»

«Я поговорю с ними и прикажу им,» сказал Он, затем заколебался. «Но сначала... я еще раз рассмотрю эту великую истину.»

Этродай не был удивлен. Он повернулся и пошел по Процессу, слушая каждый скрежещущий череп в своих альковах, смотрящих, как Он проходит мимо.

Процесс, темный, как гробница, и освещающийся только древними, потрескавшимися светосферами, был километр длиной. В дальнем конце, рабы с головами козлов, повернули железные ключи и открыли высокие латунные двери.

Рабы смотрели на стены и рыдали, в ужасе от того, что им пришлось даже мельком увидеть Его.

Семь часов тринадцать человек Свиты ждали в приемной, под позолоченным потолком и облупившимися фресками Пяти Зверств. Их тяжелые сапоги стукнули в одном превосходном движении, и они положили оружие на плечи. Спереди их броня была сине-черной, как у Этродая, и на головах были широкохвостые шлемы и выпуклые, напоминающие глаза насекомого, очки.

С Этродаем во главе, его меч указывал на крышу и был так долго покрыт кожей, что капли крови стали проступать на его зазубренном лезвии, Свита окружила их и маршировала, правые руки крепко держали оружие, приставленное к плечу, левыми двигали как маятники. Два человека бежали впереди и открывали двери на пути.

Доступ в хранилище данных был запечатан пустотным щитом, который мерцал в воздухе, как нефть на воде.

Он отключился по Его простому прикосновению. Любой другой человек потерял бы руку по локоть, если бы дотронулся. Свита осталась снаружи, когда Этродай зашел в хранилище вместе с Ним.

В хранилище данных было тускло и холодно, с пористыми ребрами жесткости, напоминавшими кальцинированные сухожилия. В секциях между ребрами стены были покрыты выгравированными словами доимперского языка. Туманный, неясный свет разливался у них под ногами.

Секреты, хранящиеся здесь, шептались о них, шипя как пар или жир на сковороде. Их шепот был не таким громким, как стрекотание бесконечных черепов в Процессе, но он был более настойчивым и гораздо более отвратительным. Мерзкий шепот окружал Этродая, пробираясь под броню, в его череп и в его мозг, рассказывая ему о вещах, которые он, даже он, не хотел знать.

Информация была помещена на пьедестал почти в центре хранилища. Она была оторвана от оплавленных синапсов израсходованного провидца, и хранилась тут в латентной мыслеформе, чтобы сохранить точность. Пылающая энграмма представляла собой ленту циркулирующего света в форме восьмерки вокруг рыхлого куска церебральной ткани, выращенной в форме куба, к которому она была прикреплена, чтобы на ней можно было сосредоточиться.

Этродай отошел назад, когда Он подошел к пьедесталу и снял перчатки. Хромированные рукавицы свисали с запястьев на ремешках Его наручей, когда Его длинные, с четырьмя суставами, пальцы скользнули в свет и начали мять ткань похотливыми прикосновениями. Кружащаяся лента света затормозилась и исчезла, а затем светящиеся полосы информации начали течь по Его длинным рукам, вдоль Его плеч в основание Его мозга. Он вздохнул и Его голова запрокинулась. Свет засиял у Него изо рта и оставил крошечное пятно на крыше хранилища.

Этродай ждал...

Длинные пальцы отдернулись, и энграмма устремилась на свою орбиту вокруг куска ткани. Он надел Свои перчатки.

«Тут нет ошибки,» сказал Он. «Я проверил это каждым известным мне способом, тестируя на внедрение и обман. Это не ложь. Это явная истина из имматериума.» Это успокоило Этродая и Он, казалось, заметил выражение лица телохранителя.

«Не беспокойся. Хотя может показаться, что это большой удар по нам, я верю, что это так же великолепный момент триумфа для нас, и слабые людские божки сами принесут его нам.»

«Тогда мое сердце ликует, Магистр,» сказал Этродай.

Уважительная тишина ждала их на внутренней палубе. Единственными звуками были резкое шипение воздушных нагнетателей и гармоничное монотонное мурлыканье массивных варп-двигателей, двадцатью палубами выше.

Внутренняя палуба была запасной посадочной площадкой, зарезервированной для личного использования Магистра. Она выступала как шельф над длинным, готическим склепом, площадью в пятнадцать гектаров, который формировал главную взлетную палубу для истребителей колоссального флагмана. Эскадрильи были закреплены в безопасных хранилищах на время перелета. Отдающееся эхом пространство внизу было пустым, за исключением рядов энергозаправщиков, электрических поездов для подвоза боеприпасов, и пусковых опор, открытых, как крабовые клешни. Желтые огни перемигивались вдоль взлетно-посадочных полос, вделанные в потертый пол.

Восемь существ стояло в центре пустой металлической платформы. Более точно, он запрашивал девять, ссылаясь на Него, девять было важным числом. Девятый, слишком опасный для непосредственного общения, был подвешен в нуль-поле снаружи корпуса корабля, на входе в главный отсек, подключенный телерадиопередачей к разговору на верхней платформе.

Этродай приказал Свите ждать у входного люка, и затем встал рядом с Ним, когда Он представлял Себя собравшимся фигурам. Покрытый кожей клинок Этродая к этому моменту был так голоден, что кровь капала у него с пальцев, и от этого болели руки. Но Этродай не будет перетягивать кожу на клинке, пока все не будет сделано.

«У меня для вас есть задание,» сказал Он. «Очень важное задание. Я поручаю его вам девяти.» Они зашептались. Тройня плавно скользнула и обвилась вокруг друг друга своими липкими серыми телами.

Еще трое склонили головы. Двое, стоящие поодиночке, остались недвижимы. Непристойный скрежет цифровой брани протрещал по вокс-связи, от существа в нуль-поле снаружи.

«Мученик. Однажды мученик, всегда мученик. Наши враги думают, что взяли верх над нами, поэтому мы злоупотребим этой идеей. Мы возьмем ее, их последний всплеск жизненных сил, и сделаем идею их последней. Один среди вас исполнит это деяние. Мне не важно кто. Вы разобьете их возродившие надежды и бросите их в пыль. Эту истину я возлагаю на вас.»

Они снова зашептались, клятва обещания.

«Посмотрите на меня,» сказал Он.

Они все стояли спиной к Нему, в ужасе от того, чтобы смотреть прямо на Него.

Один за другим и нерешительно, они повернулись. Тройня зашипела, увидя Его, и срыгнула куски последней пищи, пропитанные ядом, которые переваривала в горловых мешках. Другое трио повернулось, но только их лидер, высокий, в зеленых шелковых одеждах и замысловатых татуировках, побледнел, глядя на Него. Татуированный лидер был высоким и мускулистым, как Этродай, но два его компаньона были маленькими, низкими существами с болезненными слепыми глазами псайкеров. Двое одиночек тоже повернулись.

Фигура в темно-красной броне Кровавого Пакта упала на колени и произносила сдерживаемую молитву.

Другой, бледный, как мертвец, ксенос в блестящем черном, просто уставился.

«Хорошо,» вздохнул Он. Он повернулся и уставился в главный проход палубы на жестокое существо, запертое в силовой сфере. «И ты, Каресс? Ты готов?» Из нуль-поля, снаружи, по воксу заскрежетали жестокие проклятия. Они были своеобразными и анатомически ужасающими.

Он улыбнулся. Это была единственная вещь, которую Этродай не мог вынести. Улыбка его Магистра была самой ужасной вещью с сотворения. Он содрогнулся и почувствовал себя так, как будто его сейчас вырвет.

«Через два оборота с данного момента,» сказал Энок Иннокенти, Магистр и Военачальник, «приказ будет дан, и моё войско обрушиться на этот кластер и зальет огонь солнц кровью. Крестовый поход Империи Человечества прервется, и будет умолять о быстрой смерти.»

Он сделал паузу. Он все еще улыбался. «Под прикрытием этой крупной атаки начнется настоящая работа.»

ОДИН

ГРАНЬ ПОЛНОЧИ

«Как много раз стояли тут мы, ты и я

осматривая поле перед битвой? Как много раз мы победили?

Как много раз должны мы проиграть, чтобы потерять все те победы

и обещания побед? Лишь раз, старый друг.

Лишь раз. Лишь раз. Лишь раз.»

- Магистр Войны Слайдо, помощнику, перед Балгаутом

«Плохой день грядет!» громко кричал человек. «Плохой день грядет! Плохой день поутру!» Он забрался на повозку нищего, игнорируя попытки стащить его, и орал, протянув руки, с длинными ногтями на пальцах, как к небу, так и к собирающейся толпе.

«Плохой день наступает для нас всех! Для вас! И вас, сэр! И вас, мадам! Еще девять ран! Девять раз по девять!»

Кто-то в толпе освистывал его. Другие делали символ аквилы или знак беати, чтобы защититься от зла, которые он нес своими словами. Третьи, Антон Алфант иронично подметил, слушали очень внимательно.

Не было ничего нового в разглагольствованиях человека. Он, и другие, как он, во всех лагерях, регулярно устраивали такие сцены в последние дни. Это было не хорошо для морального духа, и точно не заставляло полюбить толпу пилигримов городских властей.

Нищие, на их положение указывали голубые ленты, которые трепетали на их длинных пылевых накидках, пытались убедить человека слезть с повозки. Его ноги уже сбросили вниз несколько мешков с кукурузными вафлями и сухарями, которые они принесли, чтобы раздать в лагере. Аятани, из одного из приходов с другого мира, локтями протиснулся сквозь толпу, и держал молитвенную табличку, когда кричал благословения человеку. Два младших адепта Экклезиархии сжимали оловянные кружки, и использовали свои серебряные аспергиллумы, чтобы окропить водой импровизированного проповедника. Святая вода, был уверен Алфант, которую они купили за большую цену в кропильницах Святого Источника.

Алфант сомкнул пальцы вокруг ампулы со святой водой в кармане куртки. Он проделал ужасно длинный путь, чтобы заполучить ее, и она стоила ему последних монет. Он не собирался так сильно тратиться.

«Может быть, мы должны остановить его,» сказал Карел.

«Мы?» улыбнулся Алфант. «Ты имеешь в виду я.»

«Все тебя слушают.»

«Он имеет право на свое мнение. Каждая душа пришла сюда, потому что это имеет для них значение больше, чем что-нибудь еще. Ты не можешь отрицать его энтузиазм.»

«Он пугает людей,» сказал Карел, и несколько других инфарди, стоявших около часовни с ними, согласились. «Вещи могут стать опасными.»

Они были правы. Несколько кающихся в толпе стали так возбуждены от проповеди человека, что начали бичевать себя. На шум обратили внимание даже некоторые из ближайших столпников. Они повернулись на верхушках своих столпов, чтобы посмотреть, и некоторые кричали над толпой. Другие группы пилигримов подвезли

или поднесли свой часовни близко к повозке, направляя их на него, как будто символизм сможет отпугнуть его.

Казалось, что ему стало хуже.

«Грань ночи, и затем настанет плохой день! Огонь с небес и льющаяся драгоценная кровь!»

«Разве ты не можешь его остановить, Алфант?» спросил Валмонт.

«Я не священник,» сказал Алфант. Сколько раз он уже это говорил? Всего лишь сельхозработчик с Хана II, который совершил паломничество, когда он услышал новости, потому что это казалось правильным. По пути – и это было трудное путешествие – он каким-то образом стал номинальным лидером для тех, с кем он странствовал. Они обращались к нему за мнением и наставлением больше, чем когда-либо с тех пор, как они достигли холодной, аскетической реальности лагерей. Он никогда не просил об ответственности.

В то же время, конечно, она никогда не просила о своей.

Алфант понятия не имел, откуда появилась эта внезапная, отрезвляющая мысль. Но ее было достаточно, чтобы изменить его мнение, передать свои чашу и breviary Карелу, и пойти в гвалт вокруг повозки.

Он сделал не больше трех шагов, когда кто-то в разгневанной толпе с силой кинул кусок кварца в тараторящего человека. Он пролетел мимо, но другие последовали примеру. Один кусок попал по лбу и человек опрокинулся спиной на повозку.

«Черт!» сказал Алфант.

Толпа сошла с ума. Началась драка, и полетело больше снарядов – камни, ампулы и бутылки со святой водой. Повозка перевернулась с грохотом, и люди начали визжать.

Алфант опустил голову, и плечами проталкивался в колышущуюся толпу. Несчастного проповедника разорвут во всем этом, и последнее, что нужно было лагерю, это смерть. Алфант все еще был сильным человеком, и он понял, что помнит некоторые из старых движений, достаточных для того, чтобы схватить и вразумить наиболее

неистовых бунтовщиков, которые были у него на пути. Ничего страшного, просто небольшое отклонение и случайное нажатие на нервную точку.

Он обошел перевернутую повозку, и остановился для того, чтобы помешать троем кричащим инфарди задушить одного из нищих. Затем он посмотрел на проповедника, который начал все это.

И увидел удивительную вещь.

Проповедник сидел на жесткой земле, обе руки прижимая ко лбу. Кровь лилась сквозь его пальцы, пачкая его одежды и оставляя темные пятна в пыли. Он был не в состоянии защитить себя.

Но никто его не трогал. Девушка, молодая девушка, не более восемнадцати лет, стояла над ним. Ее лицо, узкое и бледное, было уверенным, взгляд ее зеленых глаз мягким. Она стояла с поднятой рукой, ладонью наружу, защищая от буйства. Каждый раз, когда часть этого надвигалась на нее, она двигала рукой в том направлении и люди отодвигались назад. Так просто, так тихо, она поддерживала узкий круг спокойствия вокруг проповедника, держа на расстоянии толпу, жаждущую крови.

Он пошел к ней. Она посмотрела на него, но не направила ладонь, как будто распознала его мирные намерения.

«Тебе нужна помощь?» спросил Алфонт.

«Этому человеку нужна», сказал она. У нее был тонкий голос, но он слышал его четко над окружающим ревом. Он наклонился в ее сторону, и осмотрел рану проповедника. Она была глубокой и грязной. Он оторвал полоску от своей рубашки, и намочил ее водой из ампулы, даже не думая о стоимости. Разве не говорилось, что она лечит все раны?

«Плохой день грядет», зашептал человек, когда Алфонт вытирал кровь.

«Хватит об этом», сказал Алфонт. «Он уже здесь, поскольку ты в нем участвуешь.» Он размышлял, как долго хрупкая девушка сможет сдерживать беспорядки. Он размышлял, как она это делала.

«Как тебя зовут?» спросил он, глядя на нее.

«Саббатина,» сказала она. Он засмеялся над этим. Имена святых, и их производные, были довольно распространены в этой части Империиума, и здесь, как и следовало ожидать, было несоразмерно большое число Саббатов, Саббатасов, Саббатин, Саббенсов, Баттендосов и остальных, в лагерях. Но для нее, это казалось ужасно уместным.

«Я думаю, что он прав,» сказала она.

«Что?»

«Я думаю, что что-то плохое вот-вот произойдет.»

Было что-то особенное в том, как она сказала это, и это настораживало больше, чем вся маниакальная речь проповедника.

«Ты имеешь в виду еще нападение? Опять рейдеры?»

«Да. Доберись до безопасного места.»

Алфонт больше не задавал ей вопросов. Он взял проповедника за руки и поднял. Когда он поставил человека на ноги, он понял, что девушка исчезла.

И природа рева вокруг него изменилась. Это больше не были массовые беспорядки. Это была паника.

Люди искали убежище, орали, падали друг на друга в желании убежать. Что-то горело. Дым заполнил небо над лагерем Айронхолл.

«Плохой день...» булькнул залитый кровью человек.

«Ага,» сказал Алфонт. Он только что услышал звук, который не слышал последние двадцать лет, с тех пор, как он сдал свой стандартный Марк IV, убрал свою фуражку и эмблему в комод, и использовал выплату за службу в Гвардии, как задаток за один маленький участок пахотной земли на сельскохозяйственном западе главного улья Хана II.

Треск лазгана.

Тактическая служба безотлагательно опознала наступление еретиков на лагерь пилигримов прямо на западе района Айронхолл, и достаточно точно, что в том

квартале поднимается яростный шлейф дыма, шлейф, зловеще разрезаемый мерцанием оружейного огня.

Тем не менее, когда Удол вел шатающийся транспортер вниз по Склону Гильдии, сквозь оглушительный шум паникующего пригорода, он увидел обильные облака коричневого пара, тяжело поднимающиеся от Обсиды на востоке Акведука Симеона.

«Это акведук?» крикнул он.

«Сейчас выясним, майор!» ответил его офицер связи, спускаясь обратно в транспортер через ржавый люк, чтобы определить тактическое положение.

«Это акведук, сэр!» мгновением позже связист крикнул в ответ.

«Что --»

«Акведук, и Обсида с другой стороны!»

Микрофоны в их шлемах была выкручены на максимум, но было почти невозможно услышать друг друга в шуме. Двигатели бронетранспортера работали на повышенных оборотах, и огромные толпы, заполняющие улицу, выли и кричали. Горгонавт, великий молитвенный горн на северном конце Принципал I, гудел в белое небо с древней башни. Удол был уверен, что так же мог расслышать хлопки отдаленных взрывов, и щипящие поцелуи ударов по внешним крыльям щита. Это снова началось, четвертый день подряд.

Удол скользнул назад в корпус, и повернул свое голое металлическое сидение так, чтобы видеть экран над плечом связиста.

«Что есть у тактической службы?»

«Ничего об этом, майор. Они направляют нас вперед к зоне Айронхолла. Привлекли Капитана Ламма. Еретики наступают из пустошей. Он --»

«Они вторгаются в восточные ворота тоже,» проворчал Удол. Он перенастроил свой вокс на другой канал. «Пенто?»

Это Удол. Возьми передние шесть с собой и позаботься об интересах Ламма. Седьмой и восьмой? Выдвигайтесь со мной.»

В ответ протрещали протесты и несколько запросов для разъяснения, но Удол проигнорировал их. Он похлопал водителя по руке и указал, куда.

Транспортер послушно повернулся на восток, разгоняя напряженные толпы ревом сирен. Две другие единицы из конвоя повернулись за ним. Они выбрались из Склона Гильдии и загрохотали по гравию примыкающей дороги, сильно затемненной высокими зданиями на другой стороне. В конце дороги, здания обрамляли прямоугольник неба, запятнанного сгустками дыма.

Они въехали в Принципал IV, окруженные низкими жилыми домами, и пересекли широкий бульвар, пока не добрались до возвышающихся арок из силикатного кирпича Акведука Симеона. По ту сторону массивного строения лежало открытое пространство стеклянного поля. Как и остальные свободные пространства на границах города, этот район стал трущобами пилигримов за последние два месяца, море лишенных комфорта брезентовых палаток, пузырей для выживания и поспешно возведенных часовен. Еще одно временное увеличение границ города, чтобы вместить огромный наплыв верующих.

Мерзкий коричневый дым клубился над всем лагерем, и полз между арок акведука. Грязные пилигримы хлынули прочь вместе с дымом, унося ноги вместе с детьми и пожитками.

«Кто-то из чертовых инфарди опрокинул лагерную печку в своем ликовании,» сказал связист. «На прошлой неделе это произошло в Лагере Киодрус. Сгорел целый ряд палаток и --»

«Я не думаю, что тут то же самое, Инкерз,» резко сказал Удол. «Водитель! Доставь нас туда!» Водитель включил самую низкую передачу, и начал вести транспорт под ближайшей аркой в Обсиду. Почти сразу же они начали разрушать палатки и навесы своими тяжелыми, массивными колесами. Возмущенные пилигримы, обступившие транспорт, как только они покинули площадку, стали долбить кулаками по броне и умолять остановиться.

«Мы не можем дальше ехать, майор,» сказал водитель, нажав на тормоз. «Не можем, если вы не захотите, ну знаете, задавить их.»

«Все наружу!» приказал Удол. «Отряд, рассредоточиться! Приступим к делу!» Боковые люки все трех транспортов открылись со стуком, и солдаты спешили, по пятнадцать из каждого. Они прокладывали путь вперед через нахлынувшую толпу, держа оружие вертикально. Удол задержался ровно на столько, чтобы подождать Инкерза, который закреплял на его спине маленький катализаторный бак и присоединял шланг, и затем пошел вперед, чтобы возглавить своих людей. Он поднял левую руку в бронированной перчатке, сжал скобу, встроенную в ладонь, и выпустил в воздух небольшой ореол пламени, так что солдаты смогли увидеть его в толпе. Как только он привлек их внимание, он распределил их налево и направо, и повел сквозь лес палаток и обломков.

Пятьдесят шагов в трущобы, и место уже было почти пустынным. Дым был гуще. Удол был потрясен, но не удивлен тем, в каких ужасных условиях жили пилигримы. Мусор, хлам и человеческие выделения покрывали узкие дорожки, которые пролегали между жалких лачуг. Было тяжело смотреть дальше, чем на несколько метров в любом направлении. Слегка в стороне от дыма и укрытий, везде стояли часовни. Не было двух одинаковых, но в них прослеживался одинаковый признак: какие-нибудь часы – бытовые часы, электрические часы, цифровые часы, ручные заводные часы – установленные в самодельную деревянную коробку, и казалось, что чем часовни выше и разукрашенней, тем лучше. Он посмотрел на одну рядом с собой. Высотой с человека, с открытыми оловянными дверцами наверху, чтобы было видно циферблат, она была установлена на деревянную тележку и закреплена гвоздями. Часовня была выкрашена в золотой и серебряный и, местами, зеленый, и была обмотана полиэтиленовой пленкой по всей высоте. Внутри вертикальной коробки свисал маятник, украшенный гирляндами высохших цветов, кристаллами, сувенирами, монетами и сотнями других подношений. Наверху, за дверцами, старый циферблат и стрелки были покрашены в зеленый, а цифры и кончики стрелок – в золотой. Стрелки замерли за секунду до полуночи.

Майор Удол точно знал важность этого.

Он обошел часовню, подавая сигнал солдатам держаться ближе к нему. Прибежища пилигримов впереди полыхали. Грязный желтый огонб лизал ткань и холст укрытий, и прыгал в утренний воздух, закручиваясь в плотный, черный дым. Удол увидел, как часовня в центре пожара стала жертвой огня и рухнула.

Солдат рядом сним внезапно отпрыгнул, как будто в удивлении. Затем он сделал это снова и упал на спину.

Выстрел в тело, дважды. Удолу даже не понадобилось посмотреть.

Он рывкнул быстрое предупреждение в вокс. Люди вокруг него рассыпались по укрытиям. Двум третям из них удалось найти его. Ублюдки поджидали их.

Удол пригнулся за относительным укрытием перевернутой кровати, когда слышался шлепок энергетического выстрела, и он просвистел над его головой. Один из его людей приближался позади каркаса пластикового тента, и затем опрокинулся на бок, когда лаз-заряд пролетел сквозь ткань и попал ему в затылок. Другой, застигнутый на открытом пространстве, был сбит с ног лазерным выстрелом, который перебил ему обе ноги. Он тяжело упал, и стал отползать до тех пор, пока другой выстрел не попал ему в лицо.

Удол чувствовал, как колотится его сердце. Он заметил движение на дорожке рядом с пожаром, поднял свой лаз-пистолет, и выпустил несколько ярких энергетических полос вдоль дорожки. Солдаты вокруг него начали стрелять из своих карабинов.

«Инкерз!» воксировал Удол. «Вызови тактическую службу. Скажи им, что еще одно жаркое наступление происходит прямо сейчас под акведуком.»

«Принято, сэр.»

Наступление было жарким, несомненно, и становилось еще жарче. Удол насчитал более сорока противников среди покинутых палаток. Он заметил тусклую красную броню и пылевые накидки. Они соответствовали описанию противника, который атаковал и отступал по всей окраине города последние четыре дня.

Еретики, стекались к городу, как и пилигримы, но только стремясь отринуть истину, явившуюся тут, в то время как пилигримы собрались, чтобы отпраздновать ее.

Маршал Биаги лично говорил Удолу, что противники были, по всей вероятности, вооруженными культистами с мира в местной системе. Они попали на планету под прикрытием потока пилигримов, чтобы проводить террористические атаки на город.

Ублюдки умели сражаться. Дисциплинированные, и это делало их по-настоящему пугающими. Удол сталкивался раньше с отбросами варпа много раз – и у него были

шрамы в доказательство – и военная выучка Имперцев каждый раз одерживала победу над фанатиками.

Может быть, теперь настал черед Империи действовать фанатично, размышлял Удол. Согласно каждым часам в зоне видимости, этот час почти настал. У них, безусловно, теперь было что-то, чтобы быть фанатичными, в конце концов.

Внезапно налетел ветер, и начал быстро сносить дым на север. Большая часть позиций противников между палаток осталась без прикрытия. Удол скоординировал стрелков и начал методичный ответный огонь. Его отряд беглым огнем искромсал палатки и бивуаки, а затем выдвинулся вперед через трущобы, пригнувшись.

Оружие протрещало рядом с Удолом, и человек слева от него повалился на остатки от пузыря для выживания. Удар развернулся и выстрелил из пистолета, попав в прямоугольную железную маску противника. До того, как тело убудка даже успело сложиться пополам, двое других выскочили из укрытия, дико стреляя. Удол встал на колени, вытянул левую руку и стиснул скобу. Длинное копье раскаленного пламени вылетело из отверстия над костяшками пальцев перчатки и разбилось об их тела. Оба зашатались, пылая, крича. Огонь запалил силовую ячейку одного из них, и его разорвало на части, отрывая руки и тело от сплюснутых ног в обжигающей вспышке. Взрыв сбил с ног его товарища, который стал гореть и извиваться на земле. Удол подошел к нему и прикончил выстрелом из лаз-пистолета.

«Фаренкс. Береси. Вперед бегом,» сказал Удол людям позади него. Они были близко к окраине трущоб, и противники быстро отступали. Просто еретики, думал Удол.

Безумные культисты проверяли веру и решимость города своей трусливой террористической тактикой. Именно для борьбы с этим и был сформирован Полк Цивитас Беати.

Но когда он дошел до окраины трущоб, он осознал, что ошибался. Это было больше, чем просто тактика террора, значительно больше. Открытое пространство Обсиды лежало перед ним: плоская, холодная пустошь серой пемзы и пыли с прожилками черного вулканического стекла. Обсида простиралась на три километра на север к Молитвенному Ущелью и мрачным утесам Печных Холмов.

Три машины быстро приближались к лагерю. Сталк-танки. Позади них, медленно, пешком шла развернутая линия более чем из двухсот противников, укрытых тусклыми красными пылевыми накидками. С каких это пор у культистов есть танки? С каких это пор они штурмуют, как военные силы?

«Ох, дерьмо!» Удол услышал, как произнес это. «Отступаем! Отступаем!»

Сталк-танки приближались, как удирающие насекомые. У каждого было по шесть поршневых ног, на которых покоился низкопрофильный корпус. Удол мог разглядеть водителей в подкорпусных куполах, под хвостами.

Все три подняли головные секции, двойные мини-пушки повернулись и начали стрелять.

Они стали поливать непрерывными обжигающими выстрелами, распространяя волны колебаний, когда стволы двойных импульсных лазеров стреляли, отбрасывались отдачей и снова стреляли со зверским, механическим ритмом. Удол видел, как Береси разрезало пополам, а другие три солдата были оторваны от земли избыточным давлением взрывов.

Взрывы подбрасывали пемзу и куски обсидиана в воздух. Мерцание света поблескивало на приближающейся шеренге кроваво-красных солдат, когда они начали стрелять из своего оружия. Удол залег в укрытии. Он слышал, как люди, которых он знал с детства, кричали в последний раз в свои дыхательные маски.

Он делал единственную вещь, о которой мог думать. Он молился Святой.

В пятнадцати километрах к югу, на пиках уровней внутреннего города, запел бессмертный хор.

Рампшел, мастер хора, хромал туда-сюда, размахивая своим жезлом, и призывал второстепенные голоса «напрячься, ради Терры!». Дети в переднем ряду, некоторым было не больше шести стандартных лет, нервничали в своих строгих облачениях, и всматривались вдаль. Дым от кадильниц наполнял холодный воздух, и храмовые рабочие устанавливали последнюю из золотых реликвариев под присмотром Верховного Экклезиарха и его провостов в черных одеяниях.

«Почти готово, первый чиновник,» уверил Рампшел, когда прошаркал мимо, опираясь на свою трость с серебряным набалдашником. «Абсолютно практически почти готово.»

«Очень хорошо, мастер хора. Продолжайте,» сказал Брюно Легер, избранный первый чиновник Города Беати. Он был низким человеком, с наголо выбритой головой и аккуратной эспаньолкой. Он аккуратно расправил свою мантию, и дважды проверил, что его амулет висит ровно посередине груди. Рядом с ним, Маршал Биаги сложил массивные руки и вздохнул.

«Мы готовы, я думаю,» пробормотал первый чиновник. «Мы готовы?»

«Мы готовы, сэр,» ответил Биаги.

«Готовы? Хорошо. Великолепно. Я имею в виду, этого... вы знаете... достаточно?»

«Все хорошо, первый чиновник,» сказал Биаги. Он разгладил свой полковой кушак. «Если чертов хор сможет взять ноту, мы будем смеяться.»

«Они фальшивят? Они? Фальшивят?» Первый чиновник Легер вытянул шею и приложил руку к уху. «Они закончили, не так ли? Я буду говорить...»

«Сэр, пожалуйста,» сказал Аятани Килош, протягивая крючковатую руку из-под складок своего длинного, голубого шелкового одеяния, и успокаивающе кладя ее на руку Легера. «Все просто безупречно.»

«Да? Безупречно? Хорошо. Великолепно. Почему эти маленькие мальчики уходят? Разве им не нужно быть в первом ряду хора?»

«Рампшел присмотрит за этим, сэр,» сказал Биаги.

«Да? Надеюсь, что так. Я хочу, чтобы все было безупречно. Мы сегодня встречаем героев.

Ветеранов. Их репутация летит впереди них.»

«Безусловно, сэр,» сказал Аятани Килош.

Тень промелькнула над головой, моментально заслоняя свет церемониальной посадочной террасы. Они все почувствовали удар приземления.

«Итак, они здесь,» сказал Легер.

Рампшел поднял руки, и хор начал петь. Он энергично управлял им, когда первые внутренние шлюзы террасы откатились, и внутрь ворвался пар.

Первый Чиновник Легер точно не был уверен, чего ожидать, за исключением чего-нибудь героического. Хор, с пылающими легкими и открытыми перед ними антифонариями, голосил Великую Мольбу Беати.

Они почти чертовски хорошо попадали в мелодию.

Две фигуры медленно вышли из пара. Они шли плечом к плечу. Станный мужчина с красивым лицом и глазами шутника, и стройная женщина с короткими обесцвеченными волосами и хорошей осанкой. Оба были одеты в матово-черную одежду и броню; у обоих были лазганы, болтающиеся на плечах. У мужчины было аугметическое плечо, и он подмигнул, когда увидел Легера. На женщине была подбитая мехом куртка, и она держала свой лазган горизонтально так, что ее правая рука находилась возле спускового крючка, а левая небрежно лежала на лазгане, как будто это была дверь спидера.

Они величаво прошли внутрь посадочной террасы, игнорируя усилия хора.

Легер сделал шаг вперед. «От лица людей --»

Мужчина с аугметическим имплантом повернулся, улыбнулся, и приложил палец к губам. Позади него, женщина закончила осматривать зону, и подняла руку к гарнитуре.

«В зоне чисто,» Биаги расслышал как она сказала. «Выходите.»

В шлюзе появился силуэт, подсвечиваемый паром позади. Впечатляющая фигура в длинном плаще и остроконечной фуражке. Первый Чиновник Легер вдохнул в ожидании.

Фигура вышла на свет. Он был высоким, худым человеком в полевой форме комиссара, но его эполеты указывали на звание полковника. Его лицо было острым, как нож. Он спустился по рампе и встал перед тремя сановниками, опустился на колени перед первым чиновником и снял фуражку.

«Ибрам Гаунт, Танитский Первый, явился, как приказано,» сказал он.

Так это и был знаменитый Гаунт, думал Биаги. Он не был особенно впечатлен. Гаунт и его люди, как говорилось в файлах брифингов, были фронтовым псами. Над ними определенно витал душок бешеной собаки. Совсем не домашней. У Биаги были серьезные сомнения, что они подойдут для задания, для которого их выбрали.

Гаунт поднялся.

«Добро пожаловать, добро пожаловать, полковник-комиссар,» сказал Легер, изящно взяв Гаунт за плечи и целуя в щеки. Ему пришлось встать на цыпочки для этого. Гаунт, казалось, терпел все это, как сторожевая собака терпит нечастое почесывание между ушами. Легер начал более полную и длинную речь приветствия на Высоком Готике.

«Вы прибыли с крайней настороженностью,» отрезал Биаги, кивая на пару солдат, которые появились перед Гаунтом. Гаунт сузил глаза и вопросительно посмотрел на Биаги.

«Маршал Тимон Биаги, командующий Силами Планетарной Обороны и городскими полками.» Гаунт отдал честь. «Мои сержанты настояли,» сказал он, указывая на ждущую пару. «Пока мы спускались, нас проинформировали, что внизу было нападение.»

«На окраинах города, не здесь,» ответил Биаги. «Мои войска сдержали его. У нас небольшие проблемы с еретиками. Угрозы для вашей безопасности не было.»

«Мы предпочитаем разведать обстановку сами,» сказала женщина-сержант, обращаясь напрямую к Биаги.

«Крийд,» мягко ругнулся Гаунт.

«Мои извинения,» сказала она. «Мы предпочитаем разведать обстановку сами, сэр.» Биаги оскалился. Казалось, что этот знаменитый вожак стаи не может даже держать своих псов на привязи. Он осмотрел на женщину – Крийд, или как ее там? – сверху донизу, и сказал с насмешкой, «Женщина?» Она пристально поглядела на Биаги немигающим взглядом, и затем повторила его непосредственную оценку.

«Мужчина?» сказала она. Мужчина-сержант с аугметической конечностью давился со смеху.

«Заткнись, Варл,» сказал Гаунт. Он посмотрел на Биаги. «Давайте не будем начинать не с той ноги, маршал,» сказал он. «Я не объявляю выговоры своим людям за то, что они послушны долгу.»

«А что насчет неуместного замечания?» сказал Биаги.

«Конечно, в тот же момент, когда я услышу, как кто-то из них сделает его.»

«Итак, это прекрасно, что вы здесь!» вклинился первый чиновник с фальшивым энтузиазмом, явно пытаясь преодолеть неловкость момента. «Не так ли? Прекрасно?»

«Я здесь, потому что мне Магистр Войны лично приказал быть здесь,» сказал Гаунт. «Еще неизвестно, что в этом прекрасного.»

«Могу я сказать, полковник-комиссар,» сказал Килош, говоря впервые, «это высказывание беспокоит меня.» Хотя и высокий, он был очень старым человеком, однако в его взгляде было больше силы и веры, чем у маршала и первого чиновника. «Его легко можно счесть ересью.» Гаунт застыл и осторожно сказал, «Никакого оскорбления не было вложено в слова. Я не ссыался на чудо, которое произошло в этом месте, скорее я имел ввиду серьезные последствия, которые могут за этим последовать.»

Килош кивнул, как будто удовлетворенный. «Мы встречались раньше,» начал он.

«Я помню, Аятани Килош,» сказал Гаунт, делая ему легкий, формальный поклон. «Три года назад, сидерически. В Доктринополисе на Хагии. Краткая встреча, но было бы грубо с моей стороны не вспомнить ее.

Ваш король, Инфарим Инфардус, умер, и я принес эти печальные новости.»

«Это был темный момент в истории Хагии,» согласился Килош, весьма польщенный точным воспоминанием Гаунта. «И жестокое время для моего священного ордена. Но времена изменились. Свершилось чудо. Теперь галактика стала ярче, и вы заслуживаете благодарности за ваше участие в этом.»

«Мое участие?»

«Усилия вашего полка. Вы защитили Храм и отбросили врага. Вот почему вы здесь.»

«Вы требовали этого?»

«Нет, полковник-комиссар,» улыбнулся Килош. «Она.»

Гаунт заколебался, и задумчиво провел пальцами по своему подбородку. «Мне хотелось бы позже поговорить с вами об этом, отец-аятани,» сказал он. «Сначала, я хотел бы получить разрешение первого чиновника... и уважаемого маршала... разместить своих людей.» Легер страстно кивнул, и сделал еще один легкий поклон. Гаунт повернулся и пошел к стыковочному шлюзу.

«Что вы о нем думаете?» прошептал Килош.

«Не о чем беспокоиться,» сказал Биаги.

«Он кажется порядочным человеком,» ярко высказался Легер. «Не так ли? Порядочный?»

«Ох, я думаю что да,» сказал Килош. «Почти слишком порядочный. И вот тут у нас могут быть проблемы.

Мне почти кажется, что он не верит.»

«Тогда его нужно заставить поверить,» сказал Биаги. Он прервался, когда увидел толстого мужчину в униформе линейного комиссара, который появился из одного из шлюзов. «Извините меня,» сказал он, и ушел.

Танитские военные повалили в зал собраний. Быстро шагая по металлической палубе, Биаги видел, как шлюзы открываются один за другим вдоль украшенной террасы. Мужчины, и местами, женщины, одетые в одинаковый грязновато-черный и задрапированные камуфляжными накидками, покидали флотилию десантных кораблей, волоча коробки с боеприпасами, складирова ящики и вещевые мешки. Они воняли. Запахи грязи, фуцелина и загустевшего прометиума, которые не убрать никаким количеством принятий ванн. Тени приземляющихся кораблей мелькали по всей террасе, слышался стук и влажный звуки сцепления посадочных зажимов. Пар валил сквозь решетки в полу.

Новоприбывшие любезно выделили Биаги широкую койку. Он был старшим офицером, и, так же, впечатляющей фигурой. Бритоголовый, с темно-оливковой

кожей и янтарными глазами, он носил церемониальную боевую форму городского полка: блестящая коричневая кожа, богато украшенная отделкой из золотой проволоки. Его левую руку и грудь покрывала полированная, сегментированная броня и, на спине, под складками алой ленты, был закреплен катализаторный бак.

Биаги остановился, когда проходил троих солдат, толкающих поддон с баками с прометиумом из стыковочного шлюза.

«Вы. Что это?»

«Сэр?» сказал ближайший, похожий на медведя болван с мохнатыми усами.

«Как вас зовут?» спросил Биаги.

«Рядовой Бростин, сэр,» сказал медведь. Он жестом указал на своих товарищей. «А там Лубба и Дреммонд.» Остальные быстро отдали честь. Лубба был низким, сильным зверем, покрытым по большей части варварскими татуировками. Дреммонд был моложе и более складно сложен, его волосы были короткими и темными.

«Вы огнеметчики?»

«Сэр, да сэр,» сказал Бростин. «Любимые Императором. Он вложил огонь в нас, и мы несем огонь его врагам.»

«Итак, вы можете тащить эти баки и вот те огнеметы назад на корабль, рядовой.»

«Сэр?»

«Городские законы. Только офицерам Полка Цивитас Беати дозволено пользоваться огнеметами в битве.»

«Прошу прощения, ваше превосходительство... почему?» спросил Лубба.

«На этом мире, вода – это сила, и враг воды – огонь – и привилегия пользоваться им дарована только высокородным войнам. Вам нужны еще какие-то объяснения?»

«Нет, сэр, не нужны,» сказал Бростин.

Биаги пошел дальше. «Комиссар Харк?»

Комиссар повернулся и быстро отдал честь.

«Биаги, Маршал Цивитас Беати. Добро пожаловать на Херодор,» сказал Биаги, отсалютовав в ответ и тряся руку Харка. «Меня попросили найти вас.»

«Серьезно?»

«Генерал хочет переговорить наедине.»

«Я предполагал, что он захочет,» сказал Виктор Харк.

Осторожно опустив свое старое тело, Аятани Цвейл распростерся и поцеловал металлическую палубу, бормоча молитвы, которые он знал почти всю жизнь, но которые только сейчас, казалось, имели значение.

Повсюду вокруг него были Призраки, выгружавшиеся с десантных кораблей. Многие преклонили колени рядом с ним, вынимая свои зеленые шелковые ленты с обетами и целуя их так, как он научил их. Они были верующими, эти мальчики и девочки, эти солдаты. Это было восхитительное зрелище. Он размотал свою собственную ленту с молитвами с иссохших пальцев, и начал читать литанию.

Гаунт возник позади него и мягко поднял его на ноги.

«Я должен закончить --» начал Цвейл.

«Я знаю. Но вы в центре посадочной палубы и вас могут задавить, если вы останетесь здесь.»

Цвейл обиделся, но позволил Гаунту увести его с дороги, так как Обел и Гаронд тащили ящик с ракетами на посадочную террасу на антиграве.

«С вами все в порядке?» спросил Гаунт.

Имхава Аятани уставился на Гаунт свирепыми бусинками глаз. «Конечно! Как я не могу быть в порядке?»

«Вы очень устали, отец-аятани. Долгое путешествие истощило вас.» Цвейл фыркнул. Если бы Гаунт высказал такое на Айэксе, он, может быть, и согласился бы.

Там, он старался игнорировать знаки, но нельзя было отрицать, что возраст нагоняет его.

Затем, пришли новости. И новая энергия наполнила его суставы, больные артритом и слабый разум.

Цвейл посмотрел на Гаунта и пожалел о своей резкости. «Не обращай на меня внимания. Я старый и жаждущий, и я провел последние несколько месяцев на корабле Флота, мечтая о том, что ожидает нас тут. Я ожидал...»

«Что?»

Цвейл помотал головой.

«Запах сладкой неразвращенной плоти, пронизывающий всю планету? Аромат ислумбина?» Цвейл тихо рассмеялся. «Да, возможно. Все это долгое путешествие с Айэкс Кардинала я размышлял, чего ожидать.»

«Я тоже,» сказал Гаунт.

«Ибрам... Я почти не верю, что это правда.»

«Как и я, отец.»

Что-то было в голосе Гаунта, что заставило Цвейла помедлить. Он мельком взглянул на своего друга, полковника-комиссара, и в выражении его лица увидел, что Гаунт позволил чему-то проскользнуть в тоне ответа.

Цвейл уставился на него и нахмурил брови. «В чем дело?»

«Ничего. Забудьте.»

«Не забуду. Гаунт? Если бы я хорошо не знал тебя, то решил бы, что ты сомневаешься. Чего ты мне не говоришь?»

«Ничего, как я и сказал.»

«На Айэксе, она говорила тебе --»

Голос Гаунта понизился до шепота. «Пожалуйста, отец-аятани. Это должно остаться между нами. Это очень личное. Все, что я имел в виду...»

«Что?»

«Было ли что-нибудь, что казалось слишком хорошим, честным с вами?»

Цвейл оскалился. «Конечно. Была весьма проворная девушка на Френхолде, но это даже более личное, чем твое происшествие на Айэкс Кардинале. Я понимаю твои сомнения, Ибрам. Беати лично предостерегала нас от ложных фантазий в своих посланиях. Но предсказания не могут лгать. Каждая церковь Экклезиархии в суб-секторе посылала знаки и пророчества. И ты... у тебя больше причин верить, чем у любого живущего в этом мире.»

Гаунт глубоко вздохнул. «Я верю в служение Святой и непостижимые деяния Бога-Императора. Это людям я не доверяю.»

Цвейл был обескуражен, но выдавил улыбку и похлопал Гаунта по руке. «Забудь про пороки людей, Ибрам. Здесь, на Херодоре, настоящее чудо.»

«Хорошо. Если вы увидите Ану... не берите в голову, вон она.»

Гаунт оставил старого священник, и направился сквозь толпу высаживающихся Призраков.

«Ана?»

Хирург Ана Керт подняла взгляд от груза стерилизованных полевых инструментов, которые она проверяла по списку.

Она поднялась, засовывая планшет подмышку и убирая короткие волосы со своего сердцевидного лица.

«Полковник-комиссар?»

«Вопрос, о котором мы говорили во время путешествия...»

Она вздохнула. «Знаете что? Я потакала вам, Ибрам. Все те недели, запертая с вами на одном транспорте. Было проще кивнуть, чем высказать свое мнение. Итак, теперь мы тут, и я высказываю свое мнение. Об этом вам лучше поговорить с Дорденом.»

Гаунт вздрогнул. «Старший медик и я сейчас не ладим.»

«Ясно, это потому, что вы оба упрямые дураки, и что касается меня --»

«Заткнись, Керт.»

«Затыкаюсь, сэр.»

«Я хочу, чтобы ты это сделала для меня. Пожалуйста. Неофициально. Не привлекая внимания.»

«Это вопрос веры --»

«Вы можете просить меня о чем угодно, хирург, кроме веры.»

Она пожала плечами. «Окей. Вы победили. Я возьму свое снаряжение... хотя... хотя, напоминаю... мне это не нравится.»

Она пошла, и затем повернулась и крикнула: «Вы понимаете, что я это делаю только потому, что вы так потрясающе в постели.»

Призраки вокруг них внезапно замерли. Несколько уронили свои вещевые мешки. Керт сердито посмотрела на них. «Шутка. Это шутка. Ради феса, вы...» Она исчезла в толпе. Гаунт посмотрел на уставившихся на него солдат. «Отставить,» начал он, затем вздохнул и махнул.

«Сэр?»

Это был Белтайн, адъютант Гаунта. Гаунту не понравилось выражение его лица.

«Выкладывай.»

«Сэр?»

Гаунт наклонил голову и посмотрел на Белтайна. «Что-то неправильно. Я могу сказать.» Белтайн соорудил гримасу и кивнул. «Мы... у нас недостает пары десантных кораблей.»

«Пары?»

«Трех, или около того.»

«Трех, или около того?»

«Хорошо. Вообще-то четырех.»

«Какие?»

«Два, три, четыре и пять.»

«Корбек, Роун, Мколл и Сорик. Знаю, что буду сожалеть, спрашивая это, Белтайн, но у тебя есть мысли, почему такое могло произойти?»

«Они изменили направление во время спуска, сэр.»

«Изменили направление? По чьему приказу? Дай угадаю... Корбек?»

«Да, сэр.»

«И где они сейчас?»

«Как я понял, сэр, они встревожились боевыми действиями по периметру города, и Полковник Корбек – так сказать – решил, что они должны...»

«Должны?»

«Вмешаться, сэр.»

«Ох фес,» сказал Гаунт.

Майор Удол перекатился. Огонь стлук-танков грохотал по земле вокруг него. Пронзительное вжих-вжих, от их пульсирующих пушек, это все, что он мог слышать. У него кровоточила рана на голове. Обожженные останки одного из его людей свисали с полуразрушенного каркаса палатки перед ним.

Над головой промелькнула тень, и он видел по пыли, что ветер снова переменился. Внезапно поднялась буря. Перед ним зашуршал гравий.

Что за черт это было?

Удол посмотрел наверх и замер. Пылая двигателями и сверкая корпусом, десантный корабль приближался справа от него. Второй спускался не более, чем в пятистах метрах, и, кроме того, были еще два, падающие с неба, как гигантские пчелы.

Это были стандартные десантные корабли Имперской Гвардии. С носами, как у жука, вместительные суда доставки. Имперская Гвардия. Он молил Святую о спасении. Какого рода ответом было это?

Удол чувствовал, как затряслась земля, когда приземлился первый десантный корабль, тяжело приземлившись на гидравлические опоры. Люди выпрыгивали из открытых люков десантного корабля. Люди в черных одеждах и броне.

Люди, закутанные в камуфляжные накидки. Гвардейцы. Они рассредотачивались по бесплодной равнине Обсиды, открывая огонь по приближающимся врагам, срезая их, и чертовы стелк-танки тоже. Наполненный пылью воздух был густым от автоматического лазерного огня.

Удол поднялся на ноги как раз вовремя, чтобы увидеть, как ближайший стелк-танк перенаправил орудие и выстрелил по первому десантному кораблю, когда тот вспыхнул снова, взлетая. Удар резко повернул нос и двигатели протестующее взвыли, но корабль уверенно поднялся, прямо у него над головой, со все еще широко открытыми люками.

Из шеренги прибывших показался клубок дыма, и ракета ударила по первому стелк-танку. Потом еще одна. Огненный шар расцвел в передней части танка, и он остановился, его ноги раскачивались вперед и назад. Он, нерешительно, сделал еще шаг, и еще одна ракета ударила ему в нос. Вспышка взрыва залила стеклянное поле на мгновение, и когда прошла, стелк-танка тоже не было, и горячие фрагменты техники Хаоса сыпались из дыма.

Удол пытался вызвать своих людей по воксу, но внешний сигнал затопил канал. Он только выхватывал отзывы. Что-то вроде «...фес ждешь?», с последующим «... жить вечно!» Он побежал вперед, поднимая своих людей. Гвардия заставила отступить фалангу рейдеров. Еще один огненный шар кратко осветил небо, яркий, как поднимающееся солнце. Второй стелк-танк взлетел на воздух.

Воздух был полон пепла. Сквозь него, солдаты в черном шли вперед, оружие трещало, едва видимое в пелене.

Они были как призраки, думал Удол.

Кем бы они ни были, казалось, что они невыносимо довольны собой. Пока Удол приближался, солдаты в черном обменивались поздравлениями, медленно шагая назад, чтобы забрать тяжелые ранцы и рюкзаки, которые они поспешно побросали, когда высаживались с кораблей. Противники, та горстка, которая выжила, спасалась бегством в пыльную пустошь Обсиды. Третий и последний сталк-танк был горячей кучей на стеклянном поле. Трупы в красной униформе усеивали землю.

Удол пытался увидеть офицера среди Гвардейцев. Казалось, что у этих людей нет отличительных знаков, кроме значка с кинжалом и черепом, и аквилей Имперской Гвардии. Лица были закрыты грубыми дыхательными масками.

«Ваши парни в порядке?» спросил глубокий голос позади него.

Удол повернулся. Человек, обращающийся к нему, был большим и широким, непослушные клочки густой черной бороды торчали по краям его маски. У него был странный акцент.

«Что вы сказали?» спросил Удол.

«Ваши парни. Я спрашивал о них. Вы были в затруднительном положении.»

«Мы --» начал Удол. Он не знал точно, что сказать. «Вы прилетели на десантных кораблях,» все, что он смог придумать.

Большой незнакомец резко поднял большой палец вверх. «Мы торчали на орбите последние шестнадцать часов, затем получили приказ погрузиться в десантные корабли, за что все были благодарны. Итак, мы спускались, когда до нас дошел слух, что здесь нападение, и нам нужно отменить высадку. Феса, сказал я, да и слишком поздно возвращаться, если вы понимаете, о чем я. Мы обнаружили зону высадки сверху, потом обнаружили фесов --»

«Что?»

«Пиф-паф. Друзья в беде, я сказал, так что мы отклонились от курса и свалились туда, где, как может быть, мы могли бы быть более полезными.»

«Вы... вместо того, чтобы приземлиться в зоне высадки, вы прилетели на перестрелку?» спросил Удол.

«Да, именно так. Я увидел в этом экономию усилий. Если мы в любом случае собирались высаживаться, мы могли бы это сделать со смыслом. И мы это сделали. Фесово тоже хорошо. Кстати, а вы кто?»

Удол уставился протянутую ему руку в перчатке. «Майор Эрик Удол, Третий Батальон, Полк Цивитас Беати.»

«Очень приятно, и все такое, Удол. Извините меня, но этот старые пес все еще на взводе от битвы.

И мои парни тоже возбуждены. Слишком много месяцев в трюме, слишком мало убийств. Это Херодор, а? Слышал так фесово много об этом месте.»

«Вы знаете...» начал Удол. «Вы знаете, как контратаковать с десантных кораблей?»

Большой незнакомец сделал паузу, как будто думал об этом. «Я уверен, что ответ на этот вопрос 'да'. Разве вы не знаете, как эффективна десантная атака на продолжающееся наступление? Или, что вы не будете жить вечно?»

«Я --»

«Взгляните,» сказал незнакомец, простирая руку в широком жесте. «Посмотрите на обломки, на приятное отсутствие выстрелов в нашу сторону, и задницы многих врагов, убегających к безопасности. Было ли тут что-то еще, майор?»

«Кто вы?»

«Полковник Корбек, Танитский Первый и Единственный.»

«Ох,» сказал Удол, наконец понимая. «Танитцы. Вы те самые. Те, кого она ожидала.»

Импровизированное подкрепление Корбека, четыре взвода, собралось в смутно упорядоченные группы на краю боевой зоны. Говорили, что старший офицер местных сил воксировал командованию тактической службы, чтобы запросить транспорт, который отвезет их в надлежащее место.

Майор Роун из Призраков Танита, третий по старшинству после Гаунта и командир третьего взвода, отошел от временной точки сбора и стоял один, медленно

поворачиваясь, чтобы осмотреться. Это был его первый взгляд на Херодор, мир, к которому они монотонно приближались последние месяцы.

Мир, как он понял, в котором произошло великое чудо.

Он не был приятным местом, и не выглядел чудотворным, но в нем была какая-то холодная красота, допустил Роун. Небо было плоским, ярко-белым, с пятнами серо-голубого вдоль горизонта, особенно на севере, там, где грязные скалы поднимались к небу. Земля вокруг них - Обсида, местные называли ее так – была голым полем голубой пыли, изобилующим черным вулканическим стеклом. Воздух был холодным, и резко сухим. Роуну говорили, что Херодор был по большей части арктической пустыней: сухими, пыльными пустошами с температурой ниже нуля. Это неприятно напомнило ему о смерти, о холоде, сухой, хрупкой правде, содержащейся во всех гробницах.

Призракам еще только следовало отправиться в мир, которой не стоил им жизней и крови. Какую цену готовился потребовать Херодор? Чьим последним зрелищем будут эту несчастные пустоши?

Любого из нас, думал он. Всех нас. Смерть не разборчива, никогда не выбирает. На Айэкс Кардинале, он почти дотронулся до смерти. Он все еще чувствовал холодную хватку на себе, с неохотой отпустившую его.

Или, может быть, это был всего лишь холодный порывистый ветер, гуляющий по Обсиде.

Неторопливый круг созерцание Роуна, наконец, привел его взгляд на юг, на сам город. Цивитас Беати, город святой, незначительное место поклонения, всего лишь еще одно из многих мест и многих миров, к которым прикоснулась Саббат тысячи лет назад и сделала святыми. Он представлял собой беспорядочно застроенное место и главный населенный центр на Херодоре. Три, напоминавшие холмы, башни ульев из белого камня стояли, как стражи, вокруг более высокого, более старого центрального шпиля, окруженного покатою юбкой более низких жилых уровней, фабрик, транзитных путей и кирпичных виадуков. К западу лежали затемненные величественные здания многих сельскохозяйственных гидропонных ферм, кормящих

город, ферм, которые сами существовали на горячих источниках, на которых был основан город.

Это то, что делало город особенным местом, прагматично думал Роун. Это не из-за того, что тут кто-то побывал, или что они могли сделать. Этот город был здесь только из-за любезности горячих источников, которые прорывались сквозь холодную корку мира в этом единственном месте.

Роун услышал, как кто-то выкрикивает его имя. Крик был приглушен дыхательной маской. Он повернулся и увидел Мколл, старшего разведчика полка, бегущего к нему.

«Мколл?»

«Транспорт прибыл, сэр.»

На краю Обсиды был акведук, и цепочка потрепанных транспортников пролетала над арками.

«Пусть все приготовятся,» сказал Роун старшему разведчику.

К тому времени, как они присоединились к основной группе, Призраки загружались на ожидающие транспорты. Мколл проверил, что его взвод забрал снаряжение. Он огляделся и увидел Сержанта Сорика из пятого взвода, который, казалось, не торопится присоединиться к своим людям. Мколл побежал к нему. Последняя пятерка искала свои места в транспорте. Сорик, старый засранец, изучал клочок бумаги.

«Все в порядке?» спросил его Мколл.

Сорик посмотрел так, как будто Мколл заставил его подпрыгнуть. Он скомкал клочок бумаги, обрывок синей бумажки, и выбросил ее. «Все отлично!» сказал он Мколлу, и затем подошел к заднему люку, где ближайший человек помог ему затащить свое тело в транспорт.

Мколл дважды сильно стукнул по корпусу, и транспортник начал подниматься с шумом выхлопов и перегруженного двигателя. Он повернулся к своему транспортнику.

Шарик голубой бумаги гнало ветром пустоши перед ним по осколкам стеклянного поля. Мколл остановился и поймал его. Это был обрывок бумаги из пакета с приказами, одна из тех тонких бледных бумажек для рукописных сообщений, если вокс был недоступен. Вокс Сорика был в порядке, не так ли?

Мколл развернул бумажку. Всего лишь одна строчка, написанная от руки: «Проблемы начнутся до того, как вы даже приземлитесь.»

Что, именем Терры, подивился Мколл, это означало?

ДВА

ДЕВУШКА С ХОЛМОВ

«Та, которая была, будет снова.

Та, которая умерла, будет жить.

Та, которая пала, снова восстанет.

Это, я тебе говорю, природа вещей,

если ты однажды согласишься.»

- Святая Саббат, Послания

Он стоял на одной из самых высоких террас внутреннего улья и смотрел вниз на разбросанные постройки Города Беати, на керамит и белые каменные склоны башен улья, на мозаичные, покрытые черепицей, крыши, лежащие внизу, пересеченные линиями бульваров и виадуков, разрушающийся камень старых районов, запятнанные стены промышленных предприятий и сельскохозяйственных гидропонных зданий, лабиринты аллей и трущоб, районы малоэтажных жилых домов.

Небезопасный город. Небезопасный, или невозможно сделать таковым. Тут не было стен или окружающих укреплений, кроме естественного каменного мыса, вокруг долины. Тут была система щитов, генерируемая станциями по периметру города, которая, с основными мачтами на крышах башен ульев, могла поднять

энергетическое поле, как ярмарочный шатер над городом. Но система щитов была спроектирована защищать от пылевых бурь и стеклянных штормов, а не от снарядов.

И это было тем, что приближалось. Полномасштабная война, неумолимо надвигающаяся на Херодор так же, как стая пилигримов затопила его. Цивитас Беати не выживет. Город не был возведен для войны, и он не знал, как будет защищать его. Он думал об улье Вervун – великом, прочном улье Вervун – и как его было сложно удержать. Улей Вervун был спроектирован военными по принципам обороны, превалирующим в их мыслях. Главный Шпиль и защитные стены формировали массивную крепость, внутри которой все население улья могло укрыться во время атак или осады. У Города Беати, в противоположность, были простые, рассеянные, малоэтажные жилые дома, простирающиеся от довольно скромных и переполненных башен улья.

Бог-Император, это все должно было стать фесово кровавым.

Гаунт отвернулся от затемненного наблюдательного окна и нацарапал еще несколько заметок на планшете, который он держал под рукой с самого прибытия, он записывал любую мысль, которая помогла бы удержать город. Усилить генераторы щита, для начала. Мобильные артиллерийские батареи, и несколько настоящих бронетанковых частей. Укрепления, естественно. Чертовы широкие бульвары должны быть перекрыты, и водная система должна быть под контролем. Согласно последним отчетам Флота, флотилия Муниторума была в двух днях пути, и три полка, включая бронетанковый, отбыли с Хана. Херодор так же нуждался в прикрытии боевым флотом, и он запросил по собственным каналам, поддержки Адептус Механикус, хотя ответа так еще и не пришло.

Он услышал, как открылась дверь, выходящая на террасу, и предположил, что это был Белтайн, вернувшийся с кофеином и перекусом. Это был не он.

«Хорошо, что ты решил присоединиться ко мне,» сказал Гаунт. Корбек ухмыльнулся и кивнул. Он чавкал бутербродом с соленым мясом, держа кружку горячего кофеина в другой руке. Роун, вошедший за ним, нес еще две кружки, и протянул одну Гаунту.

«Мы перехватили Белтайна по пути,» сказал Роун.

«Предполагалось, что еда тоже будет,» сказал Гаунт. Корбек сразу перестал жевать, и виновато посмотрел на остатки еды в руке. «Извините,» сказал он.

Гаунт слегка помотал головой. «Садитесь. У вас был тяжелый день, как я понимаю.»

«Не мог просто оставить их подыхать. Это была самая крупная атака, наихудшая, с которой они столкнулись, как мне сказали,» сказал Корбек. У обоих, как у Корбека, так и Роуна, пыль покрывала форму, и лицо Корбека все еще было красным от дыхательной маски, которая врезалась в его кожу.

«Бронетанковые?»

«Три стелк-танка. Легкая поддержка, и на этом все. Кафф и Фейгор быстро справились с ними. Еще лучше, что мы их идентифицировали.» Он заглянул в сумку и вытащил железную маску. На маске посередине было отверстие от лазера.

«Фес,» сказал Гаунт.

«Здесь Кровавый Пакт. В большом количестве.»

Гаунт указал на железную маску, которую держал Корбек. «Это просто может быть --»

«Я узнаю фесовых ублюдков везде,» сказал Роун.

Гаунт кивнул. «Местные вояки, кажется, думают, что рейды всего лишь проводятся какими-то еретическими ячейками. Они атакуют город последние четыре дня.» Он взял маску из руки Корбека.

«Они даже не представляют, не так ли?»

«Пройдет время, и они поймут,» сказал Корбек.

Гаунт опустил маску. «Думаю, что мы имеем дело с передовой группой, которая должна отвлекать нас, пока прибывают основные войска.»

«И вы думаете, что основные войска уже в пути?»

Гаунт мрачно рассмеялся над вопросом Роуна. «Найди мне кого-нибудь в этом секторе, кто не знает, что тут происходит! Если бы ты был врагом --»

«Если?» улыбнулся Роун.

«Если бы ты был врагом,» продолжил Гаунт, не обращая внимания на насмешку, «ты бы выбрал этот мир своей главной целью?»

Роун посмотрел на Корбека, который просто пожал плечами. «Значит... есть признаки нависающей над нами угрозы?» Гаунт снова помотал головой. «У флота ничего нет. Слишком много кораблей пилигримов сбивают с толку.»

«Забудьте о том, что может быть. Что насчет оперативной базы для тех, кто уже здесь?» спросил Роун.

«Орбитальная разведка обнаружила, что, возможно, есть несколько десантных кораблей в глубине стеклянных пустошей, за тысячу километров к западу отсюда, но там нет никаких признаков жизни. Противник на Херодоре хорошо спрятался.

Возможно, где-то на вулканическом нагорье, называемом Печные Холмы, но это всего лишь догадка.»

«Я бы сказал, что мы --» начал Роун.

«У нас недостаточно сил, Роун. У нас уйдут недели, чтобы найти их, даже с нашими навыками.

Это большой, суровый мир с множеством уголков и дыр, в которых можно спрятаться.»

«Но не важный мир,» мрачно сказал Роун.

«Нет, майор,» согласился Гаунт. «Совсем не важный мир.»

«Тогда почему --» начал Роун, и застыл, когда увидел взгляд в глазах Гаунта.

«Вы уже... видели ее?» вместо этого спросил Роун.

«Еще нет.»

«Вы сказали, что корабли пилигримов сбивают с толку,» сказал Корбек. «Здесь уже очень много пилигримов. Сотни тысяч. Орбита переполнена ими.»

«Корабли прибывают постоянно,» сказал Гаунт. «Некоторые прилетели из-за границ суб-сектора.»

«Может быть стоит остановить это,» сказал Корбек. «Я имею в виду, что нам стоит запереть это место.

Не допустить того, чтобы кто-то просто так просочился, даже если они безобидные счастливчики. Помните, как на Хагии они прибывали с пилигримами? »

«Я помню, Колм. Я просто не знаю, как мы это остановим. Некоторые корабли стары, почти неработоспособны и прискорбно лишены ресурсов. Если мы выставим заграждение и развернем их, мы отправим граждан Империи на смерть. В тактической службе сказали мне, что девяносто процентов кораблей пилигримов не переживут путешествия назад. В большинстве случаев, пилигримы потратили последние сбережения на дорогу в один конец, чтобы попасть сюда. Поездка к спасению.»

Корбек поставил пустую кружку и стряхнул крошки с мундира. «Бедные, несчастные ублюдки,» горько сказал он.

Гаунт пожал плечами. «Во всем кластере и за его пределами знают, что происходит тут на Херодоре, так что можно делать ставки, что и противник тоже знает. Я даже не могу представить, почему информацию обнародовали.»

«Потому что она настояла,» сказал голос позади него. Роун оставил дверь открытой, и никто не услышал, как кто-то зашел в нее. Они вскочили на ноги и отдали честь.

«Вольно,» сказал Лорд Генерал Люго.

«Мне сказали представить вам доклад в 17.00, сэр,» сказал Гаунт.

«Я знаю. Я закончил раньше, чем ожидал, и подумал, что надо ускорить события. Добро пожаловать на Херодор, Гаунт.»

«Спасибо, лорд генерал.»

Люго взглянул на Корбека и Роуна. «Может быть поговорим наедине... ?» намекнул он.

«Конечно.» Гаунт повернулся к остальным и махнул. «Свободны, оба. Размещайте полк.»

Корбек и Роун поспешно вышли из комнаты и закрыли за собой дверь.

«Фес,» прошептал Корбек, как только оказался снаружи. «Я надеялся, что мы больше никогда не увидим этого ублюдка.»

«Даже близко не так, как надеялся Гаунт, я уверен,» сказал Роун.

«Я предлагаю, если позволите, как мужчина мужчине,» сказал Люго, «оставить все наши предыдущие недоразумения позади.» Люго был высокой, костлявой личностью с тусклой, жирной кожей, напоминавшей пергамент, на бритом черепе. На нем была строгая белая униформа, вся грудь была покрыта медалями.

«Это было бы полезно, сэр,» сказал Гаунт.

«Все уже было высказано на Хагии, Гаунт. Поступки сделаны. Вы восстановили свою репутацию и способности в моих глазах тем маленьким путешествием к Храму. Итак... мой девиз, больше об этом не говорить.»

Гаунт кивнул. Ему было сложно что-то ответить. Лорд Генерал Люго, по его мнению, был одним из наиболее некомпетентных и самовозвеличивающих офицеров в командном эшелоне Крестового Похода, скорее политическим животным, чем военным лидером. В 770-ом, он выбил для себя командование освобождением храмового мира Хагии, веря в то, что это было легкое задание, которое позволит ему заполучить много славы и способствовать его политическим амбициям. Когда освобождение обернулось катастрофой, он обвинил Гаунта и попытался отделаться от командира Танитстского Первого. Делая это, он почти сдал весь храмовый мир Хаосу, катастрофа была предотвращена Танитцами только с помощью необычного явления в самом Храме. После Хагии, ему сделали строгий выговор, а Гаунт со своими силами был отправлен на Фантин. Люго, хотя и не был всецело опозорен, остался на Хагии в качестве Имперского Губернатора, и его амбиции было порваны в клочья.

Печально, но то, что он был тут, означало, что он хочет получить выгоду из необычных событий, а не принимать в них участия. Его звезда снова восходила. По умолчанию, он контролировал то, что могло стать наиболее влиятельной частью всех интересов Империи в Мирах Саббат.

Уже распространялись слухи, что Люго посматривает на то, чтобы занять место Магистра Войны вместо Макакота, если текущая мертвая точка сохранится. И он был очень известным человеком.

Гаунт почти мог почувствовать уверенность и амбиции Лорда Генерала. Вообще-то это был запах тоника и одеколона, но для Гаунта такие ароматы были тем же самым. У Люго было большое стремление к власти. Настоящей власти. Это так подогревало его аппетит, что можно было почти услышать, как урчит его желудок.

И было совершенно очевидно, что последний, кого хотел видеть Люго на своем пути, был Ибрам Гаунт, который опозорил его на Хагии.

«Отчего у вас на лице улыбка, Гаунт?»

Гаунт пожал плечами. «Просто так, мой лорд. Просто мне понравилось, что мы можем поговорить напрямую.» Просто так, в самом деле. Гаунт улыбался, потому что первый раз с тех пор, когда он получил приказы на Айэкс Кардинале, ему нравилось быть на Херодоре.

Как он понял, он был здесь только потому, что она запросила его. Люго никогда бы не послал за Гаунтом. Кем бы – чем бы - ни была она, у нее было влияние. Она тут командовала, по-настоящему, и Люго приходилось повиноваться ей. Люго и его тактики воспринимали ее всерьез. Или так, или способность Люго к интригам была так велика, что Гаунт даже не мог разглядеть ее коварные механизмы.

«Вы сказали, что она настояла на том, чтобы весть о ее возвращении была распространена?» спросил Гаунт.

Люго кивнул. Он подошел к окну и уставился на город, первая вечерняя тень начала падать на него. «Она не захотела держать это в секрете, как ни настаивали мои советники. Она не хочет... как я понимаю... видеть, почему ее возвращение должно быть скрыто от общества. Она называет себя инструментом, Гаунт. Инструментом Золотого Трона. Она – воплощение власти и стремлений на благо Человечества. Сохранив секрет, у нее не будет власти или стремлений. В этом есть некий здравый смысл.»

«Это делает ее уязвимой. Это делает этот мир и этот... простите мою прямоту... хилый городишко уязвимым.»

Люго смотрел, как зажигаются городские огни в наступающей темноте. Поднялся ветер с пустошей и забарабанил стеклянными частицами по толстому окну. «Делает. В самом деле, делает.»

«Тогда почему здесь, сэр? Почему в этом захолустье? Уверен, что ее власть и стремления могли бы лучше использоваться в авангарде крестового похода. Например, вместе с Магистром Войны на Морлонде?» Люго отвернулся от окна. Теперь он улыбался. «То, что ты говоришь, Гаунт, мне очень нравится. И это полностью совпадает с моими мыслями. Ее не должно быть здесь. Мы должны убедить ее... переехать.»

«Конечно,» сказал Гаунт, «хотя если это все предполагает, что она та, за кого себя выдает.» Выражение лица Люго внезапно потемнело. «Ты не веришь?»

«Я --» начал Гаунт.

Люго сделал шаг вперед. «Если ты не веришь, я тогда с трудом понимаю, что ты тут делаешь.»

«Я остаюсь при своем мнении, лорд генерал.»

«Ты что? Ты говоришь, как чертов еретик, Гаунт.»

«Нет, сэр. Я --»

«Святая Саббат перевоплотилась. Она во плоти, так что она должна вести нас к победе в мирах, которые носят ее имя. Это момент, о котором не мечтали в истории человечества! Момент священного чуда! И ты остаешься при своем мнении?»

Гаунт открыл рот, и затем снова закрыл. Он увидел тяжелый взгляд лорда генерала.

«Я думаю, что настал момент для тебя познакомиться с ней,» сказал Люго. «Или это, или для меня настал момент сжечь тебя на столбе.»

В холодной, одинокой ночи, прямо как та, которая сейчас опустилась на Цивитас Беати, но шестью тысячами лет ранее, Святая оставила свой след на Херодоре. Тогда

он не назывался Цивитас Беати. Он был всего лишь единственной населенной башней, которая однажды станет Старым Ульем, центральным шпилем улья, но тогда он назывался Район Альфа (колониальный). Святая, во главе кавалькады остатков от ее армии, войска из полков колонистов, вооруженного эскорта из пилигримов, госпитальеров из Воинствующих Систер, которые позже основали Орден Нашей Леди Мученицы, и эшелона, ныне вымершего Ордена Астартес, Медных Черепов, победила и обратила в бегство войска Хаоса у Молитвенного Ущелья, и затем пришла в Район Альфа, чтобы вылечить раны. Она и ее избранники омывались в термальных источниках и навсегда благословили их. На следующее утро, войско Святой восстало, восстановило силы, и уничтожило резким наступлением войска Хаоса в Битве в Долине Осколков, где, как говорили, она в одиночку расправилась с восемнадцатью сотнями вражеских войнов, включая их Архонта, Марака Воре.

Все это было в анналах и книгах по истории. Гаунт знал все это с детства. Под началом Слайдо, он выучил это наизусть.

Храм Купания, где Саббат омывала раны, находился в самых глубинах Старого Улья.

Он был построен из черного базальта и освещался только электрическими свечами и биолюминисцентными шарами. Обслуживающий персонал и храмовые жрецы поспешили наружу, когда Люго, вместе со своими старшими помощниками и отрядом телохранителей, приближались по длинному каменному коридору. Воздух был горячим и сырым, и пах серой и железом.

Они дошли до двери. «Мы подождем здесь,» сказал Люго. «Все мы,» добавил он, подчеркнуто глядя на Хирурга Керт, которую Гаунт позвал с собой до того, как проследовать с генералом в глубины башни улья. Керт посмотрела на Гаунта, и он кивнул.

«Оставайся здесь, я позову, если понадобишься.»

Гаунт прошел сквозь тяжелые двери, и они закрылись за ним. Было тускло и тихо, и воздух был наполнен паром, поднимающимся от глубоких бассейнов для купания. Узкая лестница с сотней ступенек, вырезанная из белого известняка, вела от двери, тысячи электрических свечей обрамляли ее. Свет от свечей отражался от тихо плещущейся воды внизу.

К востоку лежала Часовня Императора, к западу исполненная по обету часовня Святой. Гаунт пошел вниз по огороженным, полированным ступенькам, и снял фуражку. Он уже истекал потом. Он прошел к главному бассейну, и уставился на свое отражение в воде цвета ржавчины. Вода поднималась из водоносного слоя глубоко под городом, нагреваемая через вулканические отверстия в коре. Говорили, что она лечит любые раны. Вдоль бассейна Гаунт мог видеть сотни медных ложек, чашек и ковшей, которые использовали верующие, чтобы пить, для крещения или для омовений. Глубоко в бассейне, он видел миллионы мерцающих монет и клинков, значков, медалей и других подношений.

Он встал на колени у края бассейна, стянул перчатку и провел пальцами по теплой воде.

Послышался всплеск на дальней стороне бассейна, и рябь стала расходиться кругами к нему.

Он поднял взгляд как раз в тот момент, когда бледная фигура поднималась из воды, спиной к нему. Это была женщина, в простой белой сорочке. Она вышла из бассейна, вода стекала с нее, мокрое белье прилипло к ее телу, и он отвернулся. Два храмовых адепта появились из пара, и дали ей длинную, серую робу. Она одела ее и накинула на голову капюшон.

Затем она повернулась, смотря на Гаунта через священную купальню.

«Ибрам.»

Он поднял взгляд. «Вы знаете мое имя?»

«Конечно.» Ее голос был таким мягким и легким. Он хотел увидеть ее лицо. Сладкий аромат достиг его ноздрей, как будто адепты закинули в огонь от ламп ладан. Ислумбин, вот что это было.

Запах ислумбина, священного цветка Святой.

«Я рада, что ты здесь,» сказала она.

«Я здесь, потому что мне сказали быть здесь,» сказал Гаунт. «Мне приказали.» Она согнула руки, глядя на него через парящий бассейн.

«Ты можешь встать, если хочешь. Тебе незачем кланяться.»

Он медленно поднялся.

«Я запросила тебя. Я запросила Танитских Призраков. Мне приятно, что Призраки Гаунта со мной на Херодоре.»

Голос такой очаровательный. Такой проникающий. Он был таким, как будто он уже слышал его.

«Почему мы?» спросил Гаунт.

«Из-за того, что вы сделали на Хагии. Ты и твои люди отдали жизни, чтобы мои останки не достались архиврагу. Вы защищали Храм до последнего. Единственное, что я хочу попросить тебя здесь, защитить меня так же, как тогда. Я хочу, чтобы Призраки были моим внутренним кругом. Моей почетной гвардией.»

«Мы не отступим от этого задания,» сказал Гаунт. Он начал идти по краю бассейна. «У меня было... хорошо, я не знаю, что это было. У меня было видение на Айэкс Кардинале о том, что это сбудется. Женщина, уже шесть тысяч лет как мертвая, сказала мне найти вас здесь.»

«Серьезно?» сказала она, как будто задумавшись на мгновение. «Это хорошо. Как я и планировала.»

«Планировали?»

«Конечно.»

Он сделал шаг вперед. «Вы планировали это? Это видение о сороритас? Вы создали ту часовню в лесу из ничего?»

«Конечно, Ибрам.»

«Я поверил в него. Оно было реально. Белтайн и я, мы были абсолютно убеждены. Мы чувствовали... прикосновение чего-то странного, за гранью нашего понимания.» Он сделал еще шаг к ней. Она начала медленно отступать.

«Не как сейчас,» добавил он.

«Ибрам, ты пугаешь меня. Что за смятение в тебе? Почему ты приближаешься ко мне?»

«Потому что я хочу увидеть твоё лицо.»

«Нет.»

«Почему нет?»

«Потому что --»

«Я хочу увидеть твоё лицо, потому что я знаю твой голос!»

Он резко кинулся к ней и схватил. Она резко вскинула руку и отвела его лицо в сторону, но он стряхнул руку и потянул за капюшон.

«Я знаю твой голос,» сказал он, пока она пыталась вырваться.

«Сания.»

Сания рванула от него и туго запахла робу. Она уставилась на него взглядом, который он не понял.

«Ты не веришь.»

Гаунт сделал шаг назад, мотая головой и громко смеясь. «Я бы хотел. Ох, поверь мне, я бы хотел. Пять месяцев на корабле, ожидая увидеть правду? Я ждал этого момента с тех пор, как Слайдо впервые раскрыл мне тайны Саббат. Я ожидал все, что угодно... правду, ложь, иллюзии. Но не тебя, Сания.»

Она сердито посмотрела на него. Её чёрные волосы мокрыми локонами обрамляли её прекрасное лицо. Они сильно отрасли с тех пор, когда он видел её последний раз, большое отличие от её бритого черепа и косички, которую она носила, когда была студентом эшоли.

«Пойми это, Ибрам. Я не Сания.»

«Нет, ты Сания. Я знаю тебя. Ты была студентом эшоли, которая направляла моих людей к Храму. Майло все ещё говорит о тебе.»

Ее взгляд внезапно изменился и он потерял присутствие духа. «Ох, Ибрам. Конечно я Сания.

По крайней мере, в этой плоти. Мне нужен был сосуд, и она подходила. Она была чудесной девушкой, и отдала свою плоть мне. Я выгляжу, как Сания. Я говорю, как она. Но я не она. Я Саббат. Девушка с холмов Хагии, возрожденная в этом хрупком теле.»

«Нет...»

«Ответь мне вот на что, Ибрам. Как еще я могла вернуться? Как еще я могла найти плоть для себя?»

Он помотал головой. «Это трюк. Люго использует тебя. Ты не моя Святая.» Гаунт быстро пошел назад в коридор, и отряд Люго расступился, пропуская его.

«Ну так?» спросил Люго.

Гаунт на мгновение уставился на Люго. «Разве не важно, во что я верю, не так ли?»

«Почему?»

«Потому что, пока Империиум заинтересован, пока сотни тысяч пилигримов заинтересованы... пока архивраг заинтересован... у нас тут на Херодоре переродившаяся святая. И это все, что имеет значение.»

Люго оскалился. «Наконец-то, Гаунт, ты ухватил самую суть.»

Гаунт быстро пошел от купальни и свиты лорда генерала, опустив голову, каменная коллонада вела к ближайшему подъемнику. Персонал купальни, иерархи и адепты, которые удалились, когда Люго приближался, тихо ждали в коллонаде, тихие фигуры в робах во мраке. Он быстро проходил группы людей, зная, что они за ним наблюдают.

«Гаунт! Гаунт!» звала Керт, пока бежала за ним. Он даже не притормозил. Когда она, наконец-то, добралась до него, он ждал у двери железной клетки подъемника, ожидая, пока он спуститься.

«Хочешь мне рассказать, что происходит?» резко спросила она.

Он посмотрел на нее мрачным взглядом. «У тебя когда-нибудь была тайна, Керт? Одна, которая может причинить столько страданий, как если расскажешь, так если и будешь хранить?»

«Да,» честно сказала она, в ее мыслях промелькнул образ Гола Колеа.

Казалось, что он удивлен ее ответом, как будто он ожидал, что она скажет нет. «И как ты решила поступить?»

«Никак. Она решила все за меня.»

«Я боюсь это же произойдет здесь.» Механический подъемник опустился со стуком, и замер, и Гаунт отодвинул дверь. Керт проскользнула за ним, чтобы он не успел закрыть клетку перед ее носом. На мгновение ей показалось, что он опять откроет дверь и прикажет ей выйти. Вместо этого, он прошел к стене и дернул за медный рычаг. Подъемник пополз вверх, двигатели жужжали в черноте шахты.

«Видел ее?» спросила она, глядя, как по его лицу ползет свет от проползающих мимо этажей.

«Я видел ее.»

«И это привело тебя в такое настроение?»

Он сделал медленный, угрожающий вдох, и выглядел так, как будто ему надо что-то ударить.

«Ты просил меня помочь тебе, Гаунт. Ты сказал, что тебе нужно успокоить мысли.» Она похлопала по сумке, свисающей у нее с плеча. «Я принесла биосканер. Тебе все еще нужны доказательства после всего?»

«Определенно нет,» сказал он.

«Это не она, не так ли?» спросила Керт. Гаунт ничего не ответил. Со вздохом, она подалась вперед и дернула за рычаг, чтобы подъемник остановился. Элеватор замер между этажами. Где-то зазвенела сирена. Начала мерцать янтарная вспышка на контрольное панели.

«Поговори со мной,» сказала она.

«Давай оставим это, пожалуйста, хирург.»

Керт помотала головой. «Я наблюдала за тобой, Ибрам. Весь путь от Айэкс Кардинала, с тех пор, как пришли новости. Часть тебя хочет, чтобы это была она, другая часть боится, что это будет не так. Знаешь, что я думала? Я думала, как только ты ее увидишь, ты будешь уверен. Только так. Мне не за чем было делать генную идентификацию, чтобы добыть для тебя ответ. Я знала, что ты узнаешь. И ты узнал.»

«Узнал.»

«Это не она.»

«Нет.»

«Трон!» она открыла рот от удивления, затем стала расспрашивать. «Так что это такое? Досада? Злость? Ты пришел сюда найти доказательства, так или иначе, и ты получил их. Это, по меньшей мере, должно было удовлетворить тебя.»

«Помнишь Санию?»

Она пожала плечами. «Нет, я... ой, подожди. Девушка с Хагии, студент... эшли, так их называли, не так ли? Она пришла вместе с группой Корбека.»

«Это она.» Он уставился на нее.

Ее глаза расширились. «Да ты фесово прикалываешься надо мной, Гаунт! Она? Она Святая?»

«Могу только сказать, что Сания верит, что она реинкарнация Саббат. Она весьма здравомыслящая и убедительная, допустим, для тех, кто ее уже не знает. Ей нужно лечиться в Имперской психиатрической больнице. Но этот ее потенциал оценили. Теперь ее используют в качестве пропаганды.»

«Люго?»

«Ты же видишь, как он наслаждается тем, что его карьера опять идет в гору. Ему нет дела, настоящая она или нет. Все, о чем он беспокоится, так это о том, чтобы она была убедительной. Крестовому походу нужно чудо прямо сейчас... и он единственный, который собирается запомниться тем человеком, которые дал чуду

случиться.» Она осторожно подошла к нему и успокаивающе положила руку ему на плечо. «Так Расскажи правду. Как слуга Бога-Императора, ты всегда боролся с такими грехами.»

«Это не так просто. Она стратегически важна, и невозможно отступить от этого. Как икона, как точка единения, она может выиграть эту войну для нас. Ее присутствие может подстегнуть наш боевой дух и разрушить планы противника. Если она продолжит играть свою роль, и мы пойдем с ней, и скажем, что верим, мы сможем очистить весь кластер. Но я не думаю, что смогу соврать о чем-то таком. Ни Цвейлу... ни Корбеку и Дордену, и Дауру, и всем остальным, которых коснулась Святая на Хагии. Они поверили в истину там, истину, которую я тоже чувствовал. Я немогу просить их поверить в эту ложь.»

«Пусть они сами решат,» сказала она.

«А, вот и вы,» сказал Корбек, поднимая взгляд от планшета, который он просматривал. «Вы будете рады узнать, что мы устроились. Места хорошие. У меня тут есть список расположений, если хотите.»

Гаунт проигнорировал планшет, который протягивал ему Корбек.

«Или, возможно, не хотите. В любом случае, мы не на открытой местности. Роун и Мколл прямо сейчас размещают взводы по периметру города. Девятнадцать взводов оборудуют промежуточные станции в сотрудничестве с местным ополчением. Это не много, но к рассвету у нас должна быть основная защита на севере и востоке города. Местные предоставили двенадцать тысяч человек, включая среднюю броню, и у лорда генерала есть еще более тысячи человек, плюс легкая броня и несколько отделений со специальным вооружением.»

«Где Майло?»

«Майло?» Корбек почесал бровь и пролистал данные о расположении на планшете. «Прямо сейчас, я бы сказал, что он со своим взводом у Стекольного Завода. Это... эм... в северо-западном секторе.»

Гаунт кивнул. «Возьми вокс и пришли его сюда.»

«Ну, согласно расписания возвращений на постоянные места они должны быть завтра в десять и --»

«Сейчас, пожалуйста, полковник.»

«Сейчас. Да, сэр.»

Гаунт прошел мимо него в широкую, сводчатую комнату на восемнадцатом этаже третьей башни улья, где Танитский Первый оборудовал командный пост. Широкая комната, с зашторенными окнами с двух сторон, была набита полковым персоналом, работающим с членами Полка Цивитас Беати и техно-адептами из Сил Планетарной Обороны Херодора, устанавливающими главный вокс-передатчик, тактические определители позиций и узлы связи. Силовые и информационные кабели извивались на полу.

Тактики присоединяли портативные коммуникационные и гололитические столы.

«С ним все в порядке?» спросил Корбек Керт, которая шла за Гаунтом в комнату.

«Вообще-то нет,» сказала она.

Гаунт повернулся и посмотрел на Корбека. «Что там?» спросил он, делая широкий жест в сторону другой комнаты.

Корбек поспешно присоединился к нему. «Всего лишь пристройка. Даур подумал, что она подойдет для комнаты совещаний.

Несколько столов и стульев от Муниторума. Белтайн организовал кое-какую еду. Слева, дальше по холлу, множество пеньков для --»

Гаунт прервал его. «Две минуты, Я хочу, чтобы ты, Дорден, Цвейл и Даур были в пристройке для закрытого совещания. Харк тоже, если он где-то рядом.»

Корбек пожал плечами и кивнул. «Как скажете, сэр.»

Они заняли свои места. Корбек; старый священник аятани Цвейл; Капитан Бан Даур, третий офицер Вергхастец; Дорден, старший медик и Виктор Харк, полковой комиссар. Керт проскользнула внутрь и села позади. Перед тем, как сесть, Даур

настроил и включил переносной защитный экран, который будет генерировать электрические помехи, чтобы никто не мог подслушать.

«Все, что я скажу, не должно покинуть этой комнаты,» сказал Гаунт.

Люди кивнули. Керт, позади них, сложила руки и согнула плечи.

«Я встретился со Святой,» сказал Гаунт.

«Слава богу!» прошептал Цвейл.

У Харка было печальное выражение лица, показывающее, что он знал, что будет дальше.

«Она не настоящая.»

Последовала долгая тишина. Корбек уставился, не моргая, на стену перед ним. Даур застонал и обхватил голову руками, звеня колокольчиками, завернутыми в шелковую ленту с обетами. Дорден закрыл глаза и схватил одну руку другой. Цвейл моргал.

«Она... извините, что?» сказал Цвейл.

«Она – фальшивка. Выдумка. Уловка.»

«Ох, фес...» вздохнул Корбек.

«Серьезно?» спросил Даур. Слезы стояли у него в глазах.

«В частности,» сказал Гаунт, «мы ее знаем. Ты знаешь, Колм, и ты Дорден, и ты Даур тоже. Все что я могу сказать, она по-настоящему верит в то, что она настоящая Саббат. Но когда я встретился с ней, лицом к лицу, я понял, что это та бедная девушка, которую мы встретили на Хагии: Сания.»

«Сания?» начал Корбек.

«Нет, нет... это... нет, это не правильно,» взволнованно сказал Цвейл. «Святая вернулась, Беати.

Это то, о чем нам говорили. Она здесь...»

«Нет. Это... афера,» сказал Гаунт.

«Вовсе нет!» закричал Цвейл и встал.

«Отец... отец, пожалуйста. Я понимаю, что вам тяжело такое слышать.»

«Это она! Это должна быть она!» Цвейл начал покачиваться, так что Дорден и Керт быстро оказались на ногах. «Это Святая вернулась, не какая-то там эшולי с дерьмом в голове!»

«Я верю,» сказал Харк, медленно надевая свои черные перчатки, «в то, что Цвейл уверен. Он все еще аятани Культа Беати.»

Гаунт бросил опасный взгляд в сторону Харка. «Она не настоящая,» повторил он.

«Она была на Хагии,» сказал Дорден, положив руку на плечо Цвейла. Он пристально смотрел на Гаунта.

«Она говорила со мной.»

«Я знаю, что говорила, Толин,» сказал Гаунт.

«И со мной говорила,» сказал Даур.

«И со мной, босс,» сказал Корбек.

«Я знаю, Колм. Я абсолютно верю в то, что на Хагии ты и Бан, и Толин... и другие тоже... слышали сообщение от Святой, и это заставило вас сделать то, что вы сделали. Все что я говорю... это не Святая. Не здесь. Не сейчас.»

«Но --» начал Даур.

«Она говорила с вами с тех пор?» спросил Гаунт.

Люди застыли.

«Еретик! Она говорила с тобой,» внезапно заорал Цвейл.

«Что?»

«С тобой... и Белтайном. На Айэкс Кардинале. Через своего слугу.»

Гаунт закрыл глаза, пытаясь подавить ярость, которая кипела внутри него. «Аятани Цвейл... Я рассказал вам об этом, абсолютно доверяя. Это было только между нами. Акт признания, священный. Я верил в то, что вы сохраните это в тайне.»

«Так это же тоже очень важно!» резко сказал Цвейл. Тощий старый священник покачнулся, и на мгновение Гаунт испугался, что тот упадет. «Дьявол побери мои обеты, ты лжешь, и я не хочу верить в это!»

«О чем это он говорит, Гаунт?» спросил Дорден.

«Он говорит необдуманно, доктор,» сказал Гаунт.

«Он знает!» заорал Цвейл.

«Думаю, что вы должны нам рассказать, сэр,» сказал Корбек.

«Это тяжелое время или --»

«Расскажи им!» орал Цвейл. «Расскажи им то, что ты рассказывал мне! Расскажи им то, что заставило меня поверить!» Гаунт медленно посмотрел каждому в лицо. Он понял, прямо сейчас, что у него нет друзей в комнате.

«Хорошо. На Айэксе, я поехал с передовой в Мейсек, чтобы встретиться с Вон Войтцем. Белтайн был со мной. Наш поезд задержался, и мы пошли пешком, потом мы нашли часовню в лесу. Там была старая женщина. Казалось, что она знает нас, и она предупредила меня о Херодоре, задолго до того, как поступили приказы. Позже, я с Белтайном, пытались найти эту часовню снова.

Нам... не удалось, и я не могу это объяснить.»

«Расскажи им остальное,» сказал Цвейл.

«Это не имеет отношения к делу,» сказал Гаунт.

«Еще как имеет! Женщина, которую они встретили, рассказала о себе, и позже они обнаружили, что она умерла на Херодоре шесть тысяч лет назад!»

«Достаточно,» проворчал Гаунт.

«Да, точно,» сказал Цвейл. «Достаточно. Достаточно доказательств по любым стандартам. Святая сказала тебе придти сюда и служить ей! Как ты смеешь отвергать ее сейчас!»

Гаунт снял фуражку и сел. Все смотрели на него.

«Я не знаю, что случилось в лесах на Айэксе. Это преследовало меня с тех пор. Простите меня за то, что я никому из вас этого не рассказывал. Но это не меняет факты. Святая здесь – не Святая. Она – притворщик.»

«И, для протокола,» добавил Гаунт, смотря на Цвейла, «я потрясен отсутствием конфиденциальности у вас, отец.»

«Ох, да и черт с ним,» выпалил Цвейл. Он скинул с себя руку Дордена. «Скажи мне вот что, Ибрам Гаунт... Если эта Святая действительно фальшивка, почему она потребовала, что ты был тут? Тебя, единственного человека, который сможет разоблачить ее?»

Гаунт пожал плечами. «На это я не знаю ответа.»

«И если Люго действительно на что-то надеется,» добавил Корбек, «то почему он дал такому произойти?»

«Я не знаю,» сказал Гаунт.

«Я знаю,» сказал Харк, поднимаясь на ноги. «Неважно, Святая она или нет. Пока миллионы, может быть даже миллиарды, граждан Империи уверены в этом, она возрожденная Саббат. Правда или ложь, но мы должны поддерживать это, или боевой дух Империи внезапно упадет до нуля.»

«Я придерживаюсь этого же, Харк,» сказал Гаунт. «У нас здесь долг, нравится нам это или нет...»

«Лгать?» холодно спросил Дорден.

«Даже так,» сказал Гаунт.

Цвейл застонал и пошел к двери. Он остановился у нее и взглянул на Гаунта. «Почему здесь?» спросил он. «Если это ложь, то почему здесь?» Гаунту нечего было ему ответить. Цвейл вышел из комнаты, и Керт с Дорденом вышли вслед за ним.

«Свободны,» сказал Гаунт. Корбек и Даур удалились, встревоженные.

Гаунт посмотрел на Харка. «Я вижу, что твой старый хозяин поработал с тобой.» Харк помотал головой. «Люго? Он не мой --»

«Заткнись, Виктор. Люго приставил тебя к Танитцам на Хагии. Ты должен был сместить меня. Он --»

«Нет, Ибрам. Предполагалось, что я буду твоим судьей и палачом. Это то, что ожидал от меня Люго.

Мне хотелось бы думать, что я доказал тебе и Призракам, что мне можно доверять с тех пор. Да, Люго говорил со мной, когда мы прибыли. Я не хочу лгать. Он просил меня повлиять на тебя. Он думал, что ты можешь убедить Саббат перебраться на Морлонд. Это было бы для него действительно благоприятным.»

«Виджу. И?»

Харк улыбнулся. «Я сказал ему, что ты сделаешь свои умозаключения сам.»

Гаунт кивнул.

«Цвейл успокоится,» сказал Харк. «Это в его природе метать гром и молнии. Что действительно интересует меня, насколько прав он был.»

«Что ты имеешь в виду, Виктор?»

«Если эта Святая Саббат – фальшивка... то почему мы... и почему здесь?»

ТРИ

НЕЧЕСТИВАЯ НОЧЬ

«У каждого есть выбор. Что касается меня, я выбрал не делать выбор. Что? Что? Почему это забавно?»

- Хлэйн Ларкин, Призрак

Если он что-то и понял о Херодоре, так это то, что ночи тут фесово холодные. Городской щит мерцал, и за это они могли быть немного благодарны, хотя ветер с пустоши, прорезался, как цепной меч, сквозь энергетический полог и пробирал их до костей.

Если Ларкин правильно понял предварительный инструктаж своего сержанта, то эта зона, в которой их высадили, называлась Стекольный Завод, две тысячи гектаров обветшалых грязных цехов, сараев и фабрик на северо-западе города. Казалось, что от какого-нибудь более-менее приятного места очень-очень далеко. Основная часть Цивитас, хорошо освещенная и уютно выглядящая, была на довольно большом расстоянии позади них.

Здесь, свет от огней в бочках и люминисцентных ламп, в сочетании с легким мерцанием щита над головой, давали синие, словно подводные, полутона.

Наверху, в ночном небе, мигали звезды, которые ими не были. Эти расплывчатые, с булавоочную головку, точки света были сотнями – возможно даже тысячами – кораблей пилигримов, заполонивших Херодор.

Взвод Ларкина, под номером одиннадцать, был отправлен в Стекольный Завод вместе с десятым и двенадцатым, чтобы защищать эту часть периметра. Легкая работа, на словах. На практике, оказалось, что даже найти периметр не так-то и просто. Вся зона была переполнена пилигримами, и их палаточный городок разросся, как лес грибов между пустыми зданиями – на самом деле и внутри некоторых зданий тоже – и распространился в пустошь, за пределы потрескивающего щита. Определить, где находится окраина города, оказалось просто невозможно.

С оружием на плечах, Призраки смущенно продвигались сквозь сумеречный мир лагеря. Пилигримы скапливались вокруг слабых костров, чтобы приготовить поздний ужин или сформировать молитвенные круги. Инфарди в зеленых шелках осуществляли ритуалы вокруг своих часовен, или передвигались по лагерю, раздавая брошюры. У многих были выбриты макушки или затылки, другие крепко сжимали плакаты или изображения Святой. Наиболее экстремальные представители были с пирсингом, изображающим стигматы девяти ран, или с вырезанными на теле святыми трактатами. У некоторых были палки и плети для самобичевания.

Каждый пилигрим гордо показывал свой паломнический значок, и каждый выглядел измученным и болезненно равнодушным.

«Гляди в оба, Ларкс,» крикнул сержант Обел. Ларкин поспешил сделать это. Он приложил свой лонг-лаз к плечу и осмотрел местность в прицел. Сквозь улучшенный и увеличивающий видоискатель, он нашел пятна поселений в туманном холоде Обсиды, по ту сторону лагеря. На секунду он подумал, что мельком увидел движение далеко впереди. Всего лишь ветер, поднимающий пыль. Больше ничего нет, сказал он себе. Врагов нет.

Хлэйн Ларкин – самый меткий стрелок в полку – был встревожен не тем, что врага нигде не было. Враг был уже в городе, в городе вместе с ними.

И имя ему было Лайжа Куу.

Всего лишь в пятистах метрах от того места, где стоял Ларкин, в другой части беспорядочно разбросанного лагеря, Рядовой Куу поднял свой стандартный лазган, и приготовился стрелять.

«Больше ни шагу, гакоголовый,» прошипел он. «Или я наделаю дыр в твоём туловище, как пить дать.»

«Положи это,» резко сказала Сержант Крийд, проталкиваясь к Куу, и рукой отводя ствол его лазгана вверх. «Сэр? Мистер? Я хочу, чтобы вы назвали себя.» Антон Алфант повернулся и посмотрел на нее. Он поднял руки так, чтобы она смогла увидеть, что в них ничего нет.

«Я не хочу проблем, рядовой,» сказал он.

«Сержант,» поправила она, и пошла вперед, чтобы рассмотреть его, пока ее взвод – десятый – приближался к ней позади.

«Мои извинения, сержант. Прошло несколько лет.»

«С чего?» спросила она. Алфанту она уже нравилась. Наблюдательная, с быстрым взглядом, уверенная в себе. Еще и красавица, если вам, конечно, нравится такой тип крепких, худых девушек. Хотя она, конечно, не для такого старика, как он сам.

«Я был Гвардейцем. Годы назад. Извините, это не важно, не так ли?» Крийд пожала плечами. «Нам сказали обезопасить эту зону, сэр. Все нормально, если пилигримы остаются на своих местах в лагере, но мы не можем разрешить им бродить после темноты.»

«Из-за рейдеров?» сказал он.

Она кивнула. «Я полагаю, что вы тоже пилигрим? У вас есть документы?» Алфант подтвердил быстрым кивком, затем осторожно откинул робу, чтобы она смогла увидеть, что он делал руками все это время. Он протянул пачку документов.

ДаФелбе, заместитель Крийд, высокий, серьезный молодой человек, поспешил вперед и проверил бумаги Алфанта переносным верификатором.

«Антон Алфант,» отозвался ДаФелбе. «Зарегистрированный пилигрим инфарди. Место жительства, Хан II, место рождения --»

«Достаточно,» сказала Крийд. Она взяла бумаги и подошла к Алфанту. «Здесь говорится, что вы приписаны к лагерю в районе Айронхолл. Вы забрели немного далековато.»

«Я... я кое-кого искал,» сказал Алфант.

«Кого?»

«Сейчас это не важно. Боюсь, я ушел не туда. Ну а сейчас я просто шел посмотреть, открыта ли вон та фабрика. В этой части лагеря много маленьких детей, и я надеялся найти для них укрытие.»

«Почему? Вы что-то вроде избранного лидера?»

«Нет, совсем нет. Просто... ночи холодные.»

«И только?» сказала Крийд. «Хвлан?»

Разведчик десятого взвода поспешил к ним.

Крийд кивнула на пустующее здание неподалеку. «Открой то место, пожалуйста. Тут есть несколько детей, которым пригодится укрытие ночью.»

«Выполняю,» сказал Хвлан.

«Нэсса... прикрой ему спину,» добавила Крийд, жестами показывая снайперу взвода. Нэсса Бурах подхватила свой лонг-лаз и поспешила за разведчиком.

Позади них слышалось движение, но это был просто Сержант «Шогги» Домор и его двенадцатый взвод.

«Что-нибудь видели?» спросил Домор.

Крийд просмеялась про себя от непредумышленной иронии в его вопросе. «Ты мне скажи.» Его выпуклые, аугметические глаза жужжали и щелкали, когда сканировали горизонт.

«Не на что и плюнуть, Тона,» сказал он.

«Будь благодарен за это,» сказала она.

В конце колонны Призраков, Брин Майло растирал свои замерзшие руки и смотрел вдаль.

«Что за фес делают те люди?» спросил он.

«Вон там?» ответил Нен. «Сохраняют фесово равновесие, я бы сказал.» Сквозь свет от костров беспорядочно застроенного лагеря пилигримов, так же как и вездесущие причудливые часовни, торчали узкие башни. По большей части деревянные, некоторые из металла, некоторые из камня на колесных тележках. На каждой стоял пилигрим, уязвимо балансируя на вершине его или ее тонкой колонны.

«Столпники,» сказала Капрал Чирия так, как будто знала. Она была крепкой Вергхасткой, на ее гладком лице остался ужасный шрам от последней кампании, через которую они прошли. «Столпники, ты понял? Они стоят на вершине постамента или колонны, Майло.»

«Ух... почему?»

«Ну,» подумала Чирия, «я точно не знаю.»

«Приближает их к Святой,» сказал голос позади них. «Доказывает их веру.»

«Серьезно, Гол?» спросил Майло.

Гол Колеа опустил свой лазган и крепко задумался. Было больно видеть это. Когда-то Гол Колеа был командиром десятого взвода, с отличным послужным списком. Поговаривали, что он был создан для старшего офицерского состава. Но на Фантине, два года назад, осколки заряда из флешета локсатля попали ему в голову и вырвали его разум и личность. Это было вопиющее безобразие, настоящая трагедия. Колеа редко говорил больше, чем несколько слов. Его последний комментарий был просто выдающимся произведением искусства.

«Откуда ты это знаешь, Гол?» спросил Майло.

«Без понятия,» сказал Колеа. Он почесал голову. «Просто пришло в голову.»

«Ох, вы же знаете сержанта,» сказал Куу, медленно подходя. Он был единственным человеком, который все еще обращался к Колеа по его бывшему званию. «Говорит всякий гак, разве нет так, гакоголовый? А? А? Как пить дать.»

«Однажды, Лайжа,» ядовито сказала Чирия, «кто-нибудь засадит лаз-заряд тебе прямо между глаз.»

«Ого-го. И кто же это будет? Ты?» захихикал Куу. «У тебя для этого яиц нет, Чирия. Как пить дать.» Майло повернулся к Куу и уставился на его лицо с глубоким шрамом. «Если не прекратишь издеваться над Колеа, я это сделаю, понял меня?» сказал Майло.

Куу оскалился. «Упс, осторожнее, талисман. А-то получишь шрам на груди!»

Майло уронил свой лазган и сжал кулаки.

«Хватит! Хватит!» сказал Бонин, разведчик двенадцатого взвода. Он встал между Майло и Куу. «Майло... тебя ищет связист.»

«Меня?»

«Да, тебя. Куу. Иди и займись чем-нибудь.»

Куу захихикал и побрел прочь.

«Не совсем по-домашнему,» фыркнул Хвлан, осматриваясь. Внутри фабрики было темно и пусто, и пахло гнилым деревом, машинным маслом и озоном. Нэсса прошла мимо него, осматриваясь в прицел своего лонг-лаза. ДаФелбе нел с ней, освещая фонариком темные углы. В крыше над ними была дыра, и сквозь них они видели лиминисцентное мерцание городского щита.

«Тут нет ветра, а это важная шутка,» сказал Алфант. «Несколько бочек с огнем, и станет почти уютно.»

«Надо думать,» сказал Хвлан.

«Все нормально, если я приведу сюда несколько семей?» спросил Алфант Крийд.

Она кивнула. «Столько, сколько тут поместятся.»

Менее, чем через пятнадцать минут, место уже кишело. Пилигримы волокли пожитки на ручных тележках и носилках, и некоторые затащили часовни внутрь. Развели костры.

Пилигримы пели медленный, пасторальный гимн, пока расселялись. Алфант шел среди них, помогая устроиться. Крийд недолго наблюдала за ним. Человек, может быть, и не заявлял о своем лидерстве, но у него был настоящий, обнадеживающий командный дух, на который реагировали все пилигримы. Он был, тем не менее, явно чем-то озабочен, и продолжал смотреть на дверь, когда новенькие прибывали. Кого он надеялся найти в лагере Айронхолл?

Крийд помогала старику найти уголок, где сесть. У старика была ручная повозка, нагруженная грубо разукрашенными глиняными бюстами Святой, несомненно, изготовленными дешевым фабричным репликатором, который он обязан был продать, чтобы были деньги на похлебку. Как только Крийд помогла ему расстелить его рваный матрас в углу фабрики, он запихнул один из бюстов в ее руку.

«Нет, ничего не надо.»

«Пожалуйста.»

«Если честно, то у меня нет денег.»

«Нет, нет,» старик помотал головой. «Не надо денег. Это моя благодарность за вашу доброту.»

«Ох,» Крийд посмотрела на глиняную фигурку. Она была ужасной. Она была покрашена так плохо и так неумело, что Святая Саббат выглядела, как клановая девочка-подросток из улья Вervун, которая только этим утром нашла косметику и с энтузиазмом использовала ее.

«Спасибо вам,» сказала Крийд, убирая глиняный бюст в карман куртки. Это была не форменная одежда, полевая куртка, подбитая мехом, армии Шадика, которую она позаимствовала на Айэкс Кардинале. Она срезала с нее инсигнии. Поэтому, никто не осуждал ее, за то, что она ее носит, и она была рада, что куртка теплая.

«Пусть Святая благословит тебя,» сказал старик.

«И вас тоже,» добавила она, но ее внимание было, вообще-то, приковано не к нему. Она могла слышать повышающиеся голоса, раздающиеся от входа на фабрику.

В дверном проеме, ДаФелбе и Лубба ссорились с высоким человеком, одетым в нарядную полу-броню местного ополчения.

«... просто выгоните их отсюда, тогда,» она услышала, как сказал человек, пока она приближалась.

«Проблема?» спросила она.

Местный повернулся и посмотрел на нее. Он был одет в коричневую синтетическую кожу, и его туловище и левую руку покрывала сегментированная сталь. Позади него было больше дюжины солдат Херодианского города с карабинами.

«Вы командуете?» спросил он.

«Сержант Крийд, Танитский Первый,» спокойно ответила она. Резким кивком головы она подала знак ДаФелбе и Луббе отступить. Лубба казался необычно голым без своего отличительного огнеметного снаряжения.

Гаковы городские законы.

«Капитан Ламм, Цивитас Беати. Это неразрешенное использование гражданской собственности. Выкиньте отсюда этих подонков.»

«Нет,» сказала Крийд.

Капитан ошетинился. «Нет?» сказал он.

«Этим людям,» акцентировала Крийд, «нужно убежище. Это здание было не занято.

Бесхозное фактически. Это не неразрешенное использование, потому что я разрешила.»

«Использование собственности – забота городского совета. Вы взломали замок?»

«Лично нет, но я беру ответственность на себя. Давайте будем тактичными, Капитан Ламм. Нет нужды ссориться. Мы на одной стороне.»

По выражению лица Ламма было понятно, что он совершенно с этим не согласен.

«Выведите этих бродяг из здания,» сказал Ламм, медленно и нарочито.

Крийд собиралась ответить самым пошлым ответом в своей жизни, но звук вдалеке от фабрики помешал ей.

Это был звук стрельбы. Первые выстрелы за ночь. И за ними сразу же послышались крики.

«Занять позиции!» прокричал Обел. «Занять и удерживать позиции!» Призраки из одиннадцатого взвода стали продвигаться, как только услышали первые выстрелы, но они столкнулись с волной паникующих пилигримов. Два или три гвардейца были сбиты с ног наплывом.

Первоначальные выстрелы противника казались всего лишь вспышками на отдалении, позади напирающих тел, но теперь были видны лаз-заряды, яркие и суровые, интенсивно разлетающиеся над толпой. Горячие красные или еще более горячие белые линии выстрелов устремлялись вперед, как трассирующие пули сквозь мрак. Несколько выстрелов попали в стену склада позади местоположения взвода Обела, и выбили из нее большие куски замазки и кирпича. Два случайных

выстрела попали в столпника, и сбили его колонны. Другие выстрелы безжалостно летели в перепуганную толпу.

«Ох, фес!» выругался Обел, пригнувшись за ручной тележкой со своим вокс-офицером. Связист орал, докладывая по связи о ситуации.

«Сколько их, приблизительно?» крикнул Обел.

«Я нихрена не могу разглядеть, сарж!» рявкнул в ответ Брехенден, пытаясь перекричать беспорядок вокруг.

Ларкин умудрился добежать до двери на другой стороне широкой дороги. Он сузил глаза, и несколько секунд смотрел на светопредставление.

«По меньшей мере, дюжина стрелков. Стреляют из стандартных лазганов,» крикнул он назад, как только рассмотрел выстрелы.

«Но у них есть еще и что-то тяжелое. Пушка, или даже что-то вроде плазменного зажаривателя.» Это было тем, что наносило настоящий ущерб. Большая огневая мощь, автоматическая, беспорядочная. Множество пилигримов уже были мертвы. Удары тяжелого оружия были такими сильными, что валили несчастных столпников, кроша в пыль колонны. Ларкин с изумлением смотрел на то, что другие обитатели столбов даже не пытаются спуститься и убежать. Они просто встали на колени на своих шатких насестах, и стали молиться.

«Можешь вырубить ее?» крикнул Обел.

Ларкин начал приглядываться к лаз-зарядам, выискивая большой, красный и тусклый. Около двухсот метров на северо-восток.

«Могу попробовать,» сказал он без энтузиазма.

Обел отправил Жажжо и Анкина на помощь Ларкину. Жажжо, темнокожий и суровый, был новым разведчиком одиннадцатого взвода, и первым жителем улья Вervун, который добился этой элитной специализации. Ларкин знал, что у Мколла большие надежды на способности Жажжо.

«Веди, Ларкс,» сказал Жажжо. В обычных обстоятельствах, их повел бы разведчик, но сейчас это было дело для снайпера.

«Налево, вон туда, вниз,» сказал Ларкин. Трио прорвалось сквозь волну орущей толпы и быстро спустилось по небольшой каменной лестнице в подземный переход, который находился позади фабрики. Несколько дюжин пилигримов выбрали это место, чтобы спрятаться, и прижимались к стене, когда мимо пробежали три гвардейца.

Переход разделялся, либо, уходя через каменный мостик в сторону прокатного цеха, либо спускаясь деревянной лестницей в нижний сервисный проход. Пилигримы запередили сервисный проход внизу. Ларкин мгновение стоял на вершине лестницы, задрал голову. Звуки стрельбы слегка изменились, относительно их позиции.

«Вниз,» сказал он, и все трое спустились вниз по деревянным ступеням, и пошли по проходу, придерживаясь за стену, тогда как мирные жители бежали в другую сторону.

Они дошли до перекрестка. Поток пилигримов уменьшился. Везде валялись тела. На середине перекрестка лежала опрокинутая часовня.

Ларкин метнулся из прохода и занял укрытие позади часовни. Тотчас, улица осветилась; легким лазерным огнем, щипящим, как охлаждающаяся сталь, и тяжелым, заставляющим диафрагму вибрировать, рыганием пушки.

Каркас часовни затрясся, и куски дерева и пластика полетели в воздух. Выстрелы так же крошили покрытие улицы, или с глухим стуком попадали в скрученные трупы.

Ларкин сидел низко пригнувшись. Суматошная стрельба была такой интенсивной, что у Жажжо или Анкина не было никаких шансов присоединиться к нему. Они все еще были прижаты за углом.

Несколько пушечных снарядов пробили покоробившиеся часы, за которыми он укрывался, и пролетели на волосок от его головы. Ларкин перекатился и приложил лонг-лаз к плечу. Лежа на животе, он мало что мог видеть из-под тележки, но все равно было достаточно места, чтобы выставить лонг-лаз и посмотреть в прицел.

Другая сторона улицы отображалась в холодном, зеленом приглушенном цвете его ночного прицела. Ему пришлось уменьшить визуальное усиление, потому что лазерные вспышки, устремлявшиеся к нему, сияли на пределе контраста.

Лучше. Горячая точка. Очень горячая. Сверхнагретый ствол, что-то большое. Он посмотрел снова, исследуя три тени, работающие с тяжелой пушкой на станине, позади припаркованного грузовика в сорока метрах от них.

Больше горячих точек, меньших, более холодных. Люди с лазганами. Один в дверном проеме, другой позади ряда бочек с топливом, еще один напротив боковой стены. И все стреляют в него.

Он отодвинулся назад и открыл свой вещевой мешок, доставая несколько силовых ячеек и выбирая стандартную низковольтную ячейку. Он делал все это наощупь, различая вертикальные и диагональные кресты клейкой ленты, которыми он пометил стороны. Он бы предпочел взять «горячий выстрел» для максимальной убойной силы, но там было слишком много целей. «Горячий выстрел» был одноразовой ячейкой, и у него не было времени перезаряжать их.

Ларкин вытащил «горячий выстрел» из лонг-лаза, и заменил его на низковольтную ячейку. Он убедился, что загорелся зеленый значек на прицеле, и затем устроился поудобнее. Фес, они не собирались прекращать огонь. Еще минута, не больше, и часовня станет разваливаться на части, и он останется без прикрытия посередине улицы, с нарисованной на лице мишенью и пером в заднице.

Пушка была очевидной первой целью, но звук от нее должен прикрыть его выстрелы, когда он будет убирать остальных. Он прицелился в стрелка в дверном проеме, ожидая, когда тот осветит себя выстрелом, чтобы, соответственно, прикончить его прямо в тених, и затем выстрелил. Противник, возможно, даже не заметил вспышку его выстрела в неразберихе.

Теперь тот, который у боковой стены. Вот оно, продолжай стрелять. Покажи мне, где ты...

Лонг-лаз толкул отдачей. Фигура у стены плюхнулась.

Стрелок у бочек внезапно осознал, что его приятели мертвы. Он начал бежать к пушке. Третий выстрел Ларкина пролетел через его спину.

Пушка стала подниматься и стрелять прямо в него, вместо того, чтобы поливать улицу. Не время для неожиданностей. Ларкин вытащил низковольтную ячейку и

воткнул «горячий выстрел». В каждом выстреле из пушки было во много раз больше энергии, чем в лонг-лазе, даже с «горячим выстрелом» в стволе, и темп огня был пять выстрелов в секунду. Часть опрокинувшейся часовни с часами была уничтожена, и колесо отлетело в сторону от тележки, разбитое и с оторванными спицами.

«Ага-ага,» сказал Ларкин и выстрелил.

Проревел «Горячий выстрел», и приклад надолго оставил синяк на правом плече Ларкина. Больно. Всегда было больно. Он любил боль, потому что она всегда ассоциировалась у него со смертельным выстрелом.

Голова канонира испарилась, и он опрокинулся на пушку. Внезапная тишина. Ларкин мог видеть, как товарищи канонира пытаются отпугнуть его в сторону, пока Танитский снайпер вставлял новый «горячий выстрел».

Энергоячейка, в метре левее станины, питающий кабель присоединен...

Удар в плечо.

Энергоячейка взорвалась с силой нескольких гранат, и подбросила пушку, станину и все остальное, в воздух, вместе с тремя фигурами, поднимающимися как в балете в ярком огне.

Станина отскочила от земли дважды, с тяжелым металлическим стуком. Тела не отскакивали.

«Чисто!» крикнул Ларкин, перезаряжаясь и вставая. Жажжо и Анкин выскочили из укрытия и побежали мимо него, стреляя короткими очередями, чтобы расчистить улицу. Ларкин бежал за ними, держась ближе к стене.

«Фес меня, Ларкс!» сказал Анкин, рассматривая работу снайпера, когда добрался до укрытия у следующего угла, рядом с местом, где уничтоженная пушка оставила пылающую воронку на дороге. «Ты с ней не церемонился!»

«Похлопаешь его по спине позже,» сказал Жажжо. Он шел, пригнувшись, позади грузовика, и начал стрелять дальше по улице, по левую от него руку.

К ним приближалось еще больше врагов. Намного больше. И Жажжо сразу опознал из кроваво-красную униформу.

Кровавый Пакт. Так это правда, думала про себя Тона Крийд. По крайней мере, очень похожи. «Инакомыслящие еретики», осаждающие Город Беати, на самом деле были тренированной, вымуштрованной и опытной элитной пехотой архиврага. Что Корбек и упустил на брифинге, так это размах. Это была не небольшая стычка. Это был полномасштабный штурм.

Враг накатывал из пустоши на Стекольный Завод большими силами, с серьезной огневой поддержкой и переносными щитами. По ее собственным прикидкам, пятьдесят, или больше, пилигримов, были уничтожены в начальной фазе, зажатые между беспощадным огнем атакующих и практически беспомощными Имперцами. Сейчас пилигримы, по большей части, попрятались в укрытия неподалеку, или массово сбежали во внутренний город, и битва разгорелась с новой силой, жестокие уличные схватки происходили везде, начиная от Обсиды, в лагерях и фабриках в этой зоне. Взвод Крийд, поддерживаемый взводом Домора, удерживал три квартала, с отрядом Обела недалеко к западу от них. Через пятнадцать минут к ней на помощь с востока подошли еще три взвода и колонна местных бойцов, вызванная Капитаном Ламмом.

Это было ужасно, так ужасно, как и все, что она когда-либо знала, и этим было все сказано. Это все ощущалось, как уличная война, которую она застала в улье Вервун, но здесь враг был хорошо оснащен, а не как похожие на зомби Зойканцы. Кровавый Пакт был совершенно другим делом. Они знали, как сражаться на улицах. Они были такими же опытными, как и Призраки, и гораздо более дисциплинированными, чем любые войска Хаоса, с которыми она когда-либо встречалась. Все это так же неприятно напоминало окопную войну на Айэкс Кардинале, которую они только недавно оставили позади. В то время она верила, что это эталон плохого, с точки зрения сражения. Запертые – как крысы и с крысами – в узких, мерзких землянках, иногда сражаясь врукопашную.

Но это был просто гаков кошмар. Стекланный Завод был слишком открытым, слишком извилистым. Каждый угол и поворот дороги, каждый узкий переулок и участок земли, были смертельными ловушками. В траншее ты, по крайней мере, знал, что враг был перед тобой.

Смеясь, она выпустила залп лаз-выстрелов и отшвырнула солдата Кровавого Пакта назад в арочный проход. Появились еще двое, и она расправилась с ними так же хорошо.

«Что фесово смешного?» прокричал ей Лубба, стреляя из выданного ему новенького лазгана. Он казался слишком маленьким в его мясистых, татуированных руках. Она знала, что он очень скучает по своему огнемету. Гак, но как полезен прямо сейчас был бы огнемет?

«Поймала себя на мысли, что страстно желаю оказаться в траншеях,» сказала она, перезаряжая оружие. «Это ржу-не-могу, как смешно.»

«Слева! Слева!» внезапно закричал Субено. Ливень лазерного огня прыснул с боковой улицы, и Крийд с Луббой нырнули в укрытие. Домор пробежал мимо нее, с Неном, Бонином и Майло.

Они перекрыли новый угол атаки массированным автоматическим огнем. Еще несколько Призраков, ведомых Чирией и Эзланом, атаковали сквозь пролом и откинули атакующих назад по улице. Один из Призраков зашатался и упал. Крийд не смогла увидеть, кто это был. Но она точно могла видеть, что он мертв.

Люди Ламма удерживали перекресток, дальше от них. Каждые несколько секунд, Крийд могла слышать шипение санкционированного огнемета Ламма. Позади них, в следующем квартале, Херодианские Силы Планетарной Обороны вступили в непрерывную схватку с врагом между железными церковными амбарами.

«Что там у нас сзади?» крикнула она Луббе. Он был покрыт штукатуркой и выглядел так, как будто извалялся в муке.

«Как будто у меня есть хоть какая-то фесова мысль,» ответил он.

Она поднялась и побежала назад по узкой улице, прокладывая путь между телами убитых пилигримов. ДаФелбе, с девятью солдатами на хорошей позиции, удерживал заднюю часть улицы, но шквальный огонь все усиливался. Она увидела, что Позетин и Вулли оттаскивают Мкхефа с линии огня. Ему попали в шею и грудь. Она надеялась, что он увидит рассвет.

Свернув за угол, она побежала к Капитану Дауру, ведущему свой взвод сквозь дым.

«Докладывай!» крикнул он сквозь стрельбу.

Крийд сделала неясный жест вокруг себя. «Они фесово прижали нас везде!» начала она. «Отступайте!»

«В укрытие!» крикнул он, и его взвод рванул к дверям и разбитым окнам сарая впереди.

Крийд пошла в другую сторону в усыпанный булыжником переулок, и нарвалась на трех солдат Кровавого Пакта, приближающихся с другой стороны.

Крийд взвизгнула и упала. Лаз-заряд скользнул по ее черепу.

Это выбило из нее чувства. Она лежала лицом на булыжнике, неспособная двигаться, видеть...

Что-то спускалось с крыши позади солдат Кровавого Пакта. Единственный Призрак, лазпистолет в одной руке, серебряный клинок в другой. Меньше, чем за две секунды, все три вражеских солдата были мертвы, два выстрела в упор, третий проткнут.

Тяжело дыша, Лайжа Куу опустил руки. С него капала кровь. Он подошел к Крийд и присел возле нее. Фигуры мелькали в конце переулка. Завывали выстрелы.

Он убрал в кобуру свой пистолет и развернул боевой нож так, что острие теперь было направлено вниз. Затем он приставил кончик к ее затылку. Капля темной крови собралась вокруг острого, как бритва, кончика.

Другой рукой он погладил ее по волосам, темным от крови, и затем провел грязным пальцем по ее щеке.

«Как пить дать,» хрипло пробормотал он. Он поднял клинок, чтобы обрушить его вниз.

Большая рука мертвой хваткой схватила его за запястье. Куу задохнулся от боли и взглянул вверх.

«Ты не причиняй никому боль,» сказал Колеа.

«Отвали от меня!» сказал Куу.

«Ты не причиняй никому боль, Лайжа Куу,» повторил Колеа, поднимаясь. Куу пришлось встать вместе с ним, его запястье было как в тисках в монументально сильной хватке.

«Я пытался помочь ей! Ей нужна помощь! Посмотри на нее!» визжал Куу. «Ее противогаз обвился вокруг глотки! Смотри! Смотри, как тебя! Я собирался разрезать его!»

«Ты уходишь,» сказал Колеа. «Уходишь прямо сейчас.»

Он отпустил руку Куу и тот подался назад, уставившись на Колеа. Колеа, безмятежно, так же уставился на него.

«Тогда ты ей помочь,» сказал Куу, «ты тупой гакоголовый.» Он слегка поднял нож, вытер кровь с него о штаны и вложил в ножны.

«Ты уходишь!» сказал Колеа. Куу скрылся в тени.

Колеа нагнулся и перевернул Крийд, стягивая с нее удушающий противогаз. Затем он поднял ее на руки и пошел.

Снаружи улицы, Лубба увидел, как то приближается, и его сердце замерло. Он был там, на Фантине, двумя годами ранее, и видел точно такую же картину. Колеа, несущего раненую Крийд в безопасность. Секундами позже, Колеа был ранен, и человек, которого все знали и любили, исчез.

Лубба скользнул к нему до того, как такое снова произойдет и толкнул Колеа в укрытие. «Медик!» закричал он.

«Медика сюда прямо сейчас!»

Двумя улицами далее, минометные снаряды падали на сараи и территорию фабрики. Кипящий огонь вырывался из дверных проемов и окон, унося стекло в воздух и сотрясая землю. Рухнули крыши. Два длинных сборочных цеха были объаты огнем.

Майло сжался у полуразрушенной стены. В его ушах звенело от избыточного давления. Кровь от попадания шрапнели стекала у него по щеке. Бонин лежал позади него, пытаясь выдернуть кусочек стекла из ладони.

«Итак, это все фесово хорошо, нет так ли,» сказал он сквозь рев взрывов.

«В самом деле,» ответил Майло. Он был взволнован и потрясен взрывами, но, несмотря на это, у него было странное чувство. Как...

Как на Хагии.

Он так и не узнал, что от него хотел связист.

«Слушай!» внезапно прошипел Бонин, и откатился, поднимая свой лазган. Он сделал пару выстрелов, и Майло присоединился к нему. Фигуры в красном только что появились перед ними из разбомбленного здания.

Они стреляли осторожно и точно. Бонин, весьма способный разведчик, был тренирован в бою Мколлом, и знал, как стрелять и как ждать, чтобы стрелять. Майло учился военному делу у разных источников... у Полковника Корбека, самого Гаунта и, в особенности, Хлэйна Ларкина. Майло снимал цели с мастерством охотника.

Вместе, они застрелили девять солдат Кровавого Пакта, которые появлялись из руин и пытались штурмовать улицу.

Они жались друг к другу на булыжниках несколько минут, и затем, когда минометы стали снова стрелять, они поползли в направлении главных сил.

«Помогите мне!» кричал кто-то. Огонь облизывал стены здания неподалеку, и выбрасывал искры к мерцающему щиту.

Майло сорвался на бег, Бонин был рядом. Они увидели впереди человека, крепко сложенного человека, позднего среднего возраста, одетого в одежды пилигрима инфарди. Он пытался оттащить старика от пылающей фабрики.

«Внутри есть еще!» Алфант крикнул, когда два Призрака добежали до него. «Святая помощи, это место горит!»

Заброшенный амбар, который открыла Крийд, под убеждением Алфанта всего лишь не так давно, сейчас был объят огнем. Многие из тех, которые были внутри, были слишком стары и немощны, чтобы спасти себя. Или это были дети, безнадежно потерявшиеся и напуганные.

Майло и Бонин, вместе с Алфантом, зашли внутрь и выгнали кричащих детей наружу. Балки обрушились, окутанные огнем. Бонин и Алфонт усадили старую женщину на носилки и выбирались с ней наружу, сбивая с ее одежды пламя.

Майло подхватил двух маленьких детей и пробирался с ними на ночной воздух.

Снаружи их встретил дождь лазерного огня и пуль. Кровавый Пакт обнаружил их. Старушка, которую несли Бонин и Алфонт, умерла прямо на носилках. Майло не мог смотреть на другие жертвы.

Он и Бонин сняли лазганы с плечей и начали отстреливаться, используя каменную кладку уничтоженного цеха, как баррикаду.

«Дайте мне что-нибудь! Все что угодно!» кричал Алфонт из укрытия в дверном проеме, дети толпились вокруг него.

«Вы знаете, что с этим делать?» крикнул ему Майло.

«Я был Гвардейцем! Я знаю!»

Майло вытащил свой лазпистолет и бросил его Алфанту. Затем он бросил несколько запасных обойм из своего вещмешка. Все трое стали стрелять дальше по улице.

Пригибаясь, вставая и стреляя, Алфонт внезапно увидел девушку, Саббатину. Он искал ее всю ночь... на самом деле, с тех пор, как они случайно встретились в лагере Айронхолл. Что-то в ней было, что-то поразительное, что-то, что заставило его искать ее.

Она вышла из токарного цеха на улицу, выводя группу детей пилигримов из здания, где бушевал огонь. Они бежали в линию, держась за руки. Она выглядела, как учитель схолума на экскурсии.

«Назад! Назад!» кричал ей Алфонт.

Она повернулась, увидела его, и стала подгонять детей к укрытию, где залегли Алфонт и двое Призраков.

«Ради феса!» воскликнул Майло, видя, как они приближаются. Лазерный огонь свистел возле голов маленькой, настойчивой процессии. Как он не попадал? Как они еще не умерли?

Бонин и Майло немного поднялись, и открыли огонь, прикрывая их, затем начали хватать плачущих детей и прятать за баррикадой, когда те доходили до них.

«Ну, давай!» кричал Алфонт девушке. Казалось, что она даже не делала попыток пригнуться.

Она рисковала собой, когда побежала из укрытия и подхватила отставших детей. Выстрел слегка коснулся ее бедра. Каким-то образом, худая девушка держала их перед собой, пока они не добрались до укрытия.

«Я искал тебя,» сказал он.

Саббатина улыбнулась. «Я знаю.»

Майло медленно пробрался к ним, заставляя всхлипывающих детей пригнуться, пытаясь, чтобы это звучало как игра.

«То, что ты сделала, было очень храбрым,» сказал он девушке. Она посмотрела на него, и Майло потерял слова. Он никогда в жизни ее не видел, но он ее знал. Так, как будто знал ее всегда.

Майло затряс головой, чтобы избавиться от беспорядка в мыслях. «Мы должны увести этих детей отсюда,» сказал он. «Бонин?»

«Некуда!» крикнул Бонин неподалеку, среди съежившихся детей и других пилигримов.

Выстрелы раздавались с другого конца улицы. «Мы не можем пройти там.» Майло скользнул вперед и осмелился глянуть на улицу впереди. Окружающие вспышки, завитки дыма ползли вдоль омываемой огнем подъездной дороге. Он видел, как люди подходят между людей с винтовками и в ужасных железных масках. Каждые несколько секунд, один или несколько поднимали оружие и стреляли в их сторону. Слишком много, чтобы только трое отразили нападение.

А потом стало даже как на учебных занятиях. Приближающаяся пехота Кровавого Пакта разошлась по краям разрушенной улицы. Что-то приближалось позади них.

«Он фес...» застонал Майло, когда осадный танк, раскрашенный в темно-красный цвет и замаранный отвратительными символами, вкатился в зону видимости.

«Сейчас не самое лучшее время для аудиенции,» сказал штабной офицер Цивитас Беати. «На город напали.»

«Серьезно? Тогда составьте список более подходящих случаев, фес тебя!» проворчал Цвейл. Невозможно было прочесть выражение на упрямом лице солдата, в тяжелом обмундировании и сегментированной броне, возвышающимся над старым аятани, в свете канделябров атриума. Позади него были массивные бронзовые двери главы собора Экклезиархии, расположенные на вершине главной башни улья, и гравированные изображениями Киодруса, держащего чашу для Святой, чтобы омыть ее раны. Двери были непоколебимо закрыты.

«Отец, пожалуйста,» начал штабной офицер.

«Я проделал долгий путь, чтобы увидеть ее,» сказал ему Цвейл.

«Так же, как и большое число людей.»

Цвейл разочарованно помахал своими тощими руками. «Вы знаете, кто я?»

«Вы – Имхава Цвейл, и только старый мерзавец, как ты, может поднять такой переполох.»

Голос шел сзади. Цвейл оглянулся и увидел другого человека в одеждах священника.

«Килош,» сказал он, кланяясь. Килон поклонился в ответ. «Вы далеко от храма аятани, брат,» сказал Цвейл.

«Условия для нашей преданности изменились, брат.» Килош улыбнулся.

«Неожиданно рад видеть тебя снова, сварливый ты старый смутьян.»

«И я тебя, хотя ты выглядишь высокомерным и прямолинейным, как всегда. Мне нужно увидеть ее, брат.»

«Это понятно всем на расстоянии крика. Я посмотрю, что смогу предпринять, за исключением...»

«За исключением чего?» нахмурился Цвейл.

«Достаточно уже проблем за сегодняшнюю ночь. Больше я тебе ничего не стану объяснять.» Цвейл притянул Килоша и понизил голос. «Я знаю, что ты думаешь. У меня мало того, что меньше, чем чистая репутация, но, так же, я сопровождал этих Танитских варваров слишком долго, чем это было бы хорошо для меня.»

«Брат, я никогда не относил Гаунта и его людей к варварам.»

Цвейл выдержал паузу. «Так же, как и я. Но ты боишься, что я пришел сюда, чтобы опорочить ее, увидя с глазу на глаз. Не поверить, как не поверил Гаунт.»

«Его отсутствие веры, в самом деле, причиняет мне боль, брат.»

«Даже не в половину так, как мне. Он хороший человек, и честный, и я примкнул к его полку потому, что он преклонялся перед Святой. Я не знаю, что разрушило его веру, но это печалит меня.»

Килош кивнул. «Так значит, ты не явился, как его эмиссар, чтобы разоблачить фальшивого идола?»

«Совсем наоборот. Брат, я нуждаюсь в аудиенции, чтобы я мог придти к нему и донести до него истину. Заставить его увидеть. Заставить его поверить.»

«Ты не вкладываешь свои сомнения в это?»

Цвейл помотал головой. «Были знаки, знамения, предзнаменования, достаточные, чтобы свершился исход пилигримов, достаточные, чтобы эта часть Империи встала во главе. Предсказания неимоверного числа храмов неимоверного числа миров предрекали, категорически, что Святая переродится здесь, на Херодоре.

Доказательства недвусмысленны. Я верю, что она здесь. Я верю, что все прекратится. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы Гаунт тоже поверил. Без его веры мы обречены.» Килош долго изучал лицо Цвейла, и затем кивнул, чтобы тот последовал за ним.

Солдаты полка Цивитас Беати открыли бронзовые двери, и два старых священника прохромали в широкое святилище великой церкви.

Мраморные стены и колонны были отделаны позолотой и обсидиановой мозаикой. Внутри были часовни, вместе с гирляндами кристаллизованного ислумбина.

Огромная скульптура орла из черного железа, тридцати метров от одного кончика крыла до другого, свисала из-под купола. Длинные ряды стульев, расположенные полукругом, сделанные из темного, полированного дерева, стояли напротив высокого алтаря, в больших подсвечниках, сделанных из сверкающей чешуи челона, трепетало желтое пламя. Сам по себе алтарь был большой каменной чашей, наполненной святой водой из купальни. Вода была спокойной и гладкой, как коричневое зеркало.

Цвейл встал на колени лицом к алтарю и помолился. Затем Килош помог ему подняться на ноги и повел во внутреннюю часовню. Служанки эшли, облаченные в фиолетовые стихари и белые головные уборы, ожидали снаружи позолоченной двери иконостаса. Килош открыл старую дверь, и оба сделали несколько осторожных шагов в тесную крипту.

Было темно, за исключением люминесцентных ламп и слабого луча внешнего света, смешивающегося с мерцанием от городского щита, который просачивался сквозь узкую щель в стене наверху, над скромным алтарем часовни. Перед ним на коленях стояла женщина, молясь, свет из окна омывал ее.

Она услышала их и поднялась, поворачиваясь. На ней были длинные, голубые одежды и белый палантин, ее блестящие черные волосы были собраны в хвост. Килош поклонился, в то время как Цвейл уставился на нее, не в состоянии что-либо сделать. Он чувствовал, как колотится его сердце, как будто оно сейчас разорвется, как будто он проделал весь этот путь только для того, чтобы его древнее тело подвело его сейчас.

«Аятани Цвейл,» сказала Святая, ее голос был как шелк. Ислумбин.

Он мог чувствовать сильный запах ислумбина в воздухе.

Он ахнул и упал на колени. Он не мог найти слов.

«Шшш, верный отец,» сказала она, и протянула руку. Он взял ее своими.

Он что-то почувствовал кожей, как будто прошел электрический разряд. Как будто вонзились иглы. Он резко разжал хватку и посмотрел на нее, сконфуженный.

«Сания...» сказал он.

Ее улыбка не поблекла. «Ты знаешь носителя, в котором я, Аятани Цвейл. Ты узнал его, но --»

«Нет!» сказал он, тяжело поднимаясь на ноги. Он тяжело моргал, как будто пытаюсь не заплакать. «Ох, Боже-Император, он был прав. Ты – Сания...»

Она отошла от него. Килош поднялся, ворча от натуги. «Черт тебя, Цвейл!» прошипел он. «Ты сказал, что не будешь этого делать! Ты обманул меня!»

«Нет, нет...» сказал Цвейл, все еще глядя на нее. «От всего сердца, Килош, я имел в виду то, что говорил там. Но сейчас я вижу истину. Это не та истина, которую я хотел увидеть, но, тем не менее, это все-таки истина.» Килош яростно потянул Цвейла за рукав, чтобы оттащить его. Имхава аятани оттолкнул его.

«Святая здесь. Я чувствую ее в каждом камне и каждом дыхании ветра. Но это не она!»

Танк выстрелил снова, зарывая снаряд в фасад пылающей фабрики позади них. Камень и стекло полетели в воздух. Дети и пилигримы кричали.

«Трубчатый заряд!» крикнул Бонин.

«Ты никогда не подберешься достаточно близко!» крикнул в ответ Майло, защищая руками голову от летающих обломков. Он добрался до Бонина, вытащил из своего мешка трубчатые заряды и дал Бонину. «Не подберешься, пока не отвлечем эту штуку! На счет три!»

Еще один снаряд провыл у них над головами. Танк уже был всего лишь в двадцати метрах от них. Затрещал его тяжелый стаббер, разгребая баррикаду из булыжника.

Два Призрака начали бежать в разные стороны, пригнув головы. Бонин неся по левой стороне улицы, близко к стене, пытаюсь на бегу связать вместе трубчатые

заряды. Майло добрался до правой стороны улицы, затем на четвереньках дополз до дверного проема и вкатился внутрь. Сквозь дым, он мог видеть Алфанта и других взрослых пилигримов, пытающихся вжать детей в то небольшое укрытие, которое еще оставалось.

«Готов?» протрещал голос Бонина в микро-бусине.

«Давай!» сказал Майло. Он выскользнул из укрытия и стал поливать автоматическим огнем из лазгана. Выстрелы загудели и засверкали на помятом металлическом корпусе военной машины. Она накренилась вперед от остановки, и затем стаббер стал разворачиваться в его сторону.

Он едва успел вовремя упасть на землю. Тяжелое оружие разнесло на куски стену и дверь над его свернувшимся калачиком телом. Этого было недостаточно. Он не отвлек танк на достаточное время, чтобы Бонин смог подобраться достаточно близко.

Майло начал отползать, в то время как еще больше стабберных пуль застучали над ним. Если бы он только смог —

Он услышал крик Алфанта и поднял взгляд.

Девушка бежала от укрытия. Прямо в центр раненой войной улицы, прямо к танку.

«Фес, нет!» крикнул Майло, и рванул за ней.

Она была прямо перед танком, подняв обе руки, как офицер арбитрес, управляющий трафиком. Танк остановился, как будто в недоумении. Главная башня повернулась, снижая огромную пушку, чтобы уставиться на нее, как будто это глаз циклопа.

Бонин вышел из дыма сбоку танка и метнул трубчатые заряды. Они отскочили от задней части башни, и остановились под кормовым обтекателем башни.

Майло прыгнул и свалил девушку на землю, увлекая ее в сторону как раз в тот момент, когда главное орудие танка выстрелило.

И сдетонировали трубчатые заряды.

В этот момент, на скользкой дороге, ведущей вниз, между фабричными постройками, в сектор Айронхолл, Капитан Даур упал так тяжело и внезапно, что солдаты вокруг него решили, что в него попали.

«Капитан!» закричал Бреннан, подбегая к нему. Несколько мерцающих лаз-зарядов со стороны рейдеров пролетели со склона, как светлячки. Рядовой Солиа звала медика.

«Все в порядке,» сказал Даур. Его зубы стучали, как будто от холода. «Я имею ввиду, я не ранен.»

«Тогда почему вы упали, капитан?» спросила Солиа, на ее, покрытом пылью, лице было сильное беспокойство.

«У меня просто было... самое ужасное чувство,» сказал Даур, и затем засмеялся над тем, как тупо это звучит.

Но не было ничего тупого в выражении на его лице.

В задней части транспорта, в прогорклом, рециркулированном воздухе, Керт отступила от Херодианского солдата, которого она пыталась сшить воедино, и помотала головой со вздохом. Еще больше раненых, большинство из которых были инфарди, собрались вокруг входной рампы тяжелого транспорта. То и дело, он вибрировал, когда тряслась земля от падения снарядов неподалеку.

Керт услышала грохот и обернулась. Старший Медик Дорден, работавший у каталки позади нее, только что опрокинул поднос с хирургическими инструментами.

«Дорден?»

Он покачивался. Его лицо, под пластиковой маской, было серым и нездоровым.

«Дорден!» крикнула Керт, спеша к нему.

«Ана? Что только что произошло?»

«Что ты имеешь ввиду?»

«Ты не видела эту вспышку? Она была такой яркой...»

«Нет... ничего не было, кроме обстрела, который и сейчас продолжается.»

«Такая яркая...» прошептал он.

Подкрепление Танитцев начало покидать транспорты сразу же после того, как колонна грузовиков остановилась.

Они доехали до перекрестка на Принципал I, впереди на севере был Гильдейский Склон, где начиналась южная граница Айрохолла и Стекольного Завода. Один за другим, легкие танки и самоходные орудия Полка Цивитас Беати проезжали мимо, двигаясь прямо на передовую, вместе с Саламандрами и легкими пушечными платформами из приземлившихся войск Люго.

Гаунт проверил обойму своего болт-пистолета, и прошел вдоль колонны транспортников туда, где Корбек инструктировал командиров отрядов.

«Я знаю, что у этих малышей, хорошая, толстая броня,» говорил Корбек, хлопая по корпусу транспортника, «но они так же большие толстые цели. У нас тут, впереди, уличная схватка, и вам будет лучше – и безопаснее – действовать пешком.

Приготовьтесь разойтись по отрядам.» Он бросил взгляд на Гаунта. «Что-нибудь хотите добавить, сэр?» Гаунт только собрался ответить, когда Корбек внезапно схватился за голову и зашатался.

«Полковник?»

«Ох, Боже-Император...» сказал Корбек, глядя Гаунту прямо в глаза. «Разве вы это не почувствовали? Разве вы это не почувствовали?»

«Аятани Цвейл! Аятани Цвейл, уходите немедленно!» кричал Килош.

«Разве ты не понимаешь, Килош? Почему ты упорно не хочешь это увидеть?»

«Я позову храмовую стражу, и они тебя вытащат отсюда, если ты не прекратишь и не уйдешь сейчас же!» бушевал Килош.

Цвейл, его голова пульсировала, собирался ответить, когда почувствовал привкус ржавчины во рту.

Он посмотрел на Килоша и кашлянул. Кровь забрызгала его поднятую руку.

«Цвейл? Что с тобой?»

Ох, мой дорогой Бог-Император, думал Цвейл. Вот оно. У меня инсульт и –

И это было всем, о чем он смог подумать. Беззвучно, он наклонился вперед и упал головой на плитку.

«Цвейл?» сказал Килош, более озадаченный, чем когда бы то ни было. Он наклонился над своим старым коллегой, проверил пульс, и стал звать на помощь. Позади него раздался вопль.

Он повернулся и увидел, что Святая упала на колени. В свете люминесцентных ламп, он увидел ее испуганный, ужасающий взгляд. Трясущимися руками она вытирала кровь, текущую у нее из носа.

«Помоги мне!» кричал Килош. «Помоги мне здесь!»

От танка ничего не осталось, кроме кучи почерневшего металла. Густой синий дым заполнил узкую улицу, что стало тяжело дышать, Бонин кашлял и задыхался, когда бежал назад.

В его ушах все еще стоял звон.

«Майло! Майло!»

Мальчик лежал в канаве лицом вниз, покрытый пеплом и булыжником. Бонин добежал до него в то же самое время, как и Алфонт. Майло пришел в себя, как только они его перевернули. Он был чудесным образом жив и цел.

Но девушка, неподалеку, съездившаяся возле разрушенного тротуара, была мертва. Взрыв танкового снаряда, который попал в землю прямо за ними, подбросил их в воздух, и она тяжело приземлилась. Она сломала шею и была мертва.

Алфонт закричал в отчаянии.

Майло ничего этого не видел, но от звука этого крика у него сжались внутренности.

Он поднялся, и, задолго до того, как он увидел ее тело, уже знал, что кое-что ужасное произошло только что. Что-то большое, что-то темное, что-то большее, чем все разрушения, смерти и резня вокруг него.

Что-то нечестивое.

ЧЕТЫРЕ

МАГНИФИКАТ

«Я знаю, что увидел тогда. И я знаю, что вижу сейчас.»

- Цвейл, аятани

С улиц Гильдейского Склона в центре города, можно было увидеть красно-коричневые и желтые нимбы, заливающие тьму над северо-западными окраинами столицы. Отдельные вспышки света вспыхивали в мерцании, как ударяющие в землю молнии. Глухие взрывы и рев, запертые под оболочкой городского щита, докатывались до их ушей, и дым, так же запертый щитом, собирался в тонкую крышу, как низкие облака. Согласно безумным докладам тактической службы Цивитас, более тысячи врагов, при поддержке тяжелой техники, штурмовали город.

И город сдавал. Частично от яростной атаки, и частично под грузом необъяснимого ощущения поражения и потери, которое поселилось в мыслях населения в ночные часы.

Виктор Харк не мог этого объяснить, но он мог это чувствовать. Боль, чувство разочарования, сокрушительное горе. Возможно, это было от неожиданной скорости и жестокости нападения хаоса. Возможно, это было общим осознанием того, как на самом деле хрупки были позиции Империи.

Даже в своих наихудших представлениях о катастрофе, Гаунт никогда не предполагал, что вещи могут пойти так плохо и так быстро. Харк знал это очень хорошо. Он провел с Гаунтом достаточно много времени, оценивая ужасные защитные возможности, предоставляемые Цивитас Беати, далекие от достаточных численных сил, которые были в их распоряжении, и полное отсутствие времени на подготовку. Это была мрачная картина, и Гаунт не делал секрета из своих страхов, что как только основные силы архиврага придут, битву за Херодор можно будет считать законченной.

Но основных сил все еще не было, а уже казалось, что город падет за одну ночь.

«Тактическая служба все еще относит рейдеров к инакомыслящим еретикам.» Харк вздохнул, когда услышал это, и вытащил микро-бусину из уха. Он больше не желал ничего слышать.

Улицы были забиты людьми и причитаниями. Вот, что это было. Это был не звук террора и тревоги, поднимающийся из толпы. Это был звук скорби.

Харк ехал в тяжелом транспортнике рядом с колонной подкреплений.

В ней было двенадцать транспортников, все идентично серые, длинные машины Муниторума, и они могли продвигаться сквозь толпу только потому, что три Химеры из сил лорда генерала ехали перед ними. Вид тяжелого гусеничного транспорта заставлял бедствующие толпы быстро уходить с дороги.

Полковник Калденбах, полевой командир Люго, командовал колонной, и Танитцы с отрядами Сил Планетарной Обороны Херодора в транспортниках отвечали перед ним. Харк прекрасно знал Калденбаха с тех пор, как был при штабе лорда генерала, бескомпромиссный, но одаренный офицер, который сделал хорошую карьеру в Арделинских Колониях и вошел в состав личного отряда Люго.

Колонна повернулась на запад, покинув Принципал II, под широкие акведуки, которые обслуживали сельскохозяйственный район, и покатила по широкой площади Круга Астрономов в тени огромной вулканической заглушки, на которой располагалась Платформа Астрономов, бастион Херодианской науки и знаний. Она была прямо наверху, в древних обсерваториях, которые работали непрерываясь в течение двух тысяч лет, и тут Казалон обдумал и написал свой трактат по небарионной материи, и Хазмун Зенг, тремя веками позже, упрямо завершил свою Теорию Гравитации, перед лицом яростного неодобрения Инквизицией. Харку сказали, что возможно посетить мастерскую Зенга, которая была сохранена по приказу первого чиновника сразу после того, как великий человек покинул ее. Эта идея чрезвычайно нравилась Харку. Забраться по ступеням на склоне запечатанного вулкана на этот тихий маленький остров обсерваторий, макроскопических башен, звездных вычислителей и библиотек, намного выше жужжащего города, и провести несколько спокойных мгновений в пыльной комнате, где Зенг сделал ошеломительный вклад в Имперскую науку, делая зашифрованные записи в зеркальном отражении, чтобы одурачить следящую за ним Инквизицию.

Но война, как всегда, приковала Харка к земле. За двадцать лет, он путешествовал и служил более чем на сорока мирах, многие из которых были богаты культурными ценностями и важными раскопками. Он никогда не пользовался правом посещения любых достопримечательностей. Всегда были сражения, которые надо закончить, или боевые приказы, которые надо было просмотреть, а когда все заканчивалось, военный транспортник уже ожидал его, чтобы переместить на следующее полу битвы.

Колонна остановилась в Круге и отряды стали высаживаться. Калденбах, нестигаемый, в своем длинном зеленом плаще и фуражке, обходил войска, раздавая приказы. Здесь было пятьдесят солдат из личного отряда Люго в качестве поддержки, и все были одеты в тяжелые зеленые одежды и камуфляжные шлемы.

Майор, по имени Пенто, из Полка Цивитас Беати, командовал частями Херодианцев, двумя взводами элиты Цивитас Беати и пятью взводами регулярных Сил Планетарной Обороны Херодора. Сержант Варл построил пять взводов Призраков: свой собственный, Халлера, Аркуды, Раглона и Эулера.

Положа свою комиссарскую фуражку на согнутую руку – «стиль Гаунта,» Призраки называли это так – Харк чувствовал, что он тут лишний. Даже у Кальденбаха были свои комиссары, неразлучная пара близнецов, звавшихся Китл. Они были худыми, костлявыми рыжеволосыми людьми со светлой кожей и темными глазами, одетые в черные, свободные кожаные плащи, которые скрипели, когда они быстро шли кдоль шеренги, распевая укрепляющие и зажигательные мотивы в унисон. Это было дурным тоном, по опыту Харка. Столпившиеся солдаты и так нервничали. Они были в шаге от двери в дикую городскую зону битвы, и были готовы вступить туда очертя голову, а вокруг них лежал город, который, как казалось, уже был захвачен.

«Солдаты Империиума!» прокричал Китл Один.

«Вы видите это там?» проорал его брат, указывая наверх на Платформу Астрономов.

«Место Херодианского учения! Здесь астрономы хранят неизменное учение об окружающем величии небес, постигая их секреты и постигая их истины!»

«Но даже их бдительность,» кричал Китл Два, «всего лишь ограниченное видение по сравнению с вечной бдительностью святого Бога-Императора.»

«Будь благословен Бог-Император!»

«Будь благословен Бог-Император, который присматривает за всеми нами, всегда и везде!»

«Его взгляд сейчас на всех вас,» объявил Китл Один. «Он не случаен, он судит и взвешивает все ваши действия!»

«Не подведите его! Не потерпите неудачу в этот великий час войны!» Они долго трещали так. Харк мог так же произносить воодушевляющие речи, когда это было необходимо, но все это уже казалось перегибом. Подобно тому, как Гаунт иногда позволял себе мягко играть на каменных чувствах Харка, так же Харк сейчас чувствовал, что это его время, чтобы быть более сочувственным.

Он начал с Сержантов Аркуды и Раглона. Оба были недавно произведены в командиры отрядов. Они все еще искали себя, и на Айэкс Кардинале, первый же вкус боевого командования Раглона был подпорчен огромной неудачей и тяжелыми потерями.

Они напряглись, когда он подошел, так что он улыбнулся, и это им показалось таким необычным, что они захихикали.

«Готовы?»

«Сэр,» подтвердили оба. Он посмотрел на их взводы, выстроенные в три шеренги, на мгновение задержав взгляд на Рядовом Костине в отряде Раглона. Пьяная ошибка Костина дорого обошлась отряду Раглона на Айэксе. Гаунт должен был его расстрелять за это по праву, и сделал бы это, но не смог из-за вспыльчивого вмешательства Дордена. Дорден жертвовал своей жизнью, чтобы спасти Костина, и подорвал авторитет Гаунта в процессе. Теплые отношения между полковником-комиссаром и его старшим медиком с тех пор были сильно натянутыми. Харк смотрел на Костина, но казалось, что человек сильно старался, чтобы искупить свою вину.

«Дайте мне сказать вам кое-что,» тихо сказал Харк Раглон и Аркуде. «Я знаю, что у вас сейчас в головах. Страх. Страх перед болью и смертью, страх поражения. Груз

вашей новой ответственности. Болезненное чувство, что вы фесово облажаетесь. И те двое не помогут вашим нервам своими высокопарными выкриками.»

Он указал большим пальцем на Китлов, которые, в данный момент, объясняли неуверенным Херодианцам Имперское кредо. Раглон и Аркуда нервно рассмеялись.

«Забудьте о них,» сказал Харк. «Думайте вот о чем. О людях там, наших друзьях и товарищах, о наших собратях Призраках, там, в боевой зоне, по уши увязших в наихудшем фесе. Думайте о них и думайте вот о чем... это вас они хотят увидеть больше всего. Не просто подкрепление. Призраки.

Сама лучшая фесова пехота, которую я когда-либо имел честь знать. Нет ничего, что они надеются увидеть больше, чем лицезреть эти пять взводов, врывающихся в бой, пылающих огнем и со страстью в сердцах, которые облегчат их ношу. Для них вы будете сбывшейся мечтой. Думайте о том, что это будет значить для них, и я обещаю, все ваши страхи будут ничего не значить.» Они оба кивнули, уверенные и решительные. Харк хлопнул каждого по плечу. «Вы отлично справитесь, сержанты. Донесите слова до ваших людей, подбодрите их.» Харк пошел к Халлеру, ветеринару с Вергхаста, и Эулери, сидящему старому Танитскому солдату. Они не нуждались в похвале, и его разговор с ними был более квалифицированной дискуссией о тактике и распределении людей. Он ответил на их вопросы, поблагодарил их за их отряды, и рассказал им шутку о женском монастыре Экклезиархии и фрукте с необычной формой, что заставило их смеяться так громко, что Китлы неодобрительно посмотрели в их сторону.

Наконец, он прогулялся до Варла. Для Призраков, Варл был солдатом солдат, остроумный, забияка, жуликоватый, но чрезвычайно хладнокровный под огнем. Он пробился сразу через звания из обычного боевого пса в командиры отряда, абсолютно честно, и был любим всеми. Он потерял плечо на Фортис Бинари, и у него была тяжелая аугметика, заменявшая его. Если и был жаркий центр в любой заварушке, то, скорее всего, Варл был именно там. Если в бараках была какая-то афера или смешной случай, Варл должен был быть на острие всего этого. Шутка про монашек и фрукт была одной из его собственных. Харк услышал ее всего лишь тридцатью минутами раньше, пока взвод Варла «разминался».

«Готов?» спросил Харк.

«Я родился готовым, сэр,» ответил Варл, затем сделал паузу. «Это вранье. Я родился сексуально озабоченным. А стал готовым только когда был сопляком.»

Харк рассмеялся, но он мог сказать, что Варла что-то беспокоило. «Что не так, Цег?»

Варл выглядел так, как будто ему не по себе. Он постучал пальцем по микро-бусине в ухе. «Я настроился на местный канал, тактическую службу, прослушивая разговоры,» тихо сказал он. «Это все звучит так, как будто какое-то дерьмо происходит там внизу, как в наловых орехах. И на улице сегодня ночью такое настроение, как будто мы уже проиграли.»

«Да, я чувствую то же самое. Я не хочу лгать, Я думаю, что все становится очень плохим.»

«Я не только про это, сэр,» сказал Варл. «За последние пять минут пришел доклад. В нем говорится, что второй офицер Танитцев подстрелен.»

«Подстрелен?»

«Мертв, или тяжело ранен, они не уверены. И потом никакого подтверждения.»

«Они имели в виду Корбека или Роуна?»

Варл пожал плечами. «Может быть оба, они оба там. И еще, до того как первая волна подкреплений прибыла, Капитан Даур был вторым офицером.» Корбек, Роун или Даур мертвы. Что-то из этого нанесло бы критический удар по боевому духу Танитцев.

«Ты ничего не сказал людям?» спросил Харк.

«Я не дурак,» едко ответил Варл, и Харк знал, что он заслужил упрек.

«Конечно, нет.»

«Я просто хочу, чтобы мы туда выдвинулись. Добрались и разузнали,» сказал Варл. Он посмотрел на Калденбаха, который, с вездесущими Китлами, сейчас обращался к солдатам из личного отряда лорда генерала. «Я имею в виду, мы тут. Вся эта болтовня вокруг, чего мы ждем?»

«Мы ждем,» сказал Харк, «чтобы Люго приказал выдвигаться.» Секунду он подумал. «Пошли со мной,» сказал он.

Он пошел к полковнику. «Что такое, Харк?» спросил Калденбах.

«Мы можем выдвигаться, полковник? Мы выгрузились и готовы, и ночь еще не кончилась.»

«Мы ждем приказа,» сказал Калденбах, бледный, суровый человек в свои пятьдесят с чем-то, с чистыми чертами лица и серыми прямыми волосами. Получив такое описание, как оно звучало, у тактической службы были проблемы отличить его жопу от локтя, и на это, по мнению Харка, понадобилось бы очень много времени.

«Хорошо, сэр,» мягко сказал Харк, «мои солдаты известны своей специализацией, как разведчики. Мы должны выступить вперед, чтобы подготовить дорогу для ваших войск.»

Калденбах нахмурился. «Мне неизвестно о том, чтобы они были вашими солдатами, Харк. Когда я последний раз проверял, вы были комиссаром, а не... в звании полковника, например.» Эта, неприветствуемая ссылка на необычный и непопулярный статус Гаунта, была плохо замаскированной колкостью.

«Мои солдаты известны своей специализацией, как разведчики, сэр,» быстро сказал Варл, идеально подобрав время, чтобы вклиниться, «и в последний раз, когда я проверял, я был в звании Танитского офицера. Я уверен, что Комиссар Харк одобрит.»

Харк улыбнулся и кивнул.

Калденбах холодно посмотрел на Варла, и на Китлов, которые мрачно шептались друг с другом.

«Беспокойтесь о том, чтобы умереть, сержант?» спросил Калденбах.

«Беспокоюсь о том, чтобы служить Богу-Императору... и вам, сэр.»

«Очень хорпошо,» резко сказал Калденбах. «Выдвигайтесь. Мы останемся, пока не получим приках. Вымостите дорогу для нас, если вы уж так хороши в этом. И

оставайтесь в постоянном вокс-контакте.» Варл отдал честь и поспешил прочь с Харком позади него. «Призраки Танита!» крикнул он. «Погнали! Игра началась!»

Отряды Призраков устремились к нему.

«Отлично сделано, Цег,» прошептал Харк.

«Вы заставили его, сэр. Я был там просто, чтобы закончить с ним.»

Призраки неслись вперед, вдоль вымощенного Круга, одетые в камуфляжные плащи, и рассредотачиваясь по узким улицам.

Пенто, Херодианский офицер, видел, как они исчезли. Последнее, чего бы он хотел для себя или своих людей, чтобы они преждевременно ворвались в битву.

Не так, казалось, как иномирцы в черном.

Офис писца был разбит и обрушился, все восемь этажей. Пыль и огонь рвались наружу из обрушившейся каменной кладки, и люди из пятого взвода побежали, ища укрытие.

Коренастый, крепкий, одноглазый и не такой мобильный, как его молодые солдаты, Агун Сорик распластался, и пыль над ним поплыла волной. В воздухе было полно обрывков бумаги, миллионы страниц примечаний разлетелись от взрыва.

«Шеф! Шеф!» Голос Вивво звучал сквозь дым. Сорик поднялся.

«Хватит гаково ныть, Вивво. Я еще не умер.» Даже встав, Сорик не понял, как Вивво появился возле него.

«Мы должны найти этот гаков танк,» сказал Сорик.

«Собратся! Собратся!» прокричал Вивво, и разрозненные члены пятого взвода вышли из укрытия. Улица была разорвана в клочья. Белый булыжник покрывал все вокруг и большинство зданий на западной стороне были объаты огнем. Сорик захромал вперед, делая руками сигналы, чтобы солдаты шли вслед за ним. Затем он уселся на алебастровую плиту, снял свою маску и плюнул.

Казел, Маллор и Венар внезапно повернулись, прицелившись, когда засекли движение к югу от них.

«Двадцатый, семнадцатому! Не стрелять!»

«Отставить, парни!» убедительно сказал Сорик, когда взвод Сержанта Мерина выскочил к ним из плывущего дыма.

Мерин был молодым, ловким серьезным Танитцем, с большим опытом, чем у всего фесова крестового похода. Поговаривали, что Роун готовил его, и это, во что Сорик верил, объясняло, почему дружелюбный ранее Мерин стал таким бесчувственным ублюдком. Он был откровенно амбициозным во всех плохих смыслах этого слова, и ходили грязные слухи, что во время миссии на Фантине, он открыл в себе жестокую, почти психозную часть своего характера. Говорили, что он убивал мирных жителей. Сорик об этом ничего не знал, да и не хотел бы знать, и не было никаких спорных вопросов в послужном списке этого прелестного мальчика. Но как кандидат для любого взвода, в который он мог бы вступить, он был последним человеком в списке, за исключением взвода Роуна, конечно же.

И еще была причина в абсурдно зловещих усах, которые Мерин отращивал.

«Передышка, шеф?» предположил Мерин, когда подошел к сидящему Сорику.

Сорик не поддался на уловку. «Просто жду, когда ты в одиночку выиграешь эту гакову войну, парень», сказал он, надевая свой респиратор. «Где-то там по улице ездит танк. Это гаково вносит суматоху в планы.»

Мерин отвернулся и крикнул: «Гахин?»

Рядовой Гахин поспешил к нему, компактная ракетная труба свисала у него с плеча. Кореас подошел с ним, волоча мешок с длинными ракетами.

«Задавить нафес», сказал им Мерин. Он повернулся к Сорику. «Так где этот танк?» Сорик поднялся. Он был на голову ниже, чем Мерин, и так же уродлив, как красив Мерин.

«Если бы я знал», сказал он. «Я бы уже фесовал ублюдка лично.»

«Уверен, что смог бы», с сомнением сказал Мерин. Он послал свой взвод вперед в лабиринт узких переулков позади руин офиса писца. «Пригибайтесь!» крикнул он. «Найдите эту тяжелую хрень для меня!» Взвод Мерина, четырнадцатый, был

сплоченным и хорошо обученным, и Сорик отдавал должное этому прелестному ублюдку.

Он только собирался крикнуть Вивво, чтобы тот собрал взвод для приказа, и показать Мерину, как все должно быть на самом деле, когда обрывок бумаги упал на его ногу. Это была всего лишь одна из бумажек, которые кружились вокруг и внутри разрушенного офиса. Носящиеся туда-сюда, многие из бумажек горели, опадая в руинах.

Но, в то время, когда все прочие были белыми, по стандартам Муниторума, эта была голубой и хрупкой.

Он посмотрел на нее, глубоко вздохнув, и подхватил.

На ней, написанные его же подчерком, были слова: «От Гахина останется мокрое место, если он продолжит идти туда. Танк позади мастерской.»

Вот и все. Четко, как гак.

Сорик затрясся, выбросил клочок бумаги и закричал на пределе возможностей своего голоса: «Гахин! Стреляй по кирпичам!»

Гахин и Кореас услышали его, насторожились и посмотрели назад.

«Ложитесь, гакеры!» проревел Сорик, рванув вперед. Он столкнулся с Хефроном из своего взвода, и вырвал фесову трубу из его трясущихся рук.

«Какого феса --» крикнул Мерин.

Гахин и Кореас упали на землю за полсекунды до того, как танковый снаряд пролетел сквозь стену прачной, по которой они шли. Стена разлетелась кирпичами во все стороны.

Снаряд с пронзительным звуком пролетел, оставив дорожку в пыли над их головами, и врезался в угол кафе. Взрыв оглушил их и обрушил фасад кафе в потоке огня и летящих осколков камня.

Все были на земле, ошеломленные и в замешательстве.

Кроме Сорики. Задыхаясь, он бежал по мостовой, пока не смог четко рассмотреть со стороны то, что когда-то было столярной мастерской. Там был танк, тяжелая модель среднего размера, выкрашенная в темно-красный и размазанная символами, от вида которых у Сорики крутило желудок. Содранная человеческая кожа свисала с передней части корпуса. Толстая пушка перемещалась. Сорик мог слышать характерный звук цепного привода.

Со своей раненой ногой он не мог опуститься на колено, чтобы смягчить отдачу... или спрятаться. Он стоял на месте, когда тяжелая пушка поворачивалась к нему, и положил ракетную трубу, вырванную из хватки Хеврона, на свое широкое плечо.

«Привет, гамеры,» прошипел он, и нажал на триггер. Вылетела ракета, выбрасывая дым из задней части трубы с такой силой, что это бросило Сорику вперед. Ракета пролетела над вымощенной дорогой и врезалась в узкую часть танка прямо под плитами башни. Раздался оглушительный взрыв, и куски шрапнели наполнили воздух, горячие и жесткие, как лаз-заряды.

Когда Сорик поднял взгляд, танк пожирало пламя.

Он поднялся на ноги и повернулся к своим людям, подняв руки и потрясая пусковой установкой. «Кто – шеф? Кто гаков шеф?»

Они энергично аплодировали ему.

Мерин пошел к нему, останавливаясь только, чтобы проверить Гахина и Кореаса, которые на время оглохли, но, тем не менее, были целые и невредимые.

«Как, фес тебя, ты узнал?» спросил он Сорики.

«Подфартило, я думаю,» ответил Сорик.

Щелкнул вокс, и еще один взвод Призраков вышел к ним из пыли. Это был второй взвод, банда Корбека, или по крайней мере то, что от нее осталось. Мквеннер командовал, с Рервалом в качестве помощника.

Высокий, худой разведчик все еще не до конца оправился от ран, которые он получил на Айэкс Кардинале. Длинное лицо Мквеннера было охвачено проглатываемой болью.

«Вен!» крикнул Сорик. «А где остальные твои парни?»

Мквеннер пожал плечами. «Мы попали под огонь танков, трех или четырех. Вывел всех, кого смог. Я думаю --»

«Что?»

«Я думаю, что Корбек мог этого не пережить. Мы нигде его не нашли.» Сорик посмотрел вдаль, тяжело моргая. «Гак, это... это не очень хорошо.» Он посмотрел на Рервала. Молодой офицер-связист, сильно старался, чтобы не заплакать.

«Вы перебирали каналы?» спросил Сорик.

Рервал кивнул.

«Попробуй снова,» сказал Сорик.

Второй взвод приблизился вместе с пятым и четырнадцатым. Вивво поспешил к Сорику и протянул ему латунную гильзу.

«Что это?»

«Нашел среди камней, сэр,» сказал Вивво.

Сорик взял ее. Ему даже не надо было узнавать ее. Это была гильза для сообщений, как несчастливая монета...

Он отвернул крышку и вытряхнул хрупкую синюю бумажку.

На ней было написано: «Колм жив, но прижат пушечным огнем. Вен умрет через два дня, если ты не приведешь ему помощь. Два стлк-танка к югу от тебя, хорошо спрятанные. Опасайся... намного больше солдат Кровавого Пакта готовятся атаковать.»

Сорик тяжело вздохнул. «Корбек жив,» сказал он Мквеннеру.

«Откуда, фес, ты знаешь это?»

«Зови это предчувствием. Давай обыщем запад. Гранатометчики пойдут в центре. Там пара стлк-танков, укрытые, если я об этом что-то знаю. Но мы сможем это сделать.»

Мквеннер кивнул и вытер кровь с уголка рта манжетой. Почему, именем Бога-Императора, он не остался и не дал себя долечить? Как сильно он навредил своему телу?

«Доберись до полевого госпиталя, Вен,» сказал Сорик.

«Я в порядке.»

Сорик посмотрел ему в глаза, нахмутив брови. Высокий, худой и смертельно опасный, Мквеннер был одним из самых пугающих людей у Призраков, и это было тем, что вы узнаете о нем, до того, как узнаете что-то еще. Никто и никогда не пытался противостоять ему. Жизнь не стоила такой боли. Но Сорик настаивал.

«Это приказ, Мквеннер. Найди Дордена или Керт, и найди их прямо сейчас,» сказал Сорик.

Мквеннер уставился на коренастого, старого человека и, в конце концов, кивнул. «Конечно,» сказал он, и зашаркал прочь сквозь окружающий дым.

«Выдвигаемся! Вы меня слышали!» прокричал Сорик. «Второй взвод, я принимаю командование!»

«Самоуверенный коротышка,» сказал Мерин, глядя на то, как Сорик собирает людей вокруг себя. Они любили его, дураки.

«Сэр?» сказал Фархер, приближаясь к Мерину. Он протянул ему смятый шарик хрупкой синей бумаги.

«Что это?» требовательно сказал Мерин.

«Шеф Сорик разглядывал ее перед тем... перед тем, как взорвать танк, сэр. Я подумал, что вы захотите посмотреть.»

Мерин развернул бумажку и прочитал: «От Гахина останется мокрое место, если он продолжит идти туда.

Танк позади мастерской.»

«Что это... колдовство варпа?» прошептал он.

«Сэр?» спросил Фархер.

«Забудь, Фархер,» сказал Мерин, пока аккуратно складывал бумагу и засовывал ее в карман куртки. «Просто мысли вслух...»

Четвертый раз за двадцать минут, третий взвод пытался свернуть на одну и ту же улицу без потерь. Они сбились в кучу в маленьком проходе террасы позади нефтегазового завода в районе Айронхолл. Терраса выходила на главную улицу под прямыми углами, и что-то дальше по улице приковывало их к месту сильным огнем.

С основной массой сил своего отряда, присевших на террасе позади него, Роун осторожно приближался к выходу на улицу с разведчиком из своего взвода, Лейром, и Рядовыми Каффраном и Фейгором. Если они застрянут тут надолго, то их захлестнут отряды приближающегося врага, а терраса совсем не подходила для перестрелки.

У большинства Танитских разведчиков был свой коронный трюк, чтобы посмотреть за угол. У Лейра был классный маленький карманный перископ, точный латунный прибор который он подобрал на Айэкс Кардинале. «Он достался мне от Айэксегариенского полковника,» рассказывал Лейр любому, кто его спрашивал, «который стоял, вместо того, чтобы пригнуться. Он ему был больше не нужен. Так же, как ему уже были ненужны очки, расческа для усов и шляпа.» Перископ был мощным, но достаточно маленьким, чтобы помещаться в карман одежды. Он проскользнул к углу дома и мельком посмотрел из-за разбитого кирпича.

В пятидесяти метрах, на усыпанной булыжником улице, в центре стоял стелк-танк, и его орудия были направлены в их сторону.

«Вы были правы,» прошептал Лейр. «Шустрый танк.»

Роун скривил губы от раздражения. «Какие-нибудь противотанковые ракеты остались?» спросил он, точно зная возможный ответ.

«Нет, сэр,» сказал Каффран. «Закончились. Фесовы трубы пусты.»

«Предложения?»

«Как далеко он от нас?» спросил Фейгор Лейра.

«Сорок, может быть пятьдесят метров,» ответил Лейр, посмотрев снова. «Слишком далеко, чтобы самый сильный из нас смог докинуть трубчатый заряд. Нам лучше быстро придумать что-нибудь другое,» добавил он. «Там приближаются враги.»

«Я не думаю, что у нас есть выбор,» сказал Роун. «Нам нужно отойти, и, может быть, мы сможем закрепиться через несколько улиц.»

Люди кивнули. Никто не любил отступать, но никто, так же, не хотел просто так умирать.

Фейгор передалы приказ серией быстрых, четких жестов, и взвод начал отходить назад по террасе.

Терраса вела к железному мостику над дренажем для химических отходов, и затем он уходил вниз к широкому, мощеному перекрестку, в центре которого возвыщались алюминиевые трубы и ободки атмосферного процессора. Такие устройства, питаемые энергией из главных строений улья, были натканы везде по внешнему городу, накачивая воздух в бедную атмосферу Цивитас.

Внезапно взвод замер по тревоге. Роун поспешил вперед, пригнувшись. Бэнда, взводный снайпер, заставила их остановиться. Она прижималась позади низкой стены, подняв лонг-лаз. Роун, впечатляюще неисправимый Имперский мужчина, был наотрез против солдат-женщин с самого начала, и Бэнда – сочившаяся уверенностью и физически привлекательная – долго была его личной занозой в заднице. Но в траншейном аду Айэкса их обоих ранили почти одновременно, и они помогали друг другу, и в процессе этого достигли взаимопонимания.

Теперь Роун доверял суждениям Бэнды так же, как и ранее доверял Фейгору и Каффрану. Некоторые даже предполагали, что Роун и Бэнда были любовниками, но никто не решался спросить об этом кого-нибудь из них.

«Движение,» доложила она.

«Определить можешь?»

«Нет.»

Роун просигналил руками «приготовиться к атаке» дальше по колонне. «Стреляй в голову, как только эту голову увидишь,» сказал он девушке.

Она прицелилась, и подождали, пока что-нибудь не появится у нее в прицеле. В самый последний момент она расслабилась и убрала палец со спускового крючка.

«Друзья,» сказал она.

Потрепанный отряд защитников Цивитас Беати осторожно вошел на перекресток. Роун взял вокс и предупредил их. Их командиром был Удол, майор, которого они повстречали во время их первого необычного появления на Херодоре, всего лишь прошлым днем.

«Не ходите туда,» сказал Удол, указывая в направлении, откуда пришли он и его люди.

«Они бомбардируют зону минометами, установленными на тракторное шасси.» Роун уже слышал отдаленное, настойчивое «вжжж-бдыщь», отражавшееся эхом в их направлении.

«Так же плохо, как и позади нас,» просто сказал он. «Наземный войска Кровавого Пакта приближаются, как минимум с одним сталк-танком. Они заблокировали улицу.»

«Кровавый Пакт?» спросил Удол. «Нам ничего не говорили о Кровавом Пакте. Тактическая служба говорит, что это еретики.»

«Со всем уважением,» ответил Роун, ясно, что ничего такого не подразумевая, «ваша тактическая служба думает жопой. Это – Кровавый Пакт. Обученный, упрямый, хорошо оснащенный и методичный. Их работа говорит за них. К тому же, я с ними уже встречался.»

«И что нам делать?» спросил Удол, надеясь на то, что дрожь в его голосе не будет слишком заметной.

«Делать?» усмехнулся Роун. «Не думаю, что у нас много вариантов.» Едва слова вылетели у него изо рта, скудные варианты быстро испарились.

Раздирающие энергетические заряды пушек стелк-танка ударили по перекрестку, взрывами поднимая в воздух секции мощной булыжником дороги. Несколько пролетели сквозь металл воздушных каналов процессора, и он начал испускать зловещий, раненый стон, когда воздух вылетал из дыр.

Солдаты – как Танитцы, так и Цивитас – разбежались в поисках укрытия. Несколько солдат упали, срезанные огнем.

Варианты уменьшились до двух.

Сражаться, или умереть.

Километровой длины, широкая Принципал I, простиравшаяся от башни молебного горна Горгонавта, через Квартал Хазгула, до Площади Беати, была местом главного танкового сражения. Двадцать девять единиц техники главных сил архиврага двигались на юг, им противопоставлялись двенадцать легких танков Цивитас Беати и шесть Завоевателей из войск Люго.

Широкий, когда-то грандиозный, бульвар изобиловал горящими остовами и воронками. Большинство бронетехники Хаоса были стелк-танки или легкие образцы, но у них, по меньшей мере, был один сверхтяжелый, темно-красный монстр, который уничтожал все у себя на пути.

Взвод Гаунта занял позицию на первом этаже стекольной фабрики на западной стороне Квартала Хазгула. Они давным-давно израсходовали свои противотанковые снаряды, и практически ничего не могли противопоставить броне. Вместо этого они сконцентрировали усилия на пехоте врага. Но эта агрессия в отношении пехоты врага не могла продолжаться слишком долго, не обратив на себя внимания боевого танка Хаоса.

Пригнувшись, чтобы избежать случайного попадания, так как выстрелы пролетали сквозь дыры в кирпичной кладке, Гаунт передвигался вдоль позиции своего взвода, выдавая ободряющие высказывания и тихие замечания. В боевой зоне, как эта, он бы хотел, как обычно, выдать одно или два ерундовых высказывания, прибегая к одной из своих любимых цитат или спонтанной речи, чтобы поднять боевой дух.

Но сейчас этот дух был ниже плинтуса, чем когда-либо на его памяти. Неужели все было так очевидно, что его люди немедленно увидели в нем надвигающуюся перспективу неудачи? Теперь, когда он знал болезненную правду о «Святой», Гаунт тяжело подавлял ярость и разочарование, которые чувствовал. Без этой искры света и надежды, битва здесь, на Херодоре, казалась ничем не лучше, чем самоубийство.

Удивительно, но казалось, что весь город чувствует то же самое. Как будто у него вырвали сердце, как будто он чувствовал себя таким же потерянным и отчаявшимся, как и он сам. Гаунт не мог забыть взгляда Колма Корбека всего лишь час назад, прямо перед их прибытием. «Разве вы это не почувствовали? Разве вы это не почувствовали?» Корбек был не в состоянии объяснить это, но Гаунт видел других солдат поблизости, которые точно так же расстроились по непонятной причине в тот же самый момент. И вокс трафик был внезапно забит страдальческими вызовами. Это был тот момент, когда боевой дух по-настоящему рухнул.

Корбек собрался, и они атаковали зону. Последний раз, когда Гаунт видел своего заместителя, Корбека трясло, он был скованным, уводя свой взвод на задымленную боковую улицу.

Все затряслось, когда два танковых снаряда попали в дом пососедству. Фабрику накрыло битым камнем, и пыль посыпалась с потолка. Гаунт проверил обойму своего болт-пистолета, и перебрался через каменную кладку туда, где рядовые Лайс и Дерин защищали дверной проем. Оба иногда постреливали из своих лазганов сквозь разбитый проход.

«Что у вас тут?» прошептал Гаунт, присев на корточки позади них.

Лайс подняла руку, покрытую пылью, и показала на некоторые особенности на освещенном огнем полем битвы, чтобы показать своему командиру пользу от ее действий. «У них были пехотинцы позади вон той стены, и позади разбитого грузовика,» сказала она. «У нас не было четких целей для стрельбы.»

«Но ты бы покончила с ними своей горелкой, правильно?» спросил он. Лайс кивнула. На Фантине, она была первой женщиной-солдатом, которая стала огнеметчицей, и она очень гордилась этим.

Крепкая, широкоплечая Вергхастка в свои поздние тридцать, Лайс предпочитала носить черный жилет без рукавов, чтобы показывать руки, которые были такими же мускулистыми, как и у любого мужчины. Как и все Танитские огнемечники, она скучала по своему оружию, как и Гаунт. Несколько струй из стандартного Имперского переносного огнемета Mk VIII изжарили бы солдат Кровавого Пакта на их невидимой позиции внутри здания.

Рядом с ними Дерин начал стрелять более интенсивно. Несколько фигур в красно-коричневом одеянии вышли из-за горящего грузовика, и попытались атаковать боковую стену.

Лайс тоже открыла огонь, и Гаунт, с хрустом, упал на колени и добавил свою огневую мощь к отбитию атаки. Выстрелы лазганов и болт-пистолета трещали из дверного прохода. Одна из фигур просто упала и скрылась в обломках. Другую резко отбросило назад на бегу. Остальные побежали назад в укрытие.

«Хорошо,» сказал Гаунт, собираясь уходить. «Будьте бдительны и делайте так же, когда они попытаются что-то предпринять.»

«Похоже, что она покинула нас, сэр,» внезапно сказал Дерин. Гаунт остановился. На секунду, он подумал, что Дерин говорит о Лайс, но это не имело смысла. Затем он посмотрел на лицо Дерина и понял, что он не это имел в виду.

«Святая, сэр. Такое ощущение, что мы проделали весь этот путь ради нее, а сейчас она покинула нас.» Гаунт вспомнил, что Дерин был одним из членов группы отверженных Корбека, который возглавил ее по личной инициативе на Хагии. Дерин не показывал такие же знаки блаженного воодушевления, как Корбек, Даур и Дорден – он просто присоединился к усилиям Корбека из-за верности старику – он этот опыт полностью затронул его.

«Она не покинула,» просто сказал Гаунт. «Она здесь, с нами. Она всегда была с нами.»

«Вы вс-встречались с ней?» спросил Дерин.

«Да, солдат, встречался,» сказал Гаунт, пытаясь не сказать что-то еще, что совершенно точно было бы ложью.

«Мне не кажется, что она тут. Больше нет. Я это чувствовал, когда мы только прибыли. Это было так, как будто что-то есть в воздухе. Но теперь все пропало. Просто исчезло.»

«Беати Саббат все еще здесь, Дерин. Она не покинет защитников ее храма.

И никогда не забывай... Император защищает.»

Дерин был слегка удовлетворен, но тревожный взгляд не исчез полностью с его лица.

Гаунта позвали в заднюю часть строения, где разведчик из его взвода, Каобер, только что проскользнул внутрь после пробежки через разбомбленную улицу слева от них.

«Нам нужно убираться, сэр,» сказал он. «Три или четыре вражеских танка повернули на запад, и они приближаются позади нашей позиции. Нас тут зажмут, если мы останемся.»

«И куда ты предлагаешь уйти?» спросил Гаунт.

Каобер пожал плечами. «Я связался со взводами Сержанта Мколла и Капитана Даура, сэр. Их обоих заставили отойти в те здания.»

«Другими словами – отступление?»

«Сэр, выдвинуться назад – единственное разумное решение. Вперед больше нет пути.» Гаунт кивнул. «Есть что-нибудь от Корбека?»

«Нет, сэр.»

«Лучше так, чем никак. Будем передвигаться через воронки. Каобер, найди нам строение, в котором можно закрепиться, и проводи Призраков. Белтайн?» Адъютант поспешил к нему.

«Так или иначе, мы уходим. Каобер укажет куда. Донеси приказ и быстро.» Белтайн повернулся, чтобы доставить инструкции, когда в строение попал снаряд, который разнес секцию стены рядом с ними и убил двух членов первого взвода.

Пронзительный визг, молниеносная стрельба, и затем каждый, кто был еще жив, обнаружили себя в удушающем дыме.

Гаунт мог слышать звуки массивной атаки снаружи. По микро-бусине он услышал Дерина.

«Они идут! Они наступают на нас! Они приближаются!» Гаунт понял, что уже поздно отступить. Он вынул свой силовой меч и включил его. «Призраки Танита!» прокричал он. «Именем Бога-Императора Человечества... покажите им ад!»

«Что вы здесь делаете, шеф?» с удивлением спросил Домор. Корбек, в покрытой серой пылью одежде, только что ввалился в подвал фабрики, где взвод Домора охранял раненых. Наверху, район пылал в огне по большей части, и по нему била артиллерия. Не было никакой надежды вынести отсюда раненых солдат.

«Я потерялся,» сказал Корбек. «Там полная неразбериха. Там более волосато, чем я сам. Кто-нибудь из моих парней был здесь?»

Домор помотал головой. «У нас тут люди из десятого, одиннадцатого и двенадцатого взводов, но нет никого из вашего отряда.»

«Вокс?»

«Вы издеваетесь, во всем этом?» Земля над ними затряслась от тяжелого снаряда. Даже близкодействующие микро-бусины едва работали. Корбек увидел Крийд, лежащую на мешках неподалеку.

Колеа и Лубба были с ней.

«Как она?»

«Пойдет,» сказал Домор. «Рана на голове. Ничего серьезного. Остальным досталось больше.» Корбек сам мог это видеть. Все это было ужасно, и до утра будет еще ужаснее. Здесь, так же, были и мирные жители. Корбек видел, как несколько взрослых пытаются успокоить группу напуганных детей. Все они были черны от копоти и пыли. Он пошел к ним. Все взрослые, как и дети, были в гражданском, пилигримы с первого взгляда. Рядом стоял Бонин, подпирая своим уставшим телом стену и посасывая воду из бутылки.

«Принял личное участие?» спросил его Корбек.

«Нам с Майло пришлось сражаться, как ублюдкам, чтобы вытащить этих детей. Нас загнали в угол несколькими улицами дальше. Мы едва выжили.»

«Бронетехника?»

Бонин кивнул. «Вы, должно быть, захотите поговорить с Майло,» мягко сказал он.

«С Майло? Почему?»

Бонин просто пожал плечами и ничего не сказал.

Корбек нашел Майло в самом дальнем и темном углу подвала. Он сжался, истощенный и весь в синяках. Маленькая фигурка лежала под грязным мешком рядом с ним.

«Бринни, мальчик?»

Майло поднял взгляд. Скорбь на его лице выбила дух из Корбека.

«Ты выглядишь так, как я себя чувствую,» попытался он пошутить, но Майло был так обременен эмоциями, что даже не мог ответить.

Корбек сел рядом с ним.

«Что случилось?»

«Там была девушка,» сказал он. Он говорил очень тихо, и Корбеку пришлось податься вперед, чтобы расслышать его сквозь звуки бомбардировки над ними.

«Девушка?»

«Да...» Майло посмотрел на скрюченное тело под мешком. Корбек понял все остальное.

«Это всегда тяжело. Она тебе понравилась, не так ли? Ты просто должен --»

«Вы не понимаете, сэр. Она была... я не знаю. Что-то в ней было. Что-то удивительное.»

«Хорошо, ты --»

«Я думаю, что она была Святой.»

Корбек замер. «Что?»

«Я знаю, что Святая была с нами. Я мог это почувствовать. Как на Хагии, ну вы поняли?» Корбек кивнул. Он знал это чувство. На Хагии это проникло в его душу и никогда, по-настоящему, не оставляло.

«Я знаю, что она была с нами, по-настоящему с нами. Не только на этой планете, как нам говорили, но прямо там, на улице, в центре всего.»

«Она присматривает за нами,» прошептал Корбек.

«Она была там. Я видел эту девушку, и я просто знаю.»

«И?»

«Она умерла. Она спасла детей, и потом умерла. Этого не должно было случиться. Это не должно было произойти вот так. Я чувствую, что не должно было. Это не должно было произойти таким образом. Что мы будем делать без нее?» Корбек не ответил. Он поднял край мешка. Девушка была очень спокойной, и очень мертвой. Всего лишь молодая девушка, еще одна жертва бесконечной войны. Он опустил край мешка назад.

«Это не должно было произойти,» повторил Майло.

«Ничего этого,» прорычал Корбек.

Снаружи протрещали выстрелы из малокалиберного оружия. Домор, Бонин и остальные, способные двигаться солдаты в подвале, схватили оружие и направились к выходу.

«Пошли,» сказал Корбек, поднимаясь и проверяя энергетическую ячейку своей винтовки. «Пошли, Майло. Отсюда все еще нужно выбраться.»

Первый воин Кровавого Пакта, который зашел в разрушенное строение, был огромным животным, даже более огромным, чем погибший, оплакиваемый Рядовой Брагг. Он пролез в щель в восточной стене, которую защищал, всего лишь мгновение назад, Рядовой Лофф.

Еретик был облачен в тяжелую боевую одежду, выкрашенную в темный цвет, с красновато-коричневыми пятнами, в стальных пластинчатых сапогах и с железными полосами, привязанными к бедрам, плечам и животу. Его лицо, под красным шлемом, было закрыто черной металлической маской, на ней было застывшее гротескное лицо с жестоким выражением и орлиным носом. Его руки, густо покрытые шрамами от мерзкого ритуала Пакта, сжимали лазерный пистолет и страшный изогнутый крюк, напоминавший якорь.

Лофф лежал мертвым на лице в проломе, куда удар крюка отбросил его. Воин Кровавого Пакта провыл мерзкий боевой клич и пошел внутрь здания, дико стреляя. Позади него были и другие.

Гаунт встретил его лицом к лицу. Его энергетический клинок, силовой меч Иеронимо Сондара, замерцал, как лед, когда отразил два лазерных выстрела атакующего воина в чернеющую крышу. Затем он взмахнул, и убийственный крюк – вместе с несколькими пальцами – полетел в воздух в кровавой дымке. Перенеся вес тела вперед под собственным импульсом, Гаунт ткнул дуло своего болт-пистолета в гротескную маску и выстрелил. Зверюга, с уничтоженной головой, опрокинулась на спину. Гаунт начал стрелять над его оседающим телом в толпу вражеских солдат, протискивающихся в брешь.

Белтайн и Нейт подскочили к нему, стреляя в упор из своих лазганов и нанося колющие удары Танитскими боевыми ножами, закрипив их как штыки. «Серебряный клинок! Серебряный клинок!» выкрикивал Белтайн.

Это была не единственная брешь. Здание сотрясало от звуков рукопашной схватки, штурмовики Кровавого Пакта лезли в окна, двери и дыры от попадания снарядов, заставляя первый взвод отступать дальше в руины. Это было смертоносное безумие, злорадное, пламенное сердце чистой войны. Заполненное дымом внутреннее пространство, мрачное и освещенное огнем как настоящий ад, было полно криков, взрывов, летающих выстрелов и мечущихся фигур. Их окружал хаос.

Обойма болт-пистолета Гаунта опустела. У него в поясных кармашках были запасные, но не было никакого шанса перезарядиться в этой суматохе. Он оставил эту мысль и вытащил свой Танитский боевой нож, втыкая оба клинка в ближайшего вражеского солдата. Кровь пропитала его куртку и плащ так сильно, что ткань стала тяжело

шлепать по нему. Он осознал, что издавал бессловесные звуки ярости в сторону наступающего врага.

Они смердели. И принесли зловоние бойни с собой: омерзительное дыхание, застарелый пот, засохшая кровь и ядовитый аромат масла и красок, которые они наносили на свое тело.

Меч Сондара разрубил черную железную маску напополам. Кровь зашипела на энергетическом оружии. Боевое нож Гаунта вонзился в глотку. Что-то сбило с него фуражку. Солдат Кровавого Пакта врезался в него и заставил пошатнуться, но негодяй был уже мертв. Затем лазерный заряд зацепил левое плечо Гаунта и бросил его на колени. Он выбросил силовой меч вперед, сквозь бронированные бедра перед ним, и был прижат к земле весом опрокинувшегося на него тела.

Белтайн потерял свой лазган. Он подхватил крюк с земли и обеими руками воткнул его в грудь ближайшего врага, затем подался вперед и схватил Гаунта за плечи, пытаясь поставить его на ноги. Ванетт и Старк рванули ему на помощь, ведя непрерывный огонь по пехоте Кровавого Пакта вокруг них.

«Назад! Отступаем!» кричал Белтайн в лицо Гаунта. Казалось, что полковник-комиссар не узнает его. С него капала кровь. «Нам нужно отступить!» повторил Белтайн, его глотку саднило от дыма. Гаунт оттолкнул его в сторону и зарезал еще одного Пактийца, который навис над ними. Силовой меч разрезал его надвое и выбил осколки камня из колонны позади него.

Взрыв сбил всех с ног. Каменная кладка посыпалась с крыши, и задняя стена строения упала так, будто это была стопка детских кубиков. Внутри ворвался холодный воздух, с сильным запахом фуцелина, и закрутил окружающий густой дым в жуткие вихри и кольца.

Все еще сжимая меч в липкой от крови руке, Гаунт схватил Белтайна за руку и потащил его к обрушившейся секции стены. Ванетт и Старк последовали за ними, прикрывая спину и опустошая последние силовые ячейки, стреляя от бедра на ходу. Не было никаких признаков других членов первого взвода, всего лишь темно-красные фигуры, пробирающиеся за ними по пятам.

Четверо мужчин спустились по холму из обрушившейся кладки на открытый воздух. Лаз-заряды зашипели вслед за ними из здания.

Они были на широкой площади Квартала Хазгула. Вся территория была в огне. Здания обрушились под огненной бурей, выбрасывая огонь и искры из разбитых окон.

Три танка – один легкий Имперский и два вражеских – пылали там, где их уничтожили.

Тела усеивали землю, покрытые пеплом, падающим как снег из бушующего дыма. Жар был таким нестерпимым, что ощущался как летний полдень на Калигуле.

Не было никакой возможности сказать, где было что-либо или кто-либо. Все было так, словно они ворвались в центр апокалипсиса.

Гаунт пришел в себя достаточно, чтобы его руки начали трястись. Его сердце стучало как автомат зарядания. Хромая из-за раны, он не мог вспомнить, когда ее получил, он подгонял остальных троих, чтобы убраться с открытого места до ближайшего укрытия в двадцати метрах от них. Укрытием был сгоревший транспортник Полка Цивитас Беати.

Они сжались возле него, осматривая окружающий кошмар.

«Первый! Это – первый!» кричал Гаунт, и только потом осознал, что ответа не было, потому что микро-бусина больше не была в его ухе. Обрывок гибкого шнура свисал с шеи.

Он посмотрел на остальных. Все были покрыты грязью, кровью и следами многочисленных легких ранений. Куртка Ванетта была изорвана, и кровь стекала с его правого предплечья от раны на локте. Старк держал руками голову, трясясь от нервов и адреналина. У обоих все еще были лазганы. В изрезанных руках Белтайна ничего не было. Он сидел, прислонившись спиной к останкам транспортного средства, уставившись на огненную бурю немигающим взглядом человека, который дошел до предела.

«Вокс?» сказал Гаунт, тряся его.

«Сэр?»

«Вокс?»

Бейлтайн помотал головой. Лаз-заряд сорвал вокс-передатчик с его спины в ходе рукопашной в здании.

Рукопашная, думал Белтайн. Как неподходяще было это фесово тупое слово, которое описывало то, откуда они выбрались.

«Тогда, микро-бусина? Белтайн? Белтайн!»

Связист вышел из оцепенения. Он протянул руку к уху и начал вызывать по интеркому.

Гаунт слышал лязгание даже до того, как Старк окликнул его. В двухстах метрах к северу от них, на другой стороне разрушенного квартала, Имперский легкий танк с трудом тащился задним ходом, расталкивая обломки и остовы машин на своем пути. В то время, как Гаунт смотрел, противопехотный снаряд попал в тротуар позади танка, забрасывая его грязью и камнями, а затем другой снес половину башни. Танк резко развернулся, оставляя за собой густой дым, и затем затих. Гаунт видел, как водитель выбирается с трудом. Человек начал бежать, а затем упал, когда в него попали из стрелкового оружия.

Боевые танки Кровавого Пакта, с грохочущим стелк-танком на их левом фланге, вползли на площадь. Танки тряслись, когда стреляли, посылая визжащие снаряды над Гаунтом и его товарищами в здания в южной части площади. Разрозненные отряды стрелков Кровавого Пакта поспешно продвигались вперед вместе с танками. Пока Гаунт со своим взводом был заперт в аду сражения на фабрике, битва снаружи была проиграна. Враг сломил сопротивление Имперцев, уничтожил их танки, и штурмовал Принципал I.

Лазерный огонь начал стучать по корпусу транспортника. Он шел со стороны разрушенного строения. Отряд Кровавого Пакта, который выбил первый взвод с его позиции – и, скорее всего, уничтожил их всех – теперь высыпал наружу из строения в том же месте, где выбрались Гаунт и его люди. Они стреляли через открытое пространство в скучковавшихся Имперцев.

Все четверо пробрались к задней части транспортника, но даже это не давало большой защиты от перекрестного огня. Справа от них было основное наступление и танки; слева – фланговая атака пехоты.

Ванетт и Старк стали отстреливаться из лазганов, концентрируя огонь на вражеском отделении, приближавшемся со стороны здания. Гаунт очень хотел, чтобы у него осталось что-то еще, кроме меча. Белтайн оторвался от микро-бусины и вытащил свой пистолет, стреляя у угла транспорта. Уничтоженная машина тряслась, когда в нее попадали выстрелы, оставляя вмятины и сбрасывая хлопья опаленной краски.

«Старк! Ванетт! Пистолет, кто-нибудь!»

Старк потерял свой – вообще-то, и кобуру тоже – но Ванетт вынул свой лаз-пистолет и катнул его по рокриту к Гаунту. Гаунт убрал в ножны меч и, пригнувшись за погнутом задним колесом, стал стрелять по основным наступающим войскам. Согласно счетчику на дисплее пистолета, у него было около тридцати выстрелов до того, как ячейка опустеет.

Тридцать выстрелов. Это была мера жизни, которая у него оставалась.

«Боеприпасы?» прокричал он над треском вражеского огня.

«Осталась одна ячейка!» ответил Ванетт.

«Половина ячейки!» доложил Старк.

«Две обоймы!» запинаясь, ответил Белтайн.

«Не тратьте впустую,» сказал Гаунт.

Стрельба по ним становилась все сильнее. Пехота с обеих сторон целилась в транспортник, и сталк-танк тоже начал периодически посылать импульсы в их сторону. Остов дребезжал и трясся, и даже неоднократно двигался от попаданий. Куски корпуса летели в воздух.

Белтайн взвыл, когда шрапнель вонзилась ему в руку. Щека Ванетта была обожжена горячим осколком от взорванного корпуса. В любой момент, Гаунт знал это, танковый снаряд или ракета покончит с ними.

Осталось десять выстрелов.

«Мученица Саббат,» начал шептать Гаунт, «именем священного Императора Терры, спасителя Империума Человечества, я вверяю свою душу и свои деяния, и души этих трех храбрых солдат, в твои руки, которые --»

Огонь накрыл площадь с юга, конусы огня, раскаленные и голодные, хлестали, как вода из шланга, и залили пехоту архиврага, приближающуюся от здания, превращая тех, кто не спасался бегством, в дергающиеся, спотыкающиеся факелы.

«Что-то...» открыл от удивления рот Белтайн. «Что-то...»

Неправильно. Такое невозможно было представить.

Четыре Химеры, с инсигнией личного отряда лорда генерала, ворвались на площадь, пробиваясь сквозь горящие здания своими бульдозерными отвалами. Они быстро передвигались, их корпуса раскачивались на гусеницах, когда они пробирались по обломкам. В верхних башенках сидели солдаты и стреляли из автопушек, отправляя трассирующие снаряды в воздух. Позади быстрых, бронированных транспортников, медленно ползли танки. Бронетехника Цивитас Беати, легкие танки Сил Планетарной Обороны и два Завоевателя.

Они открыли огонь, как только визуально определили авангард врага. Вокруг наступающей техники бежали солдаты, множество из них несло знамена, флаги и штандарты с аквилой на длинных шестах. Гаунт мог видеть Маршала Биаги, ведущего наземные войска со штандартом, который он сжимал в одной руке. Он быстро шел вперед во главе дюжины офицеров Полка Цивитас. Они основательно обрабатывали местность перед собой своими огнеметами.

Четыре Призрака заползли под останки транспортного средства для безопасности, потому как снаряды визжали над их головами с обеих сторон. Шум и удары были болезненными. С того места, где лежал, Гаунт мог видеть, как Биаги направляет наземные войска вперед. Кто-то, скорее всего лично Люго, мобилизовал все резервы для этой контратаки. Чертов идиот! Если она провалится, то не будет ничего, абсолютно ничего, что осталось бы для защиты внутренних ульев.

Гаунт знал, что Люго был вряд ли самым талантливым тактиком, который выпустился из офицерской школы, но это был акт безумия даже по его мрачным стандартам. Уже этой ночью их весьма удивили масштабом передовых сил, которые высадил арзивраг на Херодор. Кто мог сказать, что другая сила аналогичного размера сейчас не ожидает приказа атаковать сельскохозяйственную зону, или что еще одна не находится в Восточной Обсиде?

И что тогда будет делать Люго, если вся его военная мощь собралась здесь?

Это было безумие. Это было...

... это было безумие, но не такое, как предполагал Гаунт.

Он моргнул.

Происходило что-то необычное. Каждый звук был приглушенным, все в видимости начало мерцать. Осколки стекла на земле под его окровавленными руками сияли, как бриллианты. Выщербленный металл откидного борта над его головой выглядел как перламутр. Танковые снаряды идеально четко скользили над головой, оставляя за собой медленные волны, дым вращался и закручивался в идеальные двойные спирали.

Казалось, что все замедлилось.

Фес!

На мгновение Ибрам Гаунт подумал, что его ранили. Он не чувствовал боли или попадания, но он слышал, что освобожденные от службы ветераны объясняли, что наиболее тяжелые ранения происходят, и ты даже не знаешь об этом, а мир вокруг превращается в медленную страну чудес, когда ослабленные чувства фиксируют простой, чрезвычайно сильный блеск во всем.

В его глазах был свет. Золотой свет. Саламандра, низкая и тяжелая на своих гусеницах, заслонила обзор, остановившись всего лишь в нескольких метрах от того места, где он лежал под разрушенным транспортом. Фигура стояла прямо в кабине с открытым верхом.

Она была прекрасна.

На ней была замысловато украшенная золотая броня, такая совершенная и отлично подогнанная, что было ясно, что ее изготовили мастера-металлурги. Полированные чешуйки челоны были закреплены на корсаже и широких наплечниках. Имперские орлы закрывали локти и колени, и тот же самый символ был выгравирован на наручах и бедрах. На ее левой руке была позолоченная перчатка с серебряными орлиными когтями. Правая рука была обнажена. Под слепящими золотыми пластинами на ней была плотная черная кольчуга, каждое звено которой представляло собой цветок ислумбина. Белая юбка колыхалась у нее на талии, длинная и гладкая, и украшенная печатями частоты и молитвенными лентами.

Тяжелый золотой горжет поднимался до ее подбородка, но голова была непокрытой. У нее были коротко подстриженные волосы, вообще-то грубо подрезанные, так что казалось, что у нее блестящая черная чаша на бледной голове. Ее глаза были зелеными, такими же зелеными, как шелка инфарди, такими же зелеными, как дождевые леса Хагии.

Беати посмотрела вниз на Гаунта. Ореол света окружал ее, такой горячий и яркий, что она казалась прозрачной. Девять кибер-черепов парили вокруг нее в ослепительном блеске, образуя круг позади ее головы, из глаза светились, миниатюрные орудия были заряжены. На нее было больно смотреть.

Она улыбнулась.

«Я ждала этого, Ибрам. А ты?»

«Да,» это все, что он смог сказать. Он осознал, что плачет, но ему было это неважно.

Она подняла и широко развела руки. Зеленая мантия развернулась у нее на спине и превратилась в крылья. Вокруг нее раскинулась идеальная форма аквилы, по пять метров с каждой стороны, не шелковая, но мерцающая зеленым светом.

Позади ее головы, двоинная голова Имперского орла щелкала и шипела, в окружении черепов.

Гаунт поднялся на ноги. Он был так поглощен ею, что ударился головой об заднее крыло транспортного средства, но его глаза не отвлеклись от видения перед ним.

Он вытащил свой меч и протянул ей, рукоятью вперед.

«Тебе он понадобится, Ибрам,» спокойно посоветовала она, и вынула свой собственный клинок. Он был узким, серебряным и более метра длиной. Гирлянды из ислумбина обвивали эфес, и украшенные драгоценными камнями подвески болтались на головке эфеса. Она включила меч, и он с треском ожил.

«Давай научим архиврага человечества,» сказала она.

«И какой урок мы ему преподадим?» спросил Гаунт.

«Император защищает,» сказала она.

Она подняла меч и указала на врага. Невидимый водитель рывком отправил Саламандру вперед, но она даже не пошевелилась. На другой стороне Имперские воины нахлынули на отступающего врага. Огнеметы шипели, пушки рывкали, лазганы трещали и ревели орудия тяжелых танков. Развевались Имперские знамена.

С мечом в руке, Гаунт побежал за ней.

ПЯТЬ

ТРИУМФЫ И ЧУДЕСА

«Там, где враг – гневайтесь! Там, где победа – радуйтесь!»

- Святая Саббат, Послания

Везде были толпы.

Едва рассвело, но улицы были переполнены. Огромные толпы поющих пилигримов, празднующих солдат и радующихся граждан заволокли транзитные пути и бульвары Цивитас Беати, объединившись в шумном и безудержном выражении триумфа. Раненый город проснулся, чтобы обнаружить, что он чудесным образом еще жив.

Широкие полосы черного дыма пятнали ранний дневной свет, размазанными грязными кляксами на плоской холодной белизне неба. Отдаленные северные части города все еще изобиловали горящими руинами с беспорядочно разбросанными останками боевых машин и неисчислимыми телами мертвых.

По предварительной оценке погибли сотни военных и гражданских. По большей части досталось пилигримам. Тысячи не пережили эту ужасную ночь.

Но количество погибших и серьезные разрушения, казалось, никак не заботили никого в толпе. Сейчас они были ненормально возбуждены так же, как были необъяснимо поникшие духом ночью. Возможно, это все было легко объяснимо: они были живы, они победили и, поэтому, они радовались.

Самая большая толпа была вокруг Площади Беати, сотни тысяч воодушевленных людей, и все они пели, улюлюкали, танцевали и аплодировали. Знамена хлопали в рассветном воздухе, белые лепестки кружились, как конфетти, отрываясь от гирлянд, которые надели на себя люди. Солдат, на ухмыляющихся лицах которых белые зубы контрастировали с засохшей грязью, крепко обнимали и расцеловывали, и поднимали на плечи. Стучали барабаны. Древние молитвенные городские горны гудели.

Выли фабричные сирены.

Люди забирались на крыши и балконы, или страстно махали из окон верхних этажей.

Вымпелы и фейерверки вспыхивали в небе. На нескольких улицах неподалеку от площади, проповедники инфарди забрались на тележки своих часовен и проводили молебны или пели гимны. Процессия Екклезиархии, с хором во главе, несла по улице реликварии из храмов улья. Работники Министорума разбрасывали лепестки и цветы, случайно собранные на сельскохозяйственных гидропонных фермах.

К тому времени, как Гаунт добрался до самых больших толп в районе площади, у него на шее были гирлянды ислумбина и ирридокса, и его целовали и обнимали столько раз, что он не был в состоянии подсчитать. Его одежда была изорвана, и он был покрыт порезами и синяками. У него в руках все еще был штандарт с аквиллой, который он подобрал у погибшего солдата Полка Цивитас Беати в гуще боя перед рассветом.

Он чувствовал себя странно, ошеломленно, не в своей тарелке. Шум ликования вокруг него казался громче и более гнетущим, чем ожесточенная ночная схватка. Все вокруг ощущалось, как сон, но он был уверен, что это только от того, что он устал.

На холодной, кремниевой равнине Великой Западной Обсиды, с наступлением рассвета он помогал остановить наступление сил врага. Пощады Кровавому Пакту, преданным и присягнувшим архиврагу человечества служителям, разумеется, не было.

И они всех убили. Всех их.

Стеклянные поля за северо-западной границей города были усеяны трупами и тлеющими останками боевой техники. Встретившись лицом к лицу с Беати, и с вернувшейся энергией, которой она наполнила воинов Империиума, Кровавый Пакт дронул и побежал. Биаги и Калденбах, общепризнанные победители в битве, возглавляли погоню и уничтожение врага в Обсиде. И теперь порывистые ветры ледяной пустыни, дующие с Западных Валов, вместе с морозом, высушат тела Кровавого Пакта, и они станут всего лишь хрупкими мумиями, разбросанными среди останков бронетехники, как доказательство жестоких стараний Имперской армии, вдохновленной верой.

Гаунт дошел до площади. Люди окружали ее плотной массой на глубину пятьдесят метров, но расходились, чтобы дать ему пройти.

Пилигримы и граждане прикасались к нему или хлопали по плечам. Он хромал и использовал знамя для поддержки.

Она была в центре площади, стоя на Химере, и подняв руки к ликующей толпе.

«Сэр! Сэр!» Гаунт осмотрелся, и был, почти, опрокинут на землю восторженным объятием приветствия Раглона.

«Мы боялись, что вы мертвы, сэр!» прокричал Раглон.

«Я – нет, Рагс.»

«Вижу, сэр. Боже-Император, как хорошо видеть вас! Какой день! Какой момент!» Гаунт улыбнулся измученной улыбкой. Волнение Раглона было заразительным. Слишком редко он видел в своих людях эту простую радость от победы.

«Как твой взвод, Рагс?»

«Отлично, сэр.»

«Все они пережили это?»

Раглон страстно кивнул. «Мы пережили. Потерь нет. Но мы показали им ад. Я подам отчет... рекомендации...»

«С нетерпением жду этого.»

Раглон повернулся и посмотрел в сторону центра площади. «Я не могу поверить в это, сэр,» сказал он. «Я имею в виду... она здесь. По-настоящему здесь.»

«Да, она, Рагс,» сказал Гаунт. «Настоящая она. Наслаждайся моментом. Они не часто появляются в нашей жизни.»

Гаунт посмотрел на Святую, когда Раглон отстранился, смеясь. Казалось, что она смотрит прямо на него.

«Я счастлив и все такое, но я хочу, чтобы она прекратила делать это.»

«Делать что?» спросил Фейгор, повышая голос, чтобы перекрыть шум.

«Смотреть на меня так,» ответил Роун. Третий взвод был в толпе на другой стороне площади от Гаунта. «Она не хочет прекратить смотреть на меня.»

«Это она на меня смотрит,» сказал Фейгор. «Не на тебя. Зачем ей на тебя смотреть?»

«Эм, я не знаю...» сказал Роун, закатывая глаза.

«Я знаю,» сказала Бэнда. «Сексуальный майор, настоящая кошачья мята для женщин.» Фейгор рассмеялся. Роун презрительно посмотрел на Бэнду.

«Но не хочу тебя разочаровывать,» продолжила Бэнда. «Ее святейшество, Беати, вообще-то смотрит на меня.»

«Это хороший день,» тихо сказал Гол Колеа.

«Да, Гол, так и есть,» ответила Крийд. Она похлопала его по руке. Вокруг них толпа с ума сходила, напевая. Беати была отдаленной фигурой в сердце переполненной площади.

«Хороший день,» повторил Колеа. «Она смотрит на меня, и видит меня, и видит я счастлив в этот хороший день.»

«Кто, Гол?»

«Святоженщина.»

«У-ху.»

«Эй, сарж.» Крийд осмотрелась и увидела Жажжо, пробирающегося сквозь толпу. «Нашел его,» сказал он с ухмылкой.

Каффран появился позади Жажжо и крепко обнял Крийд.

«Думал, что потерял тебя!» выдохнул он, целуя ее в щеки в шею. Он поднял руку и мягко прикоснулся к повязке у нее на голове.

«Ты ранена.»

«Ничего такого, что нельзя было бы починить. Колеа отнес меня к медику.»

«Я не думал, что увижу тебя снова, Тона,» сказал Каффран.

«Нужно что-то большее, чем какой-то Кровавый Пакт, чтобы отдалить меня от тебя,» ответила она и поцеловала его в губы.

«Ну, ну... только не при солдатах,» сказал Лайжа Куу, проходя мимо.

«Видел ее?»

«Конечно, видел.»

«Тогда будь благодарен,» сказал Колм Корбек, «что твой маленький кошмар был всего лишь... маленьким кошмаром. Вон она. Живая и очень... святая.»

Майло кивнул. «Да, думаю так. Она поразительная. Кажется, что она смотрит на меня.»

«На тебя? На меня, скорее всего. Прямо на меня.»

Майло улыбнулся. «Верьте, во что хотите, полковник.»

«И буду верить.»

«Значит, она смотрит на вас?» сухо усмехнулся Мколл. «Я думаю, что она, определенно, смотрит на меня.» Широкая толпа вокруг них внезапно взорвалась оглушительным ликованием, и Призраки в ее середине присоединились.

«На меня, определенно,» проворчал Мколл.

Ларкин пялился. Это было похоже на то, как будто он держал ее в прицел, а она его. Если бы он целился, чтобы убить, то это стало бы тяжело. Девяносто метров, с боковым ветром и сотнями ликующих тел между ним и ей. Но он сделал бы это. Ларкин был в этом уверен.

И даже больше он был уверен в том, что она тоже бы это сделала. Так, как она смотрела на него. Как меткий стрелок.

Харк пробирался сквозь толпу. Он почти сбил с ног Даура, который рыдал навзрыд, и потом врезался в Мерина, который просто пристально всматривался.

«Мерин?»

«Она настоящая.»

«Я думаю, что это идея, сержант.»

Рядом с ними, Сержант Варл забрался на тележку часовни и начал танцевать, надев берет, украшенный страусиными перьями и комично натянув его на уши.

Харк смеялся.

«Шеф?» Вивво протянул Сорику латунную гильзу для сообщений.

«Спасибо тебе,» сказал Сорик, и кивков отпустил Вивво. Толпа вокруг него сходила с ума. Ликование было таким громким, что это заставляло его нервничать.

Сорик отвернул крышку и вытащил записку.

В ней было сказано: «Это на тебя она смотрит. Она знает.»

Сорик выбросил клочок бумаги и положил гильзу в карман.

Секундой позже Вивво опять появился из шумной толпы.

Он вытащил гильзу для сообщений.

«Это ваше, шеф?» спросил он.

Сорик похлопал по карманам. Они были пусты.

«Должно быть,» сказал он.

Вивво отдал ему гильзу и повернулся. Он мельком глянул через плечо. Сорик знал, что Вивво уже все понял.

Сорик открыл гильзу. Было написано: «Скажи Гаунту. Девять приближаются. Девять приближаются.»

Запись была сделана наскоро. По-настоящему в спешке и крайне коряво, как будто он торопился. Не смотря на празднование вокруг него, Сорик чувствовал, как его сердце упало.

На маленькой поляне было тихо. Было раннее весеннее утро, первые лучи света мерцажали сквозь листья. Смутная дымка покрывала дорожку к двери часовни.

Каждый шаг, который он делал, звучал очень громко в холодной тишине. Пенья птиц не было слышно. Это казалось необычным. Его сапоги хрустели на булыжнике.

Его пульс участился. Здесь не было, чего бояться, но он боялся. Отчего? Он хотел быть здесь. Он хотел войти внутрь, но его сердце колотилось.

Он подошел к двери. Роса покрывала железную ручку. Он протянул руку, чтобы взяться за ручку, но дверь начала открываться сама по себе. Она начала открываться и за ней он увидел –

Гаунт мгновенно проснулся. Он пытался совладать с дыханием. В комнате было темно и очень жарко. Он понятия не имел, сколько сейчас времени.

Он встал с кровати и пошел к окнам, чтобы отодвинуть жалюзи. Только тогда он почувствовал ужасные боли в своем уставшем теле. Каждый шаг давался с трудом.

Он отодвинул жалюзи, и белый свет заполнил маленькую комнату. Снаружи был поздний вечер, и городской пейзаж внизу показывал, что празднование все еще

продолжается. Он мог видеть знамена, случайные искры фейерверка, и толпы, все еще заполняющие узкие улицы.

Он повозился с отверстиями климат-контроля, встроенными в подоконник, но это не помогло ослабить окружающую жару. Он хотел бы открыть комнатное окно, но оно было герметично заделано. Этот уровень третьей башни улья был слишком высоко над городским щитом и атмосферой Цивитас.

Гаунт попытался вспомнить сон. Он был таким четким, но мгновенно испарился, когда он проснулся. Айэкс Кардинал. Он снова был на Айэкс Кардинале, в часовне. Больше ничего он не мог вспомнить.

Он увидел свое отражение в тяжелом зеркале в углу комнаты. На нем были только тусы, и его тощая, мускулистая плоть выглядела ненормально бледно-белой.

Темные борозды старых шрамов выглядели, как разнообразные детали на поверхности бледной луны, особенно длинный, уродливый разрез поперек его живота, который Дерций оставил ему так много лет назад.

Поledние раны, которые оставил на нем Херодор, были более синюшными. Так много ссадин и царапин, что он даже не пытался их сосчитать, были черны от крови. Были и синяки, черные и болезненно-желтые. Наиболее серьезными ранениями были след от лазерного ожога на его левом плече и глубокий порез на правой икре. Лесп поработал с ним очень хорошо, обработав самые плохие раны и зашив наиболее глубокие порезы.

Он прохромал из спальни в другую комнату. Его личные вещи были сложены на комоде, и запасная униформа висела на спинке стула.

«Белтайн?» крикнул он. Не было никаких признаков его адъютанта.

Он одевался, когда дверь открылась, и вошел Рервал.

«Извините, сэр. Я должен был постучать. Думал, что вы спите.»

«Отставить.»

Рервал, связист Корбека и его адъютант, вошел и закрыл за собой дверь. Он нес вещевой мешок.

«Где Белтайн?» спросил Гаунт.

«Он был изможден, сэр. Корбек приказал ему пойти отдохнуть и попросил меня присмотреть за вами. Я думаю, что это правильно.»

Гаунт кивнул, застегивая на пуговицы свою куртку.

«Как долго я спал?»

«Около четырех часов, сэр. Все немного успокоилось. Капитан Даур просматривает данные на командном пункте.»

«У нас уже есть какие-нибудь цифры по погибшим?»

«Я не знаю, сэр. Люго сегодня ночью закатывает банкет, на котором, ожидается, что вы тоже будете присутствовать.»

«Ты имеешь ввиду – Лорд Генерал Люго, Рервал?»

Рервал смутился. Его щеки покраснели вокруг длинного шрама, который он получил на Айэксе. «Именно так, сэр.»

«Честно говоря, меня не волнует, как вы называете его... за исключением того, что эта плохая привычка может доставить тебе проблемы.»

«Я запомню это, сэр.»

Гаунт закончил застегивать куртку и начал искать фуражку. Рервал залез в вещевой мешок, который принес.

«Ищете это, сэр?»

Фуражка была немного пыльной, и ее было неприлично одевать, хотя Рервал очень постарался, чтобы почистить ее.

«Полковник Корбек отправил разведчика назад в здание, чтобы он нашел ее, сэр. Хотя, боюсь, он нигде не обнаружил ваш болт-пистолет, и я затребовал, это для вас на время.» Рервал вынул совершенно новый лазпистолет в черной кожаной кобуре.

«Спасибо, Рервал,» сказал Гаунт, одевая кобуру. Он так же, пристегнул свой меч в ножнах и боевой нож тоже, и затем надел фуражку. Затем он замер. «Я... Я должно

быть, потерял где-то свой плащ,» печально сказал он. Он чувствовал, что ему стыдно признаться в этом.

Рервал снял свою камуфляжную накидку. «Возьмите мою, сэр. Пожалуйста, это честь для меня. Я достану себе другую.»

Гаунт взял отличительное одеяние Танитцев и благодарственно кивнул. Подарок Рервала был ошеломительно великодушным, из-за того, как яростно Танитцы защищают свои ножи и плащи.

«Как я выгляжу?» спросил Гаунт.

«Как покоритель миров, сэр.»

«Очень мило. Но как я, на самом деле, выгляжу?»

«Уставшим, сэр.»

На командном пункте было тихо. Только половина консолей была занята, и то, по большей части, клериками Муниторума, которые несли вахту. Даур сидел в пристройке, просматривая пачку планшетом.

Он начал было вставать, когда увидел, как вошел Гаунт, но Гаунт махнул ему, чтобы тот сидел.

«Длинная ночь, Бан. Держишься?»

Даур спокойно улыбнулся. «Я прошел через все невредимым, по большей части. Чувствую себя на миллион.

А вы?»

«Устал, но победа есть победа. Вливает силы даже в самые измученные кости.»

«Думаю, не только это. Не только победа. Я имею ввиду... после всего того, что вы нам сказали здесь вчера. Вы ошибались, не так ли?»

Гаунт сел рядом с ним. «О Беати?»

Даур кивнул. «Я виделее. Мы все видели. В битве и после нее, во время триумфа. Это не было обманом.»

Гаунт вздохнул. «Нет. Нет. Я не думаю, что это был обман. В тот самый момент, как я ее увидел, я был уверен... так же уверен, как вчера был уверен в то, что она не настоящая.»

«Должно быть вы вчера ошиблись, сэр,» сказал Даур.

«Сделаешь мне одолжение, Бан? Не делай поспешных выводов. Девушка, которую я встретил вчера, не была Мученицей. Я знаю, что это у меня в сердце. Со всей ее страстью, убеждением и уверенностью в себе, она была ненастоящей. Женщина, которая появилась прошлой ночью... она была тем, чем больше никто не мог быть. Я не знаю, что произошло... но было что-то очень странное, когда битва накалилась.»

«Спасибо Богу-Императору за это!»

«В самом деле, Император защищает. Но не делай поспешных выводов.»

«Потому что, то, что изменилось, может обратиться вспять?»

«Именно так. А теперь, почему бы тебе вкратце не рассказать мне, какова ситуация?» Даур дал Гаунту планшет с основным отчетом. «Я отправил всех Призраков, которые принимали участие в боевых действиях ночью, на отдых и пополнение припасов. Маршал Биаги хотел несколько человек, чтобы усилить патрули периметра, но Лорд Генерал Люго, кажется, думает, что нам сейчас нечего опасаться, так что он отверг это. Все в пунктах размещения, либо отдыхают, либо готовятся к приказам. Кроме тех, кто в госпитале.»

«Сколько?»

«Тридцать девять. Особенно много тяжелораненых из Одиннадцатого, включая Мкхефа, Сэйпса и Беула. И Мквеннер.»

«Только не опять, не после Айэкса.»

«На самом деле, нет. Он все еще не восстановился после ранений на Айэксе. Сорик случайно встретил его в битве ночью, и увидел, что ему очень плохо, поэтому он отправил его в полевой госпиталь. Дорден считает, что Вен слишком сильно напрягался, и у него открылось внутреннее кровотечение из нескольких старых ран. Несомненно, он в плохом состоянии.»

«Насколько?»

Даур пожал плечами. «Я не старший медик.»

«Вен собирается умереть чтоли?»

«Возможно.»

«Фес,» Гаунт снял фуражку и положил на стол рядом с ним. «Я пойду, проведу его.»

«Поторопитесь. Лорд Генерал вызывает весь старший офицерский состав на банкет ночью.»

«Я думал, что на банкет обычно приглашают офицеров, а не вызывают.»

«Я не верю, что есть варианты, сэр.»

Гаунт помотал головой. Он не слишком дружил с офицерскими кадрами Люго. Он посмотрел на Даура. «Теперь я должен узнать остальные плохие новости. Сколько погибших?»

«Тридцать два,» сказал Даур. Он передал другой планшет Гаунту. «Конечно, это не все еще.

У нас все еще двадцать ненайденных.»

Погибшие Танитцы были записаны повзводно. Первые шесть были из взвода Гаунта, первого. Каждое имя, которое он читал, вызывало у него приступ боли, но он почувствовал облегчение. Ожесточенная схватка в здании была такой ужасной и жестокой, что он ожидал увидеть куда больше имен здесь. Он знал, что Белтайн, Ванетт и Старк выжили, потому что ушли с ним. И это означало, что Каобер, Версун, Мыска, Дерин, Нейт, Лайс, Бул, Мкан и еще восемь человек тоже выжили.

«Мколл сказал, что Каобер, Дерин и Лайс вывели всех в безопасность. Настоящее отступление с боем, хорошо организованное, несмотря на жестокую рукопашную схватку. Они ушли достаточно далеко, чтобы взвод Мколла прикрыл их. Он рекомендует всех троих представить к награде. Я лично говорил с Дерином. Звучит так, как будто там был настоящий ад.»

«Везде был ад, не так ли?»

Даур вздохнул. «Думаю так. Но у меня такое чувство, что ваше сражение в здании было самой худшей схваткой на близком расстоянии.»

«Этого не должно было произойти. Если бы у нас были огнеметы, они никогда бы не подошли к нам вплотную.»

«Вы знаете местные правила, сэр.»

«Знаю их, ненавижу их, собираются биться, чтобы изменить их. Я не хочу, чтобы нас снова так застали. Когда будет следующая волна, мы должны быть готовы, и это значит, что огнеметы будут на передовой.» Даур взял свой кофеин и отпил, гримасничая, когда понял, что он холодный. «Следующая волна? Вы на самом деле думаете, что будет еще?»

«У меня нет сомнений, Бан,» сказал Гаунт вставая. «У нас было несколько трудных часов, и я не хочу снова пережить их, но мы были бы дураками, если бы думали, что это и было внезапное мощное наступление. Основные силы приближаются. И они будут загружены под завязку.»

«Ну, в этом всем может быть и положительная сторона, Гаунт.»

Они подняли взгляд, когда Виктор Харк вошел в пристойку. Он остановился, чтобы подписать несколько списков, которые приготовил для него писец Муниторума, обменявшись несколькими словами с закутанным в робу, аугметированным чиновником, и затем быстро прошел внутрь.

«Вы отдохнули, сэр?» спросил Харк, отряхивая свой мундир и садясь напротив них.

«Вполне, спасибо, Виктор. Повоевал?»

«В заключительной стадии. Достаточно, чтобы испачкать руки. Но не достаточно, чтобы заслужить награды. Хотя многие заслужили; у меня список.»

«С нетерпением жду, чтобы прочитать его.»

«У лорда генерала он тоже есть,» сказал Харк. «И ты в нем.»

«Я?» сказал Гаунт.

«Вы оба. Калденбаху и Биаги достались все почести за то, что они выиграли битву, но Люго хочет упомянуть в списках отличившихся тебя и всех остальных старших офицеров – как Танитцев, так и Цивитасцев – которые вступили в бой с самого начала. Из-за твоих действий, говорит лорд генерал, уже не осталось никаких битв, чтобы в них победить. Он собирает банкет, чтобы раздать награды.» Гаунт собирался выдать резкий ответ, но увидел, каким взволнованным и обрадованным выглядел Даур, и вместо этого промолчал. У него не было желания, чтобы такие, как Люго награждали его, но люди, как Даур, Роун или Корбек заслуживали признания. Самое фесово время.

«Что ты имел ввиду, когда сказал, что в этом может быть и положительная сторона?» спросил он.

«Астропатические сигналы от флотилии с подкреплением, только что получены. Я взял на себя привилегию подписать их и передать Люго. Наше пополнение должно быть тут завтра на рассвете, если позволит варп. Девять доверху нагруженных оружием и медицинскими припасами кораблей Муниторума, три полка Тяжелой Пехоты Хана, и Арделианская танковая рота из Сан Велабо. Еще сказали, что недалеко корабль Флота Механикус, везущий плазменные реакторы средней мощности, чтобы запитать городской щит. Плюс еще пять боевых кораблей и авианосец из флота Сегментума. Через два дня Херодор станет гораздо более крепким орешком.»

«В самом деле, положительная сторона. Что о перемещениях врага?»

Харк пожал плечами. «Ничего. Прошлой ночью зонд улетел к Хану VI, согласно сообщениям.

Их станции дальнего обнаружения решили, что засекли боевую флотилию, движущуюся в нашу сторону. Оказывается, что это флотилия кораблей пилигримов из системы Хагии.» Гаунт взял фуражку и одел. «Думаю, что я более счастлив, чем пять минут назад. Я буду в лазарете, если кому-нибудь понадобится.»

«Торжественный прием начнется в 20.00, сэр,» напомнил ему Харк.

«Я не опоздаю.»

Гаунт оставил Даура и Харка разговаривающими друг с другом, и захромал через тихий командный центр. У двери он встретил Сержанта Мерина, который заходил внутрь. Мерин резко отдал честь.

«Вообще-то, я искал Комиссара Харка, сэр.»

«А я не смогу тебе помочь?»

«Я бы не хотел беспокоить вас, сэр,» сказал Мерин.

Главный пункт размещения Танитцев был в схоламе на тринадцатом уровне третьей башни улья. Общежития с двухъярусными кроватями были очищены для размещения солдат-иномирцев. Жалюзи были опущены, люминисцентные лампы выключены, и дым от сигарет с лхो наполнял тусклое пространство.

Сорик захромал по проходу между кроватей в общежитии номер пять, обмениваясь тихими приветствиями с теми, кто не спал. Многие были просто в отключке, свернувшись на своих койках, все еще в одежде, и грязи, и высохшей крови, оставшихся с предыдущей ночи.

Сорик и сам очень устал, но он, так же, был обеспокоен и не мог уснуть. Его отсутствующий глаз отдавался болью, как ублюдок.

«С вами все в порядке, шеф?» окликнул его Корбек. Сорик остановился и затопал к койке Корбека.

«Нормально, Колм. Все отлично. Ты меня знаешь.»

«В самом деле,» сказал Корбек. Он лежал, вытянувшись в нижнем белье на своей койке, но сейчас он сел и вытащил флягу.

Он предложил ее Сорику, тот взял ее и сел на край койки.

«Отличная штука,» сказал он, облизывая губы и возвращая фляжку. «Хотя почти уверен, что это не сакра?» Это было то, что Призраки начали называть: сакра. Несколько человек, и множество маркитантов и торговцев, сопровождающих полк, стали очень хорошо делать любимый Танитский ликер. Но никто из них не умел делать так же, как оплакиваемый Брагг. Его пойло было всегда самым лучшим.

Ходили слухи, что пошла Брагга осталось несколько фляжек. И эта штука, как какой-то мифический реликт, называлась сакрой.

«В самом деле, нет,» улыбнулся Корбек. «Но я восхищен твоим вкусом. Не так много Вергхастов могут почувствовать разницу.»

Сорик пожал плечами. «Мы распробовали его. До меня доходили слухи, что Рядовой Лилло близок к тому, чтобы довести до ума первый Вергхастский сорт. Он называет его Гак Меня Номер Один.» Корбек тихо рассмеялся. «Я знаю. Со всем уважением к Лилло – и по секрету тебе скажу, Домор и Варл приняли активное участие в тестах – Гак Меня Номер Один ослепит тебя и отмоеет руки. И тем не менее, это не сакра. А вот это маленькое изделие, которое, я уверен ты со мной согласишься, с отличным запахом и приемлимым послевкусием, с оттенком плойна, ванили и антифриза, произведено нашим дорогим старым Бростином, который, скажем прямо, знает, как варить выпивку. Это самое лучшее, в эти печальные дни после Брагга.»

Сорик отхлебнул еще. «У него светлое будущее в производстве нелегальной выпивки, у этого Бростина.»

«Итак... чего это ты тут бродишь в такой час?»

«Не спится.»

«Мне тоже. Чешется все.»

«Чешется?» Сорик заморгал здоровым глазом.

«Не так, как было, когда я подцепил что-то у одной из девочек Алексы, уверяю тебя. Боевая чесотка. Кажется, как будто я слишком долго не был в битве. Слишком, слишком долго. Ох, я видел кое-какой пиф-паф на Айэксе, но прошло не так много времени после того. Я чувствую, что мне нужно вернуться в игру.» Сорик кивнул. Но Фантине, как его, так и Корбека серьезно ранили. Это было последнее ранение в длинной череде, которое получил полковник. Он почти умер на медицинской койке, но что касается Сорики.

Там все началось.

Раненый, Сорик перенес какой-то вид трансформации. Он не мог сказать, что в точности произошло, и поэтому помалкивал. Но это было так, как будто что-то внутри него проснулось. Что-то, как он знал, он должен держать в секрете от своих друзей и товарищей. У него в семье были похожие вещи, хотя они никогда не доставляли достаточно проблем. Он верил, что эта особенность обошла его, до ранения на Фантине.

Там, он знал – просто знал – что Корбек умирает от внутрибольничной инфекции.

Его предупреждение спасло Корбеку жизнь. И это было, всего лишь, началом. С тех пор сообщения приходили все чаще и чаще.

Гак, но он хотел, чтобы все прекратилось.

Хотя, он понимал, что Корбек имеет ввиду. Корбек не был молод – ни один из них – и одно ранение могло закончить их карьеры. Никто из них не хотел этого. Но все еще...

«Не стремись к этому,» сказал он.

«Что ты имеешь ввиду?»

«Ты хочешь оказать, что ты все еще молод, молод и полон сил. Но не стремись к этому. Пиф-паф не знает пощады.»

Корбек улыбнулся ему. «Я первый офицер самого лучшего полка в Империи, Агун... И на этом месте я хочу быть еще очень долго. Не беспокойся обо мне. Я собираюсь жить вечно.»

«Уверен, что будешь,» сказал Сорик и встал. «Майло где-то тут?»

«Вот там,» сказал Корбек, показав большим пальцем.

Сорик зашаркал по проходу. Он видел, как Ларкин спит на нижней койке, обнимая свой лонг-лаз, как любимую девушку.

Сорик замер и огляделся. Что-то... что-то раздражало его. Что-то, что ему даже не надо было открывать свою чертову гильзу для сообщений, чтобы узнать.

Через два ряда коек, он видел Лайжу Куу. Куу лежал на животе на верхней койке, предворяясь, что спит. Но Сорик мог видеть, что коварные глаза Куу открыты, открыты и пялятся на Ларкина.

Он вздрогнул. Куу был тем еще фруктом. Если он что-то имел против Ларкса, то Сорику было жаль бедного ублюдка. Может быть, он должен сказать кому-нибудь о –

Он остановил сам себя. Куу теперь смотрел на него. Сорик отвернулся и пошел дальше. И что он кому-нибудь расскажет? Что у него ощущение? Плохое ощущение? Рукописная заметка от себя самого, в которой сказано, что Куу сумашедший и за ним постоянно нужно присматривать?

«Что такое, шеф?» Сорик замер рядом с койкой Майло. Самый молодой Призрак растянул свою Танитскую волюнку на койке и чистил трубки щеткой.

«Привет, Бринни. Есть минутка?»

«Конечно.»

Майло отодвинул трубки, чтобы Сорик сел. Старый Вергхастец вытащил из кармана обрывок голубой бумаги.

«Мне нужна твоя помощь. Это щекотливая ситуация. Ты можешь мне обещать, что будешь разумен?»

«Конечно,» прошептал Майло, сидя и удивляясь, что за хрень Сорик собирается ему сказать.

Вместо того, чтобы говорить, Сорик дал ему обрывок бумаги.

«Что это?»

«Прочти.»

Майло прочел. Там была написано от руки строчка: «Спроси Майло. Доверься Майло. Он будет знать.» «И что это значит?» спросил Майло. Сорик пожал плечами. «Ладно, кто написал это?»

«Я.»

«Когда?»

«Без понятия,» сказал Сорик.

Гаунт ненавидел госпитали. Они напоминали ему слишком многое от последствий его профессии.

Цивитас Беати предоставили общественную клинику на десятом этаже третьей башни улья для лазарета Танитцев. Это было спартанское место с металлической плиткой и пластиковыми занавесами. Когда он прохромал внутрь, ему в ноздри ударила вонь антисептика, которая была острой и сильной, но, тем не менее, не маскировала преимущественный запах крови и человеческих выделений.

Звенел ручной звонок. Волонтеры инфарди и местный медицинский персонал передвигался между койками в приглушенном свете, а в одном углу провост Экклезиархии проводил последний ритуал. Подсвечники мерцали под их стеклянными накидками. Кто-то кричал от боли. Сквозь частично прозрачный экран, Гаунт видел, как Керт и Лесп борются с мечущимся телом. Кровь хлестала на пол под каталкой.

Он снял фуражку и захромал дальше по залу. Смотря налево и направо, он, в конце концов, нашел Мквеннера, лежащего на койке в дальнем западном конце под окном. Наступила ночь, и кровать Мквеннера освещалась холодным, голубым светом. Гаунт видел Колеа, который сидел у койки Вена в тихом бодрствовании. Хотя его разум был разрушен, казалось, что Колеа знает положение дел, чувствует положение дел. Гаунт был рад, что Мквеннер не одинок в этот час.

Он начал идти к койке Вена, когда Дорден появился из соседней комнаты.

«Ибрам,» сказал он, как будто удивившись, увидя Гаунта.

«Доктор. Я пришел проведать раненых. Вена в частности.» Дорден кивнул. Между ними была напряженность. Оба ненавидели, как неудачно все вышло. «Слушай, если у тебя есть минутка,» сказал Дорден, «я бы хотел, чтобы ты встретился с Цвейлом.»

«Цвейл? Его ранили?»

Дорден помотал головой. «У него был инсульт в часовне прошлой ночью.»

«Фес, почему мне не сказали?»

«Я не знал, где тебя искать.»

«Какие прогнозы?»

«Он стабилен. Сложно сказать на этой ранней стадии.»

«Есть идеи, что с ним случилось?»

Дорден посмотрел на него. «Стресс. Огорчение. Я уверен, что ты помнишь, что аятани был довольно встревожен прошлой ночью.»

«Ты обвиняешь меня?»

«Нет, конечно, нет!» резко сказал Дорден. «Это к тебе не относится, Гаунт.» Пытаясь не развивать тему, Гаунт прошел мимо Дордена в соседнюю комнату. Цвейл лежал на койке, такой же белый, как и постель, на которой он лежал.

«Отец аятани,» прошептал Гаунт, садясь возле его кровати.

«Ах, это ты,» сказал Цвейл. Слова были неясными. Казалось, что левая сторона его лица не двигается.

«Как вы?»

«Фес ты беспокоишься!»

«Я очень беспокоюсь. Хватит это враждебности, Цвейл. Вы только делаете хуже.» Цвейл закрыл глаза, как будто согласившись. «Ты был прав,» прошипел он. «Я пошел к ней. Я встретился с ней.

Это все обман, фесов обман. Это была та глупая Сания. Ты был прав.»

«Я не был,» сказал Гаунт.

Цвейл медленно повернул голову и посмотрел на Гаунта.

«Что?»

«Вчерашней ночью она была обманом. Сегодня, уже не была.»

«Не мучай его, Гаунт,» сказал Дорден из тени дверного проема позади.

Гаунт обернулся и резко посмотрел на Дордена. «Вы видели, что сегодня произошло, доктор?»

Дорден пожал плечами. «Я был занят. Я понял, что мы победили.»

«Святая здесь,» сказал Гаунт. «Она повела нас к победе, я не понимаю всего, но это правда.»

Дорден сделал шаг в комнату, под свет электрических свечей вокруг койки старого священника. «Это еще одна из твоих игр?»

«Ты меня знаешь. Я не играю в игры.»

«Я думал, что знаю тебя, Ибрам. На Айэкс Кардинале ты доказал, что это не так. Но... я думаю, что ты не играешь.»

«Доктор, ты прошел через ад на Хагии, потому что поверил. Я только сказал то, что сказал, чтобы защитить твою веру. Прошлой ночью на Херодоре не было Святой Саббат, по крайней мере, я ни одной не видел.

Но этим утром.»

«Я хочу увидеть ее,» внезапно сказал Цвейл.

«Он слишком болен, чтобы --» начал Дорден.

«Я хочу ее видеть!»

«Он хочет видеть ее, и я думаю, что он должен,» сказал Гаунт. «И ты тоже, Толин.» Дорден полаж плечами. «Я не знаю...»

«Возьми кресло-каталку. И приведи несколько санитаров, чтобы поднять Цвейла.» Гаунт посмотрел на свои карманные часы. Было четверть восьмого, а он даже не переоделся. «Сделай это!» настаивал он. Он повернулся и взял Цвейла за руку. «Я приведу тебя к ней. Только проверю Вена.» Цвейл кивнул.

Гаунт захромал в основной зал лазарета и пошел к койке Вена. И замер.

Мквеннер и Колеа исчезли.

В Священных Купальнях никого не было. Не было никаких звуков, кроме шлепков воды в главном бассейне. Слабо освещенное пространство было наполнено паром и запахом железа.

В свете мерцающих свечей, которые шли вдоль известняковых ступеней, Колеа помогал Мквеннеру на его тяжелом пути вниз. Биолюминисцентные шары освещали пар внизу, их свет выхватывал рябь священного бассейна.

Мквеннер сильно кашлял, и его рука была в крови, когда он отрывал ее от лица.

Колеа крепко держал его, чтобы тот не упал.

«Отведи меня назад, Гол,» сказал Мквеннер, его голос звучал сухо от подступающей мокроты.

Колеа замотал головой. «Сделает тебе лучше. Это сделает, это сделает. Это сделает тебе очень лучше. Это лечит все раны. Так они говорили. Ты увидишь.»

«Я устал. Слишком устал. Я не могу...»

«Ты не остановишься сейчас, Вен. Ты не остановишься. Держи меня крепко, и я доставлю тебя туда. Ты не упадешь.»

«Гол, пожалуйста. Дай мне умереть в своей постели. Дай мне --»

Он опять начал закашлять. Он почувствовал такие сильные рези, что упал, и кровь полилась на блестящую известковую лестницу. Мквеннер стоял на коленях.

«Это безумие,» задыхаясь сказал Мквеннер.

Колеа помотал головой. «Она сделает тебе лучше,» сказал он. Он залез в карман и вынул по-настоящему жуткое глиняное изображение Святой, безделушку пилигримов. Колеа показывал ее с огромной гордостью. «Нашел это. Счастливый талисман. Счастливый, счастливый. Был Тоны. В ее кармане.»

«Крийд?»

Колеа кивнул и ободряюще улыбнулся. «Нашел ее раненой. Нашел это на ней. Счастливый, счастливый. Это спасло ее. Реально спасло. И тебя спасет. Сделает тебе лучше.»

«Просто отведи меня назад, Гол.»

«Святая сделает тебе лучше. Вода сделает тебе лучше. Ты увидишь.» Колеа засунул фигурку назад в карман плаща. Мквеннер опять начал кашлять. Вышло больше крови, и рези у Мквеннера стали такими резкими, что он потерял сознание.

Колеа нагнулся и подхватил большого Танитца. Хрипя от напряжения, его ноги тряслись, он продолжил спускаться по лестнице, неся Мквеннера на руках.

Он спустился и прошел вдоль бассейна, подойдя к лестнице, которая уходила в парящую воду.

«Сделает тебе лучше,» повторял он, снова и снова. Мквеннер не отвечал. Его голова безвольно свисала.

Неся умирающего разведчика, Колеа зашел в воду, по голень, по колени, по бедра, по грудь. Мквеннер поплыл по воде. Колеа выплюнул воду, держа Мквеннера на поверхности.

Кровь растекалась по водной глади вокруг них.

«Будь лучше! Будь лучше сейчас!» кричал Колеа.

Внезапно он поднял взгляд. На другом конце бассейна появилась фигура в расплывчатой дымке пара.

«Сделай ему лучше!» потребовал Колеа, стараясь удерживать тело Мквеннера над водой.

«И что теперь? Хотите, чтобы я пошел?» Цвейл подался вперед в каталке. Лесп толкал и пялился на отражения свечей на плитках под ногами. Они могли чувствовать запах серной воды.

Цвейл сделал усилие, чтобы повернуть голову и посмотреть на Гаунта. «Ты хочешь, чтобы я забрался наверх, а потом спустился вниз?» проворчал он.

«Нет,» сказал Гаунт. «Лесп? Помоги мне.»

Между ними, Танитским командиром и худым санитаром, Цвейл сидел в каталке, и они стали спускать его по лестнице. Это было непросто. Гаунт осознал, как ненадежна была его раненая нога. Если он сейчас упадет...

Позади них, Дорден устало мотал головой, и направлял каталку. Затем они начали спускаться по еще одной лестнице, ведущей в сырой зал Священной Купальни.

«Можете прекратить нервничать?» прохрипел Лесп.

«Не могу!» пожаловался Цвейл.

«Думаю, что можете. Это нелегко,» сказал Гаунт. Пот стекал по его лбу от напряжения, и Лесп тяжело дышал. Влага покрывала каждую скользкую ступеньку, и каждый, шаг, который они делали, мог стать катастрофой.

«Что... что за фес там происходит?» внезапно сказал Дорден позади них.

Гаунт почти упал. Они были на полпути вниз по лестнице. «Опусти его! Лесп, опусти его!»

Они с облегчением опустили парализованное тело Цвейла на ступень. Леспу пришлось присесть и держать Цвейла, чтобы его каталка не покатила вниз по лестнице. Гаунт встал и посмотрел, на что указывал Дорден. Внизу, в бассейне, в воде стояли три фигуры.

«Ждите здесь,» сказал Гаунт. Дорден нагнулся вперед позади Леспа, и помог держать Цвейла. Втроем они смотрели, как Гаунт, шатаясь, идет вниз к бассейну.

Гаунт прохромал от конца ступеней на другой край бассейна. Три тела были погружены в воду, одно из них давило руками на головы остальных, чтобы окунуть их.

Или утопить их. Или крестить их.

У Гаунта не было на это ответа. Он сам вошел в бассейн.

Фигуры показались в брызгах и пузырьках воздуха. Колеа. Мквеннер.

И она.

«Что за черт?» крикнул Гаунт.

Беати, одетая только в белую сорочку, улыбнулась ему, убирая волосы, подстриженные чашей, с которых капала вода, со своего лица.

«Вода лечит, Ибрам,» сказала она.

Всего лишь ее вид прогнал его страхи. Он замер там, где был, теплая вода плескалась у его ног.

Мквеннер повернулся и поплыл к нему.

«Вен?»

Мквеннер поднялся по лестнице и сел, весь промокший. Он начал смеяться.

«Вен? С тобой все в порядке?»

Мквеннер смеялся от души, как будто над какой-то вселенской шуткой. Человек в его состоянии определенно не должен был смеяться так сильно. Разве что...

«Я говорил вам,» сказал Колеа, разбрызгивая воду и поднимаясь по ступеням возле Мквеннера. «Разве я вам не говорил? Лечит все. Есть что-то в этом месте, это --» Колеа замер, и осмотрелся, моргая в сыром воздухе. Его пристальный взгляд, в конце концов, уставился на лицо Гаунта.

«Я --» сказал он. «Сэр, я думаю, что я что-то упустил. Как я сюда попал?»

ШЕСТЬ

ВОЗМУЩЕНИЕ

«Плохой день грядет!»

- Неизвестный проповедник, Херодор

«Скажите это... снова, пожалуйста.»

Лорд Генерал Люго источал силу и авторитет в своей белой, с высоким воротником, униформе, но тон его голоса совершенно не совпадал с его внешностью. Его голос звучал нервозно.

«Я сказал, лорд, что я извиняюсь за свое опоздание на эту торжественную встречу, потому что меня задержало удивительное событие в Священной Купальне. Перед моими глазами Беати совершила священное чудо.

Два, вообще-то, Священных чуда исцеления.»

Гаунт замер в наступившей тишине. Зал, высокий бальный зал в Старом Улье, который Люго реквизирует для банкета, был заполнен офицерами в парадной форме – из Сил Планетарной Обороны, Полка Цивитас и Танитцев – которые все уставились на Гаунта и лорда генерала. Они стояли повсюду, попивая предобеденный амасек и разговаривая, когда вошел Гаунт, и они слышали каждое слово.

«Чудо? Какое чудо?» нервно спросил Люго. Биаги и Калденбах были неподалеку, и Гаунт мог видеть Роуна, Мколла, Даура и Харк в толпе. Позади толпы офицеров, сервиторы и прислуга, заканчивавшие работать со столами, приостановили свою работу, когда осознали, что что-то назревает.

«Двое из моих солдат отправились в Священные Купальни сегодня ночью. Один, по имени Мквеннер, был присмерти. Он был ранен на Айэксе, и полностью не вылечился. Другой, Сержант Колеа, получил травму головы на Фантине. У него было хроническое состояние, которые даже хирурги не смогли исправить. Как я понял, Колеа притащил Мквеннера в купальню. Это был акт товарищества. Я думаю, что недалекий ум Колеа ухватил то, что ему рассказали про святую воду, и он решил сделать правильную вещь.» Глаза Люго сузились, когда он слушал.

«Когда я пришел,» продолжил Гаунт, «они были в главном бассейне, и там была Святая. Она была с ними, в воде, так же как, если бы она...»

«...крестила их?» прошептал Биаги.

«Именно так, маршал,» сказал Гаунт. «Когда все закончилось, оба были вылечены. Полностью вылечены.»

«Вы, должно быть ошибаетесь, сэр,» сказал Калденбах.

Гаунт помотал головой. «Я допускаю, что правда и ложь, кажется, меняются местами здесь, на Херодоре, но я знаю, что я видел.»

«Вы были единственным очевидцем этого, Гаунт?» спросил Люго.

«Нет, сэр. Это, так же, видели мой старший медик, санитар, по имени Лесп, и Аятани Цвейл.»

Люго и Биаги обменялись взглядами. Гаунт мог видеть замаскированную тревогу на их лицах.

«Когда это произошло?» спросил Люго.

«Час назад, сэр.»

«И только сейчас вы пришли сюда и рассказали мне?»

Гаунт сделал паузу. «Аятани Цвейл квалифицированно ознакомил меня с этикетом, касательно таких событий. Я поспешил позвать главного аятани, провостов Экклезиархии, и первого чиновника, дабы эти чудеса могли быть закреплены и задокументированы, и внесены в священные записи.»

«Вы проинформировали церковь и правительство до того, как проинформировали меня?»

Гаунт кивнул. «Я не думал, что чудеса в ведении военных, лорд. Аятани Цвейл сказал мне, что проявления доказанных чудес очень сильно увеличат значимость Херодора, как священного места. Это имеет значение для Имперской Церкви. Все Имперские подданные, на основании закона, обязаны информировать Экклезиархию о чудесах и знамениях. И, конечно же, это добавляет подлинности к происхождению Беати.»

«Они не нуждается в происхождении!» резко бросил Люго.

«Сэр, я не понимаю,» сказал Гаунт. «Святая возродилась здесь, на Херодоре, и она доказала свою божественность истинными чудесами. Это, я уверен, причина для всемирного празднования. Так почему же вы выглядите разгневанным?»

Люго напрягся и посмотрел вокруг, внезапно испугавшись того, как он выглядит. Он с усилием улыбнулся. «Ты меня не правильно понял, мой дорогой полковник-комиссар. Я всего лишь... поражен. Чудеса, как ты говоришь, за гранью нашего понимания, за гранью обычной жизни, и я признаю, что тревожусь из-за всего, что не

вписывается в прагматичный, физический мир солдатской службы. Я уверен, что мои братья здесь согласятся с этим?»

Послышались возгласы одобрения из зала.

Люго посмотрел на Гаунта. «И мне не стыдно признать, что понятие чудес пугает меня, Гаунт.

Невидимая вселенная оказывает влияние своей силой на наши материальные жизни. Этим видом... магии, слишком часто пользуется наш заклятый враг. Так что, пожалуйста, простите мне мой тон. Конечно же, это причина для радости.»

Это была великолепная увертка, Гаунт должен был отдать ему должное.

«Я сразу же отправлюсь к первому чиновнику, и проконсультируюсь с ним, как мы должны будем теперь поступить.» Собрание отсалютовало Люго, когда он быстро пошел к выходу, с Биаги за спиной. Затем разговоры возобновились, сразу же.

«Это правда?» мягко спросил Харк, как только подошел к Гаунту.

Гаунт кивнул.

«Но Колеа был --»

«Навсегда травмирован, я знаю. Дорден не знает, что случилось. И это очень пугает его.»

«И Люго тоже.»

«Это другое,» сказал Гаунт. «Я думаю, что Люго испугался из-за того, что он контролировал свою игру всего лишь пять минут назад, а теперь, определенно, утратил контроль.»

Шрамы были все еще на своих местах: старые, розовые, гладкие, переплетающиеся на затылке от шеи до макушки. Волосы никогда, как следует, не отрастали через эту паутину, и Колеа всегда брил голову.

«Дай мне еще раз посмотреть,» сказал он. Ана Керт поколебалась, и затем опять подняла ручное зеркальце.

Колеа скосил глаза в сторону, чтобы изучить отметины на своем черепе.

«Настоящее месиво.»

«Ага, было,» сказала она. Она опустила зеркало, потому что у нее дрожали руки и она не хотела его выронить. «Давай проведем еще несколько тестов,» сказала она, надеясь, что ее голос звучит весело.

«А ты еще недостаточно провела?» спросил он. Она встретила с ним глазами и сглотнула. Между ними проскочила искра, которой не бывало с того дня на Фантине двумя годами ранее. Это было так, словно он восстал из мертвых, и хотя она была в не себя от радости, от того, что он вернулся, это пугало ее. Это было за гранью ее профессиональных знаний, чтобы объяснить.

«Почему бы тебе не присесть?» предложил он. «Выглядишь так, будто увидела призрака.»

Она засмеялась, тупо в восторге от ужасной шутки, и села на деревянный стул, напротив койки, где сидел он. В лазарете было тихо, хотя те пациенты, которые уже проснулись, уже слышали, что произошло и шептались, друг с другом. Неподалеку слышалось мягкое жужжание медицинского резонатора, когда Дорден проводил аппаратом над торсом Мквеннера уже в энный раз. Дорден мельком оторвался от своей работы, увидел, что Керт смотрит на него, и пожал плечами. Они оба нервничали.

Они много чего повидали с полком, ни чего такого.

«Что ты помнишь, Гол?» спросила она.

Он нахмурился, сжав губы, на секунду напомнив Гола Колеа с поврежденным мозгом, пытающимся вспомнить чье-либо имя, или что он должен сделать.

«С ясностью, я помню улицу на Уранберге, жилые дома Купола Альфа. Крийд лежала. Ранена. Вражеский огонь. Те чертовы уроды локсатли. Я помню удары от их флешетов. Тот характерный звук... шипение, треск колючей шрапнели. Я пошел за Тоной. Она была с Алло и Дженком, и оба были мертвы. Шрапнель попала ей в руку и бок. Выглядело скверно. Я поднял ее и побежал. Я...»

«Что?»

«Я больше ничего не помню после этого. После этого все расплывчато. Знаешь, когда ты плаваешь, а потом, когда ныряешь, звуки становятся приглушенными и пустыми? Чувствуется так, как будто мои воспоминания напоминают эти звуки. Смутные, нечеткие. Когда моя голова высунулась из воды в том бассейне, все звуки вернулись, и я вспомнил, кто я такой.»

«Прошло два года.»

«Два года?» с удивлением он открыл рот. «Расскажи мне.»

«Что рассказать?»

«Расскажи мне, где я был. Расскажи мне, что происходило.»

Она выдохнула и посмотрела на пол. «Снаряд локсатля. Он попал тебе в затылок и... и мы ничего не могли сделать. Ты почти умер. Ты должен понять, Гол...»

«Я понял, что вы сделали все, что могли.»

«Нет, я имею ввиду... это ненормально. Ты потерял значительную часть мозга. Твоя личность была уничтожена. Ты с трудом мог вспомнить свое имя. Ты был, как тень. Пустое тело.»

«А теперь я нет.»

Она уставилась на него. «Гол, я просканировала твой череп инфраометром и магнитным резонатором.

Никаких изменений. Твой мозг в таком же состоянии, как и был. Никакой реконструкции, всего лишь небольшое количество излеченных синапсов. Абсолютно невозможно, чтобы ты был... в таком состоянии.» Колеа поднял руку и пробежался пальцами по сетке шрамов.

«Ты сказала, что это было чудо.»

«Чудо. В буквальном смысле этого слова. Для тебя и Вена.»

«И это тебя пугает.»

«Да, пугает.» Он заморгал при этих словах и отвернулся. Керт подпрыгнула на ноги.

«Ох, Гол! Нет! Не пойми меня неправильно! Меня только пугает неизвестное. Как и Дордена...

Боже-Император, да всех!»

Она подошла к нему и крепко обняла, чмокнув в щеку перед тем, как отстраниться.

«Но мы фесово счастливы, что ты вернулся.»

Он улыбнулся. Старая улыбка. Та, которой она когда-то давно была увлечена.

«Расскажи мне остальное,» сказал он. «Как, еще раз, называется это место?»

«Херодор,» сказала она.

«А до этого мы где были?»

«На Айэкс Кардинале. Траншейная война.»

Он медленно кивнул. «У меня смутное, приглушенное воспоминание о грязи и воде. И бомбардировке.

Мощной бомбардировке. Кто командовал отрядом?»

«Крийд,» сказала Керт и рассмеялась, когда он от удивления открыл рот. «Первая женщина-сержант. Вещи сильно поменялись за два года. Жажжо стал разведчиком.»

«У нас первый Вергхастский разведчик? Ох, Святая Терра...» прошептал Колеа, искренне чувствуя гордость.

«Самое гаково время.»

«Мюрил тоже почти им стала. Она была в программе, и Вен говорит, что рекомендовал бы ее на эту специализацию.» Лицо Керт потемнело. «Но она погибла на Айэксе.»

«Кто еще?» тихо сказал он. «Ну, давай. Кого мы еще потеряли, пока я был во тьме.»

«Ну так... могу я идти?» спросил Мквеннер.

Дорден складывал инструменты и бросил на него взгляд. «Ты кажешься поразительно равнодушным ко всему этому, Вен,» сказал он. Он пытался отключить питание от резонатора, но мысли его были где-то там, и он не мог вспомнить, как работает свинцовый штекер. Он хотел быстро убрать прибор, чтобы Мквеннер не заметил, что его мысли не в порядке.

Мквеннер пожал плечами. «Ты сказал, что я в норме?»

«Совершенно здоров. Никаких следов внутреннего кровотечения. Даже никаких остатков крови в твоей брюшной полости.»

Мквеннер стал натягивать свою черную майку. «Значит, я могу идти?»

«Ты, вообще, знаешь, что произошло?»

«Да,» сказал Мквеннер.

«Итак, а я ни феса не знаю! Объясни мне тогда.»

Мквеннер снова пожал плечами. «Это честь для меня служить Империи Человечества, и делая это Бог-Император защищает нас всех. Ночью, в своей безграничной мудрости, он сберег меня, и он сделал это через его избранный инструмент. Я не собираюсь спорить с этим. И, так же, меня это не пугает.»

«Да, но --»

«Нет никаких 'но', Дорден. Мы сражаемся с архиврагом, потому что верим в Святые Истины.

Происходят ужасные вещи, неестественные, магия варпа, и мы соглашаемся с ними, потому что мы верим. А сейчас произошло нечто хорошее, и ты думаешь, что мы должны задавать вопросы?» Дорден нахмурился. «Нет, пусть будет так.»

Мквеннер поднял взгляд. Послышались звуки голосов снаружи.

«Останься здесь,» сказал Дорден, и пошел к выходу из лазарета.

Толпа собиралась в залитом светом свечей зале снаружи госпиталя. Дорден видел группы аятани и эшоли, группы экклезиархов и адептов, и даже несколько инфарди. У большинства из них были молитвенные четки, значки пилигримов, ампулы со

святой водой или плакаты с изображениями Святой. Некоторые пели или размахивали кадилами. Многие несли исполненные по обету свечи.

«Что это?» спросил он.

«Мы хотим увидеть Чудотворных,» сказал один экклезиарх.

«Это невозможно. Это госпиталь, и здесь больные, которым нужен отдых.»

«Святая прикоснулась к людям здесь!» заявил аятани. «Мы должны встретиться с этими людьми, и проверить их на веру и правду.»

«Уходите,» сказал Дорден.

Аятани Килош пробирался к нему сквозь собравшуюся толпу.

«Покажи мне этих людей,» сказал он старому доктору.

«Это не может подождать?»

Килош замотал головой. «Подтверждение должно быть засвидетельствовано, и записаны свидетельские показания для того, чтобы эти чудеса были внесены в священные записи.»

«Почему?»

«Почему? Доктор, если чума распространяется, разве вы не пытаетесь обуздать ее, определить и задокументировать на благо всего Империиума?»

Дорден моргнул. «Естественно.»

«Итак, тут произошло чудо огромной важности для Церкви Людей. Мы обязаны исследовать это и задокументировать, и так мы сможем полностью понять, что оно означает. Бог-Император говорил с нами, и мы обязаны выяснить, что Он сказал.» Дорден вздохнул. «Тогда только вы, Аятани Килош. Вы и ваши писцы. Я не хочу, чтобы другим пациентам было дискомфортно.»

В воздухе чувствовался сильный запах пекущегося хлеба. Дальше от схолы, где располагались Танитцы, была галерея магазинов и лавок – ткацкая лавка, шляпная лавка, третейский судья, мясной магазин и пекарня. Почти рассвело, и городской

хранитель света, сервитор с длинным телом, грохотал вниз по галерее, перенастраивая вмонтированные в стены люминисцентные лампы на дневной режим. Пекарня была единственным магазином, которая работала в этот час. Печи работали в задней части магазина, и лампы светили в окна. Меньше, чем через час, начнется утренняя жизнь улья, и вся территория будет заполнена рабочими, идущими из своих домов на работу к элеваторам в главном улье. Пекарня, которая была очень занята каждое утро, изготавливая на завтрак рулеты и сладкие булочки, готовилась к утреннему наплыву.

Но было еще рано и устрашающе пусто. Древние громкоговорители вдоль галереи играли одну и ту же легкую музыку, которую транслировали и всю ночь, а на публичных экранах произвольно сменялись успокоительные тексты из Имперского кредо.

Это все напомнило Сорику улей Вervун. Он чувствовал печальную ностальгию. Он всегда любил такое время, ранняя тишина в начале дня в улье, короткий промежуток между ночью и днем. Он помнил, как вставал в это время, шел на работу, покупал кофеин и сосу в столовой своего жилого квартала, разглядывал открытые двери плавильного завода, когда подходил.

Он постучал в дверь булочной, и попросил усталого помощника продать ему несколько мягких рулетов, все еще горячих, прямо их печи. Не сосы, но все-таки... Он и Майло сели под платформой перехода над ними, чавкая едой. Пара арбитров прошла мимо, но они даже не глянули на них второй раз. Просто ва солдата не на службе, возвращающихся домой после ночи в таверне.

«Значит... ты думаешь, что ты псайкер?»

Рот Сорики скривился в перевернутую U. «Это не то, что я говорил, Брин.»

«Но ты беспокоишься об этих... этих явлениях?»

«Конечно! Беспокоюсь... напуган.»

Майло доел свой рулет и вытер рот рукавом.

«Ты знаешь, что случится, шеф.»

«Я знаю. Я знаю, как его.»

«Серьезно, я не понимаю, почему вы все рассказали мне.»

«Потому что --»

«Потому что тут так сказано?» Майло вытащил помятую голубую бумажку из кармана.

«Я не хочу умирать, Майло,» сказал Сорик.

«Никто ничего не говорил про с--»

Сорик помотал головой. «Пуля в голову. Вот что я получу. Им даже ничего не надо будет доказывать. Если кто-нибудь думает, или даже думает, что они думают, что варп коснулся меня, меня казнят.

Без сомнений.»

«Гаунт не станет --»

«Он не станет? Это его работа. Это долг каждого из нас. Если бы я обнаружил, что кого-то из моих парней коснулось это, я бы их сам пристрелил. Без вопросов. Я не идиот. Ты бы не стал рисковать с таким гаком.»

Майло немного подумал. «Значит, по правде, я должен пристрелить тебя. Или доложить о тебе, по крайней мере. Почему ты доверился мне?»

«Я слышал кое-что.»

«Слышал что?»

«Кое-что. Кое-что о тебе. Я думал, что ты может быть посочувствуешь. Я думал, что может быть ты знаешь, что делать.»

«Почему?»

«Потому что ты все еще здесь. Гаунт не застрелил тебя.»

Глаза Майло расширились. «Шеф, я бы соврал, если бы сказал, что вы не пугаете меня. Весь фес, который вы мне рассказали ночью... Да я должен был бы с криком удирать, чтобы вас приставили к стенке.»

«Но ты не делаешь этого.»

«Нет. Как-то меня допрашивали. Инквизитор. Вы знали об этом?» Сорик побледнел.
«Нет!»

«На Монтakse. Еще до вас. До Вергхаста. Сразу после Основания. Во мне видели счастливый талисман. Ну, вы знаете эту историю.»

«Корбек мне немного рассказывал. Ты был единственным гражданским, который выбрался с мира живым.»

«Точно.»

«Из-за Гаунта.»

«Точно. Он спас мне жизнь. Я был единственным невоенным, который выбрался с Танита. И самым молодым. Все смотрели на меня, как будто я был каким-то особенным, как будто я был маленьким кусочком Танита, спасенным и оберегаемым.»

«Но разве ты не был особенным?»

Майло захихикал. «О, да. Ребенок, окруженный взрослыми солдатами, на которых я отчаянно хотел произвести впечатление. На Корбека, Клуггана, Роуна - возможно. Определенно, на Гаунта. Мне нравился тот факт, что они обращают на меня внимание, воспринимают меня серьезно. Я думаю, что слегка перестарался.»

«Перестарался?» Сорик откинулся назад.

«У меня была уловка что-то знать. И вот поэтому они все думали, что я счастливый талисман. Если во мне были бы какие-то странности, то все бы заметили. Поверьте мне, шеф, это была детская игра.»

«Так ты притворялся? Гак!»

Майло замотал головой. «Нет, нет... ничего подобного. Иногда я что-то ощущал. Предчувствие. Но посмотрите это вот с какой стороны. Я был ребенком, следующим за людьми в горячие точки. Дерьмо должно было произойти в любую секунду. Бомбардировка. Налеты. Внезапные атаки. Я имею ввиду, для меня срабатывал закон вероятности большинство времени. Я был напуган и весь на нервах. Когда я вздрагивал, люди прислушивались. Когда я вздрагивал, и они прислушивались, и что-то происходило... бинго. Как они себе все это представляли, я был талисманом, у которого шестое чувство на опасность. Вы же знаете солдат, шеф.

Они очень суеверны.»

«Гак меня,» разочарованно сказал Сорик. «И всего-то. Маленький мальчик Бринни, делающий так, чтобы солдаты любили его.»

«Не совсем,» сказал Майло. «Вы будете доедать?» спросил он, кивая на полусъеденный рулет в руке Сорика.

Сорик помотал головой и отдал его Майло.

«Было время,» сказал, с набитым ртом, Майло, «было время, когда все казалось по-настоящему. Я знал, что Гаунт беспокоился. Он не знал, что делать. Если меня коснулся варп, он что, что у него нет выбора, кроме как застрелить. Но он не отважился.»

«Потому что?»

«Да ладно, шеф! Я был ребенком, счастливым талисманом, последним выжившим гражданским с Танита. Какой бы это произвело фесов эффект на боевой дух Призраков, если бы он меня застрелил?»

«Вижу, к чему ты клонишь...»

«Тем не менее, это привлекло инквизитора. Варл сыграл на моей репутации, чтобы организовать несколько 'увеселительных мероприятий' на транспортнике, и несколько других полков занервничали. Обо мне доложили.

И после этого, насколько мне известно, я оказался перед инквизитором.»

«Я не имел удовольствия. Он был ублюдком? Я слышал, что они ублюдки.»

«Это была она. Лилит. Но да, она была ублюдком. Протащила меня через отжим. Гаунт был там. Делал все, чтобы я не вляпался в дерьмо.»

«И?»

«И... она делала свою работу. Она получила правду. Она обнаружила, что я был фальшивкой, и вывела меня на чистую воду. И вот, поэтому, я все еще жив.»

Сорик тяжело выдохнул и потер руки. «Ты был фальшивкой...»

«Не умышленно. Я даже начал сам в себя верить. Но она вытащила правду. И я понял, что играл с огнем. Если это то же самое, шеф, остановитесь.»

«Не то же самое,» сказал Сорик. Он залез в карман штанов и выудил мятую пачку сигарет с лху.

«Я думал, что вы завязали.»

«Я тоже так думал,» сказал Сорик, закуривая. «Они помогают мне с головными болями. У меня весь череп болит, и мой отсутствующий глаз.» Он поднял руку и провел пальцами по своей, со шрамами, голове. «Очень сильно болит.»

«Вы должны рассказать Гаунту,» сказал Майло.

«О головных болях?»

«Обо всем. Расскажите ему. Если я что-то и знаю о Гаунте, то он не ублюдок. Он защитит вас. Он сделает все необходимое, чтобы вы остались живы, не нарушая Имперский Закон.»

«Черные корабли...» прошептал Сорик.

«Может быть. Я не знаю. Все что я знаю, я не затронут варпом. И никогда не был. Я, вообще, не особенный.

Но я знаю, как все усложнится, если они начнут подозревать вас. Так что, скажите Гаунту. Может быть, поэтому, сообщение сказало вам поговорить со мной.

Выслушать совет.»

Сорик выдохнул ароматный дым. «Мне нужно кое-что сделать. Сообщения становятся...»

«Что?»

«Более настойчивыми. Я получил предупреждение. Я не знаю, что оно означает, но будет что-то плохое. Мне нужно кому-нибудь рассказать... Гаунту, можем быть? Но если я расскажу, то на этом для меня все кончится. Прощай, Агун, рад был знать тебя. Я не знаю, Бринни. Стоит ли мне беспокоиться о себе или о высшем благе?» Майло поднялся, стряхивая крошки с коленей. «Думаю, вы знаете ответ на это, шеф.» Майло пошел прочь по галерее.

Сорик мгновение сидел в тишине. «Ну ладно!» прошипел он, залезая в кармашек штанов. Латунная гильза извивалась, как крыса.

Он открыл ее, как обычно, вытряхнул записку: «Девять приближаются. Хватит гаковать, будь мужиком. Майло можно доверять, но он лжет. Он особенный. Не говори ему. Не пугай его. Часы дошли до полуночи.»

«Я полагаю, что у тебя есть пропуск, солдат?»

Майло остановился на пути к входу в схолу.

«Сэр?»

Харк вышел из теней. «Пропуск, разрешающий тебе покидать помещение.»

«У меня его нет, сэр.»

Харк кивнул. «С кем ты был?»

«Ни с кем, сэр. Я просто прогуливался.»

«С Сержантом Сориком. Я видел вас.»

«Это ничего не значит, сэр.»

Харк поднял руку в перчатке и подозвал Майло пальцем.

«Я буду судить, что что-то значит, и что ничего не значит. Я слежу за Сориком.»

«Почему, сэр?»

Глаза Харка были прикрыты. «Доклады. И у меня никакого желания разглашать свои источники обычному солдату.»

«Конечно, нет, сэр.»

«Ты ведешь очаровательную жизнь, Брин Майло. Танитцы обожают тебя. Гаунт обожает тебя. Все, о чем я беспокоюсь, так это о состоянии этого полка. Его здоровье... душевном состоянии, физическом... психологическом. Я верю, что ты, как и любой Призрак, расскажет мне, если что-то – неправильное – происходит. Это твой долг.»

«Так точно, сэр.»

«Расскажи мне о Сорике.»

«Шеф расстроен, сэр.»

«Расстроен?»

«У него головные боли.»

«И?»

Майло помотал головой. «И ничего. Головные боли.»

Майло застыл, когда Харк вытащил мятый клочок голубой бумаги из кармана плаща, и развернул его, держа так, чтобы мог видеть Майло.

Там было написано: «От Гахина останется мокрое место, если он продолжит идти туда. Танк позади мастерской.»

«У меня никаких идей, что это значит, сэр,» сказал Майло.

«Сорика коснулся варп, не так ли?»

«Я этого не знаю, сэр.»

«Если я обнаружу, что это так, и что ты покрываешь его, я получу твою голову так же, как и его.»

Ясно, рядовой?»

«Кристально, сэр.»

«Вернуться в расположение!» резко бросил Харк.

Майло поспешил прочь, и Харк повернулся и уставился на огромное пятно света из окна, бегущее вдоль галереи. Далеко в синеве, мерцали звезды.

Некоторые звезды были кораблями.

На широком мостике фрегата «Наварра», Помощник Командира Офицер Крефф подался вперед в своем мягком кресле и сказал, «Допуск разрешен.»

Команда на мостике кивнула, прикасаясь к переключателям на консоле. Начался низкий гул, когда гравитационное оборудование в нижней части корабля закрутилось, и стало излучать плоские магнитные волны, чтобы скомпенсировать орбитальный дрейф корабля.

Завыла сирена сближения.

Крефф выругался и встал, неторопливо направившись к главной пилотской яме, где рулевые сервиторы были утоплены в гнездах на полу. Получеловеческий экипаж торчал, сгорбившись вперед, их черепа были увенчаны переплетающимися проводами, как косы.

«Сохранять положение,» приказал он.

«Максимальный, один, один,» прохрипел из своего вокса ближайший сервитор.

Нажатием на считыватель отпечатков, Крефф выключил сирены. Орбитальное пространство над Херодором было заполнено кораблями, большинство из которых были неформально зарегистрированы, как суда пилигримов. Каждые несколько минут, элегантный фрегат сходил с орбиты, потому что срабатывали датчики слежения, предупреждая об очередном столкновении.

Это уже стало рутиной.

Крефф прошел в сферу актуализации в центре мостика, и посмотрел на пятна мерцающих кораблей-фантомов, которые появлялись на трехмерном изображении в сфере вокруг него.

Тактические данные светились около различных изображений, моргая, когда изображения медленно перемещались. Там был огромный транспортник под названием «Трубадур», из недавно прибывшего каравана пилигримов, который продолжал двигаться в конусе столкновения с Наваррой.

Запищал вокс. Это был капитан.

«Тревога разбудила меня, Крефф.»

«Не о чем беспокоиться, капитан. Всего лишь рутина.»

Капитан Висмарк отключился.

«Чертova развалина опять приближается...» сказал Крефф.

«Трубадур сигнализирует, сэр,» сказал один из палубных офицеров. «У них пожар на борту. Большой пожар, в замкнутом пространстве. Запрашивает безотлагательную помощь.»

«Проверь.»

«Наварра считает большой источник тепла в перекрытой секции. Они там заживо горят.» Крефф кивнул. «Командам пожарных подготовиться. Бортовым командам тоже. Веди нас, рулевой, и передайте Трубадуру, чтобы приготовился к немедленной стыковке. Давайте поторопимся.»

«Должен ли я подготовить солдат, сэр?» спросил Полковник Зеббс, старший офицер корабля, стоя по стойке смирно позади Креффа.

«Это чертов корабль пилигримов, а не вражеский,» сказал Крефф.

Энсин (лейтенант) Валдимер взял планшет у ожидающего палубного сервитора, быстро просмотрел его, и затем целенаправленно пошел через стальную палубу Омнии Винцит к контрольной платформе командующего флотом. Слева от него, где заканчивался мостик палубы, дюжины рулевых сервиторов, техножрецов и

астропатов-навигаторов сидели на своих местах, расположенных, как верхний круг большого театра. Требовалась большая команда, чтобы управлять боевым кораблем такого размера, как Омниа Винцит, и исключительно большая команда на мостике. Мостик был широким и купообразным, как гигантская базилика, ее купольная крыша была раскрашена великолепными фресками священных деяний.

Валдимер был всего лишь маленькой частью этой команды, и новой частью тоже. Он попал на корабль всего лишь восемнадцать месяцев назад, но уже был младшим палубным офицером. Он знал, что его ожидает яркое будущее.

Когда-нибудь, это он будет сидеть на том великолепном троне, подключенным к системам корабля, управляя мощностью бога именем Императора.

Чтобы попасть туда, ему нужно выделиться. Быть лучше. Делать свою работу достойной подражания, и чтобы это тоже видели. Он мог бы воксировать доклад, чтобы привлечь внимание командующего, но он был важным, и подходящим для передачи лично в руки. К тому же, это привлечет внимание командующего к нему.

Он поспешно поднялся по алебастровым ступеням контрольной платформы, задержавшись наверху только для того, чтобы охрана флота просканировала его и дала ему пройти.

Командующий Флотом Эсквин пугал любого члена экипажа этого восхитительного корабля. Даже Валдимеру, несмотря на всю его уверенность, он внушал страх. Было сложно сказать, где заканчивается позолоченный трон командующего и где начинается его тело. Он был заключен в золотую броню, замысловато отделанную и протравленную, и его броня подключалась напрямую к трону, так что он формировал цельную структуру. Его руки были соединены с подлокотниками, а затылок, своей золотой крышкой черепа, был зафиксирован на спинке трона.

Руки Эсквина лежали ладонями вниз на подлокотниках трона, и только его, покрытые золотом, пальцы двигались, как у пианиста. По их указанию, многосуставчатые серворуки поднимались и опускались перед глазами капитана флота, показывая планшеты с пиктами, планшеты с данными, и увеличивая экран актуализатора. Командующий флотом работал сразу несколькими, четырьмя или более, в одно и то же время, накладывая, сравнивая, передавая данные с одного на другой, моргнув

только глазом, взаимосвязывая и сжимая информацию в герметичных голографических сферах, плавающий вокруг трона.

На лице Эсквина были длинные брови, и оно было аристократическим. У него был слегка крючковатый острый нос, и его бледные глаза были обрамлены почти невидимыми белыми ресницами. Золотые переплетенные дорожки схем уходили ему в уши, были на щеках и лбу, давая его плоти желтушные оттенки. Его рта не было видно под решеткой вокс-передатчика, который поднимался от позолоченной грудной пластины, как дыхательная маска.

Валдимер разгладил складки на своей униформе, поправил манжеты, поправил свой изумрудный кушак, и встал по стойке смирно.

«Ты хочешь мне что-то доложить, энсин?» спросил Эсквин. Его голос был мягким и текучим, каждое слово звучало так, как будто круглый камень падал в глубокое озеро.

«Сэр,» кивнул Валдимер, и протянул планшет. Пальцы Эсквина задвигались, и серворука протянулась от трона и взяла планшет, разворачивая его перед глазами командующего флотом.

«Из астропатики,» продолжил Валдимер. «Они засекли надвигающиеся возмущения в Эмпиреях, варп модуль одиннадцать, два, девять, девять, семь, в точке --»

«Девяти астрономических единиц от Херодора. Я умею читать, энсин. Стандартный Имперский вектор прибытия.»

«Я подумал, что должен сразу же доставить это вам, сэр.»

Зафиксированная, голова Эсквина, не могла поворачиваться, но его бесцветные глаза мельком осмотрели Валдимера.

«Конечно.» Взгляд Эсквина вернулся к планшету, и серворука выдвинулась, чтобы поднести у нему еще один для сравнения. «Флот с подкреплением приближается. Этот червяк Люго будет очень доволен, без сомнений. Подготовимся. Энсин, встань на помост трона.» Валдимер моргнул и посмотрел под ноги. Он стоял на внешней платформе командного пульта. Трон сам по себе находился на приподнятом диске из полированной пластыли в центре. Он быстро встал на край внутренней платформы.

Началась легкая вибрация. Диск пришел в движение, скользя в обратном направлении. Адамантиновая переборка позади трона разошлась с шипением отключившихся магнитных замков, и вся тронная платформа – и Валдимер вместе с ней – поплыли в открывающееся пространство.

Пока тень переборки проплывала мимо него, Валдимер чувствовал, как откатывающаяся тронная платформа начала поворачиваться. Она повернулась на сто восемьдесят, и сейчас трон Эсквина был перед секретной бронированной комнатой позади командного пункта. Стратегиума.

Переборка закрылась, запечатывая их внутри. Валдимер чувствовал наплыв волнения. Это был первый раз, когда его пригласили во внутреннее командное святилище.

Темное, хорошо укрепленное помещение напоминало яйцо. Техножрецы и старшие палубные офицеры стояли или сидели у консолей, вмонтированных в стены между контрфорсами, и еще семеро располагались вокруг у высокого подиума, смотря на сферу актуализации, которая светилась и мерцала в центре комнаты. Слышался постоянный фоновый шум вокс- передатчика, движение стрелок на шкалах и машинный язык.

Старший Помощник Велосэйд был здесь ответственным. Он щелкнул, привлекая внимание, когда трон разворачивался, и выкрикнул, «Командующий в стратегиуме.» Все отдали честь.

«Вольно и продолжайте,» сказал Эсквин. «Покажите искажения варпа, если можете.» Велосэйд застучал пальцами, и розовато-лиловая ямка света появилась в нижней части сферы актуализации.

«Уменьшить масштаб и предоставить мне тактическую информацию,» сказал Эсквин.

Сфера актуализации моргнула, исчезла и появилась снова, слегка шире и хуже в деталях.

Валдимер сразу понял, что они смотрят на трехмерное изображение всей внутренней системы.

Там, яркий пух местной звезды, там Херодор, и четыре другие планеты, и яркое скопление астероидного поля. Розовато-лиловая ямка лежала снаружи этой внутренней группы, так же далеко от Херодора, как Херодор от звезды.

«Наложить тактическую информацию!» приказал Велосэйд.

Геометрическая сетка всплыла в сферу, показывая размеры, и диспозицию кораблей Эсквина – вместе с мириадой кораблей пилигримов и торговцев – появившимися, как медленно дрейфующие точки света с номерами.

«Параметры доклада астропатики верифицированы. Искажения в точке варп модуль одиннадцать, два, девять, девять, семь, в девяти астрономических единицах от нас. Отслеживаю достоверность. Соответствие оценивается в девяносто три минуты.

Ожидаем подтверждения.»

Велосэйд повернулся и посмотрел на командующего флотом. «Приказы, сэр?»

«Пусть остаются на местах, старший помощник. Магистр Войны Макарот приказал нам соблюдать крайнюю осторожность. Прикажете фрегату встать перед точкой выхода, с прикрытием из истребителей. Они смогут поприветствовать друзей... или, наоборот, прибывающих врагов. Остальной флот остается в авангарде.» Дрожание пальцев Эсквина заставило появиться стрелки, указывающие направление на мерцающей сфере. Валдимер знал, что комендующий использует слово «флот» с иронией. Офицер ранга Эсквина – и корабль, такой, как Омниа Винцит – могли, по хорошему, быть только флотом поддержки. Тем не менее, боевой корабль Эсквина, только с двумя фрегатами в поддержке, был послан доставить Лорда Генерала Люго на Херодор самим Магистром Войны, в знак особого уважения, и недавно прибывшие Танитцы, прибыли только с одним фрегатом и одним тяжелым крейсером, в качестве судов сопровождения. Три фрегата, крейсер, линейный корабль, и флотилия обслуживающих судов – это не слишком ничтожно, но плохо, с точки зрения силы в терминах боя.

«Проинформируй поверхность,» продолжил Эсквин, «и предупреди гражданский трафик, что здесь перемещения, код пурпурный, и что мы ожидаем от них сотрудничества и осторожности на это время.»

Велосэйд кивнул, и начал громко отдавать приказы. Вся команда стратегиума принялась за работу, многие внезапно стали громко и настойчиво говорить в свои воксы.

«Ваш выбор фрегата, сэр?» позвал Велосэйд.

«Наварра,» без сомнений ответил Эсквин.

«Наварра занят, сэр,» внезапно сказал Велдимер, и вздрогнул от острого взгляда, которым одарил его старший помощник, за бестактное замечание.

«Пусть продолжает, Велосэйд,» сказал командующий флотом. «Чем занят, энсин?»

«У коммерческого большого транспортника возникли проблемы, сэр. Наварра сигнализировал, что быстро движется на помощь.»

«Пусть продолжают,» сказал командующий флотом. «Отправьте, тогда, Беренгарию.»

«Сэр,» подтвердил Велосэйд.

«Одобряю, энсин,» мягко сказал командующий флотом Валдимеру. «Небольшое отклонение курса, которое я не увидел. Ты хорошо читаешь тактические данные со сферы.»

«Мне нравится оставаться на высоте, сэр.»

«Так держать,» сказал Эсквин.

Валдимер чувствовал, как прилив гордости наполняет его.

Увеличив мощность двигателей до одной десятой, фрегат Беренгария полетел от Херодора, медленно входя в межпланетную бездну. Хотя и классифицированный, как легкий крейсер, он был большим по любым стандартам измерений: длинное, укрепленное, угловатое судно, с шипами на тусклом зеленом корпусе.

Фрегаты типа Беренгария были быстрыми и хорошо вооруженными, клинком любой серьезной группы Флота.

«Мы вышли с орбиты и направляемся к рекомендованной точке,» тихо сказал Капитан Содак, стоял в сфере актуализации на мостике Беренгарии.

«Сигнал послан и получен командованием флота, сэр,» ответил энсин.

«Летные палубы?»

«Истребители докладывают о готовности.»

«Принято. Поднимайте пусковые ramпы.»

«Есть, капитан.»

Содак посмотрел на яму варпа в глубинах впечатляющей сферы света перед ним. Она становилась все больше и темнее.

«Приказ на запуск.»

«Приказ на запуск, есть!»

Маленькие пятна света вылетели по краям Беренгари. Пятна устремились впереди огромного боевого корабля, ловя на себе свет далекого солнца, когда разворачивались веером, роясь, как пылевые мухи в сумерках.

Это были истребители типа Молния, стремительные и смертельные одноместные кораблики, запущенные с палуб фрегата магнитными катапультами. Они разошлись широким строем перед своим родительским кораблем.

Лидер Эскадрильи Шумлен, трижды награжденный ас и командир крыла истребителей Беренгари, опустил свой прицел и помчал Молнию вперед, в голову истребительного заграждения. Несмотря на физическую встряску от запуска и повышение метаболизма от перспективы боя, считыватель жизненных показаний Шумлена показывал, что его сердечный ритм поразительно ровный и спокойный.

«Держитесь разрозненно,» неторопливо сказал он по воксу.

«Согласованность через сорок две минуты и отсчет продолжается,» доложили с фрегата.

Наварра задрожала, когда его стыковочные зажимы закрепились на огромном транспортнике Трубадур. Но мостике фрегата, зазвенели предупреждающие сирены, и замигали огни опасности.

Крефф выключил их взмахом руки. Он взял вокс у ожидающего сервитора.

«Открыть шлюзы. Высаживающимся командам приготовиться. Переместить раненых. Медицинским командам, ожидать доставку раненых.»

«Сэр?»

«Что такое?» раздраженно спросил Крефф.

«Источник тепла, сэр, на Трубадуре...» помощник выглядел озадаченным. «Он исчез.»

«Исчез?»

«Растворился, сэр. Я предполагаю, что они, наверное, смогли взять огонь под контроль...» Крефф посмотрел на Зеббса.

«Иди!» сказал он, и солдат побежал к выходу с мостика.

«Может мне предупредить капитана?» спросил помощник.

«Нет!» заколебался Крефф.

«Да, да. Разбуди его.»

Отряд охраны Флота ожидал Зеббса в шлюзе подготовки в центре правого борта корабля.

Полковник натянул бронированную куртку, как только вошел. Отряд стоял по стойке смирно, громоздкие в своей изумрудно-зеленой броне, с боевыми дробовиками наготове, их лица были закрыты затемненными визорами.

«Предохранители, но будьте осторожны!» сказал он, взяв свой дробовик у своего заместителя.

Он взялся за рукоять своего мощного оружия и пошел к двери.

«Открыть второй центральный!» крикнул он.

Шлюз открылся. На другой стороне никого не было. Никаких сирен, никакой тревоги, никакого запаха дыма или паники.

Зеббс прошел в люк. Его люди поспешили за ним, рассредотачиваясь.

Проход был темным, и чувствовался запах спертого воздуха, как будто очистители воздуха были неисправны. Зеббс не был удивлен. Это был старый корабль, плохо обслуживаемый. Было чудом, что он вообще совершил переход через варп.

«Пол мокрый, сэр,» выпалил один из его людей по внутреннему воксу.

«Утечка охладителя,» сказал другой, его голос перемежался с треском связи.

«Думаешь?» сказал Зеббс, смотря вниз. Палуба была заполнена, примерно двумя сантиметрами темной жидкости. Казалось, что она везде. Послышался всплеск, когда что-то упало в жидкость и покатилося к ним. Оно остановилось между Зеббсом и его помощником. Оба посмотрели вниз.

Это была граната.

«Дерьмо,» это все, на что Зеббсу хватило времени, чтобы сказать.

«Зеббс? Зеббс? Полковник, доложите!» кричал Крефф в трубку вокса. Он только что услышал громкий и внезапный рев на канале, который прервал сигнал. Теперь слышался только глухой шум статики.

«Разберитесь!» кричал Крефф на своих помощников. «Я хочу, чтобы Зеббс был на связи прямо сейчас!» Они бросились подчиняться. Секундой позже, из другого вокса, слышались крики. Озадаченные, сумасшедшие крики. И шлепки стрельбы.

Крефф опустил вокс-трубку в смятении.

«Расцепить стыковочные зажимы! Оторвите нас!»

«Зажимы заблокированы, сэр!»

«Что? Что?»

«Стыковочные зажимы с первого по девятый заблокированы, сэр,» сказал его помощник.

«Святой Трон, нет!»

«Есть проблема, Крефф?»

Крефф повернулся, чтобы увидеть, как Капитан Висмарк бежит к нему через мостик.

«Нас... нас взяли на abordaj, сэр,» сказал он.

Висмарк, высокий и мрачный в своей зеленой униформе, казался спокойным. Он взял вокс-трубку из дрожащих рук Креффа и сказал в нее.

«Охрана ко всем активным шлюзам. Быстро. Отбить abordaj. Повторяю, отбить abordaj.»

Пространство изгибалось. Пространство мерцало и рвалось. Из разорванной темной материи, лился обжигающий и мерцающий непостижимый свет варпа.

Из пролома стали выскакивать корабли.

Сначала они приближались быстро, как будто реальность Хаоса вышвыривала их, и затем замедлялись до более величавого дрейфа. Имперские корабли. Три транспорта Муниторума, за ним фрегат Флота, и затем еще четыре тяжелых транспорта.

«Свободное построение,» приказал Шумлен. «Дружественные цели. Повторяю, дружественные цели.» Заграждение из истребителей вокруг него разлетелось, и, сверкая, как серебряные рыбки, рассредоточилось вокруг неповоротливых новоприбывших. Вокс-каналы внезапно стали забиты приветственными сигналами.

«Запрашиваю разрешение вернуться на палубы,» воксировал Шимлен.

«Фрегат Слава Кадии шлет приветствие и наилучшие пожелания,» доложил энсин Содак.

«Ответь по форме, энсин.»

«Возмущение на рассеивается, капитан,» позвал техножрец.

Содак бы удивился, если бы это было так. Согласно инструктажа, они ожидали что-то около шестнадцати кораблей, и на сфере актуализации было только восемь прибывших. Флотилии, выходящие из варпа, обычно прибывают несколькими волнами.

«Проинструктируйте Славу Кадии, чтобы она со своими кораблями встала на высокий якорь над Херодором. Проинформируйте командование флотом, что мы останемся, и будем ожидать следующую волну.»

«Да, сэр.»

«Истребительное заграждение, капитан?» спросил авиадиспетчер со своей поднятой, платформы в форме пузыря.

«Пусть будут снаружи,» ответил Содак. Он был осторожным человеком. Без этой осторожности, он никогда бы не прожил достаточно долго, чтобы стать командиром боевого корабля.

Командный сервитор, низкий и широкий с мигающими схемами, виднеющимися сквозь его черную металлическую конструкцию, отвернулся от своей консоли и протянул Валдимеру планшет. Эсин незамедлительно побежал к трону командующего флотом. Эсквин смотрел за прибытием флота в точку согласованности.

«Сигнал бедствия, сэр,» с тревогой сказал Валдимер. «Наварра.»

«Покажи мне,» мягко сказал Эсквин.

«На них напали изнутри,» сказал Валдимер, протягивая планшет одной из цепких сервоконечностей командующего. «Капитан Висмарк докладывает, что враги пытаются пробраться с торгового корабля.»

«Сигнализируй Висмарку. Спроси его, нужна ли ему помощь.»

Тяжелые пули, завывая, летели из прохода и со звоном отскакивали от металлических перегородок, заставляя охранников из отряда Младшего Лейтенанта Эпина пригибаться в укрытии. Что-то было не так с освещением палубы. Светились только холодные зеленые вспомогательные огни и, по запаху воздуха, циркуляционные насосы отключились или вышли из строя.

Был еще какой-то жужжащий звук, очень слабый, который, то появлялся, то исчезал. Кабеля замыкают, думал Эсин.

Еще один залп. Эпсин видел, как деформированные пули отскакивали на палубу и катились.

Они были похожи на раздавленные окурки лхо-сигарет.

Это были разведывательные выстрелы. Случайные очереди, выпущенные из-за углов и непросматриваемых коридоров, чтобы расчистить путь.

«Прекратить огонь,» прошептал Эпсин. «Пусть думают, что путь чист...» Сгорбившись позади опор переборок вдоль прохода, его люди тревожно переминались с дробовиками наготове.

Враг появился. Три... затем четыре, пять... человеческие тени с поднятым коротким автоматическим оружием, спешащие по проходу впереди.

«Отразить атаку,» прошептал Эпсин.

Его пушка загрохотала, выплевывая яркие белые вспышки в тусклом зеленом свете. Другие дробовики делали то же самое. Тени впереди упали, отброшенные назад ужасной силой тяжелого оружия. Острый запах наполнил воздух и, без циркуляторов воздуха, остался здесь.

«Вперед!» приказал Эпсин. Группа ахранников поспешила вперед, прижимаясь в металлическим стенам прохода. Почти сразу же, появилось еще больше врагов из бокового прохода, грохоча очередями в их направлении. Заместитель Эпсина вскрикнул и резко привалился к стене. Человек позади него отскочил назад, согнулся пополам и упал на лицо.

«Ублюдки!» прокричал Эпсин. «За Императора! За Наварру!» Дробовик брыкался в его руках, когда он стрелял. Его команда почти пробилась к перекрестку, ведущему к ближайшему шлюзу.

И вот именно тогда, над ревом стрельбы, Эпсин услышал жужжание снова.

«Командующий флотом запрашивает, нужна ли нам помощь, сэр,» сказал Крефф.

Капитан Висмарк поднял взгляд от монитора на своего старшего помощника. «Что думаешь, Крефф?»

«Я думаю, что мы ввязались в ад грязной схватки вдоль всех воздушных шлюзов, сэр. Но я едва ли думаю, что командующий флотом захочет потерять еще пятую часть своей флотилии, пока мы на пурпурной готовности в ожидании прибывающих. Мы можем справиться. Охрана Наварры лучшая во флоте.»

Висмарк слегка улыбнулся. «Читаешь мои мысли. Сигнализируй это на Омнию Винцит. Мы подавим нападение за пятнадцать минут.»

Крефф энергично повернулся и проинструктировал связистов. Он повернулся опять в сторону капитана.

«Что это было?» спросил Висмарк.

«Сэр?»

«Это жужжание. Ты его не слышал, Крефф?»

«Нет, сэр.»

Висмарк помотал головой и вернул свое внимание на монитор. «Это цена, которую мы платим за то, что нянчились с кораблями пилигримов»

«Сэр?»

«Огромное количество незарегистрированных, нерегулируемых транспортов, заполонивших орбиту, набитых гражданскими, которых наш долг защищать. И, конечно, были велики шансы, что будут шпионы и еретики среди них. Мы обязаны помочь кораблю, терпящему бедствие, даже если все обернется ловушкой. Все прелести работы, Крефф.»

«Я удивляюсь, сэр...»

«Чему?»

«Почему сейчас, сэр? Если на борту Трубадура есть еретики, то они на орбите уже три дня. Зачем выбирать этот момент, чтобы действовать?»

«Я уже об этом думал. Совпадение, что у нас пурпурная готовность и поэтому мы растянуты?»

«Это все не кажется совпадением, капитан.»

Висмарк кивнул. «Организуйте мне видеосвязь с командующим флотом.»

«Входящая видеосвязь!» крикнул Велосэйд. «Капитан Висмарк с Наварры!»

«Изображение,» сказал Эсквин.

Голоизображение Висмарка, в половину реального размера, появилось, как бледно-красный фантом перед тронем командующего флотом, проецируемое голоизлучателями в палубе стратегиума.

«Висмарк?»

«Я хотел посоветовать экстремальную осторожность, командующий флотом,» голос Висмарка трещал в воксе. «Абордаж, который мы сдерживаем, может оказаться бессмысленным, если это не часть какого-то большего плана.»

«Враги человечества не знамениты, как блестящие тактики,» сказал Эсквин.

Последовала небольшая временная задержка перед тем, как изображение Висмарка кивнуло и улыбнулось над замечанием командующего флотом. «Согласен, сэр. Но я боюсь, что это стратегия, чтобы убрать Наварру с полезной позиции.»

«Я вижу.»

«Я просто желаю посоветовать осмотрительность.»

«Принято. Спасибо вам, Висмарк.»

Голоформа исчезла. Эсквин твердо посмотрел на Велосэйда суровыми, бледными глазами. «Висмарк способный командир, неизвестный поспешной реакцией. Зарядите главные орудия, капитан.»

Эпсин решительно прошел сквозь плотный дым, покрывающий входную палубу воздушного шлюза. Стены были исцарапаны следами от выстрелов, и несколько тел лежало на палубе. Грязные люди в тусклой красной броне, с лицами, закрытыми черными железными масками.

Больше, чем простые еретики, думал Эпсин.

Он отправил своих людей вперед. Вдоль бокового прохода, который вел к другим шлюзам, он слышал случайные выстрелы.

И опять жужжание, чертово жужжание. Как будто насекомое в банке.

Эпсин увидел фигуру перед ним, сквозь дым. Высокую фигуру...

Нет, три фигуры. Один высокий человек, одетый в зеленый шелк пилигрима и в капюшоне, держащий две меньшие фигуры рядом с собой мощными руками, покрытыми татуировками. Меньшие фигуры были одеты в лохмотья, дрожали и настойчиво что-то говорили человеку в зеленом, как испуганные дети. Они повернули лица к нему, и Эпсин от удивления открыл рот, когда увидел их извращенные, маленькие, безглазые лица.

В унисон, они открыли рты, и жужжание стало намного громче, как будто с банки сняли крышку и выпустили насекомых. Эпсин закашлял и зашатался, неистово тряся головой, чтобы избавиться от жужжания.

Он знал, что это было. Он пытался настроить гарнитуру, чтобы послать предупреждение капитану.

Охранник рядом с ним, верный корабельный солдат, который был в команде Эпсина девять лет, медленно повернулся. Его рот был открыт, и кровь обильно бежала из носа и ушей.

Он поднял свой дробовик и снес Эпсину голову.

«Согласованность через две минуты,» проскрежетал вокс.

«Спасибо, Беренгария,» ответил Шумлен, слегка наклонившись в тугих объятиях своего грави-кресла, когда резко развернул свою Молнию. «Лидер, частям прикрытия, собраться вокруг меня для второго прохода. Приближаются больше транспортных.»

Пилоты эскадрильи протрещали подтверждения и звенья Молний, подобно стае птиц, развернулись, как одна, и полетели вперед к расчетной точке входа в реальное пространство, в около семиста пятидесяти километрах впереди.

Здесь не на что было смотреть. Звезды на такой скорости были размазанными пятнами, и возмущение варпа, которое предвосхищало повторный вход, было видимо только на приборах.

Шумлен проверил прицел, и увидел закручивающуюся цветную яму на экране с низким разрешением, дрожащую и увеличивающуюся. «Зарядить оружие,» сказал он.

Его пульс едва-едва бился.

Во-второй раз, менее чем за час, пространство разорвалось. Разрыв в реальности быстро увеличивался и трещал, как светящийся цефалопод, хлестая усиками энергии варпа по реальному пространству, которое извивалось, шипело и растворялось. Небарионный свет вспыхивал, как бриллиант, в разрыве, подсвечивая прибывающие корабли.

Грандиозные силуэты врывались в реально пространство.

Они не замедлялись. Они двигались на крейсерской скорости. Атакующей скорости.

Шумлен моргнул. Прибывающие корабли были всего лишь точками напротив ослепительного пятна перед его эскадрильей, но его системы определения начали издавать уханье и трели.

«Противник, противник, противник,» сказал он, как ни в чем не бывало. «У нас вражеские корабли в системе, и приближаются. Лидер, частям прикрытия... ускориться до атакующей скорости.»

«Вражеские цели подтверждены!» нараспев сказал энсин, с дрожью в голосе.

«Поднять щиты. Зарядить орудия. Энергию на главные лэнсы.»

«Щиты подняты!»

«Истребители вступают в бой,» сказал авиадиспетчер.

Содак посмотрел на мерцающие изображения на сфере актуализации. «Увеличить план. Дайте мне более четкую картинку.» При текущем разрешении, на

голографическом дисплее были только знаки диспозиций и стрелки направлений. Кодовые номера подпрыгивали и моргали.

«Десятикратное увеличение!» сказал энсин.

Тактическое изображение быстро увеличилось. Выглядело так, как будто там три вражеских корабля, возможно четыре, но наложенный значек истребительного прикрытия делал сложным увидеть детали.

«Убрать значки истребителей,» бросил Содак, и помощник убрал наложенное изображение атакующей эскадрильи Беренгарии.

Четыре корабля. Один из них очень большой. И они двигались. По меньшей мере, на скорости семидесяти пяти процентов от скорости света, прямо к Херодору.

«Энжинериум,» сказал Содак. «Разворот, пожалуйста. Реактор на девяносто процентов. Приготовиться стрелять.»

«Орудия готовы. Все системы в норме.»

«Огонь разрешаю, всеми орудиями и лэнсами. Цель – самая большая.»

«Так точно, сэр.»

«Противник, сэр,» сказал Велосэйд. «Четыре цели. Мы думаем три крейсера и крупный боевой корабль.»

«Держать позиции.»

«Беренгария атакует.»

«Держать позиции,» повторил Эсквин.

«Сигнал с Славы Кадии, сэр,» позвал Валдимер. «Запрашивает разрешение отправиться на подмогу Беренгарии.»

«Отказать. Я хочу, чтобы они были здесь, в одной линии с нами. Пусть подтвердят приказ.»

«Да, командующий флотом.»

«Статус?» спросил Эсквин.

«Солстис ожидает приказов. Лаудэйт Дивинитас ожидает приказов. Оба докладывают о готовности к битве.»

«Наварра?»

«Все еще связана абордажем, сэр.»

Эсквин затих. Вокруг него, над щебечущим машинным кодом стратегиума, он мог слышать, как корабельное духовенство монотонно поет благословения для победы в битве. Имперское кредо передавалось через внутреннюю связь.

«На боевые позиции,» мягко сказал Эсквин. Красные лампы начали мигать и завывали сигналы тревоги. Эсквин почувствовал, как дрожь пробегает через него, когда по нейроконтактам, соединяющим его с системами корабля, начали приходить множественные подтверждения того, что Имперский боевой корабль приходит в полную боевую готовность. Сердце Эсквина заколотилось, когда реакторы вышли на максимальную мощность, его пальцы задержались, когда орудийные батареи стали готовы к стрельбе, его плоть начало покалывать, когда поднялись щиты. Он закрыл глаза и испытал нахлынувшее чувство расширенного зрения, когда энергия была перенаправлена на внешние системы главного сенсора. Он посмотрел, и увидел врага, несущегося к ним.

Вакуум освещался огненными шарами и переплетением света. Шумлен стрелял под продольным огнем передних противокорабельных батарей и направлялся к нижней части главного корабля.

Это был огромный, сопоставимый по размерам с Омнией Винцит, боевой корабль Хаоса, его черный корпус был так сильно покрыт батареями орудий и узлами щитов, что выглядел, как больной, весь в волдырях. Три крейсера Хаоса были рядом, зловещие боевые корабли с зазубренными корпусами. Два были украшены красным и золотым, третий, черный с ребристой надстройкой, выкрашенной в белый цвет.

Истребительное заграждение Беренгарии встретило корабли в лоб, чтобы свести к минимуму возможные углы для стрельбы вражеских канониров, но даже в этом случае Шумлен уже потерял около тридцати кораблей в массированном

заградительном огне. Каждый пилот знал приказ. Как только они приблизятся к врагу, каждый будет сам по себе. Потому что не было никакой надежды объединиться в боевой зоне, как эта.

Шумлен держал корабль так близко к вражескому корпусу, как только осмеливался. Он выпустил одну ракету, но прошло достаточно много времени после того, как она взорвалась, что ему было сложно сказать, какой урон корпусу она нанесла.

Молния пролетела прямо перед ним, заставив его изменить направление, когда система предупреждения запищала о столкновении. Молния разваливалась на части, от нее отделялись куски, как от кометы, которая несется к корпусу гигантского корабля.

Импульсные лазеры преследовали Шумлена, разрывая тьму люминисцентными вспышками. Он резко ушел влево, увидел ракетную установку впереди, и выпустил вторую ракету. Взрыв ослепил его, и весь корабль сильно тряхнуло, когда он вылетал из зоны взрыва.

Молния заскользила рядом с ним, почти в боевом порядке, и затем взорвалась, когда импульсы с корпуса достали ее. Еще две пролетели у него над головой и начали яростно атаковать днище корабля. Шумлен потерял их из вида в ярком огненном шторме.

Шумлен едва слышал передачи по воксу.

«Повторите, повторите,» сказал он. Его пульс только начал подниматься.

«Летучие мыши, летучие мыши, летучие мыши!» повторял один из его летчиков.

Враг выпустил свои истребители.

Мерцая от вспышек света с маленьких кораблей, кружащихся вокруг корпусов, корабли Хаоса пробивались вперед.

«Получены архивные данные, капитан,» сказал Перссон, тактик Содака.

Содак просмотрел данные. Два вражеских крейсера были идентифицированы положительно: Шрам, с белой надстройкой, и Ревенант, с красным корпусом золотой каймой. Третий крейсер были или Путь Зла, или Шов. Идентифицировать главный

боевой корабль было сложно, таких гигантов нечасто доводилось видеть, но программа опознания Перссона предполагала, что этот монстр был Инкарнадином, древним, печально известным кораблем.

«Мастер артиллерии? Мы можем стрелять?»

«Цель в зоне поражения, капитан,» ответил Адепт Ярден.

«Огонь!» прорычал Содак.

Палубу под ним слегка тряхнуло. Полосы света от лэнсов и главных орудий устремились во тьму.

«Главные орудия выстрелили. Лэнсы выстрелили. Торпеды выпущены.» На авгуре, пятна света появились вокруг темного корпуса приближающегося Инкарнадина.

«Урон?»

«Их щиты выдержали, капитан,» сказал мастер артиллерии.

«Перезарядить, огонь!»

Беренгирию снова тряхнуло.

«Третий раз, огонь!»

«Торпеды достигли цели, капитан.»

«Урон... дай мне что-нибудь, Ярден!»

Мастер артиллерии мельком взглянул на капитана со своего места у орудийной консоли.

«Мне жаль, сэр. Ничего.»

«Ревенант выходит из боевого порядка, капитан!»

Содак вернул свое внимание на сферу актуализации. Один из вражеских крейсеров с ускорением удалялся от боевой группы и двигался перед ней.

«Атакуют нас?» спросил энсин.

«Нет,» сказал Содак. «Они преследуют конвой.» Курс Ревенанта был нацелен прямо на медленные корабли Муниторума, которые вышли из варпа.

«Сохранять курс. Всем передним батареям и лэнсам поддерживать огонь по основной цели. Торпеды тоже, пожалуйста. Как только Ревенант будет проходить мимо нас, я хочу непрерывный огонь по нему с бортовых орудий.»

«Так точно, капитан,» ответил Ярден, быстро передвигаясь, чтобы отдать задания канонирам и их командам сервиторов.

Ревенант, устремившийся вперед, как межзвездный хищник, хорошо проложил свой путь, так как, проходя мимо Беренгарии, он, казалось, дразнит Содака. Его главные орудия стреляли вперед, в то время, как Беренгария залила его левый борт яростным бортовым огнем. Ревенант произвел несколько случайных ответных залпов из своих бортовых орудий, когда пролетал мимо.

«Мы попали по ним, сэр. Легкий урон корпусу. Не достаточно, чтобы замедлить их.»

«Мы?»

«Щиты стоят.»

«Сигнализируй командующему флотом и сверься с его инструкциями. Хочет ли он, чтобы мы продолжали атаку?» Внезапно мостик сильно накренился, и дико завывали сирены от попадания.

«Инкарнадин начал в нас стрелять, сэр. Легкое повреждение щита.» Едва энсин закончил, как корабль снова трянуло. Несколько человек сбило с ног, и вон сирен стал громче. Содак мог видеть на главной консоли, что верхней части корпуса крепко досталось. Умеренный урон, разрывы в корпусе, пожары на палубах...

«Дополнительную мощность на щиты!» закричал он.

Беренгария закачалась, когда в нее попали снова. И снова.

На высоком якоре над Херодором, урчала Слава Кадии, так как она далеко оторвалась от конвоя с подкреплениями, который сопровождала. Согласно строгого приказа Эсквина, она встала на широкой дуге и заняла свое место в боевом построении, вместе с массивной Омнией Винцит и ее младшими сестрами,

Солстисом и тяжелым крейсером Лаудэйт Дивинитасом. Позади и ниже от них, огромное количество кораблей пилигримов образовали широкую россыпь маленьких, уязвимых целей, скопившихся вблизи верхней атмосферы холодной планеты. Не смотря на эдикты Эсквина, некоторые из этой пестрой толпы начали спасаться бегством с орбиты, а несколько уже вышли в межпланетное пространство, направившись к звезде Херодора и дальше, к границам системы. Другие двигались по геостационарной орбите на другую сторону Херодора в надежде, что между ними и ужасающим противником будет планета.

С подергиванием пальцев Эсквина, кормовые батареи лэнсов могучей Омнии Винцит выстрелили, и вывели из строя торговое судно Сомнамбулист, когда тот пытался оторваться от якоря.

Это происходило все время, и командующий флотом был вынужден тратить на это огневую мощь. «Сигнализируй флоту гражданских снова, Велосэйд. Мы будем пресекать любые попытки нарушить эдикт самым простым образом. Я не допущу небоевым кораблям мешать делу неразрешенными перемещениями. Скажи им, что любое действие с их стороны заставит нас предполагать, что они агенты еретиков, и что мы будем стрелять по ним соответственно.»

«Сэр!»

«У Беренгарики проблемы, сэр,» прошептал Валдимер.

«Я отчетливо это вижу, энсин. Мы будем держать позицию. Если мы пойдем им на помощь, то потеряем преимущество нашего боевого порядка. Содак знает, когда сражать, а когда отступать.» Валдимер нахмурился. Он знал, что у Содака четкий приказ атаковать.

Он не мог отступить по собственной инициативе.

«Должен ли я проинформировать его об этом?» спросил Валдимер.

«Нет,» сказал командующий флотом.

У него был пожар на девяти палубах, реактор получил повреждения, и щиты почти упали. Энергии для лэнсов больше не хватало. «Торпеды!» приказал Содак.

«Торпеды!» крикнул Ярден.

«И отключите эту чертову тревогу,» добавил Содак. Воздух звенел от сирен. Он мог чувствовать резкий дым. Дым, собирающийся в системе рециркуляции, слишком плотный и густой, чтобы его смогли удалить воздушные очистители.

Огромный вражеский корабль сейчас был прямо у них по правому борту, так близко, что Содак, на самом деле, мог видеть его, как точку, через бронированные окна мостика.

«Держите нас прямо! Лицом к ним!» кричал он рулевым офицерам. Наиболее прочная броня у фрегата была на носу. Он не хотел подставлять борта. Кроме того, он хотел быть настолько маленькой целью, насколько это возможно.

«Так точно, сэр!»

«Мы отклоняемся, рулевой!»

«Контроль ориентации поврежден, капитан. Мы пытаемся комменсировать...» Инкарнадина снова выстрелил по ним. У Содака даже не было времени засечь залп на авгуре.

Беренгария резко наклонилась. Куски верхней части корпуса разлетелись миниатюрными осколками. Энергия отключилась через несколько секунд на мостике, когда взрыв пронесся по передним рулям, испепеляя трех рулевых, пять сервиторов и Тактического Офицера Перрсона.

Ярден был все еще на своем посту, кровь хлестала из раны от шрапнели в груди. Кровь пузырилась у него на губах, когда он пытался доложить о ситуации, его руки плавилась на горячей контрольной консоли.

Содак знал ситуацию, несмотря на то, что Ярден не мог доложить, несмотря на то, что сфера актуализации отключилась, и авгуры были уничтожены. Они были смертельно ранены и обездвижены, разворачиваясь правым бортом к монстрам архиврага от взрыва.

«Сигнализировать Омнии Винцит,» кричал Содак. «Сообщение начинается с ... Император защищает --» Залп торпед с Пути Зла ударил в середину Беренгарии, и

следом за этим последовал выстрел лэнсов с Инкарнадина. Беренгария, казалось, мерцала и дергалась секунду, когда плазма извивалась и струилась, как лава, вдоль разрушенного борта.

И затем она испарилась в ярком белом свете расширяющегося взрыва.

В стратегиуме Омнии Винцит, Валдимер почти не заметил гибельную вспышку Беренгарии. Он всматривался в сферу актуализации, когда вражеский фрегат Ревенант, с внушающей ужас притягательностью, погнался за доведенным до отчаяния конвоем. Значки двух огромных транспортов моргнули и исчезли. Остальные пытались оторваться и ускользнуть, но убийца архиврага был прямо за ними.

«Начинаем продвижение,» крикнул Эсквин. «Боевое построение. Пошлите сигнал Вискарку, и скажите ему, чтобы прекращал терять время. Наварра нам нужна сейчас.» Широкой линией, четыре Имперских боевых корабля сошли с высокого якоря с поднятыми щитами, чтобы встретить и отразить атаку врага.

СЕМЬ

ВЫСАДКА НА ПЛАНЕТУ

«Девять приближаются.»

- сообщение, написанное рукой Сорика

Гаунт явился невыспавшимся на поспешно созванное заседание прямо перед рассветом. После странных ночных происшествий, он пытался вздремнуть несколько часов, лишь для того, чтобы быть разбуженным Белтайном посередине ночи.

«Лорд генерал хочет увидеть вас, сэр,» сказал Белтайн.

Люго со своей прислугой занял особняк на девяносто седьмом этаже Старого Улья. Это место было полинявшей роскоши. Стены и высокие потолки были покрыты блестящей черной эбонитовой мозаикой с матовыми антрацитовыми деталями, а пол был выложен розовой, огнеупорной плиткой. На каждой четвертой стеновой панели в прихожей, электрические лампочки были ввинчены в медные настенные

канделябры, и длинные паутины сверкающего стального кружева свисали, как шторы, у каждого арочного дверного проема.

Гаунт не понимал, чья это была резиденция, или куда все подевались, чтобы Люго мог тут поселиться.

Если честно, он об этом много не думал. У него был туман в голове, когда охрана у служебного входа пропустила его и показала дорогу, по двум длинным холлам и наверх по кирпичной лестнице к комнате, где его ждал Люго.

Гаунт ожидал какое-то подобие официального собрания, и был удивлен, когда нашел Люго одного, за исключением Калденбаха.

В комнате было холодно – весь особняк был холодным – как будто древние нагревательные трубы и гиперкосты рассыпающегося Старого Улья были слабыми и неэффективными на этом уровне. Люго сел в кресло на суспензорах, одетый в толстый домашний халат поверх форменных рубашки и штанов. Его куртка и фуражка лежали на высоком деревянном столике рядом с ним.

Он попил кофеин из фарфоровой кружки. Переносной нагреватель стоял на полу, дую теплом на его ноги в сапогах.

В комнате были высокие, стрельчатые окна из цветного стекла на двух стенах, и богато украшенные стеклянные двери на третьей стене, пройдя в которые, сквозь вуаль драпировки из стального кружева, можно было попасть на что-то, наподобие балкона или террасы на крыше. Калденбах стоял около этих дверей, сложив руки, и смотря то ли упрямо, то ли угрожающе. Гаунт не совсем был уверен, что излучал этот человек. Угрозу, решил он.

«Сэр.»

«Входи, Гаунт. Горяченького?»

«Спасибо, нет, сэр.»

Калденбах, которые после предложения начал подходить, продолжил идти дальше, даже после отказа, и налил себе чашку из серебряного термоса, который стоял на столике у стены.

«Извиняюсь за ранний вызов,» сказал Люго, почти искренне. «Я желаю поговорить с тобой о Беати.»

«О Беати...»

«О том, что нам делать.»

«В каком плане, сэр?»

Люго тактично прочистил горло и отпил еще. «Я предоставил себя и свои ресурсы Беати. Можно сказать, капризам Беати. Ее благословенный ум постигает космос так, как мы не можем, так что я верю ее суждению, даже если оно может показаться... капризным.» Гаунт слегка улыбнулся.

«По ее убеждению, мы расположились в этом... важном месте. Я предполагал, что ее персона должна быть куда лучше использована рядом с Магистром Войны на передовой, но нет. Она была очень учтивой, как и можно было ожидать, но отвергла эту идею. Она настаивала на Херодоре, и на Херодор я ее и сопровождал.»

«Мы уже об этом говорили, сэр,» сказал Гаунт. «Вы надеялись на мою добровольную помощь, чтобы убедить ее изменить ее решение. В самом деле, вы даже надавили на моего комиссара, чтобы он повлиял на меня.» Люго пожал плечами, как будто это был пустяк. «Мы уже прошли такие шпионские игры, Гаунт. Беати должна отправиться на Морлонд. Она должна оставить это место и отправится прямо на Морлонд. Я не прошу тебя о помощи. Я приказываю тебе сделать это.»

«Я вижу,» сказал Гаунт.

«Ну давай, давай,» улыбаясь сказал Люго. «Мы здесь все друзья, Ибрам. Скажи мне, что думаешь.»

«Вы хотите знать, что я думаю?» спросил Гаунт.

«Лорд генерал выразился довольно ясно,» резко сказал Калденбах.

Гаунт бросил на него взгляд, и Калденбах уставился вниз. «Очень хорошо,» сказал Гаунт. «Я думаю, что вы знали правду все время. С того момента на Хагии, когда вы впервые познакомились с Санией. Вы были абсолютно уверены, что она фальшивка... проблемная, бредовая девченка, которая верила, что оно воплощение Саббат, и

играла эту часть весьма хорошо. Вы увидели применение для этого, и подтвердили ее права, для улучшения Имперского боевого духа... и чтобы продвинуть свои интересы.»

«Ты оскорбляешь лорда генерала такой клеветой --» начал Калденбах. Люго резко поднял руку.

«Позволь Гаунту продолжить, или покинь комнату, полковник.»

«Я извиняюсь, если я слишком честен, сэр,» сказал Гаунт. «Вы сами сказали, что время шпионских игр закончилось.» Люго кивнул, и жестом показал Гаунту продолжать.

«Вы видели, что самый лучший путь контролировать ее, это дать ей действовать самостоятельно какое-то время. Дать ей что-то сделать, вырасти в уверенности. Паломничество сюда... хорошо, это звучит, как-то необъяснимо, но весьма великодушно со стороны воплощенной святой. Чтобы очистить себя перед наступающей войной.

Вы потакали ей несколько месяцев, работая над ней все это время, и потом, совершили бы путешествие на передовую, что казалось бы ее собственной идеей. Вы бы присоединились к Магистру Войны, без сомнения вдохновляя его войска на решающую победу, и ваше возвышение было бы одобрено. На что вы надеялись? Быть губернатором сектора? Командовать войсками? Еще выше?»

Люго продолжал улыбаться, но в улыбке была горечь. Гаунт знал, что попал прямо в цель.

«И все было бы очень хорошо... если бы некоторые непредполагаемые неудобства, как, например, то, что она запросила Танитцев в телохранители. Должно быть это обидно, что я прибыл и встал у вас на пути. Но ничего такого, с чем бы вы ни могли справиться. Ваш план все еще был не затронут. До прошлой ночи.»

«Прошлой ночи?» эхом повторил Люго.

«Прошлой ночи, лорд генерал. Когда ваша маленькая пешка сделала то, чего вы не ожидали. Когда Саня – и не просите меня объяснить это, так как это не подлежит рациональному объяснению – когда Саня после всего стала настоящей. Она – Беати,

она по-настоящему все то, во что она верила, все то, как вы притворялись, чем она была. Чудотворное начало в самом прямом смысле этого термина. И это все поменяло. Вы понятия не имеете, что делать. Вы больше не можете ей управлять. Она внезапно стала вне ваших сил убеждения и контроля, вне вашего понимания. Вы боитесь. У вас нет сил. И ваш план трещит по швам.»

Люго задумчиво всосал воздух сквозь зубы, затем поднялся, скинул халат и стал надевать куртку. Калденбах подошел, как лакей, чтобы поддержать одежду для него.

«Захватывающие домыслы, Ибрам,» сказал лорд генерал, «и совершенно убедительные. Спасибо тебе, что был так откровенен.»

Он повернулся к Гаунту, застегивая куртку на пуговицы. «Конечно, весьма правдоподобно. Я знал с самого начала, что Святая подлинная, и, поэтому, помогал ей. Ничего не изменилось. Для меня она всегда была сверхестественной фигурой. Благодарю Бога-Императора, что он доверил мне эту роль.»

«Совершенно верно,» сказал Калденбах.

«Совершенно верно, в самом деле,» сказал Гаунт, слегка пожав плечи. «Как я и говорил раньше, что я думаю в любом случае не важно. Более важно то, что вы понимаете, что я согласен с вами. Фальшивая или настоящая, Беати должна быть с Магистром Войны на Морлонде. Для блага Империиума, Миров Саббат и всего Крестового похода. Я не собираюсь с вами спорить из-за этого. Я сделаю все, что смогу, чтобы убедить ее. Я, конечно же, не знаю, есть ли у меня какое-нибудь влияние на нее. Но я попытаюсь.» Люго надел фуражку, посмотрел Гаунту в глаза, и затем протянул ему руку. Гаунт, удивленный, пожал ее.

«Спасибо тебе, Ибрам,» сказал Люго. «Я знал, что ты командный игрок.»

«Только еще одну вещь вы должны знать, сэр,» добавил Гаунт, убирая руку.

«Какую?»

«Я совершенно уверен, что это событие, частью которого мы являемся, этого воплощения, этого проявления... Я совершенно уверен, что это все более важно, чем мы представляем. Пространство и время, и... судьба, если пожелаете... сошлись вместе и синхронизировались. Даже до того, как Саня по-настоящему заявила о

себе, как о Беати прошлой ночью, колебания от этого явления распространялись по всему сектору и за ним. Знаки, знамения, предсказания. Вы все их слышали, и я уверен, что довели до истерии верующих. Но это что-то большее. Каждый псайкер в секторе – наш и их – должно быть хорошо это чувствовал. Космос вращается с какой-то целью, лорд генерал, и это одно из тех редких явлений, когда мы можем услышать шум его механизмов и увидеть его работу.»

«Ты говоришь, как пророк, Гаунт!»

«Я не пророк... но все-таки. Я знал про Херодор задолго до того, как меня сюда призвали. Мне говорили ожидать тут Святую. Мои солдаты рассказывали мне истории из лагерей пилигримов о мужчинах и женщинах, которые разделяли эти сверхъестественные намеки. Не фанатики, не столпники и флагелланты и мистики, которые подпрыгивают от любых слухов. Вы удивитесь, как много нормальных, обычных людей там, снаружи. Люди, которые оставили свои жизни и дома, чтобы совершить путешествие сюда, потому что они просто, неизбежно знают что-то.»

«Ты пытаешься напугать меня, Гаунт?» сказал Люго, с притворно дружеским смехом.

«Нет, сэр. Но здоровое чувство страха лишним не будет. Мы живем во время чудес, сэр.

Ничего нельзя сказать о том, что оно может принести, но это будет иметь большой значение.» Гаунт слышал голоса и шаги в холле снаружи, но проигнорировал их.

«Будем надеяться,» прямо сказал он, «что мы будем очевидцами конца Крестового похода. Победы в Мирах Саббат, архиврага, преданного огню и удирающего. С Беати на Морлонде --»

«Я не отправлюсь на Морлонд,» сказал голос позади него.

Гаунт повернулся. Саббат стояла в дверях комнаты, поднял одну руку, чтобы держать стальную кружевную драпировку. На ней были простые, серые боевые одежды и тяжелые черные солдатские сапоги. Ее кожа была мертвенно-бледной, а в глазах были признаки огорчения и укора.

«Беати,» сказал Гаунт, склоняя голову. Люго и Калденбах сделали то же самое.

«Я не отправлюсь на Морлонд,» повторила она, вступая в комнату и позволяя стальному кружеву упасть за спиной. Сквозь узорчатые складки, Гаунт мог видеть топчущихся на месте солдат из охраны дома, слишком напуганных, чтобы зайти после нее.

«Тут есть дело, которое нужно закончить,» сказала она. «Жизненноважное дело. Это моя цель. Морлонд может подождать, или будет покорен без меня.»

«Леди, мы --» начал Гаунт.

Саббат мягко положила руку на его, и он затих, не в силах говорить.

«Херодор это ключ, Ибрам. Варп показал это. Я не покину это место, пока дело не будет сделано.»

«Как...» начал Люго. «Как мы можем служить вам, леди?»

«Я искала Ибрама. Время пришло. Они идут, и я боюсь. Я искала своего защитника. Мою почетную гвардию.»

«Танитцев?» прошептал Гаунт.

«Тебя и Танитцев. Вы мне нужны прямо сейчас.»

«Что вы имеете ввиду, 'время пришло'?» сказал Гаунт.

Она взяла его за руку и повела к стеклянным дверям, которые открылись под нажатием ее пальцев. Они прошли на террасу крыши. Люго и Калденбах последовали за ними.

Терраса представляла собой полукруг из рокрита, выступающий как полка из крутого уровня шпиля Старого Улья. Купол из бронированного стекла защищал их от ледяной атмосферы. Большая беспорядочная застройка Цивитас Беати лежала внизу, далеко внизу, коричневый лабиринт угловатых теней. Массивная форма второй башни улья возвышалась неподалеку, почти до их уровня, потрепанный силуэт напротив только что вставшего солнца.

Вокруг края террасы были глиняные горшки. Розы и самблюскусы, посаженные в них, завяли, и превратись в крючковатые неухоженные веточки, которые напомнили Гаунту сад Лорда Часса на крыше верхнего Хребта Улья Вervун.

Гаунт почувствовал приступ страха и меланхолии. Если бы не металлический цветок из того сада, он бы умер на Вергхасте.

Здесь не было цветов.

Саббат указала на небо. Оно было слегка синим, с полосками ярко-желтого и бороздками облаков на востоке. Последние звезды было еще видно.

«Они идут,» снова сказала она. «Они здесь. И поэтому я не отправлюсь на Морлонд. Сейчас я никуда не могу уйти.»

Гаунт уставился в ту часть неба, куда указывали ее тонкие пальцы.

«Что вы --»

Вспышка. На мгновение. Маленькая искра высоко среди звезд. Потом еще одна, как невозможная молния, высоко в космосе.

«Что она имеет ввиду?» прошипел Люго Гаунту, дрожа в неотопливаемом воздухе высокого сада.

«Межкорабельные огонь. Флот атаковали. Атака на планету началась.»

«Уверен, что нет,» сказал Калденбах. «Нам бы сказали...»

«Она только что началась,» сказал Гаунт. «Распространите приказы, сэр. Приготовьтесь к наземной атаке.»

«Ох, преждевременно!» усмехнулся Калденбах. «Командующий Флотом Эсквин защищает наши интересы. Четыре корабля в обороне... Омния Винцит в одиночку может --»

Гаунт проигнорировал его. «Леди?»

«Они здесь, Ибрам. Сейчас ты мне нужен. Ты защитишь меня, не так ли? Ты и твои Призраки?»

Ты будешь меня защищать, пока дело не будет сделано здесь?»

«Даю вам слово, леди.»

Младший офицер в форме личных сил Люго поспешно зашел на террасу позади них, зажав планшет.

«Лорд генерал! Сообщение от командующего флотом, сэр. Его атаковала боевая вражеская группа, сэр, и —»

Люго неожиданно взял у него планшет. «Я уже знаю. Свободен.» Когда младший офицер отступил, смущенный, Люго прочитал планшет и передал его Калденбаху.

«Четыре корабля архиврага. Сильные, но Эсквин сможет остановить их.»

«Не сможет.» Ее голос был мягким, почти шепот.

Гаунт посмотрел прямо на Люго. «Приготовьтесь к наземной атаке,» твердо повторил он.

Люго пристально смотрел несколько секунд. Гаунт почти мог видеть, как его мысли мечутся между вероятностями, необходимостями и возможностями. Люго закрыл глаза и глубоко вздохнул.

«Делай, как он говорит,» сказал он полковнику своих личных войск.

«Лорд Генерал, я --»

«Сейчас же!» рывнул Люго, и Калденбах повернулся и побежал.

Теперь это все становилось интересным.

Считыватель жизненных показаний Шумлена показывал, что его пульс находится на самом высоком уровне за семнадцать лет. Уникальная запись в бортовой журнал, подумал он.

Он только что совершил такой резкий поворот, что сила гравитации сокрушила и ослепила его на пятнадцать секунд. Он сильно моргал, чтобы сфокусироваться.

Где, черт возьми, была эта летучая мышь?

Он ударил по двигателям и завертел свою птицу для уклонения. Стремительный огонь и вражеская канонада ярко вибрировали в темноте, снаружи его кабины. Он видел Молнию далеко слева от него с двумя летучими мышами на хвосте. Двадцать седьмой? Это был Либхолтц?

Лазерный огонь, розовый и вибрирующий, усеивал темноту и пропадал. Молния прямо уворачивалась, но летучие мыши были все еще позади нее.

«Двадцать седьмой, двадцать седьмой, захожу слева,» сказал Шумлен по воксу, пока летел под противовоздушным огнем. Летучая мышь, которую он даже не видел, с крючковатыми крыльями и сверкающими подфюзеляжными орудиями, пролетела над ним. Запищали предупреждения о повреждениях на приборах, и он выключил их.

На дисплее, у него на голове, перекрестие прицела плавало и перемещалось, когда он поворачивался.

«Они повсюду! Повсюду!» орал по связи Либхолтц.

«Поворот один-девять-один и резкое уклонение,» сказал Шумлен.

Его большой палец дрожал на кнопке открытия огня на рычаге управления.

Он летел прямо к ним. Он разогнал двигатели на полную, пересекая путь Молнии, летящей с другой стороны. Ближайшая летучая мышь, прямо у нее на хвосте, попала ему на дисплей, и целеискатель зафиксировал ее. Перекрестие прицела стало ярким и начало моргать. Зазвучал пронзительный нарастающий звук захвата цели.

Он нажал на кнопку, и грохот стал отзываться эхом в кабине. Он чувствовал толчки своей пушки, ритмичный скрип зарядателей.

Летучая мышь превратилась в яркий огненный шар. Осколки застучали по его корпусу и кабине.

Либхолтцу все еще угрожала опасность. Он пытался уйти с горизонтального вектора.

Типичный воздушный мальчик, думал Шумлен. Либхолтц был великолепным пилотом, по-настоящему одаренным, но он пришел из планетарных воздушных сил,

как и большое число пилотов. Он все еще думал в терминах верха и низа, права и лева.

Здесь нет всего этого. Любой настоящий пустотный боец знал это. И Шумлен был настоящим пустотным бойцом. Ну да, можно было сослаться на близость к планете или сверхтяжелым кораблям, как на гравитационный элемент, но это была всего лишь часть игры. Для пустотной схватки, нужно было думать сразу в трех измерениях.

Шумлен бросал свою птицу вверх и вниз. Либхолтц пытался оторваться, но летучая мышь следовала за ним.

Целеискатель Шумлена рыскал влево и вправо.

Он увидел мышь. Истребитель-перехватчик типа Цикада с тигровой окраской. С длинным носом, раздвоенным хвостом, усаженный шипами. Подфюзеляжные орудия уже подписали Либхолтцу смертный приговор.

Нечленораздельные последние слова Либхолтца раснеслись по воксу. Его птица разлетелась в яркой желтой вспышке.

Шумлен был на хвосте у летучей мыши. Убийце. Она виляла туда-сюда, но он держал ее в видимости. Боже-Император, но ее пилот был хорош.

Шумлен попытался выстрелить, но промазал.

Он убрал большой палец, чтобы побережь оставшиеся боеприпасы. Их оставалось тридцать семь процентов. И одна ракета.

Оставалось двадцать два процента топлива.

Цикада сделала петлю, уходя по спирали в другую сторону.

Умно... но не достаточно. Шумлен пролетел мимо нее, и начал следовать прямо к широкой поверхности боевого корабля архиврага, дразня орудийные батареи, когда Цикада заскользила за ним.

И они не подвели его. Как и летучая мышь.

Батареи начали стрелять сразу же, когда он пролетал перед ними, но он был слишком быстр, чтобы они попали.

Они все еще стреляли, когда летучая мышь погналась за ним, голодная до птицы Шумлена.

Летучая мышь превратилась в горящие газы и обломки корпуса.

Шумлен опять отлетел от корпуса, почти мгновенно взял на прицел и уничтожил на развороте еще одну летучую мышь барабанной дробью из своих пушек.

Непонятно откуда прилетевшие снаряды пробили его левое крыло и резко развернули прямо к противоистребительному огню.

Шумлен кинулся в сторону, уходя в глубокий, открытый разворот. Мышь пронеслась мимо него, и он взял ее на прицел. Его пушки содрогнулись.

Мышь взорвалась, как цветок, фюзеляж превратился в серебряные куски. Он видел, как испарился пилот, когда пытался катапультироваться.

Раздался мрачный звук с его приборов. Он посмотрел на счетчик боеприпасов и увидел самое худшее.

Ноль. И количество топлива было не лучшим.

Он откинулся. Осталась одна ракета. Настало время принять ее во внимание.

Уворачиваясь влево и вправо от противоистребительного огня, он мчался вперед к носу боевого корабля архиврага. Передние пусковые палубы, открытые, как рты у чудовища. Ракета там...

Летучие мыши пролетели перед ним, преследуя Молнии. Еще больше яркого противовоздушного огня. Затем летучая мышь, преследуемая птицей, выплевывающей снаряды.

Нос гигантского корабля показался под ним, и Шумлен упрямо повернул туда, двигатели сожгли последние остатки топлива, когда он сделал последней рывок в своей карьере.

«Сигнал с Омнии Винцит, сэр!» прокричал Крефф. Казалось, что Капитан Вискарк не слышит его. Капитан стоял у главной консоли, настраивая параметры.

«Сэр?»

Это жужжание. Крефф мог слышать его. Что это за черт? От него у него болели уши.

«Сэр!»

Висмарк кинул на него взгляд. «Крефф?»

«Омния Винцит приказывает нам присоединиться к боевому порядку. Командующий флотом говорит, что мы должны запечатать внутренние переборки и оторваться от Трубадура.»

«Он, в самом деле, так говорит?»

Руки Висмарка танцевали по главной консоли.

«Сэр?» встревоженно сказал Крефф. «Мы должны включить экстренное предупреждение об отстыковке и эвакуировать всех через шлюзы до того, как мы --»

Раздался тяжеленный удар. Он сотряс мостик Наварры так сильно, что Крефф упал. Висмарк удержался на ногах.

В вихре обломков Наварра оторвалась от Трубадура. В процессе три наружных палубы открылись для вакуума, но Висмарк запечатал внутренние шлюзы и предотвратил тотальные повреждения.

Даже в этом случае, девяносто шесть охранников, которые провели последние полчаса, сражаясь за само существование Наварры, были отрезаны и задохнулись в пустоте от этого решительного маневра.

Трубадур поплыл прочь от фрегата, разбрасывая обломки. Он направился к сверкающей стае кораблей пилигримов в верхней атмосфере.

Когда двигатели заработали, Наварра отвернулась от яркой планеты вниз.

Висмарк кооптировал контроль над вооружением на своей консоли, и проинструктировал батареи Наварры. Когда сфера актуализации дала ему разрешение, он выстрелил.

Выстрел Наварры разнес кувыркающийся Трубадур на миллиарды сверкающих обломков.

«Сэр! Нам нужно вступить в боевой порядок флотилии!» заикаясь сказал Крефф, вставая. Он был поражен жестокостью капитана. Члены экипажа умерли без всякой причины. Висмарк проигнорировал его, но, тем не менее, Наварра поворачивалась дальше.

Крефф подошел к главной консоли капитана, и прочитал информацию на дисплее. Энжинариуму отдан приказ на максимальную скорость, щиты подняты, орудия на полной мощности...

И красный свет, который Крефф не опознал.

Крефф отступил назад, когда понял, что это была капля крови на консоли, залившая руну энжинариума.

Еще одна капля упала рядом с ней.

Кровь текла из левого уха капитана.

Жужжание было за спиной, такое громкое, такое очень громкое –

«Капитан?»

«Старший помощник, пожалуйста, разрешаю открыть огонь.»

«Разрешаете открыть огонь?» Крефф отпрянул в ужасе. Солстис, корабль-сестра Наварры, показался впереди, как будто это был вражеский.

«Сейчас же, если позволишь, Крефф!»

«Сэр, это один из наших!»

Кулак врезался в его нос, и он прокусил губу. Крича от боли и брызжа кровью, Крефф упал.

«Капитан!»

Жужжание, жужжание, жужжание...

Наварра покачнулась, когда выстрелили ее главные лэнсы. Лучи, на полной мощности, прорезали бортовую броню Солтиса и открыли внутренние палубы пустоте. Все два километра брони корабля смялись, как металлическая фольга, и он

развалился на куски. Мгновением позже, взорвались реакторы. Там, где только что был Солстис, остался только раскаленный добела шар взрыва.

Расширяющаяся ударная волна ударила в нос Наварру. Корабль сопротивлялся и брыкался, как необъезженный конь. Крефф в третий раз ударился о палубу.

Распростертый, он посмотрел на Висмарка. Он был с капитаном десять лет, десять лет любви и верности. Кровь текла из глаз и ушей Висмарка, и выражение его лица было странно вялым.

Он больше не был тем, за кем офицер Крефф следовал в пасть смерти и обратно так много раз, что невозможно сосчитать.

Крефф дотянулся до кобуры и вытащил свой служебный пистолет.

Висмарк, даже не смотря, уже вынул свой компактный автоматический пистолет из-под консоли. Он навел его на Креффа и выстрелил, все его внимание было приковано к главному экрану.

Первый выстрел разнес таз Креффа. Второй сломал три ребра и изорвал легкое. Третий превратил в кашу правое ухо Креффа и срекошетил от настила мостика.

Задыхаясь от боли, всхлипывая изорванными легкими, Крефф лежал на спине в растекающейся луже его собственной крови. Он поднял свой служебный пистолет в трясущейся руке и выстрелил в сторону головы Висмарка.

Висмарк покачнулся. Попадание сбило его. Левую сторону его черепа оторвало, кровавые ошметки мозгового вещества стекали на его воротник.

Он тяжело упал на левую сторону.

«Помогите мне! Помогите мне!» задышался Крефф. Энсины и сервиторы подбежали к нему и подняли на руки.

«Наварра Омнии Винцит! Наварра Омнии Винцит?» Кричал Крефф в вокс.

«Солстиса... больше нет...» заикаясь сказал Валдимер.

«Нет? Как?» потребовал Эсквин.

«Наварра... стреляла в него. Прямой, длительный удар в середину корабля.»

«Еретики захватили Наварру. Император, защити нас!»

«Какие будут приказы, сэр?» спросил Велосэйд.

«Очистите мой корабль,» сказал Эсквин. В его инкрустированных глазах стояли слезы ярости.

«Огонь разрешаю! Наварра,» проревел Велосэйд.

Бортовые батареи Омнии Винцит вспыхнули, и долго светились. Щиты Наварры несколько секунд стояли под ураганным огнем, скручиваясь и сверкая, как расплавленное стекло. Затем они начали изгибаться и отказывать. Наварра накренилась, ее корпус пылал и рвался. Гравитационные компенсаторы отключились, и корабль начал падать, неумолимо, в гравитационный колодец планеты. Гигантски внутренний взрыв уничтожил Наварру до того, как она приблизилась к атмосфере.

На мостике Наварры, Старший Помощник Офицер Крефф все еще пытался вызвать Омнию Винцит, когда умер.

Обломки Наварры дождем устремились к поверхности Херодора, становясь метеорами в верхней атмосфере.

Одним из этих метеоров была стандартная спасательная капсула.

Она тряслась и очень быстро падала, дребезжа и вибрируя, когда входила в атмосферу.

Два карликовых псайкера вопили в страхе, вздрагивая от каждого крена. Большой человек в зеленой шелковой робе мурлыкал им успокаивающие слова ободрения и успокоения, как будто они были детьми, его большие татуированные руки крепко держали их.

«Почти на месте,» сказал Патер Грех. «Почти на месте...»

«Ты готов к этому?» беспечно спросил Мквеннер.

Гол Колеа расправил свою форму спереди и кивнул. Плечом к плечу, они вошли в двери Танитского расположения.

Звонок к подъему прозвучал несколько минут назад, и солдаты поднимались. Кружки с водой стояли на конфорках, и люди одевались.

Это было так же, как и каждое утро в Гвардии, простая рутина. Только место – схода на первый взгляд, подумал Колеа – было другое.

Это заставило его улыбнуться.

«Утро, Гол,» сказал Обел, проходя мимо. Колеа кивнул. Никто не смотрел на него по второму разу.

Новости сюда еще не дошли.

Он пошел по проходу из кроватей, осматриваясь, жадно рассматривая знакомые лица.

Была маленькая боль в глубине его сердца от того, что некоторых лиц тут не будет. Мюрил... Пайета Гатса... Еще Разок Брагга...

«Это твоя,» сказал Мквеннер.

Колеа остановился, и сел на неразобранную койку. Его снаряжение было тут.

Он поднял взгляд на Мквеннера. Худой Танитец посмотрел вниз на него и помотал головой. «Ночь, которую я не забуду. Я должен отплатить тебе за услугу.»

«Не нужно, Вен.»

«Ты спас мне жизнь,» сказал Мквеннер. «И ты должен позволить мне это сделать.» Колеа улыбнулся.

«Увидимся позже, Колеа,» сказал Мквеннер, и пошел через общежитие.

Колеа сидел мгновение в суматохе вокруг него. Затем он снял свою куртку, рубашку и майку, и открыл свой ранец, чтобы найти свежее белье. Вес глиняной фигурки в кармане его куртки напомнили ему, что она там. Он вынул ее, посмотрел секунду, и засунул в ранец для сохранности.

Он нашел сложенную майку и развернул ее, чтобы одеть.

«Знаешь, как одевать себя, а, гакоголовый?»

Колеа посмотрел наверх. Куу проходил мимо, на нем были трусы, только что из душевой. У него было полотенце на плечо. Болезненно белая, нездоровая кожа на его тощем лете была покрыта грубыми татуировками. Он усмехнулся Колеа.

«Хочешь, чтобы я помог, гакоголовый? Хочешь, чтобы я помог тебе одеться, ты задумчивый гакоголовый?» Голос Куу был низким, но резким. «Хочешь, чтобы я тебе и жопу вытер? Как пить дать, хочешь.» Он рассмеялся.

«Ты должен был бы уже сдохнуть, пока меня не было,» мягко сказал Колеа.

«Че?»

«Ты всегда был мелким дерьмом, Куу, но задирать раненого в голову ветерана? Где твое гаково чувство полковой чести, хитрожопый?»

Глаза и рот Куу открылись очень широко. Он отступил назад. Вокруг них стало очень тихо.

Колеа поднялся на ноги. Он возвышался над солдатом, и его обнаженный торс и руки были очень большими, по сравнению с костлявым Куу.

«Ты... ты...» заикаясь сказал Куу.

«Ага, я. Я вернулся. Теперь беги отсюда, пока я не сломал тебе твою крысиную шею.» Куу побежал.

«Сарж?» сказал Лубба, вставая со своей койки. Он уставился на Гола, быстро моргая. «Сарж?»

«Утро, Лубба, Ну так, как дела?» обыденно произнес Колеа, садясь назад.

Шепот распространялся, слух быстро передавался.

«Гол?» сказал Корбек, появляясь в конце ряда и идя к нему. Мквеннер был с ним.

«Здравствуйте, сэр.»

Корбек потряс своей косматой головой. «Гаунт рассказал мне, что произошло, но я держал это при себе пока... пока... фес! Что произошло?»

«Ну, это смешная история...» начал Колеа. Остальная часть его предложения утонула в медвежьей хватке объятий Корбека.

«У меня впечатление, что его возвращение вызвало восхищение,» сказал Дорден. Цвейл щелкнул и кивнул. Доктор толкал каталку Цвейла между рядами пустых коек к шумной толпе солдат, сконцентрировавшейся в центре зала.

Колеа был в центре всего этого, смеющийся и болтающий, отвечающий на сыпавшиеся на него взволнованные вопросы так, как только мог.

Все были здесь, забыв про утренние тренировки. Кто-то заказал горячий хлеб в коробках из ближайшей пекарни, и маркитанты прибыли с нагруженными кофениками тележками с горячим кофеином.

Нет, не все, отметил Дорден. В стороне среди рядов коек он видел Лайжу Куу, который одевался. Время от времени Куу поднимал взгляд, когда в толпе поднимался смех.

«Ну-ка скажи еще раз...» позвал Варл. «Ты сделал что?»

Колеа пожал плечами. «Я точно не помню. Я беспокоился о Вене, и кто-то сказал, что купальни лечат все раны.»

«Так они говорят,» кивнул Лубба, с впечатлением.

«И она вылечила тебя?» спросил Сорик.

«Думаю так. Вообще-то, я думаю, что она лечила Вена. А я просто был рядом.»

Призраки засмеялись.

«Ты слышал, чтобы я жаловался?» спросил Мквеннер.

«А меня она вылечит?» спросил Варл, хлопая по своему аугметическому плечу.

«Не вариант, Цег. Она лечит только достойных.»

Еще буря смеха.

«А меня?» спросил Домор.

«Ты такой же развратник, как и Варл, Шогги,» сказал Колеа. «И кроме того, уже не сможешь без своего улучшенного зрения, не так ли?»

Домор пожал плечами. «Император защищает,» согласился он.

«А что насчет меня?» выкрикнул Ларкин позади толпы.

«Я не знаю, Ларкс. А что с тобой не так?»

«Так с чего нам начать?» выпалил Бонин. Толпа снова зашлась хохотом.

«А меня она вылечит?» тихо спросила Чирия.

Колеа посмотрел на ее лицо со шрамами. Она никогда не была красоткой, но он знал, что шрамы на ее лице были самым худшим, что с ней когда-либо происходило. Он вздохнул.

«Кто знает? Я спрошу ее.»

Чирия улыбнулась. Нэсса обвила свои руки вокруг нее.

«Я думаю, что ты захочешь свой взвод назад, Гол,» сказала Крийд.

Колеа помотал головой. «Я вижу, что ты делаешь отличную работу, сержант. Для меня будет честью служить.» Последовали возгласы одобрения. Крийд покрылась румянцем, и Каффран смотрел на нее с улыбкой гордости.

«Хотя, я обязан тебя поблагодарить,» сказал Колеа, и шум затих.

«Меня?» спросила Крийд. «Должно быть все наоборот. Ты меня спас, дважды, и первый раз тебя... ранили.»

«Может быть. Но второй раз вылечил меня.»

«Что?»

«Я не много помню об этом, как ты, без сомнения, понимаешь, но когда я подобрал тебя на той улице, у тебя была та... та фигурка в кармане. Глиняный бюст. Фесово страшная штука.»

Крийд кивнула. «Старик дал мне ее. Пилигрим. Это было в Стекольном Заводе. Он пытался поблагодарить меня за то, что я присматривала за ним.»

«Я нашел ее. Она напомнила мне... напомнила моей тупой башке, как все было. Заставила меня подумать о Святой и о том, как она лечила людей. Я думаю, что она заставила меня забрать Вена в купальню.»

«И ты продолжал говорить об этой фесовой штуке,» подтвердил Мквеннер.

«В любом случае, она твоя,» сказал Колеа, смотря на Крийд. «Я просто присматривал за ней.» Она пожала плечами. «Мне она не нужна. Гаково бельмо на глазу. Просто рада, что ей нашлось применение.»

«Я бы хотел посмотреть на это, если можно,» неотчетливо сказал Цвейл. Толпа вежливо расступилась, чтобы пропустить доктора, и старика, которого он вез на каталке. Цвейл сидел под странным углом, половина его лица была необычно слабой.

«Конечно, отец,» сказал Колеа.

«Обычно, я бы не беспокоился о таких безделушках,» сказал Цвейл, осторожно проговаривая каждое слово, «но мои братья настаивают, чтобы каждая деталь, окружающая явное чудо была исследована. Это священный порядок вещей.»

«Фигурка в моем ранце,» сказал Колеа. Он оглядел солдат.

«Я принесу ее, сарж,» сказала Крийд. Она вырвалась из объятий Каффрана и пошла сквозь толпу.

«Ну и, как это ощущалось?» произнес Фейгор своей горловой voksовой коробкой. «Было больно?»

«Что?»

«Чудо, фес тебя.»

«Да,» сказал Цвейл, кивая. «На что это было похоже, Гол?»

«Я и сам размышлял над этим,» добавил Дорден.

«Ну...» начал Колеа.

Позади нее, они смеялись и выкрикивали. Крийд шла между рядами пустых коек. Он могла чувствовать улыбку на своем лице. И она не пропадала. Колеа вернулся. Колеа вернулся! Это должен был быть почти самый лучший день в ее жизни. Наравне с днем, когда ее произвели в сержанты, и днем, когда Кафф сказал, что любит ее.

Она даже не представляла, как скучает по Колеа, и она отлично знала, что всем обязана ему. Если бы не он, она бы умерла на улицах Уранберга.

Она нашла койку Колеа, и копалась в его ранце. Все было так четко и точно, все сложено и упаковано. Колеа бы ее гаково возненавидел за тот беспорядок, который она делает.

Признаков фигурки не было. Она перевернула ранец и вытряхнула содержимое на матрас. Одежда, боеприпасы, набор для бритья, вакса для сапог, игральные карты, пачка гололитических принтов в пожелтевшем конверте.

И фигурка. Уродливая гакова вещь. Пестрая раскраска была еще хуже, чем она помнила.

Она отложила ее, и начала складывать вещи обратно в ранец. Принты выпали из старого конверта, когда она взяла его.

Она посмотрела на них.

Мужчина. Женщина. Маленький мальчик. Ребенок. Групповые фото, индивидуальные. Отец держит новорожденного. Мать и ее дети.

Мужчиной был Гол Колеа. Моложе, ясное дело. Опрятный. На одной он был одет, как шахтер.

Она замерла.

Хотя они были и на годы моложе, он узнала лица детей. Далин и Йонси.

И мать. Она видела мать всего лишь несколько минут. На железнодорожной станции С4/а, улей Вербун. Крийд пыталась помочь ей с ребенком и коляской. А потом начали падать снаряды.

Гак! Она видела, как умерла эта женщина, эта женщина на фотографиях. Мать детей, которых Крийд сейчас считала своими.

Так какого черта эти фотографии делают в ранце Гола Колеа –

«Нет,» сказала она. «Святой Император, нет!»

Она поднялась и упала, опрокинув открытый ранец с койки. Вещи Колеа упали на пол. Она начала собирать их и заталкивать в сумку.

Тревого начала выть, так громко, что она подпрыгнула.

«Извините, что прерываю вас, леди,» кричал Роун, звуча как угодно, но только не с извинениями. Он проталкивался сквозь толпу Призраков вокруг Колеа. Сирены выли.

«За работу. Архивраг на орбите и высаживается, и мы ожидаем массированную наземную атаку в течение часа. Оденьтесь, снарядитесь, приготовьтесь и выдвигайтесь. Если вы верующие, просите Императора о благословении. Если вы миряне, то зажмите голову между ног и поцелуйте себя в задницу. Вот так. Именно так.» Толпа Призраков немедленно рассыпалась, солдаты побежали к своим койкам, натягивая одежду, готовя оружие.

«Так плохо?» спросил Корбек, вставая рядом с Роуном.

«Хуже, чем ты даже можешь представить,» ответил майор.

Они подошли. Инкарнадин, Шрам, Путь Зла. Двигаясь рядом, друг с другом, как охотничьи собаки, под углом в двадцать градусов к плоскости эклиптики. И Ревенант? Где же он был?

Заходя сбоку, по направлению к солнцу, они уничтожали корабли пилигримов. Все транспортники конвоя уже были испепелены.

Эсквин напрягся. Это все еще можно было осуществить. Это все еще было тактически возможно. У него было три корабля. Омния Винцит была мощным флагманом. Лаудэйт Дивинитас была тоже на что-то способна.

Фрегат Слава Кадии вполне мог показать себя на высоте.

Их командующие появились перед ним на палубе стратегиума, красные голоформы.

Капитан Каск со Славы.

Капитан Массинга с Лаудэйт.

«Император, который дает нам жизнь, так же дает сейчас нам испытания,» сказал Эсквин.

Обе голоформы кивнули.

«Ситуация не безвыходная, несмотря на то, что они против нас. Массинга, Ревенант твой. Отправь его в ад.»

«Отправлю, командующий флотом.»

«Каск, со мной. Мы принимает этот бой к сердцу.»

«Император защищает,» протрещала голоформа Каска по воксу.

«Атакующая скорость!» приказал Эсквин.

«Атакующая скорость!» передал Велосэйд по стратегиуму.

Валдимер прислонился к переборке. Его сердце колотилось.

Гигантский корабль Омния Винцит, с ее намного меньшей сестрой-фрегатом Славой Кадии сбоку, рванули прочь от холодного света Херодора на трио вражеских боевых кораблей архиврага.

Позади них через мгновение, тяжелый крейсер Лаудэйт Дивинитас развернулся налево, и, включив свои двигатели на полную, понесся к Ревенанту.

Ревенант уничтожал корабли пилигримов, разрывая их, как бумажные цели в цирковой палатке. Некоторые начали убегать. Это дало Ревенанту всего лишь движущиеся цели. Его орудия прочесывали полупрозрачную верхнюю атмосферу.

Торпедный залп с приближающегося тяжелого крейсера потревожил щиты Ревенанта, и он развернулся, чтобы встретить Имперский боевой корабль.

Тяжелый крейсер был на треть больше, чем украшенный золотом вражеский корабль. Истребительный заслов распространился из него, как облако пыли, и был незамедлительно встречен заслоном противника. Как только огромный корабль

встретились, выбрасывая лучи света и плазму, волны истребителей нахлынули друг на друга, облако на облако, частички пыли, летящие в вечность.

Лаудэйт Дивинитас стрелял целыми залпами лэнсов и торпед. Ревенант отвечал, щиты мерцали белым светом. Он обстрелял всю заднюю часть Лаудэйта, когда проплывал мимо.

Имперский тяжелый крейсер затрясло. Один из его щитов снесло. Он выстрелил в ответ.

Ревенант поймал заднюю часть Лаудэйта, повернувшись носовой частью на сорок пять градусов. Нос смотрел прямо на Лаудэйт, на его упавший щит.

Ревенант выстрелил из основных лэнсов.

Лаудэйт Дивинитас не взорвался. Он развалился на куски в серии кашляющих, припадочных толчков.

Последний толчок оторвал энжинариум, и ударная волна уничтожила девять кораблей пилигримов на якоре.

Ревенант опустился в верхнюю атмосферу, и начал извергать дроп-поды и десантные корабли.

Сотни дроп-подов и кораблей.

Слава Кадии ударила Шрам так сильно, что он загорелся. Эсквин почувствовал запах победы, когда увидел, что вражеский корабль разворачивается.

Шрам принес себя в жертву, потратив последнюю мощность реактора, толкая себя вперед. Он протаранил Славу посередине, и два корабля сцепились друг с другом, пылая, как маленькая звезда на близкой орбите.

Путь Зла и огромный Инкарнадин избивали Омнию Винцит своими орудийными батареями. Эсквин чувствовал боль от щитов.

«Цель – главный корабль, Велосэйд,» задыхаясь сказал он.

Шумлен пронесся и подлетел к открытой и освещенной палубе правого борта Инкарнадина.

Он чувствовал, как вжимается в грави-кресло, когда работали двигатели. Его прицел зафиксировался на выходе ангара.

Осталась одна ракета.

Что-то полетело к нему.

Летучая мышь, точно. Но действительно, как летучая мышь. Темная, крючковатая форма. Маленькая, быстрая, не кораблик типа Цикада, в этом он был уверен. Что-то ксеносовское. Весьма ксеносовское.

Он заложил вираж, охотясь. Летучая мышь пронеслась вокруг и была позади него. Шумлен попытался развернуться, попытался взять такой угол, чтобы выстрелить последней ракетой. Летучая мышь не предоставляла ему такой возможности.

Шумлен резко разворачивался снова и снова. Он не мог ее потерять.

Он развернулся в последний раз, и завывли сирены остановки.

Топливо кончилось. Он летел по инерции.

Летучая мышь пронеслась мимо него и затем вернулась, скользя рядом с ним.

Шумлен посмотрел на нее. Его системы распознавания выдали подтверждение.

Ворон.

Корабль темных эльдар типа Ворон.

Он планировал рядом с ним секунду, и затем направился прочь.

В его Молнии больше не было энергии. Шумлен осмотрелся, застряв в космосе. Широкая надстройка Инкарнадина плыла перед ним.

И встретила его, как скала. Его маленький кораблик взорвался, и на секунду осветил все вокруг, когда его снесла массивная носовая часть боевого корабля. Инкарнадин это даже не почувствовал.

Ворон, кружась неподалеку, опустил свои крылья, чтобы отдать должное смерти отличного пилота, и затем повернулся и полетел к мертвенно-бледному мерцанию Херодора.

Контрольная панель блестящего Ворона отражалась желтым светом на чертах Скарваэля.

Он ухмылялся, обнаженное ротовое отверстие и туго натянутая белая плоть.

Кровавая игра началась.

Каждая сирена и клаксон в Цивитас Беати ревели. Даже великие молитвенные горны в каждом квартале города издавали внушающие страх звуки. Щиты от шторма стали закрываться на каждом окне, палубе и отверстии в башнях улья, и по всей внутренней территории Цивитас. Сегментированные плиты заскользили, чтобы защитить стеклянные купола сельскохозяйственных агропонных ферм.

На улицах был невероятный рев. Жители стекались в бункеры, в противостормовые погреба, на нижние уровни башен улья. Технически, там были укрытия для всех, но протоколы были старыми и неиспользуемыми целые поколения. Жители игнорировали их, или даже о них не знали, и стекались в истерии к ближайшему укрытию.

Магистраль и главные улицы в середине города и трущобных районах задыхались от транспортного потока. Большинство из них уже были заполнены к рассвету, и постепенно заполнялись частным транспортом, направляющимся к воображаемым безопасным местам. Машины заполонившие улицы, плотно застряли на своих местах, и транспорт был быстро брошен. На некоторых внешних улицах было безлюдно, были только ряды неподвижных транспортных средств со все еще работающими двигателями, большинство дверей которых были открыты.

Главные бараки Полка Цивитас Беати были грандиозной цитаделью, которая располагалась так, чтобы наблюдать за Принципал I в зоне древнего города, между гигантскими башнями улья один и два. На главном дворе внутри стен собирался полк и распределялся по подразделениям. Колонны бронетранспортеров и легкой бронетехники грохотали по рампам из гаражей, направляемые маршалами к точкам сбора, где, в теории, они подберут предназначенные для них взводы. Времени для инструктажа не было. Все знали, что они следуют ОНАЗ – Ответ на Наземную Атаку 3 – одной из критических стратегий, которую ранее составил Биаги.

Тимон Биаги, лично, стоял в открытом командном транспорте, слушая тактическую службу в своем наушнике и смотря на размещение войск. Солдаты, некоторые все еще застегивающие броню, высыпали из цитадели во двор, подбегали к оружейным платформам, чтобы забрать боеприпасы и провиант. Биаги был двести пятым маршалом Цивитас. С этого часа это будет его имя, и только его, которое историки будут принимать во внимание. Он будет тем маршалом, который стоял рядом с Саббат во время ее Возвращения. Будут ли они думать о нем, как они думаю о Киодрусе? Второй Киодрус. Ему нравилась эта мысль.

Биаги посмотрел в небо. Оно было по непонятной причине чистым, и фиолетовый рассвет обернулся холодной белой дымкой. В углу неба будущее стало видимым. Вспышки и импульсы света, мигающие полосы, едва видимые в ярком восходе, указывали на грандиозную войну в орбитальном пространстве. Война между богов, подумал Биаги.

С того места, где он стоял, это выглядело, как фейерверки.

Призраки и отряды Люго выдвинулись из улья рядами грузовиков и транспортеров, следуя к окраинам города. Танки Люго и другая бронетехника прокладывали путь, сминая ряды брошенных машин на своем пути, когда те оказывались на главных дорогах и перекрестках.

Гаунт ехал в Саламандре с Корбеком и Харком. Гидры ехали рядом несколько улиц, и затем разъехались налево и направо, чтобы занять хорошие огневые позиции на открытых площадях и кварталах на возвышенностях Цивитас.

«Это план Люго?» спросил Харк.

Гаунт помотал головой. «Он припишет это себе, но, вообще-то, это план Калденбаха.»

«Я думал, что это слишком умно для это фесовой подтирки,» сказал Корбек, и затем бросил взгляд на неодобительно посмотревшего Харка.

«Я что, сказал это слишком громко?» улыбнулся он.

План был в том, чтобы собрать основные силы в географическом центре города, перед нижней частью Склона Гильдии, и ждать. Даже вместе Танитцы, войска Люго, Полк Цивитас и Силы Планетарной Обороны Херодора не могли выставить кордон по

всему периметру растянувшегося города. Первый Чиновник Легер даже отрядил городских арбитров и местное ополчение, чтобы усилить военных, и все еще людских ресурсов не хватало.

Имперские войска должны окопаться в городском центре, с которого любая точка города будет близко, и ждать, с какого направления будет наземное наступление. Затем их быстро призовут, и, используя транспорт, доставят в нужную зону.

Было невозможно сказать, откуда придет первая волна. Гаунт прошел через такое количество атак с орбиты – как в роли атакующего, так и в роли атакуемого – чтобы мыслить как-то иначе. Было слишком много переменных.

Из данных, которые Гаунт видел, над ними были, по меньшей мере, четыре корабля архиврага.

Не встретив отпор, их объединенная мощь могла сравнять с землей все: улицы, жилые дома, башни улья, даже бронированные убежища под землей. Если враг захочет не озаботиться усилиями наземного наступления и просто решит их убить, это война закончится, даже не начавшись.

Гаунт надеялся только лишь на одну спасительную отсрочку –

«Сэр!» Гаунт огляделся, когда Корбек выкрикнул. Большой Танитец указывал в точку неба на севере.

Высоко, полосы оранжевого огня прорезали бледное небо. Сначала несколько дюжин, потом больше. Даже сотни. Как будто дождь их метеоров, они падали с высокой орбиты, устремляясь к северу, оставляя длинные, идеально прямые, идеально параллельные дорожки огня и пара в небе над ними.

Это не были метеоры.

Гаунт увидел отдаленные вспышки над северным горизонтом, когда первая появилась. Секундой позже вторая, отдаленная, звучащая так, как будто гром прокатился над Великой Западной Обсидой.

Дроп-поды. На полсекунды Гаунт почувствовал облегчение. Архивраг, все-таки, готовится к наземному наступлению. Затем он снова обдумал. Смерть не будет быстрой и абсолютной. Она будет медленной, болезненной и тяжелой.

Но, по крайней мере, она будет такая, которую разделят он и его люди.

«Энсин! Энсин!»

В грезах Валдимера был голос, зовущий его по имени, и никак не желавший пропадать.

Он моргнул и обнаружил, что лежит на спине в стратегиуме Омнии Винцит.

«Энсин Валдимер! Ты живой?»

Валдимер сел и огляделся. Воздух был полон дыма, и моргающих сигналов тревоги, и зловещего визжания сирен, и сигналов повреждения.

«Энсин!»

Он поднялся. Палубу сильно потрянуло, и он схватился за консоль. Командный сервитор у косоли все еще яростно работал, аугметические руки порхали над дисплеем. Механизм совершенно не образал внимания на хаос вокруг него.

Валдимер потряс головой, пытаясь освободиться от головокружения. Кровь капала на палубу.

Он поднял руку и ощутил глубокий порез на лбу.

В них попали.

Он был рядом с Эскином, когда торпеда попада под башню мостика. Он вспомнил ошеломительный удар, летающие тела. Да, точно. Его бросило на палубу.

Как долго он был в отключке?

«Энсин!»

Он, шатаясь, пошел к трону Командующего Флотом Эскина.

«Сэр?»

«Мне нужно, чтобы ты управлял главным терминалом. Ты сможешь это сделать?» Эсквин выглядел так, как будто он сражался с болью, но на нем не было ни отметины.

«Сэр? Это командирский пост.»

«Сделай это!»

Валдимер повернулся и поспешил сквозь дым к главному терминалу. Палуба была заполнена тлеющими обломками и упавшими панелями. Ему пришлось перешагнуть через несколько тел. Члены команды, палубные помощники, сервиторы, разорванные пополам силой взрыва или убитые летящими обломками.

Одним из них был Велосэйд. Кусок покрытия палубы, размером с обеденную тарелку почти, но не полностью, обезглавил его.

Тяжело проглатывая, Валдимер добрался до терминала и посмотрел данные. Три щита упали.

Две дыры в корпусе. Пожары на палубах с седьмой по восемнадцатую, и, так же, в четвертом ангаре. Лэнси вышли из строя. Структурная целостность упала до сорока семи процентов.

«Помоги мне, Валдимер,» шептал Эсквин, его пальцы сгибались.

Валдимер пытался придумать план. Его пальцы заскользили по консоли, активируя и деактивируя руны, когда они загорались, вызывая на дисплей – энжинариум, элементы конструкции, щиты, межпалубные – и затем отключая их. Он перенаправил энергию от огромного огненного шторма на восьмой палубе.

Он обошел два поврежденных узла когитаторов на одиннадцатой палубе и ввел в строй лэнс номер три. Он запечатал палубные шлюзы, которые е закрылись автоматически, и отключил подачу кислорода, подпитывающего огонь, на нижние палубы. Он отключил второй реактор, который был, безусловно, поврежден, и ввел в действие резервный реактор в нижней части Омнии Винцит.

Почему Эсквин уже не сделал все это? Это было очевидно, стандартно. Огромный флагман истекал кровью и полыхал, а Эсквин даже не начал проводить аварийные процедуры.

«Отчет?»

«Повреждения ограничены. Я ввел в строй лэнс. Мы мучительно слабы, но я бы перевел всю энергию с двигателей на щиты.»

«Сделай это Валдимер!»

«Мне... мне нужно перехватить управление, сэр. Я не авторизован по званию!»

«Код – Веста 1123!»

Окровавленные руки Валдимера тряслись, когда он вводил код. Он перенаправил энергию, игнорируя протестующие завывания техножрецов.

«Истребительный заслон?» подгонял Эсквин.

«Почти исчез. Их маленькие корабли повсюду.»

«Где враг?» спросил Эсквин.

Валдимер оглянулся на командующего флотом. «Инкарнадин по левому борту, сэр, и непрерывно стреляет. Щиты на тридцати пяти процентах. Путь Зла стоит носом к нашему правому борту, наводит главные лэнсы. Сэр... разве вы не видите это?»

«Нет, сказал Эсквин, его голос был едва слышен сквозь вокс и звуки тревоги.»

Торпеда испарила мыслесвязь командующего флотом, разорвав его подключение к огромному кораблю. Он был слеп и глух, и у него не было никакой связи, виртуальной или проводной, с Омнией Винцит, кроме волн боли, которые вливались в него от корабля, когда в него попадали.

«Ох, Святая Терра...» выдохнул Валдимер, осознавая это. Это означало, что он теперь командовал. Он, младший энсин, фактически управлял Имперским боевым кораблем Омния Винцит.

Сколько раз он мечтал о командовании? Сколько часов он жаждал оказаться в этой роли?

Но только не так. Боги Терры, совсем не так...

«Приказы, командующий флотом?» крикнул он сквозь шум.

Ответ Эсквина был всего лишь шепотом. «Убей их всех... а если не сможешь, заставь их дорого заплатить за наши жизни.»

Инкарнадин использовал свои маневровые двигатели, чтобы подобраться ближе к раненой Омнии Винцит. Его бортовые орудия поддерживали дикий обстрел. Постоянное сканирование Инкарнадина Омнии Винцит показывало, что она застряла на месте, ее объединенные реакторные мощности были перенаправлены с двигателей на щиты. Хорошо защищенная, она оставалась неподвижной целью.

Путь Зла, стоявший по правому борту от Имперского боевого корабля, начал концентрировать огонь лэнсов на слабых точках щита, на том, поспешно закрытом месте, в которое попала торпеда, взорвавшая пятый дорсальный щит и травмировавшая командующего флотом.

Омния Винцит затряслась, когда Путь Зла произвел мощный выстрел. Огромная секция верхней части корпуса разлетелась и отвалилась от корабля.

Омния Винцит выстрелила из своего вернувшегося в строй лэнса, и так сильно ударила по щитам Пути Зла, что тот был вынужден отступить. Имперские орудийные команды, полумертвые и истекающие потом, ликовали.

Объединенные флотилии истребителей с Инкарнадина и Пути Зла, которые уже испепелили истребители Омнии Винцит, сконцентрировали усилия возле третьего ангара на правом борту. Последние Молнии были разобраны на атомы волнами Цикад – «летучих мышей», как называли их на сленге Имперского Флота – сверкающих пушками.

Три Цикады умудрились залететь на палубу. Одна была уничтожена противоистребительными пушками внутри ангара. Вторую так же подстрелили, но до того, как взорваться, она умудрилась выпустить все шесть ракет внутрь корабля.

Третья, разогнавшись до гиперзвуковой скорости, пролетела по главной пусковой палубе, уходя в сторону, когда она кончилась, и понеслась прямо в ангар с боеприпасами. Там, как раз перед тем, как пространство для полета закончилось, она сбросила свой груз в шахту подпалубных зарядателей, в которых поднимались боеприпасы на необходимую палубу из бронированного сердца Омнии Винцит.

Цепная реакция оторвала борт доблестного Имперского корабля в шквале подпалубных взрывов и обломков корпуса. Пронзенная, с выпущенными кишками, Омния Винцит наклонилась. В стратегиуме, Валдимер в отчаянии перенаправил три процента энергии с щитов на двигатели и рванул боевой корабль от зажавших в тиски кораблей архиврага.

Омния Винцит выплыла из зоны поражения Инкарнадина. Уменьшение энергии на щитах на три процента было не таким уж и большим, но Путь Зла, ожидавший у ее передней части, как шакал перед убийством, не колебался. Он зарядил реакторами лэнсы до максимума и выстрелил в слабую точку.

Валдимер отвернулся от своего поста, чтобы посмотреть на Эсквина. Командующего флотом трясло от ярости и печали, беспомощного и агонизирующего.

«Простите меня, сэр,» сказал Валдимер, «но я боюсь --»

Его испепелило еще до того, как он смог произнести следующее слово. Эсквина тоже испепелило, его золотой трон плавился вокруг его горящего тела. Яркий огонь вырвался из стратегиума на мостик, сжигая членов команды там, где они стояли, и испаряя контрольные панели. Толстые бронированные стекла разлетелись на куски и вылетели от сверхнагретого избыточного давления. Оставшиеся щиты отказали.

Инкарнадин сделал последний выстрел всем бортом, чтобы избавить Омнию Винцит от страданий.

Взорванная, перекрученная, с корпусом, трещащим от рассеивающихся электрических разрядов, Омния Винцит перевернулась.

Корабли архиврага, удовлетворенные, убрали энергию с орудийных систем, отключили щиты, и направились к высокому якорю.

Выгоревшие останки Омнии Винцит оставались на орбите Херодора девятьсот три года, пока медленно не спустились по некорректируемой орбите, и не упали через гравитационный колодец в атмосферу, где сгорели. Ее части, которые пережили поцелуй атмосферы, наполнили небеса южного континента, как падающие звезды, и осыпали градом Малое Южное Высохшее Море, оставляя шрамы от столкновений и кратеры, которые позже стали радиоактивными озерами в этой отдаленной глуши.

Но это, конечно же, произошло гораздо позже после того, как каждый человек в этом рассказе был уже века, как мертв.

Могучий Инкарнадин и фрегат Путь Зла остановились близко от Ревенанта, и начали выпускать дроп-поды и десантные корабли с наземными войсками. То, что было сотнями, стало тысячами. Дроп-поды летели вниз, как пули. Десантные корабли выскальзывали с палуб и устремлялись к поверхности. Тяжелые транспортники отцеплялись и переходили в режим спуска.

В задней части брюха Инкарнадина открылась бронированная радужная створка, и оттуда вылетел маленький объект. Крошечный, у него был свой цельный пустотный щит, и он летел, как ракета, сквозь атмосферу Херодора. Он оставлял за собой дымящийся след.

Его единственный обитатель задал траекторию. И сейчас он летел, неподвижный, к поверхности планеты. Его ничто не интересовало, кроме жажды крови.

Ее крови.

Шум и удары спуска, быстрого падения, для него ничего не значили.

Он упал, как ракета, прямо возле квартала Стекольного Завода Цивитас. От его падения на обсиде остался кратер диаметром пятьсот метров, а ударная волна была такой сильной и яркой, что Имперцы на мгновение подумали, что архивраг все-таки решился на бомбардировку с орбиты.

Он был очень точен в выборе места приземления. Силой от приземления пробило кору планеты, и он прошел сквозь нее, попав в темноту глуболежащего водоносного слоя.

Его гондола прорвался сквозь наслоения, покатилась и остановилась, паря.

Он отстрелил затворы и медленно выбрался. Он был в подземной пещере, с парящей нагретой водой.

Он встал на ноги и потащился вперед. Каждый его шаг сотрясал землю. Его ноги были массивными, гидравлическими конечностями. Его аугметические сенсоры начали рыскать в поисках, отражаясь в блестящих известняковых стенах пещеры.

Он отправился за своей жертвой. Имя ему было Каресс.

По ту сторону Великой Западной Обсиды дроб-поды падали дождем. Мощные волны пыли поднимались от их приземлений. Десантные корабли тоже спускались, захваты выдвигались, когда они приземлялись.

Рампа десантного корабля опустилась, и пятьдесят солдат Кровавого Пакта выскочили в холодную пустошь. Впереди, сквозь стены пыли, они могли видеть возвышающиеся террасы и башни Цивитас Беати.

Следуя за солдатами наружу, Снайпер посмотрел на город. Его братья разошлись широким строем.

Снайпер снял свой ранец и положил его на пыльную землю. Он вытащил части своего лонг-лаза и соединил их вместе. Он оставил прицел в кармане, подальше от пыли. Он был одет в тусклую красную униформу Кровавого Пакта, и у него был визор и шрамы на ладонях, доказывающие его принадлежность.

Его имя было Саул. Он был, по любым стандартам, самым лучшим снайпером, ныне прикрепленным к элите Кровавого Пакта.

Держа лонг-лаз на плече, он начал идти в сторону города.

Десантный корабль приземлился в облаке пыли, но не взлетел снова, как его товарищи. Он застрял на обсиде, его турбовинтовые двигатели сдохли.

Им было скучно. Прошло всего двадцать минут спуска, из ангаров Инкарнадина до поверхности, но им уже стало скучно, и они были голодны.

Второй пилот был забавной игрушкой на несколько минут, но он, в конце концов, разочаровал: отказало сердце от страха до того, как они убили. Первый пилот было куда лучше.

Они пронзили его и заставили мягко приземлиться, сдирая его скальп своими когтями все это время.

В тот самый момент, когда он безопасно приземлился, они разбили его голый череп и съели мозги.

Теперь настало время поработать. Это означало, что им нужно отправиться в большое жилое строение людей. Идея была противной, но Что, который командовал выводком, напомнил остальным двоим о предложенной награде. Их память была короткой. Как только им напомнили, они пришли в возбуждение.

Тройня заскользила прочь от бездействующего транспорта, их влажные серые тела скользили вместе, когда они направлялись через обсиду на своих животах.

Их флешеты были заряжены.

Он направил свой Ворон к обнаженному пласту Печных Холмов. Цивитас был далеко.

Скарваэль откинул фонарь кабины и выбрался из своего крошечного кораблика. Между ним и городом транспортники и дроп-поды падали, как проливной дождь.

Если он не приступит, то все уже можно считать законченным. А он этого не хотел.

Ад поberi снайпера, и Патера, со своими карликовыми псайкерами, и локсатлевские отбросы, и машину смерти тоже.

Это было его убийство. Его убийство. Мученица должна быть его, и он оденется в ее крики, как в драгоценности.

В конце концов, он был мандрагорой. Ничто в мироздании не понимает в искусстве тайных убийств лучше, чем он.

ВОСЕМЬ

ОНА 3

«Если вы последний оставшийся на ногах человек, значит, вы сражаетесь недостаточно сильно.»

- комиссары при Калденбахе

Мколл закричал «Ложись!» Его голос, нечасто звучащий так неистово, эхом прошелся по воксу и все, даже Гаунт и Роун, повиновались.

Отбрасывая короткую, неясную тень и видимую только на секунду, что-то с крючковатыми крыльями низко пролетело над улицами жилого массива. Мгновением позже взрывы прорвались сквозь здание слева от них.

Цикада летела против ветра, ее двигатели было неслышны до последней минуты. У Гаунта не было вообще никаких идей насчет того, как Мколл засек ее.

«Городской щит уже, скорее всего, упал,» проворчал Роун, поднимаясь. Пепел и кирпичная пыль от взрыва плыли вокруг них.

«Не обязательно,» ответил Гаунт. «Это, всего лишь, климатический щит. Бомбардировщик, как этот, с поднятыми передними щитами...»

Как будто демонстрируя точку зрения полковника-комиссара, еще две Цикады, друг за другом, пронеслись с востока на запад, вдоль границ города, в, примерно, полукилометре над ними. Одноместные штурмовые корабли, со сверкающими на солнце черными корпусами, летели к высоким крышам. Они летели, покачиваясь, в солнечном свете. Там, где они пролетали, расцветали огненные шары на поверхности. Призраки могли слышать отрывистые, внезапные доклады.

Еще были другие звуки. Непрерывные глухие и сильные удары артиллерии и пушек бронетехники на северных границах города. Изредка, когда ветер дул в подходящем направлении, они могли слышать треск огнестрельного оружия.

Люго со своими штабными стратегами встал во главе тактической службы Цивитас, и наблюдал, буквально, за достижениями Имперцев с верхних этажей башен улья. Оттуда они могли доносить необычайно точные и своевременные оценки о продвижении архиврага. И все новости были плохими.

Четыре ударные колонны, собравшиеся на Великих, Западной и Северной, Обсидах, через пятнадцать минут после высадки мобилизовались и ударили по северным границам города. Одна направлялась к Стекольному Заводу с северо-запада, две прямо в Айронхолл, а четвертая, с северо-востока, в квартал Масонов. Казалось, что большинство из всего этого было легкой бронетехникой, высадившейся с десантных

кораблей, и штурмовыми бригадами из первой волны дроп-подов. В общем, около трех сотен машин и восемь тысяч человек, хорошо поддерживаемые с воздуха, и артиллерией, расположившейся на обсидах.

Это все, при любых условиях, уже было достаточно плохо. Число Имперцев в Цивитас Беати было чуть больше семнадцати тысяч, вместе с ополчением и арбитрами. Но у Имперцев было только что-то около ста восьмидесяти бронированных машин, из которых семьдесят были невооруженными транспортниками. Никакого воздушного прикрытия. Никакой артиллерии, за исключением каких-то легких полевых частей Полка Цивитас.

Это равновесие становилось шуткой, когда открывалась остальная картина. За первоначальной зоной высадки собиралась огромная сила. Требовалось время, чтобы спустить бронетехнику и отряды, волна за волной, десантными кораблями и тяжелым транспортом. Должно быть, основное бремя ложилось на первоначальные силы, чтобы они пробили проход к городу. Тогда все остальное выдвинется на соединение. На обсидах, как вычислила тактическая служба, более полумиллиона людей и сотня тысяч боевых машин ожидали, чтобы составить вторую волну. И число росло с каждой волной десанта.

Отлично управляемое, и с огромной фесовой удачей на их стороне, прикидывал Гаунт, сопротивление Имперцев может продлиться пять, а может быть шесть, дней до полного уничтожения. С Люго, на его месте, у них, возможно, есть около двух. В любом случае их настигнет смерть. Единственной переменной было время.

Поддерживаемые частями Полка Цивитас Беати, Призраки продвигались через квартал Масонов, защиту которого возглавлял Гаунт. Калденбах возглавлял сопротивление в Айронхолле, а полковник Сил Планетарной Обороны Херодора, по имени Вибресон, возглавлял фронт у Стекольного Завода. Биаги, и офицер Люго, Майор Ландфрид, возглавляли оставшиеся четыре тысячи человек в центральном городе, готовые выдвинуться по знаку. Пятьсот человек из Полка Цивитас расположились, преимущественно, в улье. Гаунт верил, что это для того, чтобы выиграть достаточно времени в неизбежной последней фазе наступления, чтобы Люго спасся бегством на шаттле с верхней платформы. Чтобы убежал туда, куда только Бог-Император знает.

Призраки и их союзники двигались через узкие улицы, к востоку от Площади Беати. Этот квартал был, почти, не затронут войной, за исключением отметин от вражеского воздушного налета. Гражданское население исчезло. Дома и коммерческая собственность были пустыми и безжизненными, и брошенные пожитки усеивали дороги.

Пока они крались вперед, от одного угла до другого, Гаунт решил, что на их стороне, несмотря ни на что, было немного удачи. Несмотря на их присутствие, боевые корабли архиврага далеко наверху уже бы быстро закончили эту войну бомбардировкой.

Вместо этого враг предпочел приложить большие усилия и предпринять массированную наземную атаку. Он знал, что это значит.

Им нужна была Беати.

Не смотря на то, что Цивитас Беати был плохо защищенным, он все еще был большим, и захват улиц должен был стать кровавой, болезненно дорогой задачей для любой армии. Архивраг только потому собирался взять его, что был приз. В самом деле, архивраг только потому явился на Херодор, только потому озаботился захватом этого места, потому что был приз. Вражеский командующий хотел Святую. По меньшей мере, труп... но в качестве пленника, она должна была стать величайшим трофеем. Так что вопрос об орбитальной бомбардировке не стоял. Так бы не осталось никакого осязаемого доказательства присутствия Беати.

Это все было из-за Саббат. Все, что они делали, все, что делал враг. Это все было из-за Саббат.

Тактическая служба затрещала в ухе Гаунта. Войска Калденбаха выдвинулись.

Гаунт уже хотел донести эту информацию до своих офицеров, когда Мколл снова воксировал.

«Контакт!»

Не встретившие ранее сопротивления, захватчики вкатились на северные границы квартала Масонов. К западу от них, дым и неяркие вспышки над крышами показывали, где их союзные колонны продвигались через Айронхолл.

Фаланги Кровавого Пакта шли впереди, со стелк-танками, легкими СТеГ 4 и танками АТ70 типа Грабитель за спиной. Они беспрепятственно шли вперед. Два АТ70 отделились, чтобы уничтожить молитвенный горн Горгонавт потоком огня с близкой дистанции, а три стелк-танка, с помощью саперов Кровавого Пакта, взрывали древние арки Акведука Симеона. Вода, драгоценная кровь города, хлынула с разрушенного акведука и залила несколько лежащих внизу городских кварталов. Цикада бомбила, уже лежащий в руинах, Северный Агрикупол. Желто-зеленый дым от горящих посевов потоком устремлялся в небо сквозь разбитый купол.

Не видя следов хваленых Имперских войск, архивраг пересек Улицу Бригата, вошел на Холмы Актеса и начал расходиться по кварталу Масонов.

Солдаты, шедшие впереди бронетехники, пели. Песня заставляла желудок Мколла выворачиваться.

«По крайней мере, мы должны прекратить это,» проворчал он. Он прицелился.

«Спокойно!» предупредил он.

Мколл нажал на спусковой ключок трубы, и противотанковая ракета заревела дальше по улице, аккуратно уничтожив третий СТеГ 4 в приближающейся колонне.

АТ70, позади него, начал сдавать назад и плевать огнем из пушки, но он был хорошо ослеплен черным дымом, вырывающимся из подбитого СТеГа.

Два СТеГа, перед подбитым, рванули вперед на своих тяжелых, цельных колесах, их компактные пушки вращались туда-сюда, выискивая источник засады. Кровавый Пакт прекратил петь и побежал к укрытиям.

Они не забрались слишком далеко. Серч и Лоелл расположились на западной стороне улицы, Мелир и Каилл на восточной. Две пушки .50 калибра накрыли их плотным перекрестным огнем, и безжалостно расшвыривали наземные войска. Тела в красной броне падали, отлетали назад, разлетались на части.

Два СТеГа, которые выехали вперед, теперь стреляли, прочесывая улицу, и разбивая окна и гипсовые фасады. Еще через несколько секунд они бы засекли позицию одной из пушек.

Но у них не было нескольких секунд.

Фесова труба Каффрана брыкнулась и выстрелила, и, оставляющая за собой дым, ракета устремилась вниз с верхнего этажа, развалив один СТеГ напополам.

«Спокойно,» снова сказал Мколл, Харжон перезарядил его трубу. Он попал оставшемуся СТеГу в отделение с боеприпасами.

Ударная волна обрушила фасад ближайшего дома.

АТ70, шатаясь, со скрежетом перебрался через пылающие останки первого СТеГа. Как только он это сделал, то выстрелил из главного орудия. Рев был громким и впечатляющим, но выстрел был необдуманным и пронесся в пустой конец улицы.

Каффран попал второй ракетой между траками большого красного танка, и привел его в негодность. Он завертелся вокруг оси, разбитые колеса с визгом раздирали рокрит.

Призраки выскользнули из укрытия и запрыгнули на танк: Бонин, Домор и Дреммонд.

Бонин пробил трубчатым зарядом верхний люк, и предоставил остальное Дреммонду. Дреммонд, ликующий от того, что воссоединился со своим огнеметом, засунул носик в дымящуюся дыру и залил внутренности танка горящим протетиумом.

Бонин присел, схватил стационарное оружие подбитой 70-ки – сдвоенный болтер – и развернул его в сторону улицы. Он открыл огонь по отрядам пехоты Кровавого Пакта, наступающей к засаде.

«Пригибайтесь или танцуйте, вам выбирать,» мрачно хихикал он, когда тяжелое оружие дрожало в его руках.

«Достаточно! Отступить!» сигнализировал Мколл.

Бонин, Домор и Дреммонд спрыгнули с танка и исчезли на узких улочках, примыкающих к улице. В тот же самый момент, команды пушек .50 калибра разобрали свое оружие и поспешили убратъся со своих позиций.

Продвигаясь вперед куда более осторожно, Кровавый Пакт добрался до подбитого АТ70.

Не было никаких признаков вражеского сопротивления.

Но там были три трубчатых заряда, прикрученные к кассете со снарядами АТ70, вежливо оставленные Шогги Домором.

Через три улицы, в ведущий сталк-танк одновременно ударили заряды из двух фесовых труб. Окутанный ярким огненным шаром, он завертелся на месте, некоторые его ноги вяло крутились, как карусель.

Одну ногу полностью оторвало и отбросило, она пролетела через фасад жилого здания.

Равнодушные, два сталк-танка позади поспешно двинули вперед через пылающие обломки, орудия наводились и стреляли, и каждый из них был награжден ракетами, которые разнесли главные части корпуса на куски. Один упал, второй остался на ногах, с неподвижными фрагментами конечностей и пылающей центральной частью корпуса.

«Вот как надо делать,» ухмыльнулся Колм Корбек, опуская свою пустую ракетную трубу. Он был на низкой крыше жилого здания за парашетом. Взвод Варла мчался вперед, вдоль стены под ним, в одну колонну, стреляя в сбитых с толку солдат Кровавого Пакта, которые внезапно обнаружили, что остались без поддержки бронетехники.

Хлестал огнемет Бростина. Корбек мог слышать вопли врага.

«Сейчас!» с каменным лицом приказал Мерин.

Гахин дернул за шнур, и трубчатые заряды, которые четырнадцатый взвод разложил вдоль дороги, превратились в гейзеры огня и рокрита. АТ70 почти перевернулся, его траки оторвало взрывом. Он тяжело ударился носовой частью, длинный хобот его главного орудия воткнулся в дорогу, не дав ему перевернуться.

Танк сделал ошибку, попытавшись выстрелить. Либо его ствол был деформирован взрывом, либо он был просто упрямым.

В любом случае, мощный снаряд застрял, и взорвался так сильно, что заднюю часть башни разорвало, как лопнувший бумажный пакет.

Пехота Кровавого Пакта хлынула вокруг горящего зверя и начала стрелять. Один, офицер, нес ракетную трубу на плече, и встал на колени, целясь в магазин, где в укрытии засели Мерин и Гахин.

Ему так и не довелось выстрелить. По крайней мере, живым. Горячий выстрел от Нэссы Бурах, с ближайшей крыши, разорвал ему глотку. Он упал на бок, и его мертвая рука со спазмом нажала на пусковой рычаг.

Ракеты полетела над землей, извергая искры и белые огонь. Один солдат Кровавого Пакта умудрился перепрыгнуть через нее. И затем он умер, вместе с дюжиной солдат вокруг него, когда ракета встретилась с бордюром и взорвалась.

Войска архиврага, проникшие в квартал Масонов, внезапно осознали, что, в конце концов, их ждет бой.

И они решительно стали продвигаться вперед.

На Латинатской Дороге, узкой, колоритной улице с магазинами портных и кожевенными мастерскими, Даур, Раглон и Эулер плотно расположили свои взводы, чтобы встретить штурм Кровавого Пакта. Началась свирепая перестрелка.

Неподалеку, взвод Аркуды – двадцать третий – встретил, заходивших с фланга, пять огневых команд Кровавого Пакта. Крийд отвела свой взвод назад от позиции Мерина, и присоединилась к взводам Куррала, Найлера и Раска на пересечении Улицы Тоборио и Двора Масонов, где развивалась пехотная дуэль на средних расстояниях.

Грелл и Тейсс пригнали свои взводы на пересечение Ланкслинской Дороги и Принципал III, и до того, как встретили наступающую пехоту, сожгли два СТЕГА и стлнк-танк.

На Аллее Скай, взвод Сорика был прижат парой стлнк-танков, которые не собирались никуда уходить.

Они съежились под шквалом лазерного огня, осколками камня и обломками, летающими вокруг них.

«Гак!» кашлял Сорик. «Гак это!»

«Огневая поддержка! Нужна огневая поддержка прямо сейчас!» Комиссар Харк, припавший к земле неподалеку, рычал в свой вокс. «Поддержку в квадрат два-шесть, пять-девять! Ответьте!»

«Попросите помощи у этого, шеф,» прокричал Вивво сквозь оружейный огонь. «Ради гака!»

«У чего?» ответил Сорик, пригибаясь.

«У вещи в вашем кармане!» заорал во всю глотку Вивво.

«Чего?»

«Вещь, шеф! Вещь, которая знает!»

«Какая вещь?» спросил Харк, оглядывая их.

«Мальчик, всего лишь, шутит,» сказал Сорик.

«Рядовой Вивво?»

«Я... я всего лишь пошутил, комиссар, сэр...» заикаясь произнес Вивво, понимая смысл своих слов. Он был верен Сорику, несмотря ни на что.

Их накрыл еще один залп.

Сорик стремглав рванул в сторону. Как только он оказался позади дверного проема, и вне поля зрения Харка, он вытащил подергивающуюся гильзу для сообщений из кармана и открыл.

У Казела есть угол, но он не может увидеть это. Скажи ему выстрелить из окна. Он узнает.

А что обо всем остальном, Агун? Она умрет, и ее кровь будет на твоих руках.

«Заткнись!» закричал Сорик, разрывая бумажку в клочки. Он включил микро-бусину.

«Казел? Выстрели из окна. Выстрели из окна.»

«Шеф?»

«Выстрели из гакова окна, Казел!»

Наверху, в комнате на четвертом этаже, Казел повернулся и выстрелил из своей фесовой трубы из окна. Это был стремительный, автоматический отклик на команду Сорики. Взрыв отдачи, заполнивший комнату, почти убил его.

Ракета вылетела из окна, срекошетила от фонаря и упала, залетев в один из стелк-танков через люк на крыше.

Когда он взорвался, то в смертельной агонии уничтожил своего компаньона незаметными, случайными очередями из своих пушек.

«Дерьмо...» сказал Казел, выглядывая из окна, в его ушах все еще стоял звон. «Это я чтоли сделал?»

Когда его Призраки вступили в бой, Гаунт признал, что должен отдать должное Биаги. Биаги разработал ОНА 3 – Ответ на Наземную Атаку 3 – и это себя оправдывало. Вместо того, чтобы терять время, пытаюсь удержать плохо подготовленные внешние улицы, план Биаги включал в себя перекрестки и улицы, где засады и оборона могли быть наиболее эффективными. ОНА 3 была прагматична в том плане, что давала врагу наступать до тех пор, пока не настанет хорошее преимущество для обороны, но все равно она была тщательно продуманной. Биаги проанализировал каждую улицу – не только на планшете, но и своими глазами, методичным наблюдением – и выработал сильные и слабые стороны. Он очень хорошо знал город. Начальные успехи Призраков были в равной степени связаны как с тактическим умом Биаги, так и с боевыми навыками Танитцев.

Гаунт сохранил ОНА 3 на планшет, который был с ним, в зашифрованном виде на случай, если устройство попадет в руки врага. Каждый раз, когда он просматривал поступающие данные о перемещениях своих сил, он восхищался работой Биаги. Он сожалел о том факте, что в следующий раз, когда он и Биаги встретятся, им без сомнения придется опять конфликтовать. Биаги уже обнаружил, что Гаунт использовал огнеметы.

Даже с ОНА 3, все приближалось к финалу. Битва за квартал Масонов сосредоточилась на Латинатской Дороге и Дворе Масонов, с небольшими стычками вдоль Принципал III и у атмосферного процессора на Площади Холма Теска.

Гаунт отправил Белтайна вперед и взял вокс, передвигая взвод Даура и три отряда Сил Планетарной Обороны выше Принципал III, к узкой дорожке, которая вела к восточной стороне Двора Масонов. Через пятнадцать минут, силы Даура зайдут во фланг врага на Дворе Масонов.

В добавлении к ОНА 3 у Гаунта был свой собственный трюк, основанный на годах опыта, и заключался в том, чтобы крепко сковать боем передовые части врага. Силы захватчиков были как рука, которая в слепую ощупывает преграду. Каждый раз, когда она устремлялась вперед, Призраки хватали ее за пальцы и отрезали руку по запястье. Оставаясь близко к наступающим, еще они мешали прикрытию с воздуха.

Пилоты Цикад, даже пролетая низко, даже при помощи дымовых шашек и идентификационных передатчиков, не могли отличить друга от врага на тесных улицах.

Прямо перед полуднем, застрявшие по всей длине девяти кварталов, захватчики резко сдали назад и попытались пройти вдоль Принципал III. Они начали эту новую фазу с бронетехникой во главе – девять АТ70 и четыре стелк-танка продвигались на крейсерской скорости позади пары АТ83, гигантов типа Разбойник.

Корбек и Домор, со своими взводами, были в укрытии на соседней улице, рядом с магистралью Принципал, и слышали работающие турбины и стучащие траки задолго до кого-нибудь еще.

«Танки! Танки! На магистали!» моментально воксировал Корбек. Призракам пришлось залечь. Как только они это поспешно сделали, вражеская бронетехника уже прочесывала широкий бульвар своими коаксиальными пушками и зенитными пулеметами. Гаунт предвидел такой рывок вперед. Отряд Домора уже установил трубчатые заряды на Принципал, подрыв которых вывел из строя один АТ70 и затормозил все наступление, АТ83 опустили свои, покрытые лезвиями, бульдозерные отвалы, и начали расчищать путь.

Притормозить их для Гаунта уже было достаточно хорошо. По его следующему сигналу три Завоевателя выехали из товарных складов рядом с Двором Масонов. Дикий, Требования С Угрозами и Доступ Запрещен, все были Леман Руссами, типа Грифон, с отличительными длинными пушками.

Плюясь специальными противотанковыми снарядами, три Имперских танка приступили к делу, их три или четыре залпа обернули хорошо организованное наступление Кровавого Пакта в кровавый беспорядок. Дикий покалечил один из больших АТ83 первым выстрелом и добил его вторым. Разбойники АТ83, больше по размерам, чем их более примитивные родственники 70-ки, были, на бумаге, эквивалентом Леман Русса с мира-кузницы Урдеши. У них были ауспексы, стабилизаторы оружия и торсионная подвеска. Они были самыми лучшими боевыми машинами Кровавого Пакта, если не считать нескольких древних супертяжеловесов, которые они унаследовали от побежденных частей Гвардии.

Но кое-что нужно было знать о Леман Руссах. Их родословная и репутация были непревзойденными. Когда Покоритель или Завоеватель появлялся, даже самый его вид наполнял сердца Имперцев гордостью, а вражеские сердца страхом. Это, думал Корбек, пока смотрел на схватку из укрытия в дверях, казалось сейчас и происходит. Очевидно ошеломленный от вида трех Покорителей, собирающихся в боевой порядок, оставшийся 83-ий начал резко сдавать назад. Да так резко, что проехал по столк-танку, разбивая в щепки его сравнительно хрупкий корпус.

АТ70 взорвался от выстрелов Требования С Угрозами, а два других превратил в металлолом Дикий. Один из столк-танков медленно двинулся вперед мимо горящего каркаса первого Разбойника, его металлические ноги выбивали куски из рокритовой дороги, и нацелил свое оружие на Доступ Запрещен. Двойные спаренные импульсные лазеры мерцали, и вспышки взрывов расцвели поперек верхней части корпуса и орудийной башни Покорителя. Доступ Запрещен, по-видимому, не обращая на это внимание, катился вперед, дымя горящими абляционными плитами и выжженной краской, и произвел единственный выстрел, который развалил корпус столк-танка так, что конечности правого и левого борта разлетелись в стороны.

АТ70 швырнул снаряд в Дикого, который оторвал ему спонсон и часть юбки, закрывающей траки.

Другой снаряд ударил по башне Требования С Угрозами, уничтожив мачту вокса, зенитный пулемет и лазерный дальномер, и убив помощника стрелка осколками от взрыва.

Раненый, но не выведенный из строя, Требования С Угрозами рванул вперед, нацеливая орудия на несущего за это ответственность Грабителя. Корбек видел, как крышка люка откинулась, и командир вылез, не обращая внимания на опасность, чтобы подтвердить мишень своим оптическим прицелом, потому что дальномер превратился в хлам.

Он знал свое дело. Требования резко остановился, и его сильно потрянуло, когда он выстрелил, сбрасывая с себя собравшуюся на корпусе белую пыль, похожую на просеянную муку. Звук гиперзвукового противотанкового снаряда был всего лишь резким хлопком расширяющегося воздуха. АТ70 произвел куда более четкий и удовлетворительный звук, когда взорвался.

«Сэр!» Корбек отвернулся от представления, которое разыгрывали танки, и глянул на Домора.

«Что такое, Шогги?»

Домор указал рукой, смотря поперек улицы, на затененные аллеи, которые выходили из жилого массива на магистраль. Корбек мельком увидел движение позади рокритового дорожного ограждения.

Вражеская пехота. Продвигающаяся веером вперед под прикрытием танковой дуэли.

Нет, даже больше. Там еще были две или три огневые команды, несущие пусковые трубы и длинные ракеты.

Они собирались расправиться с Покорителями, пока те были заняты.

«Острые глаза, Шогги,» крикнул Корбек, выражая фесово очевидное. «Пять человек... за мной!» добавил он, не заботясь о том, кто ответит, но зная, что как минимум

пятеро найдутся. Майло, Нен, Бонин, Чирия и Гатри были первыми, кто пригнувшись стали пробираться позади него.

Корбек последовал примеру врага, и продвигался вниз по Принципал позади высокого ограждения дороги. Он остановился в пятнадцати метрах южнее грохочущей туши Дикого, и упал на землю, настраивая свою микро-бусину.

«Шогги, это второй, прикрой меня.»

«Второй, принято.»

«Собираюсь перебраться туда, дружище. Отсчет с пяти --»

«Перебраться через дорогу, шеф?»

«Не перебивай человека в суицидальном порыве, Шогс. Отсчет с пяти. Возьми свой отряд и остальных из моего, и залей огнем дальнюю сторону. Не старайся кого-нибудь пристрелить, просто заставь их пригибаться.»

«Понял – не совсем подходящее слово, но окей.»

«Хорошо. Пять, четыре, три, два --»

Быстро собранные вместе пушки двенадцатого и второго взводов начали трещать, стреляя вдоль широкой, залитой солнечным светом дороге перед Имперскими танками. Лаз-заряды и снаряды из пушек .50 калибра, яростно испещряли рокритовое ограждение, пока оно не стало похоже на воскообразный сыр или на поверхность чрезвычайно несчастной луны.

Корбек побежал. Остальные рванули с ним, Майло и Бонин даже обогнали его. Они тяжело привалились спинами к внешней стороне ограждения и стали ждать. Корбек проверил заряд своей винтовки и затем подмигнул всем.

«Хотите жить вечно?» спросил он.

Все кивнули. Майло рассмеялся.

«Тогда следуйте за мной.»

Они за секунду поднялись на ноги, и обошли ограждение через ближайшую брешь, в холодные тени пешеходной дорожки на дальней стороне магистрали.

Ближайшая огневая команда Кровавого Пакта сидела на корточках, затапливая ракету в трубу. Они удивленно подняли взгляды.

Это то, на что у них только и было время. Шесть Имперских лазганов убили их всех так быстро, что у них даже не было времени подняться на ноги. Тела упали на землю.

В десяти метрах позади них, вторая команда успела отреагировать. Лазерный огонь полетел в сторону Призраков, и Гатри упал с жалобными проклятиями.

Майло и Чирия в автоматическом режиме стреляли в сторону вспышек. Майло попал стрелку из трубы в шею, а его заряжающему в руку, плечо и лицо. Чирия выкрикнула от радости, когда подстрелила Пактийца, который попал в Гатри, и прикончила человека рядом с ним.

Остальные двое начали убегать в укрытие. Нен сделал четкий выстрел, который попал в затылок одного и кинул его на землю. Бонин убил второго.

Корбек опустился на колени возле Гатри.

«Ты еще со мной, приятель?»

«Да... Да... фес, это больно!»

Лаз-заряд прошел через левое бедро Гатри. Рану прижгло, но он потерял хороший кусок мяса, и рана была такой чистой, что можно было увидеть солнечный свет сквозь нее.

Корбек вытащил свои бинты и начал перевязывать ногу Гатри, всадив сначала морфий ему в бедро.

«Полковник!» Корбек услышал, как выкрикнул Майло.

Он начал поворачиваться. Лаз-заряд. Пролетел на полной скорости так близко от его лица, что он почувствовал жар от него. Он ощутил резкий запах озона.

Если бы он не повернулся на звук предупреждения Майло, заряд попал бы ему прямо между глазом и ухом. Заряд без вреда взорвался на стене у дороги.

«Вес меня...» с изумлением сказал Корбек.

Там была третья огневая команда Кровавого Пакта, которая спряталась в укрытии, когда первые две были атакованы.

У них была очень хорошая позиция за пристойным укрытием. Там было шесть человек, судя по количеству вспышек из затененных проходов и арок дальше по дорожке. Лаз-заряды ударяли в землю и стену вокруг загнанных в угол Имперцев. Чирия бросилась с Неном на землю и этим, почти вероятно, спасла ему жизнь.

Бонин начал отстреливаться от бедра. Майло схватил Гатри и начал тащить его к ближайшему укрытию... в десяти метрах позади.

Корбек знал, что все они будут мертвы через несколько секунд.

Он поднял с земли ракетную трубу павшего Кровавого Пактийца, повернул ее и положил на плечо, чтобы она смотрела в правильную сторону, и закричал, «Спокойно!». Автоматически, Нен, Чирия, Бонин, Майло и даже Гатри, заорали то же самое слово. Натренированный ответ, означал, что их рты будут открыты, когда вылетит ракета, и поэтому их перепонки не разорвутся от беспощадно изменившегося давления.

Вытянутая ракета пронеслась вдоль дорожки, пролетая над Бониным так близко, что обожгла ткань его формы на спине. Она влетела в узкий проход десятью метрами далее и взорвалась. Вспышка была ослепительной, а ударная волна жестокой. Осколки камня и куски вражеских солдат вылетели из огня и застучали по дорожному ограждению.

Один выживший солдат Кровавого Пакта, застигнутый краем взрыва, шатаясь вышел на дорожку, сорвав свой шлем и маску и крича. Бонин был сбит с толку от контузии, но Майло быстро поднялся на ноги и прицелился.

Он увидел обнаженное лицо мучающегося, раненого солдата Кровавого Пакта. Безволосый, бледный, брови и уши раздулись от многочисленного пирсинга, лицо жестоко испещрено шрамами сверху до низу. Это сделал не взрыв. Гнусные ритуалы посвящения Кровавого Пакта оставили эти вселяющие страх, пожизненные отметины.

«Фес!» удивленно сказал Майло, и открыл огонь. Фигура в красной броне согнулась и упала. Его крики прекратились.

«Полковник?» с волнением позвала Чирия, поднимаясь на ноги и помогая встать Нену.

Корбек лежал лицом на дорожке. Его импровизированная выходка с пусковой установкой не учитывала одну ключевую деталь. Ограждение было прямо позади него, когда он выстрелил, и огромному выхлопу из трубы некуда было уходить. Сила бросила Корбека на пять метров вперед, как удар молота. Он сотворил даже большую неразбериху, используя фесову трубу, чем Казел несколькими часами ранее.

«Колм? Колм!» кричал Бонин, бегом направляясь к нему.

Побитый и помятый, Корбек перевернулся на спину, хохоча. «Научи меня быть фесово спонтанным,» давясь от смеха сказал он.

Послышался громкий взрыв с другой стороны ограждения. Подняв Корбека на ноги и оставили Нена заканчивать перевязку Гатри, Майло, Бонин и Чирия поспешили к ближайшему пролому.

Покоритель, Дикий, был подбит. Было сложно сказать, что его уничтожило. Оставшиеся Грабители и АТ83 откатывались назад по Принципал, стелк-танки грохотали позади них.

Осмелев от вида горящего Леман Русса, Разбойник снова покатился вперед, и получил сильнейший удар от Доступ Запрещен, который смял передние плиты корпуса. К настоящему моменту, магистраль была испещрена в дюжинах мест глубокими воронками от снарядов.

«Фес это все,» заявил Корбек, все еще страдая от головокружения, «кто-нибудь, зарядите меня.» Он опять поднял ракетную установку Кровавого Пакта.

«Давайте, теперь я знаю, как эта фесова штука работает...»

Чирия побежала к сумке с запасными ракетами и вернулась с одной. Немного посоветовавшись, вчетвером они поняли, как вставить ее на место, закрепить и привести в боевую готовность пусковую установку.

В этот раз, Корбек проверил, чтобы позади него было достаточно места. «Лучше встаньте подальше,» сказал он им. «Я слышал, что это умное решение при использовании этой штуки.» Бонин, Майло и Чирия отступили, смеясь, несмотря на напряженность момента.

Корбек опустился на одно колено и положил тяжелую пусковую установку на правое плечо. Прицел был открытым, всего лишь перекрестие внутри металлической окантовки. Он поместил центр прицела между башней и корпусом AT83, затем, немного подумав, опустил его на несколько сантиметров. Недавний опыт научил его, что пусковые установки Кровавого Пакта уходят вверх, как фесов ублюдок, при стрельбе.

«Внимание!»

Выстрел из гранатомета пролетел над дорогой и попал в боковые пластины башни AT83. Танк вздрогнул, но ни на шаг не подошел к смерти. Он быстро развернул главное орудие в сторону позиции Корбека.

«Не хорошо...» признал Корбек, начиная бежать.

Но отвлечение внимания дало Требованию хороший выстрел в глотку 83-го. Он выстрелил, основным противотанковым снарядом, и оторвал большую пушку с точностью церемониальной гильотины.

Доступ и Требования теперь стояли на разрушенной магитсрали, посылая снаряды в быстро отступающих Грабителей и сталк-танки. Пелена дыма от горящего топлива и фуцелина накрыла зону.

«Первый, это второй,» воксировал Корбек.

«Второй, слышу тебя хорошо.»

«Атака здесь прекратилась, Босс. Мы отбили их и --» Корбек прервался.

«Повтори, второй. Повтори, второй. Передача прервалась.»

«Ибрам? Корбек. Я все еще здесь. Забудь о том, что я только что сказал. Ублюдки стали только серьезнее.» Отступающие вражеские танки, уже в двухстах метрах далее на Принципал III, разъезжались на края магистрали, чтобы дать чему-то проехать. Оно двигалось чудовищно быстро, казалось, что слишком быстро для чего-то, столь огромного.

Доступ Запрещен и Требования С Угрозами начали быстро отступать, на максимальной задней скорости. Огромный снаряд разорвал на куски Требования, и части брони полетели в воздух в мощной волне расширяющегося огненного шара.

Приближающимся к ним по магистрали был Гибельный Клинок, сверхтяжелый боевой танк. Все его триста шестьдесят тонн были раскрашены в ярко-красный цвет, даже катки и траки, и нечистые символы покрывали его огромный корпус.

Корбек бросил пустую ракетную установку. В ней больше не было необходимости. Это был абсолютно другой масштаб феса.

«Ох, мои яйца,» открыв от удивления рот сказал Корбек.

Сорик упал на колени, тяжело дыша, как только выбежал с Латинатской Улицы. Он проклял себя за то, что был слишком старым для этого гака, но это все равно не заставило прекратить бешено колотиться его сердце, и не убрало жжение молочной кислоты из мышц в его ногах.

Им пришлось бежать. Его взводу, и Крийд, и Раглона, и Мерина. Медленная пехотная схватка внезапно перевернулась с ног на голову, сразу перед тем, как они думали, что выиграли ее.

Пара Грабителей, и, по меньшей мере, три полугусеничных H20 с огнеметами, с энтузиазмом ворвались в уличную битву, отбрасывая Имперцев назад. Отряд СПО Херодора попытался контратаковать, и за свои старания был сварен и зажарен.

Бегство было единственной альтернативой.

Сорик пытался вызвать Гаунта или тактическую службу, чтобы те прислали бронетехнику для поддержки, но залпы заградительного огня от вражеских танков, казалось, вмешиваются в сигнал.

Он заполз в дверной проем, жадно вдыхая. Люди пробежали мимо. Вивво притормозил и упал рядом с ним.

«Все в порядке, сынок?» спросил Сорик.

«Простите меня, шеф,» ответил Вивво.

«Простить? За что?»

«Ну что говорил о... вещи. Перед комиссаром.»

«Не беспокойся, сынок. Я могу присмотреть за собой.»

«Мне нужно было подумать, шеф. Я должен был осознать, что комиссар был там.» Сорик пожал плечами. «Вивво... могу я задать тебе вопрос?»

«К-конечно, шеф!»

«Как давно ты знаешь?»

«Знаю что, шеф?» искренне спросил Вивво.

«Обо мне. И о сообщениях, которые я получаю.»

Вивво нахмурился. «Я подозревал это еще на Айэксе, сказать по правде. Но мне все стало известно, когда мы добрались сюда.»

«Известно что?»

«Что гильза для сообщений постоянно возвращается к вам со всяким.»

«Всяким?»

«Факты. Данные. Гакова правда, шеф.»

Сорик кивнул. «Ты говорил кому-нибудь?»

«Нет! Ну хорошо, да. Кезелу, Венару. Может быть Хеврону.»

«Они все знают?»

«Думаю да. Но они не будут болтать о --»

«О чем, сынок?»

«О вас, сэр. Вас и том, что у вас есть.»

Люди из взвода Мерина прогрохотали мимо того места, где они прятались. Позади них, в сотне метров дальше по улице, шипели тяжелые огнеметы.

«И что у меня есть, сынок?» спросил Сорик.

Он ожидал любой ответ. Скрытый глаз. Оракул. Прикосновение варпа. Шестой чувство. Псайкер.

«Счастливым талисманом,» сказал Вивво. Искренняя простота этого ответа чуть не заставила слезы хлынуть из глаза Сорика.

Майло рассказывал ему, что его называли точно так же. Это была истинная суть вещей. В этой темной галактике, суеверные солдаты не станут поднимать шум и крик, чтобы их «коснувшихся» казнили. Они охраняли их, как счастливые талисманы, пробирные камни, защитников судеб от совершенно несчастливой гибели, которая ожидала всю Имперскую культуру.

«Значит, ты меня не боишься?» спросил Сорик.

«Боюсь вас? Почему, гак, я должен бояться вас?»

«Из-за того, что во мне. Из-за... из-за варпа. Комиссар, инквизитор... они возьмут меня за горло, из-за того, что я могу делать.»

Вивво сморгнул пыль, и уставился на Сорика.

«Все, что вы делаете, все, что гильза говорит вам... это удача говорит с нами, дает нам преимущество, как Казелу недавно. Я верю... по-настоящему, сэр... что это сам Император говорит через вас и присматривает за всеми нами. Пока вы нам будете давать хорошие советы, шеф, я никогда не задам вопрос, откуда они.»

«Раньше или позже, они придут за мной, сынок. В лучшем случае, черные корабли, в худшем... болт в голову. Люди, как я, счастливые талисманы или нет... мы - источник неприятностей.»

«Если они придут за вами, им нужно будет сначала пройти через меня.»

Сорик вытянул руку и крепко схватил Вивво. «Нет. Обещай мне, что когда все наступит, ты не станешь этого делать. Обещай мне это.»

«Я клянусь.»

«Ты не хочешь таких проблем,» уверил его Сорик. Он отпустил руку Вивво. Почти сразу же Вивво схватил покрытую пылью руку Сорика.

«Тогда и вы мне обещайте, шеф,» сказал он. «Все что вам говорит гильза... делитесь этим. Влияйте на это. Если я когда-либо обнаружу, что вы что-то утаиваете... Я не знаю. Я не угрожаю вам, но вы должны знать, что я имею ввиду. Если все, что говорит вам эта вещь, пригодно для общего употребления, тогда будьте нашим счастливым талисманом.

А если она скажет вам какое-нибудь дерьмо, и вы не поделитесь... ну тогда настанет момент бежать за комиссаром.» Сорик сглотнул. Он кивнул. «Честная точка зрения. Почти справедливо, сынок.»

«Нам лучше выдвигаться, шеф.» Стремительное дыхание огнеметов уже было ближе. Они оба могли слышать стук траков H20.

«Пошел!» сказал Сорик, и Вивво побежал по улице.

Сорик вытащил гильзу для сообщений из кармана и открыл.

А что об этом, Агун? Вивво прав... и весьма великодушен, тоже. Ты хочешь увидеть, как его пристрелят? Его, и Казела, и Хефрона, и каждого, кто знает? Пристрелят за укрывательство куска отбросов варпа?

Ты не говоришь всего. Ты предаешь их. Будь мужиком. Расскажи Гаунту. Расскажи Гаунту о девяти.

«Девять? О каких девяти ты говоришь?» Сорик поднял пустую гильзу и прокричал слова в ее пустой корпус.

«Девять чего?»

Но H20 был уже слишком близко. Сорик побежал.

«Больше бронетехники! Я сказал, нам нужно больше бронетехники!» кричал Гаунт в трубку вокса, но назад ничего не доходило, кроме шума статики.

«Да что не так с этой штукой?» рявкнул он на Белтайна. Офицер связи пытался настроить свой вокс-передатчик.

«Что-то неправильно, сэр,» сказал он, слишком занятый работой, чтобы сформировать подходящий ответ.

«Что?»

«Наиболее вероятно, что преднамеренные помехи. Сильная электроференция.»

Гаунт этого очень боялся. Захватчики, в добавок к своему преимуществу, еще и заставили замолчать связь Имперцев. Скорее всего, они вывели из строя и свои фесовы вокс-каналы, но без сомнения Кровавый Пакт рассчитывал на псайкеров для координации своих сил.

«Собери передатчик и размести взвод здесь,» сказал Белтайну Гаунт, и затем побежал по пыльной улице. Воздух был наполнен звуками битвы, шедшими со всех сторон главной улицы. «Роун!» кричал он. «Роун!»

Взвод Роуна удерживал конец узкой улицы, где она выходила на Площадь Холма Теска. Перестрелка из легкого оружия была яростной. Гаунт увидел Фейгора в укрытии за мусорным контейнером, стрелявшим дальше. Гаунт подошел позади него, пригнувшись.

«Фейгор!»

Фейгор бросил взгляд вокруг. «Слегка занят, сэр.»

«Где Роун?»

Фейгор пожал плечами. «Микро-бусина не работает.»

«Весь вокс сдох. Где Роун?»

«Последний раз я видел его в том доме. Третий этаж.»

Гаунт кивнул и побежал через заполненную обломками улицу к боковой двери дома. Приличный удар, или два, и она слетела с петель. Он зашел внутрь.

Неосвещенная лестница вела наверх, на все девять этажей дома. На стене была разломанная прикрученная панель, напротив двери, где были написаны имена жильцов дома и номера квартир.

Гаунт побежал вверх по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и вытаскивая свой лазерный пистолет. Весовая вещь казалась легкой и нелогичной после воспоминания о тяжелом потерянном болт-пистолете.

Он не озаботился первыми двумя этажами, и забежал на третий через дверь на щеколде.

«Роун?»

Перед ним был длинный коридор, наполненный обрывками бумаги и брошенной одеждой.

С другой стороны, пронумерованные двери обозначали отдельные комнаты. Некоторые были открыты, и, несмотря на то, что люминисцентные лампы не горели, коридор был залит солнечным светом из открытых комнат.

«Роун?»

Ничего, кроме треска и ударов сражения внизу.

Он вошел в одну комнату. Это был хаос. Мебель была перевернута, и полки вычищены.

На окне была прилеплена липкая лента в виде X, в тщетной надежде, что она защитит стекло от взрыва. Кто бы тут ни жил, он покинул это место поспешно. Гаунт надеялся, что он укрылся в убежище Цивитас.

Он подошел к окну, держась вне поля зрения, и выглянул. Внизу была яростная перестрелка через Площадь Холма Теска. В брусчатом покрытии были дыры от снарядов, и пятиэтажное здание, на дальней стороне площади, было объято огнем. Массивный атмосферный процессор в центре был весь во вмятинах и дырах от

бесчисленных попаданий. Несколько тел лежали на открытом пространстве. Большинство, отметил Гаунт с удовлетворением, были одеты в грязно-красный.

Со своей выгодной позиции Гаунт мог видеть хороший путь на западе, вдоль северных секторов Цивитас. Огромные полосы дыма вздымались из зоны Айронхолла. Последнее, что он слышал, до того, как вокс отправился к фесу, было тем, что линия Калденбаха приняла на себя наихудший удар. Он молился Терре, чтобы Калденбах придерживался ОНА 3. У Калденбаха, такого самоуверенного в своих способностях, были свои стратегические идеи. Это было бы в его стиле, если бы он проигнорировал отличную подготовительную работу Биаги и спланировал свою собственную битву.

Если он так поступил, то они все заплатят.

Еще дальше, в туманной дали, он видел, что вражеские транспортники все еще приземляются по всей обсиде. Ливень из дроп-подов прекратился, но транспорты все еще прибывали, переправляли людей и амуницию вниз, взлетали пустыми, заправлялись и повторяли все снова.

У Гаунт была, по очевидной причине, вера в то, что Гвардия была хребтом боевой мощи Империи. У него было большое уважение к Астартес, к Легионам Титанов, к бронетанковым частям и Флоту, но фесова пехота, в его списке, была фундаментом победы. Вот чему его научили, его отец, Октар, Слайдо... даже Дерций. Но прямо сейчас, как никогда прежде, ему не доставало Фурий, или Молний, или чего-то летающего, что может забраться высоко, и что имеет пробивающую броню боеприпасы. Те транспортники были такими уязвимыми. Одна, хорошо управляемая эскадрилья, могла бы уничтожить огромное количество вражеской силы до того, как та бы вообще долетела до поверхности. Это было бы, как охота на дичь.

Он вышел из комнаты и попытался на следующем этаже. «Роун?» закричал он, когда зашел на него.

Большинство квартир дома были такими же, как и первая, в которую он вошел – брошенными и неряшливыми. Он попытался зайти в ту, которая была закрыта, и когда вошел, то увидел, что комната была абсолютно пуста, за исключением столика одиноко стоявшего посередине комнаты. На нем лежала книга. Стены комнаты были

ободраны догола, и в ней не было никаких ковров или циновок, только голый настил. Даже единственная люминисцентная лампа отсутствовала.

Он остановился на мгновение. Это было очень необычно. Здесь была дверь – закрытая – слева от него. Почему эта комната была такой пустой?

Он сделал шаг вперед, и затем услышал характерный треск «горячего выстрела» неподалеку.

Он снова выскочил в коридор, и пройдя мимо еще пяти дверей, зашел в еще одну неряшливую комнату.

Когда он зашел, Бэнда отвернулась от окна и направила свой заряженный лонг-лаз на него. Свет от ее прицела замерцал на его солнечном сплетении.

«Сэр!» сказала она, поднимая свое оружие.

«Извини, что напугал тебя, Бэнда. Где Роун?»

«Здесь,» сказал Роун, позади него.

Гаунт повернулся.

«Меня ищете?»

«Что ты делаешь тут, наверху?»

«Связь пропала, и я пытался посмотреть своими глазами, что происходит. Ублюдки заперли нас. Я искал выход.»

Гаунт кивнул. «Хреновый фес происходит на Принципал III.»

«Корбек?»

«Что-то о сверхтяжелом танке. Я думаю, что там все поменяется. Это...» Гаунт сделал жест в сторону окна и происходящей там битвы. «Это, всего лишь, отвлекающий маневр.»

Роун пожал плечами. «Скажите это моим Призракам.»

«Слушай, я забираю свой взвод, и взводы Майлера и Раглона, и мы выдвинемся на восток, чтобы посмотреть, сможем ли мы помочь Корбеку. Это означает, что ты командуешь в этой местности. Окей?»

«Конечно.»

«У тебя есть ОНА 3?»

Роун похлопал по планшету в своем кармане.

«Используй это, Элим. У нас нет вокса, чтобы связываться, но мы можем держаться вместе, если будем следовать этому. Тут, и Латинатская дорога – точки, которые надо удерживать. Если не сможем, отступаем к Бульвару Армонсфала.»

«Латинатская, должно быть, уже потеряна. Гонец уже прибежал от Сорика. Суровое наступление с огнеметами.»

«Тогда Армонсфал. Пошли своего гонца, и верни Сорика в игру. Пусть он приведет взводы и --»

Гаунт остановился.

«Ты знаешь, как организовать оборону, не так ли?»

Роун слегка пожал плечами.

«Я сотрясаю воздух, не так ли?»

Роун кивнул.

«Император защищает,» сказал Гаунт, отдавая честь Роуну, выскочил наружу и побежал по коридору.

«Гаунт?»

Он остановился от звука голоса Роуна, и повернулся. Роун стоял в дверном проеме, смотря на него.

«Да?»

«Удачи поохотиться на супертяж. Покажи им фес. Покажи им всем фес.» Гаунт кивнул, и побежал по лестнице.

Дверь захлопнулась за ним. Роун поспешил назад в комнату. У окна, Бэнда водила соим лонг-лазом.

«Что за --»

«Шшшш,» сказала она. «Я работаю. Окно на втором этаже. Офицер Кровавого Пакта с ракетной установкой. Думает, что нииииикто не сможет увидеть его...»

Ее голос был всего лишь мягким шипением. Частота ее дыхания упала до самого низкого уровня. Лонг-лаз сильно взбрыкнул, когда она выстрелила.

«Попала в него?» спросил Роун.

Она повернулась и язвительно улыбнулась ему. «А ты как думаешь?» Он подался вперед и поцеловал ее в губы. Это был мимолетный, но жадный поцелуй.

«Ты знаешь, что я думаю,» сказал он, отпрянув. «Убей кого-нибудь еще для меня.»

«Кого? Я могу добежать до бокового окна и взять отличный прицел на Гаунте, когда он будет выходить.» Роун улыбнулся и помотал головой. «Спасибо, но нет. Или его приберет архивраг, или я. Без вариантов.»

Она пожала плечами и вставила новую обойму.

«Хотя я благодарен тебе за эту мысль,» добавил Роун.

«Ах, я бы все равно не смогла. С Гаунтом все нормально. Мне он нравится.»

Она увидела его взгляд и нежно добавила, «Не так, как ты мне нравишься, естественно.»

«Естественно.»

«Итак,» сказала Бэнда, прицеливаясь для нового выстрела, «ты теперь командуешь. Какой план?»

«Мы будем убивать их, пока они все не сдохнут... или мы. Или это был вопрос с подвохом?»

«Все собрались?» спросил Гаунт. Послышалось дружное подтверждение.

«Выдвигаемся,» сказал он им.

Со своим взводом, и со взводами Найлера и Раглона, Гаунт пошел с Холма Теска, на средние улицы Квартала Масонов. Разведчики шли впереди – Каобер, Мкеллер и Прид.

Прид заменил Сута в семнадцатом взводе. Старый Танитец, он неизменно оставался обычным солдатом, пока Мколл не убедил его специализироваться. В своей предыдущей жизни он был егерем и отлично ориентировался в лесу, но не вступал в братство разведчиков из-за неуверенности.

Он думал про себя, что слишком стар. Гаунт надеялся, что Прид не нашел свое истинное призвание слишком поздно.

В полукилометре от Холма Теска, они ускорились. Серьезный клин пехоты Кровавого Пакта вгрызся в Хиссонскую Улицу, пытаясь пробиться через Принципал III. Взводы под командованием Скеррала, Фолоре, Мкендрика И Бюрона – девятнадцатый, двадцать шестой, восемнадцатый и седьмой соответственно – оказывали великолепное, но жестокое сопротивление этой атаке. По соседним улицам было не пройти.

«Предложения?» спросил Гаунт.

«Мы пойдем через те здания,» твердо сказал Каобер. Халлер кивнул. Каобер сверился с планшетом. «Пройдя через них, мы должны оказаться на Улице Фансибл, дальше от этой суматохи.» Здания были фабрикой и жилым домом. Они были накрепко закрыты ушедшими владельцами. Мкеллер сбил лазером подвесной замок на внешней двери фабрики.

«Что?» Халлер спросил Гаунта.

«Продвигаемся осторожно. Если это сквозной путь, тогда можно делать ставки, что враг об этом тоже подумал.»

«Вы считаете, что они зашли с другой стороны?» спросил высокий Вергхастец.

«Думаю так,» сказал Гаунт.

Внутри фабрики было холодно и темно. В целом, воздух в Квартале Масонов становился все более затхлым, да так, что многие Призраки надели свои дыхательные маски.

Слишком много атмосферных процессоров выведены из строя, думал Гаунт.

В мастерских и сборочных цехах было тихо. Пока они продвигались вперед, они проверяли каждую дверь и комнату, на всякий случай.

Они вышли из фабрики, и пошли по вымощенной дорожке к рабочему жилью. Процедура повторилась. Осторожное осматривание комнат, чтобы прикрыть себе спину, пока они шли по нижним коридорам дома.

«Эта закрыта,» сказал Каобер.

Гаунт подошел, Призраки позади него присели с поднятым оружием. Он повернул дверную ручку.

«Нет, не закрыта.»

Каобер с удивлением поднял бровь.

Гаунт резко открыл дверь, и они посмотрели внутрь, держа оружие наготове. Еще одна комната, стандартная, за исключением...

... она была совершенно пустой. Никаких ковров или настила, стены голые, никакого намека на потолочную лампу. Дверь с одной стороны стены, закрытая. Столик в центре комнаты, с книгой на нем.

«Чисто!» сказал Каобер. «Идем дальше...»

«Стой!» прошипел Гаунт. У него было ужасно тревожное ощущение. Он зашел в пустую комнату, и почувствовал ее заплесневелый холод. Что вообще происходило? Какое-то совпадение?

Он подошел к маленькому столику, одиноко стоявшему посередине комнаты, и дотронулся до книги на нем. Она была старой. Очень старой, что разваливалась на части и превращалась в пыль.

Он открыл обложку и прочитал название.

Это было первое издание «Об Использовании Армий» Марчезе.

У Гаунта была своя копия этой малоизвестной работы. Тактик Байота подарил ему ее прямо перед тем, как он покинул Айэкс Кардинал.

Что за черт...? Что это было за явное совпадение? Гаунт почувствовал, как растет чувство паники и страха.

Магия варпа была вокруг него. Он посмотрел на закрытую дверь в стене. Что за ней было? Что?

Он подошел к ней и повернул ручку. Дверь тихо открылась. Гаунт почувствовал свежий, чистый воздух. Там были растения. Вьющиеся растения и кустарники. Эта боковая комната, очевидно, была каким-то внутренним гербарием, агрокомнатой для –

«Враги!» прокричал Каобер из дверного проема, и открыл огонь.

Гаунт захлопнул дверь и побежал, чтобы присоединиться к нему.

Взвод Кровавого Пакта приближался, чтобы встретить их в коридоре дома, используя дверные проемы в качестве укрытий, и стреляя из лазганов и автоматов.

Понадобилось десять минут жестокого боя, чтобы убить их.

К тому времени, как бой был окончен, Гаунт был у восточного выхода из дома. Секунду он подумывал вернуться опять в ту странную, пустую комнату, но это больше не казалось ему имеющим значение. Его кровь кипела. Он только что насадил офицера Кровавого Пакта на свой силовой меч. И к тому времени, как три взвода вышли из дома на Улицу Фансибл, он полностью забыл о старой книге и пустой комнате.

Гол Колеа выпрыгнул из окна дома на скользкую дорогу под ним и пробежал сорок метров, быстро, к задней стене потрепанного сарая перед ним. Каждое черное окно без стекол, вдоль дороги, смотревшее на него, казалось, содержит в себе угрозу в виде спрятавшихся стрелков, но никто в него не стрелял.

Он тяжело дышал, когда прижался к рыхлой стене, и сполз вниз, но он все еще мог слышать грохот оружия с патронной лентой неподалеку.

ДаФелбе пытался вызвать его по воксу, чтобы узнать его позицию. Связь была очень плохой. Колеа всего лишь мог указать ДаФелбе, что он снаружи. Колеа легко стукнул по микрофону своего коммуникатора дважды в невербальном подтверждении, потому что они не мог сейчас говорить.

Он подполз к краю стены сарая, и затем быстро перегнулся через низкий барьер, стреляя от груди. Два солдата Кровавого Пакта, стоявшие спиной к нему у следующей стены, повалились на землю, застигнутые врасплох.

Он опять пригнулся. Еще больше автоматической стрельбы. Кто-то закричал. Пара выстрелов пролетели над ним.

Рискнув, он рванул к неясно вырисовывавшейся двери сарая и заскочил в укрытие. Крики возобновились, на грубом языке, что заставляло его почувствовать отвращение.

Он пробрался возле внутренней стены в сумраке, забрался на погрузочную платформу, и прошел к дыре от снаряда в стене. Отсюда он видел двор для грузов рядом с сараем. Там был расчет из двух человек с пушкой, питаемой патронной лентой, расположенной позади штабеля рокритовых плит. Он мог видеть их, но угол для ведения огня был неподходящим.

Ему нужно было быть повыше...

Металлическая лестница, державшаяся на стене скобами, вела вверх от погрузочной платформы на первый этаж склада. Повесив свой лазган на плечо, он забрался по лестнице.

Он едва влез на этаж, когда осознал, что он был не один. Он метнулся вперед, когда фигура пошла к нему из темноты, и оба упали, хрипя и борясь. Его противник был быстр, и Колеа увидел мимолетный проблеск оголенного лезвия. Блеск стали в темноте. Гак его. Колеа вложил всю силу в удар, и отбросил фигуру прочь, на спину.

Он метнулся вперед, чтобы закончить дело в своем коронном стиле, голыми руками, и отпрянул.

Это был Куу.

Куу извивался на полу, бормоча проклятия и держась за свой окровавленный рот.

«Ты!» прошипел Куу.

Колеа пожал плечами. «Ты меня чтоли не узнал?»

Куу помотал головой. «Подумал, что ты один из них...»

Это, волнующе, совсем не звучало правдой для Колеа. Куу был на платформе до Колеа, значит, его глаза уже должны были привыкнуть к темноте. Несомненно, он должен бы был сказать...

Если, конечно, не выбрал не делать этого. Резкий удар боевым ножом, и кто будет лучше знать, что произошло?

Колеа встряхнулся. Лайжа Куу был поддонком, но не до такой же степени...

«Поднимайся,» сказал Колеа. Когда Куу встал, ругаясь и плюясь кровью, Колеа подошел к вентилятору в стене, отогнул металлические жалюзи и выглянул наружу. Внизу, под крутым, но более хорошим углом, он видел орудийное гнездо. Он просунул дуло своего лазгана между жалюзей и прицелился, и даже в этом случае он собирался стрелять в автоматическом режиме.

Его выстрелы обрушились на позицию орудия. Стрелок сразу же упал мертвым. Его заряжающий повернулся, закрутившись, и упал на спину.

«Пушка выведена из строя. Путь чист,» воксировал Колеа ДаФелбе, надеясь, что суть его сообщения пробьется сквозь жестокую интерференцию.

Он повернулся к Куу. «Пошли,» сказал он.

Взвод продвигался через двор для грузов, когда они спустились.

«Это я сделала?» спросила Крийд Куу, когда проходила мимо него, мельком взглянув на его окровавленные нос и рот.

«Нет, сарж.»

Она пожала плечами. «Должно быть, теряю хватку.» Крийд щелкнула пальцами и указала рукой, и Хвлан с людьми пошел вперед.

«Хорошая работа,» сказала Крийд Колеа с улыбкой. Он кивнул. Он все еще видел, как странно на него смотрят старые друзья и товарищи, но в поведении Крийд было что-то особенное. Поначалу с ней все было нормально, но сейчас она стала какой-то подозрительной. Интересно, из-за чего?

«С Крийд все нормально?» спросил он Луббу.

Лубба регулировал трубку подачи топлива из своих баков с прометием. «Конечно. А что?»

«Она продолжает смотреть на меня.»

«Возможно, думает, что ты хочешь забрать свое звание назад.»

Колеа помотал головой. «Я сказал ей...»

«Она беспокоиться. И все.»

«Огнемечник!» приказ Крийд эхом отразился от стены здания. Они поспешили присоединиться к ней.

Это была ложная тревога. Взвод Варла подходил со следующей улицы. Баен, разведчик Варла, засек вражескую группу на ближайшем перекрестке.

«Там их около тридцати,» доложил Баен. «И кажется, что у них есть стелк-танк... но недействующий.»

«Недействующий?» спросила Крийд.

Баен повел плечами в 'ну что я могу сказать?' жесте. «Выглядит так, как будто они охраняют его.»

«Мы откроем по ним огонь, чтобы занять,» предложил Варл, «а потом огневая команда обойдет их со стороны. Вот там --» указал он.

«Я займусь,» сказал Колеа. Крийд посмотрела на него. Опять, это странно напряжение.

«Меня устраивает,» ухмыльнулся Варл. Ему не хватало своего старого спарринг партнера Колеа. «До тех пор, пока ты все не испортишь.»

«Окей,» с неохотой сказал Крийд. «Нэсса, Хвлан, Баен... и Колеа.» Вчетвером они побежали в полумрак узкой, длинной улицы слева, пока объединенные взводы залегли. Колеа мог слышать треск лазганов и шипение огнеметов.

Разведчики вели их, с Нэссой и ее лонг-лазом позади. Колеа шел последним. В галактике были места и похуже, чем прямо позади Нэссы Бурах, когда она бежала, обдумывал он.

Какое-то осмысление ударило в него. Он почувствовал – магическое, нормальное, человеческое – желание. Понимание хорошо сложенного, сексуального заднего вида женщины. Гак, но прошло так много-много времени, с тех пор, когда он отмечал что-то такое.

С тех пор, когда он отмечал что-нибудь, как что-нибудь.

Все по-настоящему ощущалось так, как будто это был его первый день жизни, и он во всем видел что-то новое. Как будто он проснулся от глубокого сна. Как он объяснял это Керт? Как выплыв из глубины на поверхность.

Я снова жив, думал он. Слава Беати.

Баен и Хвлан повели их с улицы, через суматоху комнат первого этажа схолы, и наверх, на первый этаж прачечной Муниторума. Воздух был затхлым и сырым от застоявшейся воды в больших стальных стиральных машинах. Паразиты суетились в грудах мокрого белья. Кристаллы мыла усеивали половицы, и пух забивал решетки воздуховодов.

Они дошли до ряда окон, которые от взрывов опрокинуло внутрь. Сталк-танк был под ними, припав напротив стены пригородной часовни. Баен был прав – вражеские солдаты внизу удерживали улицу, как будто защищая машину.

Нэсса посмотрела в прицел.

Что-то не правильно, сигнализировала она.

«Можно мне?» спросил Колеа. Нэсса дала ему лонг-лаз.

Он посмотрел вниз, позволив автонастройкам прицела подстроиться под его глаз.

Сталк-танк был нестандартным. У него не было орудий и турелей. Вместо этого, нижние отсеки расширенными, как вздутый живот. Внутри большого, бронированного пузыря, Колеа мог видеть человеческую фигуру перед водителем. Фигура покачивалась, крутилась и вздрагивала. Сотни кабелей змеились от его тела во внутренности корпуса танка.

«Псайкер,» сказал он, отдавай лонг-лаз Нэссе.

«Псайкерское оружие?» спросил Хвлан.

«Нет,» сказал Колеа. «Я полагаю, что это... и все такие штуки... делают какой-то фес с нашей связью.»

Окажи честь, показал руками Баен Нэссе.

Она прицелилась, ее дыхание замедлилось. Она выстрелила.

Горячий выстрел разбил пузырь и взорвал голову и плечи псайкера. Сталк-танк вздрогнул сам, и потом начал гореть. Невербальный крик резко отозвался в воздухе и заставил всех отшатнуться в ужасе и удивлении.

Колеа, Баен и Хвлан вернулись к окну и начали стрелять по быстро разбегающимся солдатам Кровавого Пакта. Крийд и Варл воспользовались замешательством, и пошли вперед.

Менее, чем за пять минут, улица была зачищена.

Красный Гибельный Клинок был шокирующей вещью, ужасом в физической форме. Корбек сомневался, что даже фесов Архонт, Урлок какой-то там, смог бы сравниться с этим.

Было достаточно даже звука от него. Это был не рычание, не грохот, не рев. Глубокий, почти инфразвуковой вой, который заставлял вибрировать диафрагму, и сжиматься душу. Кто-то – может быть Даур, или Ана Керт – однажды сказали Корбеку, что инфразвуковой шум, ниже 18Гц, включает в людях первобытный страх. Это было так же старо, как и пещеры, и темнота, и первый огонь. Инфразвуковые нотки в рычании охотников Старой Терры заставляли людей замирать в ужасе. Это была ответная реакция, унаследованная от приматов.

Когда танк стрелял из главного орудия или из пушки Разрушитель в корпусе, было хуже. Земля тряслась. Снаряды улетали в центральный город, и огненные шары засцветали над крышами. Не было ничего, что могло бы противостоять ему. Ничего, что любой человек смог бы сделать.

«Идем! Идем!» в отчаянии Майло тянул его за рукав. Его штурмовая команда была готова спастись бегством на восточные улицы. Гибельный Клинок с треском проехал по остоу Требования С Угрозами.

«Окей!» начал Корбек, тяжело поднимаясь на ноги.

«А это что за гак?» спросила Чирия.

Корбек повернулся, чтобы посмотреть.

Фигура быстро шла по магистрали перед сверхтяжелым танком. Она была одета в золотую броню, и в ее руке сверкал меч.

ДЕВЯТЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ В НОЧЬ

«Оставайтесь рядом со мной столько, сколько сможете.

День, неделю, год, минуту. Что бы вы не могли дать, сколько бы не смогли оставаться рядом со мной, я приветствую это.»

- Саббат, послания

Это была она.

«Ох, фес меня! Беати!» прошептал Корбек.

Майло уставился на нее. Он все еще не оправился от смерти девушки-пилигрима. Он все еще мог ее видеть, в голове, выбегающей перед танком, машущей руками, чтобы отвлечь его. Все это выглядело, как повторяющаяся история.

«Брин!» крикнул Корбек, но Майло уже бежал из укрытия.

«Ты будешь причиной моей смерти, мальчик!» добавил Корбек, когда стряхнул с себя руки Чирии и последовал за ним.

Майло выбежал на магистраль. Казалось, что Беати не видит его. Боже-Император, но она выглядела так великолепно в своей позолоченной броне с гравировкой.

Он закричал. Секундой позже, Корбек опрокинул его на землю в прыжке. Оба тяжело приземлились на дорожное покрытие.

Вспомогательные орудия Гибельного Клинка повернулись, чтобы взять на прицел золотую фигуру перед собой и выстрелили, но Святой там уже не было. Пустой участок дороги стремительно взорвался.

Одним прыжком, она забралась на корпус огромной машины, позади пушки Разрушитель и сбоку от главного орудия. Меч в ее руке двинулся, как коса.

Массивный главный ствол разрезало, отрезанная часть упала на корпус до того, как скатиться на землю. Края разреза ствола потрескивали от улетающей голубой энергии.

«Дорогой Бог-Император...» неверяще, заикаясь произнес Корбек.

Беати развернула свой меч, и, схватившись обеими руками за эфес, воткнула лезвие глубоко в корпус танка.

Танк остановился. Она пригвоздила и убила водителя.

Люк наверху корпуса открылся, оттуда вылез командир танка, и схватился за стационарный болтер. Она снова прыгнула, в кувырке, и приземлилась башню позади люка. Ее урчащий меч проткнул и шею, и оружие.

«Корбек... Корбек, ты видел...?» прошептал Майло, наблюдая.

«Император, несомненно, защищает, приятель,» пробормотал Корбек.

Беати отстегнула золотой трубчатый заряд с пояса, привела его в действие и кинула в открытый люк. Затем она спрыгнула, головой вперед, с верхушки танка.

Майло и Корбек начали бежать в укрытие.

Гибельный Клинок не взорвался, но огонь хлынул через его сердце, и вырвался из нескольких люков.

Один из команды танка вылез наружу, горя, и упал на магистраль.

С опущенным мечом в правой руке, Беати шла к ним, сверкая броней, освещаемой позади горящим танком.

Майло и Корбек повернулись к ней.

«Рада видеть, братья,» сказала она.

Они оба поняли, что улыбаются.

«Это было поразительно. Ваше святейшество,» сказал Майло.

«Святейшество?» сделала она замечание. «Это так ты приветствуешь друга? Я – Саббат. Зови меня так, если ты должен меня как-нибудь называть.»

Корбек бросил взгляд на Майло. Он был изумлен. Мальчик на самом деле не видел этого. Это была Сания, девушка, о которой Майло грезил годами. Но он не узнал ее, лицом к лицу.

Но, когда он сам об этом подумал, Корбек понял, что он и сам не может узнать ее. Он всего лишь знал, что это Сания, потому что Гаунт так сказал ему. Эта женщина, это существо, была ничем не похожа на эшоли, с которой он познакомился на Хагии. Сания была тихой, скромной, отстраненной. А эта женщина излучала веру, силу и энергию.

И, в то время как Сания была наслаждением для глаз, эта женщина перед ними была прекрасной. Такой прекрасной, что было больно. Она светилась. Не в плане пола или вожделения. Божественное воплощение красоты.

И она только что в одиночку уничтожила сверхтяжелый танк.

Корбек внезапно почувствовал себя печальным и неуклюжим.

«Ничего такого, как твои подвиги, которые ты когда-то совершил, Колм,» сказала она ему, как будто прочитала его мысли.

«Вы такая особенная,» пробормотал он.

Майло начал было что-то говорить, но затем быстро поднял свой лазган, прицеливаясь – как только что-то появилось – прямо ей в голову.

Он выстрелил, и выстрел пролетел прямо над ее левым плечом. Член команды Гибельного Клинка с поднятым болт-пистолетом, высунулся из бокового люка уничтоженного танка, его оружие было нацелено в спину Беати. Выстрел Майло попал ему в горло, и он упал на лицо, оружие катясь застучало по корпусу.

Беати вздрогнула и посмотрела назад. Когда она опять повернулась и посмотрела на Майло, на ее лице была широкая улыбка.

«Вы видите?» сказала она. «Вы видите? Без вас, я ничто. Император, благословенна будет его божественная благосклонность, дал мне силу, и скорость, и мощь за пределами человеческой. Но я не могу сражаться с врагом в одиночку. В одиночку, меня сокрушат. Чтобы жить, и чтобы побеждать, я полагаюсь на вас... на тебя, Майло, и на тебя Колм, на храбрых мужчин и женщин Имперской Гвардии, на моих верных войнов... и это Майло только что ясно продемонстрировал.»

«Мы всего лишь служим, Беати,» пробормотал Корбек.

«Мы все всего лишь служим, Колм,» уверила она его, положив ему руку на лоб. Яростная головная боль, которую он еще даже не осознал, эффект от ужасного инфразвука Гибельного Клинка, уменьшилась и исчезла. Он себя чувствовал так хорошо. Фес! Он чувствовал себя опять на двадцать один год!

«Все мы, вместе, на пути в ночь. Я, может быть, что-то... что-то... Я не знаю что. Знаковая фигура, по меньшей мере. Точка сбора. Лидер. Но я ничто без вас. Лидер – ничто, если ей некого вести.»

Она посмотрела на них.

«Вы понимаете? Я чувствую себя, как будто брожу в...»

«Н-нет!» уверил ее Корбек.

«Мы понимаем,» сказал Майло.

«Это не только обо мне,» сказал она. «Это обо всех нас. Души Имперцев, собравшиеся вместе, чтобы прогнать тьму.»

«Мы понимаем,» повторил Майло. Она повернулась, чтобы посмотреть на него, и опять улыбнулась.

«Я знала, что ты поймешь, Майло. Это начертано, как факт, в варпе. Теперь ты останешься со мной. С этого момента, пока все не закончится. Ты будешь защищать меня. Гаунт обещал то же самое.»

«Я буду, леди,» сказал Майло.

«Ты не боишься, не так ли?» спросила она.

Он помотал головой.

«А я буду,» сказала она ему.

Гаунт со своими войсками прибыл на Принципал III несколькими минутами позже. Гаунт пристально смотрел на впечатляющие останки сверхтяжелого танка.

«Что случилось?» спросил он.

«Случилась Беати,» сказал Корбек.

«Где она сейчас?»

«Наступает. Взвод Домора пошел с ней. И Майло тоже.»

«Майло?»

«Выглядело так, как будто он был очень важен. Как ее закадычный друг.» Гаунт нахмурился. «Выглядишь уставшим,» сказал он Корбеку.

«Это был долгий день, сэр.»

И он должен был стать еще более долгим, бесконечным. Имперцы, всего лишь, отбросили первую волну архиврага, а вторая приближалась у ней по пятам. У этой битвы перерывов не будет. Враг будет штурмовать Цивитас, пока он не падет.

«Я вызвал подкрепления,» сказал Гаунт своему полковнику. «Я хочу, чтобы отряды отошли назад и передохнули. Пусть твой тоже будет там.»

«С нами все в порядке, сэр,» запротестовал Корбек.

«Я знаю. Но все равно отступите. Отступают Сорик, Халлер, Бюрон, Эулер, Скафонд, Фолоре, Мерин. Присоединись к ним, пожалуйста. Залатайте раны. Завтра будет иметь значение, если я смогу выдвинуть взводы, как твой, отдохнувшими.»

«Если настанет это завтра,» вздохнул Корбек.

«Настанет,» решительно сказал Гаунт. «Теперь собери свой взвод и отступите.» Взвод Корбека шел назад по извивающимся пустым улицам к внутренним защитным позициям, обложенным мешками с песком Полком Цивитас и СПО вдоль всего Склона Гильдии.

Все они могли слышать яростную битву на окраинах города.

«Госпиталь,» сказал офицер СПО, указывая рукой. Дорден и Керт оборудовали его в пустом помещении для домашнего скота. Корбек отправил раненых туда, но сам стоял в растерянности.

Он что-то услышал. Звук из своего прошлого, вызывающий ностальгию, который шел из дома напротив помещения.

Он подошел к дому и заглянул внутрь. Этот звук! Визг пилы. Этот запах древесной пыли, это воспоминание...

Там был штабель высушенной древесины, прямо перед низкой дверью. Бледный материал с прекрасным цветом.

Корбек пробежался пальцами по волокну. Он позабыл, какую часть в его жизни занимали запах и ощущение дерева. Часть в жизни каждого Танитца.

«Помочь тебе, солдат?»

Корбек повернулся и стал вглядываться в темный интерьер строения. Старик, с древесной пылью на жестких волосах, укладывал доски на отрезной станок с пилой под светом единственной люминисцентной лампы.

«Совсем... не ожидал найти здесь такое место,» пожал плечами Корбек. Старик нахмурился, как будто не зная, что на это ответить, и поднял еще одну доску руками в перчатках. Его пила завывала.

«Колм Корбек,» Корбек кивнул старику, протягивая руку. Человек закончил распиливать доску, затем отложил ее в сторону и снял перчатку, чтобы пожать Корбеку руку.

«Гафри Вайз. Итак, чем-то тебе помочь?»

Корбек почесал голову, осматриваясь. «Я работал в месте, как это. Мой отец держал мастерскую дома, но он, так же, пилил много древесины. Это была лесная страна.»

Вайз кивнул. «Где это было?»

«Танит.»

Вайз подумал мгновение, и затем сказал единственные слова, которые потрясли Корбека. «Наловое дерево.»

«Вы знаете об этом?»

«Конечно,» сказал старик. Он ударил по переключателю и выключил пилу, так что они могли говорить, не повышая голосов.

«Вы знаете об этом?» повторил Корбек.

«Ты много лесов видел на Херодоре? Плантаций? Жизнеспособных насаждений? Мы завозим отосюду. Людям нравится дерево. Оно обнадеживает. И оно, так же, имеет разные формы. Мебель, рамы, панели, все, что угодно.»

Он поманил пальцем Корбека, подзывая его к двери между полок, нагруженных инструментами, горшками и хламом. За ней был склад. Здесь было большое количество древесины на полках, от пола до потолка, разделенных проходами. В воздухе пахло смолой.

«Все привезено,» сказал Вайз. «Большинство здесь колоци, клен и белый тофт с Хана, дешевые материалы. Повседневные. Но я, иногда, получаю кое-что лучше. Вон там, отрезок мягкой сосны с Эстимы. Ты когда-нибудь видел что-то лучше?»

«Хорошая штука,» согласился Корбек, поглаживая шелковую поверхность сосны.

«А это зрелый шилн с Брюнса. И у меня где-то есть несколько неподдельных кусков хвойного дерева с Геликана.» Вайз прошел по ближайшему проходу и нагнулся к

нижней полке. Он разорвал бумажную упаковку на небольшом грузе темного дерева. Она была пыльной. Ее давным-давно не трогали.

«Ну вот. Я так и думал, что что-то осталось. Использую только в особых случаях.» Корбек нагнулся рядом с ним и мгновенно понял, на что смотрит. Он тяжело сглотнул.

«Наловое дерево.»

«Точно. Прекрасная вещь. И стоит тоже неплохо.»

«Я знаю,» сказал Корбек. Качественная древесина была главным экспортным материалом Танита. Он сам работал на лесопилках, годы назад, нарезая необработанное дерево для экспорта.

«Не могу припомнить, сколько я заплатил. Это, должно быть, было не так давно, но когда я увидел, что есть у торговца, то не побеспокоился о цене. Это стоит расходов.» Корбек присел. На упаковке был приклеен ярлык с ценой торговца. Он прочитал дату продажи. Пятнадцать лет назад.

«Я подумывал заказать еще немного,» сказал Вайз.

Корбек вздохнул. «Вы больше ее не достанете,» сказал он. «Поставок больше не будет.»

«Что же, это досадно,» сказал старик.

«В самом деле, так.» Корбек едва не рассказал, чему он был свидетелем.

Он – и каждый Танитец – были уверены, что каждая часть их мира была мертва, за исключением их самих и вещей, которые они забрали с собой. Но здесь была часть Танита, которая выжила, которую не настиг огонь. Сколько еще этих маленьких реликтов осталось, в столярных и плотницких по всему сектору?

И как же фесово правильно казалось то, что это оказалось тут, с ними. Гаунт верил, что судьба связала их с Херодором, что какой-то невидимый процесс и космическая синхронизация привела их в это место и это время. И это было доказательством.

«Я вот подумал...» начал Корбек.

«Что?»

«Я вот подумал, что вы здесь делаете. Я имею ввиду, идет вторжение. На улицах никого нет, и все укрылись в ульях. Почему вы все еще работаете?»

«Заказы,» сказал Вайз. «Все прелести войны.»

«Заказы? Тогда что за заказы?»

«Делаю гробы,» сказал Вайз. «Нам нужно будет их очень много.»

Наступила ночь. Яростное сражение в северных секторах Цивитас не ослабевало. Оно освещало тьму вспышками и лучами. Ближе к сердцу города, мерцали тысячи желтых огней, наследие бомбардировки и постоянных авианалетов. Каждые несколько минут Цикада маячила в надвигающейся тьме и проносилась низко над Цивитас, сбрасывая бомбы или стреляя из пушек.

Вдали, на обси́де, войско вторжения продолжало приземляться. Подфюзеляжные фонари транспортников, морозно белые, горели в воздухе, как сигнальные огни. Кольца ламп окружали точки высадки и, под их ослепительным светом, пока холодная ночь опускалась на пустыню, выстраивались колонны бронетехники и формировались пехотные бригады. Стекланные поля были ярки от блестящих кругов. Боевые порядки Цикад на большой скорости пролетали над ними. Огромные транспорты приземлились, поднимая стены пыли, и сотрясая землю своим приземлением. Диафрагмы раскрывались вдоль бортов, и они в беспорядке выпускали стлук-танки. Другие, приземлившись, откидывали ramпы, как греющиеся на солнце крокодилообразные, и выпускали колонны бронетехники, бронетранспортеров, самоходных артиллерийских установок и транспортников на пыльную поверхность.

Над головой сияли низкие, зловещие звезды наблюдающих вражеских кораблей.

Саул, Снайпер, вошел в город через сектор Стекольного Завода. Он провел большую часть первого дня, скрываясь от передовых войск, которые наводняли Цивитас, улица за улицей. У Саула не было отвращения к битве, но штурм был не его делом здесь, на Херодоре, так что он предпочел не пачкать руки. Он оставил изнурительную работу бригадам смерти и бронетехнике. Он ни с кем не говорил, так как готовился к

заданию, которое возложил на него Магистр, но, тем не менее, прослушивал связь и был в курсе продвижения своих сил.

Изредка, он возвращался на вражеский канал. Предполагалось, что он зашифрован, но техножрецы взломали Имперскую защиту за несколько часов штурма. Саул бегло говорил на Низком Готике. Он нашел это полезным, чтобы понимать слабые души, на которые он охотился. Когда, посередине дня, его войска запустили свое оружие глушения радиопередач, он расстроился от того, что потерял сигнал Имперцев.

Сейчас сигнал вернулся. Это радовало его, несмотря на то, что это означало, что враг должен был уничтожить, как минимум, несколько специальных транспортов с псайкерами.

К ночи он дошел до пересечения Принципал IV и Улицы Бразена. Он узнал это из своего планшета. Техножрецы в первой волне вытащили почти доскональные детальные планы улиц из банков данных тактической службы Цивитас, которые были защищены, до смешного, слабыми программами защиты. Информация стекалась с поверхности от техножрецов на боевые корабли, где она всесторонне рассматривалась и передавалась назад любому подходящему отряду. Это означало, что она передавалась офицерам, командирам отрядов, командирам танковых частей и Саулу. Непрерывно обновляемая, непрерывно детализируемая картина города была доступна ему.

Надо было отдать должное тому, что Имперцы сражались хорошо в этот первый день. Они удержали Кварталы Масонов и Айронхолл, хотя это им стоило потерь. К утру, Саун был в этом уверен, будет совсем другая картина.

В области Стекольного Завода, Имперцев отбрасывали три раза за день, и они, отступая по любой возможности, удваивали свое сопротивление. Прослушивая связь, Саул понял, что Стекольный завод удерживается основными силами местного СПО и солдатами Полка Цивитас.

В этой области командовал полковник по имени Вибресон.

Этот Вибресон хорошо действовал в плохой ситуации. С наступлением ночи его силы затормозили атаку Кровавого Пакта вдоль Улицы Бразена и кварталов Стеклоанной

дороги. Бригады смерти, среди которые он скрывался весь день, сейчас окопались и заняли позиции.

Снайпер сел на бордюр позади горящего дома, всего лишь в нескольких сотнях метров от яростного сражения, и вытащил свой планшет. Он изучил карту на маленьком экране, так же, как прослушивал вражеский канал.

Отряд Кровавого Пакта прошел мимо него, и он проигнорировал их. Наступила ночь, и это был его час, время раствориться в тенях и пойти вперед. Ночь могла предоставить ему возможность подойти на расстоянии выстрела к его цели, и тогда ему надо будет только ждать, тихо и неподвижно, как труп, пока не настанет момент.

Саул переключился на канал своей стороны и недолго послушал. Офицеры, используя имя Магистра для устрашения и обещаний, запрашивали больше бронетехники, чтобы она атаковала укрепления на Улице Бразена и уничтожила их. Саул улыбнулся. Это было нехорошо. Имперцы очень хорошо укрепились. Их линия должна была держаться довольно долго.

Она бы выстояла против такой силы. Против физической атаки.

Но Саул был очень опытен в искусстве войны. Их оборона не выстоит против страха и замешательства. Ни на мгновение. Страх и замешательство должны сделать за минуту то, на что потребуется целый день полной бронетанковой дивизии.

Он переключился обратно на Имперский канал. Он ждал слова «Барабанная дробь.» Имперцы – эти бедные дураки – так любили свои кодовые названия. Они думали, что так умны. Они никогда не упоминали Вибресона лично, но именно «Барабанная дробь» это и означала. Барабанная дробь была нужна на Улице Кастена. Барабанная дробь передвигалась с двенадцатым взводом к Перекрестку Рейвенора. Разрешит ли Барабанная дробь перемещение двенадцатого взвода СПО к Акведуку Сеспре?

Идиоты. Это была игра детей, пытающихся спрятать правду от взрослых. Это всегда была ошибка Имперцев. Они всегда считали армии варпа отбросами, и всегда думали, что они тупые.

Где была сейчас Барабанная дробь?

«Барабанная дробь, это Часовой. Ответьте.»

«Часовой. Ситуация?»

«Сильный обстрел. На пересечении Бразен и Филипи. Запрашиваю поддержку.»

«Держитесь, Часовой. Посылаю первый и второй к вашим позициям через пять. Здесь ураган дерьма на IV. Часовня Киодруса под непрерывным мощным огнем.»

«Принято Барабанная дробь. Справитесь?»

«Ожидайте.»

Саул посмотрел на свой планшет. Он снял правую перчатку и повел своим, обезображенным шрамами, средним пальцем по линии Принципал IV. Он держал свой правый указательный палец у ладони. Это была единственная часть его рук, которая не была ритуально шрамирована. Все-таки это был его рабочий палец.

Часовня Киодруса. Вот она. Храм, возведенный в честь какого-то командующего засранца, который был рядом со Святой в давние времена. Очевидно, он это заслужил.

Сайл поднялся на ноги и засунул планшет в набедренный карман. Он надел перчатку и поднял свой лонг-лаз.

Ему понадобилось двадцать минут, чтобы пройти по окраине квартала, избегая свои собственные войска так же, как и вражеские, до того, как он попал на Принципал IV.

Он мог видеть часовню, высокое, горделивое место из тесаного камня. Ее фасад был весь в дырах от снарядов. Перекрестный лазерный огонь хлестал перед ней. Дым застилал ранний ночной воздух.

Саул пересек широкое авеню, держась пригнувшись, и снес одним ударом дверь дома с петель. В здании было затхло и грязно. Вонь от разлагающегося дерева стояла на каждом этаже.

Снайпер прошел пять пролетов и вломился в комнату. Взглянув на окно, он понял, что вид наружу был немного неправильным, и он вернулся и поднялся еще на этаж выше.

Лучше.

Он поднял окно и зафиксировал его ножкой стула.

Затем он подготовился.

Саул прикрепил свой прицел. Он жужжал и моргал, пока картинка не стала нормальной. Зеленая с черным, подсвеченная, с высоким разрешением. Он поводил прицелом. Передняя часть часовни. Боковая. Аллея сбоку от нее. Баррикады. Теперь он увидел мерцание яркого света лазерного огня. Дульные вспышки нескольких пушек. Он подстроил чувствительность прицела.

Он видел фигуры. Имперцы. Темные кляксы. СПО и Полк Цивитас, разместившиеся за укреплениями, невидимые с улицы позади хороших укреплений, но, эх, такие уязвимые с его высокой точки обзора.

Где ты, Барабанная дробь?

«Барабанная дробь, это Часовой. Срочно ответьте!»

«Слышу вас. Часовой. Сейчас немного заняты.»

«Они сильно наступают, Барабанная дробь.»

«Черт возьми, я сказал, подождите!»

Сайл опять поводил прицелом. Фигуры. Подносчик боеприпасов, с трудом взбирающийся на баррикаду, нагруженный коробками. Медик, склонившийся над скорченным телом. Три стрелка в укрытии, стреляют. Вокс-офицер, стоящий на одном колене, протягивающий трубку вокса.

Протягивающий трубку вокса человеку, чей язык тела явно говорил о гневном разочаровании.

«Ну привет, Барабанная дробь,» мягко сказал Саул на Низком Готике, посмеиваясь про себя от того, как это звучит.

Он снял правую перчатку и взялся за рукоять оружия. Его единственный безупречный палец мягко лег на спусковой крючок.

Рукой в перчатке он залез в кармашек на поясе, выудил заряд и зарядил им лонг-лаз.

Оружие загудело, и загорелась маленькая красная точка.

Заряжено на максимум.

«Именем Беати, Барабанная дробь! Нас тут зажали!»

«Заткнись, Часовой! Держите себя в руках. Подкрепление на подходе. Держите себя в руках и никого не убьют.»

Не в твоём положении делать какие-то обещания, подумал Саул.

Он не замедлял дыхания для выстрела. Ему не нужно было. Его легкие тридцать лет назад были заменены аугметическими кислородными обменниками, у которых не было подвижных частей, и поэтому никакого движения тела. Он просто отключил их и стал твердой статуей из плоти.

Лонг-лаз протрещал.

Саул резко убрал оружие и сел спиной к стене.

«Повторите?»

«Мертв! Он мертв!»

«Повторите, Барабанная дробь!»

«Он мертв! Вибресон мертв!»

Так сильно убиваются по своим дурацким кодовым именам, думал Саул.

Страх и замешательство. Более разрушительны, чем целая бронетанковая дивизия. СПО вокруг часовни запаниковали, когда их любимый лидер был убит. Через пятнадцать минут паника превратилась в фатальный недостаток.

Атакуемая бригадами смерти, линия распалась. Ее прорвали в шести местах вдоль Принципал в, примерно, одно и то же время. Лишенные руководства, Имперские защитники стали небрежны и были уничтожены.

К полуночи, захватчики прорвались в Цивитас до Улицы Ломана, всего лишь в нескольких кварталах от Круга Астрономов, глубоко в западные сектора города. Саул

следовал за волной, шествуя по ее кровавым следам через горящие улицы, заполненные мертвыми солдатами СПО.

Прямо после полуночи, в одиночку он прошел мимо передовой своей войск, и скользнул на темные улицы центрального города и Склона Гильдии. Быстро отступающих и плохо организованных Имперских защитников было легко избегать.

Цель ожидала его.

Война грохотала далеко над ним, как чей-нибудь ночной кошмар. Шлепая аугметическими ногами по теплой воде, Каресс продвигался вперед. Когда известняковые полости становились слишком узкими, он расширял их своими лазерными резаками. Вонь плавленого камня и пепла наполнила воздух.

Каресс не мог чувствовать этого. Он не мог чувствовать тепло. Он ничего не чувствовал, кроме машинной боли своей сущности. Он продвигался вперед, метр за метром, во внутренности Цивитас.

«Запад пал,» сказал помощник Люго.

Калденбах повернулся лицом к нему, с мучительным выражением лица.

«Пал?»

«Разбит, сэр. Исчез. Вибресон мертв. Сейчас они потоком идут через Стекольный Завод.» В комнате, маленьком помещении в подвале фабрики Айронхолла, стало тихо. Люминисцентные лампы мерцали. Вокс-офицеры оторвали взгляды от переносного оборудования, которое они установили в импровизированном командном пункте.

Калденбах удерживал Айронхолл почти восемнадцать часов, и был чрезмерно горд тем достижением, которого Гвардия под командованием Гаунта достигла на востоке, но Калденбах чувствовал, что их усилия не шли ни в какое сравнение с теми, которые делают он и его люди. Две передовые группы архиврага напали на Айронхолл, и он разбил их.

Если Стекольный завод пал, тогда, внезапно, весь его левый фланг был открыт.

Калденбах вызвал Капитана Ламма по тактическому гололиту. «Мы тут на волоске, мистер. Мне нужно, чтобы вы организовали оборону. Тут, тут и тут. Используйте Принципал II, как линию обороны.»

«С удовольствием. Что вы мне можете дать?»

«Девять единиц. Ваши же транспорты. Я пошлю сигнал маршалу и запрошу подкрепления.»

«Он должен сделать что-то большее, чем это, сэр,» сказал Капитан Ламм. «Ему нужно развернуть свои силы вдоль Склона Гильдии, или можно сказать, что с нами уже покончено.»

Калденбах кивнул. «Направляйтесь туда, Ламм,» приказал он. «Вокс-офицер... ко мне!»

Ночной воздух был сухим и горьким. Ламм вел свои отряды вперед через лпустевшие городские улицы к увеличивающимся огням, которые обозначали продвижение архиврага. Им пришлось одеть респираторы. Слишком много процессоров было забито и разрушено при вторжении.

Его растянувшаяся линия войск достигла Принципал II, и некоторые уже вступили в бой. Ламм вломился в дом и пошел на верхний этаж со связистом и тремя своими офицерами, чтобы найти хороший обзор.

Ламм встал на колени перед подоконником окна верхнего этажа, и провел своим биноклем по горящему, умирающему Цивитас внизу. Пожары и взрывы показывались, как точки белого света, такого яркого, что перегружали фильтры прибора. «Там,» сказал Ламм. «Там, на дороге. Отправьте отряд туда прямо сейчас.» Связист не ответил.

Ламм осмотрелся, моргая, чтобы привыкнуть к темноте комнаты. Не было никаких признаков Форбса, его связиста. Или его трех товарищей офицеров.

Ламм поднялся, ошеломленный.

«Что...?» начал он.

Он услышал какое-то движение в ванной.

«Сейчас не время, идиоты!» рявкнул он, все равно вытаскивая свой пистолет. «Где ты, черт тебя дери? Форбс? Сейчас не время для шуток!»

«Ответь!»

Трескучий голос заставил Ламма подпрыгнуть. Он шел из вокс-передатчика. Он был прислонен к стене, ремешки свободно болтались. Не было никаких признаков связиста, который его нес.

Послышался еще один звук из ванной. Ламм поднял пистолет и выстрелил в дверь. Лаз-заряд проделал дыру в дереве. Свет пробивался сквозь нее. С пистолетом наготове, он толкнул дверь.

Свет над головой был ярким и неприятным.

Ламм нашел Форбса и своих трех офицеров. Они были в литой пластиковой ванне.

С них срезали одежду, кожу, и вообще их было не узнать. Ванна была наполнена до краев блестящим попури из крови, мяса, костей и органов. Кровь капала на напольную плитку.

Ламм задохнулся от неверия, упал на колени и его вырвало.

Он услышал шелест позади него в темноте. Это был шелест плаща. Плаща из влажной человеческой кожи.

Ламм откатился и выстрелил, всаживая выстрел за выстрелом в дальнюю стену комнаты.

Он прекратил стрелять и встал, оружие было крепко зажато в его трясущейся руке. Его собственное дыхание отзывалось в ушах скрежетом.

Он поводит оружием влево и вправо. Он это убил? Убил?

Внезапно грудь Ламма наполнилась теплом. Он моргнул и поднял руку. На его груди была густая горячая кровь.

Рукой он дотянулся до горла, и два его пальца внезапно вошли в разрез на плоти, которого не было здесь еще десять секунд назад. Кончиками пальцев он нащупал

сухожилия в горле и пищевод. Его глотка была перерезана. Он не чувствовал настоящей боли, просто чудовищное удивление.

Скарфаэль продолжил свою искусную работу. Его болин, с двойным лезвием, каждое из которых было мономолекулярным, вонзилось в шатающегося, задыхающегося Ламма. Он вскрыл ему позвоночник по всей длине, пока человек все еще стоял прямо, и вонзил болин сквозь почки и поясничные мышцы.

Кровь начала выплескиваться под давлением. Скарваэль открыл рот и высунул свой длинный, серый язык, когда кровь начала хлестать на него.

Ламм упал на лицо.

Скарваэль размазал кровь по щекам и вокруг глубоко посаженных глаз. Это, казалось, сделало его глаза более черными и глубокими, в контрасте с его вытянутой белой плотью.

Он вздохнул. Он не будет таким снисходительным и милосердным к Беати.

Патер Грех утихомирил своих безглазых подопечных и крепко прижимал с боков. Они шли в центре Принципал I в темноте, пожары вокруг них, и карликовые псайкеры, были капризными. Они были прямо в центре широкой магистрали.

Фигуры вышли из укрытия перед ними. Имперцы. С поднятыми лазганами. Они выкрикивали пароли, уверенные, что ни один враг не станет приближаться так дерзко и на открытом пространстве. Шокированный пилигрим и его дети, отчаянно ищущие помощь, блуждающие вслепую... вот, кем они были...

Син присел, зашептал карлика в уши и они зарялись. Они широко открыли свои влажные рты. Глубокое жужжание наполнило воздух.

Имперские солдаты замерли и повернулись друг к другу с затуманенным взглядом. Затем они открыли огонь. Через пять секунд все они были мертвы, товарищ, убитый товарищем.

Маленькие уродливые существа закрыли рты, и Грех подлом своей шелковой робы вытер слюни в уголках их ртов. Затем он взял их за руки, и повел через разбросанные тела. Псайкеры спотыкались, сопротивляясь, как очень маленькие дети.

Один начал открывать и закрывать свой рот в вялой, взволнованной манере. Другой поднял свободную руку, согнув, и махал ей вперед и назад рядом с ухом.

«Мы почти на месте,» снова и снова вполголоса повторял Грех своим карликам.
«Почти на месте...»

Виктор Харк крался по освещаемым огнем булыжникам Квартала Масонов. Он вытащил свой плазменный пистолет.

«Мкендрик?» раздраженно воксировал он. «Мкендрик? Где, фес тебя, ты?» Ответа от восемнадцатого взвода не было. Они удерживали перекресток у Западного Бульвара Армонсфала, но они не ответили по воксу через пятнадцать стандартных минут.

Харку не нужна была эта задержка. Все его мысли были о Сорике. Он не был уверен, как будет доносить это Гаунту, но его долг был недвусмысленным. Сорик должен был умереть. Он был источником неприятностей. Позорным псайкером. Он был опасностью. Мерин был прав. Даже люди Сорика, как Вивво, больше не смогут покрывать его.

Харк был этим расстроен. Сорик был хорошим человеком и Вергхастские призраки любили его. Но это не скрывало правду, что Сорик был слишком опасен, чтобы жить. Слишком, слишком опасен. Ему нужно было всадить пулю в голову, пока не станет гораздо хуже.

Это была работа комиссара. В общих терминах. Черное и белое. Это был долг. И Харк был ничем больше, кроме как рабом долга.

Харк споткнулся и упал лицом вниз. Его пистолет отлетел в тени улицы. Он проклял свою тупость и посмотрел назад на то, обо что он споткнулся.

Харк замер.

Он споткнулся о Мкендрика. Танитец был мертв, взорван, его куски валялись по всей улице.

Харк медленно опознал остальные тела в темноте. Лентрим, Мколей, Дилл, Коммо... все женщины и мужчины из восемнадцатого взвода. Все мертвы.

«Ох, Святая Терра...» пробормотал Харк и потянулся к микро-бусине. Затем он снова замер. Посреди запаха копоты и крови, он смог внезапно обнаружить вонь измельченной мяты и прокисшего молока.

Он поднял взгляд наверх и увидел их.

Скользя своими липкими телами, рядом друг с другом, тройня плавно передвигалась дальше по улице.

Хотя их было трое, они извивались, как единое целое. Их оружие щелкнуло, когда они перезарядились.

Харк потянулся за своим плазменным пистолетом, но он был слишком далеко. Перекатившись, он вытащил свой резервный, короткоствольный револьвер Хостек Ливери.

Он выстрелил. Тупоногая пуля попала в скользкий бок одного локсатля, и он начал шипеть и свистеть, как чайник на плите.

Двое его собратьев выстрелили из своих флешетов.

Харк закачался, как будто попал в воздушный поток от какой-то большой, быстро движущейся машины, которая пронеслась близко рядом с ним. Но он не упал, и даже не чувствовал никакой боли. Он медленно огляделся. В трех метрах от него, он увидел свою левую руку, аккуратно оторванную, лежащую в расширяющейся луже артериальной крови. И еще он не мог смотреть своим левым глазом.

С яростным, беспомощным криком, Харк внезапно упал на спину и начал быструю и неконтролируемую работу по истеканию кровью до смерти.

ДЕСЯТЬ

ВТОРОЙ ДЕНЬ

«Наш благородный и могучий Лорд Генерал Люго сказал 'победа или смерть!'»

«Что подкинуло ему мысль о том, что нам предложили выбор?»

- Роун

За несколько минут до рассвета второго дня, со своего командного пункта высоко в улье, Люго прислал приказ к отступлению.

С широко открытыми северо-западными пригородами Цивитас, район Айронхолла находился под увеличивающимся давлением всю вторую половину ночи, и Калденбаху, в конце концов, с неохотой, пришлось сигнализировать своим войскам, чтобы они больше его не удерживали.

Когда приказ дошел до Гаунта, он выругался, хотя и видел в этом смысл. Если Калденбах отступит, то Квартал Масонов будет сам по себе, заметно уязвимый для клешней сил архиврага, заполонивших все вокруг.

Северные сектора Цивитас нужно было сдать.

К счастью, Калденбах был разумным лидером и методичным человеком. Он не просто отправлял свои растянутые войска в битву. Он знал жизненную важность разумного отступления, знал, что территория должна быть сдана только для тактического объединения. Он согласовал с Гаунтом отступление так, чтобы вся линия могла бы отходить так аккуратно, как только возможно, предоставляя взаимное прикрытие и поддержку.

Это был трудный и кровавый процесс, занявший пять часов. Он почти провалился из-за более чем дюжины случаев. Дважды, бронетехника СПО на фланге Стекольного Завода отступала слишком быстро, не предоставляя прикрытие пехоте к северу от нее, и это создавало бреши, которые Калденбаху приходилось каким-то чудом закрывать. Затем атака бронированных противопехотных машин на командный пункт Калденбаха едва не нанесла смертельный удар, который был отклонен импровизированной контратакой людей из Полка Цивитас. Области отступления Гаунта опустошались авианалетами, три из которых нанесли оборонительным рубежам большой ущерб и привели к опасным передислокациям, когда отряды захватчиков попытались воспользоваться уязвимостью. Затем отряды Даура были посланы на восток вдоль Улицы Фаркиндла, чтобы снять давление на несколько взводов, пытающихся отступить под огнем, но обнаружили, что дорога заблокирована огненным штормом по всей ширине. Взвод Раглона, уже отступивший в относительную безопасность, отважно сымпровизировал, и снова выдвинулся вперед, как раз вовремя, чтобы прикрыть Даура, которого едва не отрезали.

Любая из этих близких катастроф могла оставить брешь в линии отступающей Гвардии, и можно было бы гарантировать печальную судьбу для каждого солдата в отступающих войсках.

За час до полудня, под бледным небом, серым от дыма горящего внешнего города, последние силы Гаунта и Калденбаха достигли укреплений Склона Гильдии, и заняли старую линию. К северу от них, по пятам шли отвратительные полки архиврага, хлынувшие сквозь брошенные пригороды, чтобы начать объединенный штурм Склона Гильдии.

Началась вторая фаза битвы за Цивитас Беати.

Снаряды и прочие дальнобойные боеприпасы теперь падали на внутренний город и попадали в башни улья. Взрывы, усеивающие широкие поверхности высоких ульев, казались искрами спичек на склонах гор, но ущерб увеличивался. Тяжелая артиллерия выдвинулась с обсид на позиции внутри захваченных северных районов города. Вражеская воздушная мощь так же начала концентрировать свои атаки на суперструктурах улья. Противовоздушные батареи на крышах и верхних уровнях всех четырех башен улья, большинство из которых поспешно подняли туда за предыдущие дни, оказывали бесцеремонное сопротивление. Со Склона Гильдии картина была впечатляющей, даже если дым часто закрывал ее: штурмовики, мелькающие и кружащиеся, как мухи в воздухе, исполосованном трассерами и лазерным огнем, и распускающиеся, как цветки, взрывы.

Другие звуки тоже прокатывались вдоль Цивитас: наводящие ужас звуки. Мерзкие прокламации текстов варпа заполнили вокс-каналы, или распространялись из громкоговорителей на приближающейся технике, на высокой громкости.

Упавший молитвенный горн, Горгонавт, был установлен обратно на свою башню, и направлен на улья.

Через него передавались всякие непотребства, часто усиленные крики Имперских солдат, гражданских и пилигримов, захваченных во время первой фазы.

Акустический штурм охлаждал пыл и волновал уже потрясенных и утомленных защитников, и комиссары – двойняшки Китл в особенности – были заняты

наказаниями, посредством казни, тех солдат, чья отвага исчезла под психологическим давлением.

Под ним становилось тяжело думать. Становилось тяжело хотеть жить. К полудню, несмотря на то, что эффекты от звукового штурма еще не полностью проникли внутрь башен улья, все те, кто находился на открытом Склоне Гильдии и в среднем городе, включая большую часть защитников, истекали потом и заболели. Нервы были вытрепаны, желудки выворачивало. И даже в этом случае, они должны были сражаться. Бригады смерти штурмовали Склон Гильдии с северо-запада и северо-востока. На баррикадах, линиях обороны и укрепленных точках, Имперские солдаты сражались и умирали со слезами на глазах, испытывая страдания от бессвязных, шипящих звуков истинного зла.

Сорик прекратил читать сообщение, которое пришло ему. Письма становились все более жалкими и отчаянными, и там, где можно было что-то разобрать, они просто оскорбляли. Он был жалким дураком.

Он был трусом. Он был гаковым ничтожеством. Автор, каким бы он ни был, какой бы ни была эта часть него, становился непонятным и доведенным до отчаяния.

Он разместил свой взвод за пятнадцать минут между артиллерийскими обстрелами, и сейчас сидел в дверном проеме, сгорбившись, с трясущимися руками, куря сигарету с лху. Во рту был привкус желчи, который не уходил, и его глаз продолжал слезиться. Он высматривал Харка. Харк знал.

Сорик был храбрым человеком всю свою жизнь. Несмотря на тошноту и страх, которые он испытывал, сейчас, больше чем когда-либо, он знал, что Майло был прав. Сорику всего лишь надо было быть достаточно храбрым, чтобы поступить правильно.

Пока не было еще слишком поздно.

«Мор!» крикнул Сорик, когда встал и раздавил окурок ногой. Связист его отряда быстро подбежал.

«Найди для меня Гаунта, пожалуйста.»

Мор кивнул, поставил свой передатчик на землю и начал говорить в трубку, когда подстроил его.

«Направляется на полевой пункт, на Улице Тарифа, шеф.»

Сорик проверил по планшету. Улица Тарифа была близко.

«Еще он вызвал Комиссара Харка, шеф,» добавил Мор.

Лицо Сорика потемнело. Слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно...

«Вивво!» крикнул он.

«Шеф?»

«Ты командуешь взводом здесь какое-то время, парень. Слушай приказы и выполняй их хорошо.»

«Шеф? А вы куда? Шеф?»

Но Сорик уже бежал прочь по улице.

Тонкий серый дым от танкового снаряда плыл по узкой дороге на Склоне Гильдии. Богато украшенные склады, принадлежащие гильдии, стояли по обе стороны мостовой, и на юге, наверху пологого склона, колоссальные башни улья возвышались над крышами.

Мало что, раздумывал Варл, отличало эту конкретную улицу от той, которая была непосредственно к северу, или от той, которая была прямо на юге. Они все были частями лабиринта среднего города, все изрытыми снарядами и наполненными дымом.

Тем не менее, эта улица отмечала вторую линию обороны, защитное кольцо вокруг среднего города, к которому отступили Имперские войска. А в частности, эта улица была частью второй линии, которую защищать было долгом его взвода. Квартал к западу защищали стрелки СПО. Квартал на востоке, Варл узнал это из надежного источника – ну ладно, по крайней мере, от тактической службы – защищал квартет танков Люго. Он не видел их, но верил, что они там.

С полудня, у его непосредственных соседей было тихо, не считая раздражающего, отдающегося эхом вещания архиврага и единственной атаки бригады смерти Кровавого Пакта, которую его люди отбили отменным продольным огнем.

Варл мельком глянул дальше по улице, где люди из взвода под номером девять были в укрытиях и ждали. Он увидел Баена, разведчика его взвода, спешащего назад к нему после набега на перекресток.

Патер Грех и двое его подопечных шли в шаге позади Баена.

Варл вытащил сигарету из кармана куртки и протянул ее Бростину, сидевшему в укрытии позади него.

Бростин услужливо поджег кончик сержантского курева голубым огоньком своего огнемета.

Глубоко затянувшись и выдохнув, Варл кивнул Баену, когда тот близко подошел. Патер и псайкеры были практически позади Варла.

«Есть что-нибудь?» спросил Варл.

Баен помотал головой. «Никаких фесовых признаков. Я проверил перекресток и немного дальше. Они очень сильно обстреливают Улицу Катца, бедные ублюдки из СПО. Но больше ничего. Кроме --»

«Кроме чего?»

Баен пожал плечами. Грех крепко держал своими массивными руками плечи своих двух карликов, и пошел в ними вперед. Вся троица прошла между Варлом и Баеном.

«У меня забавное ощущение, что за нами наблюдают,» сказал Баен.

Варл улыбнулся. «Ничего страшного. Просто все на пределе. Мы все это чувствуем.»

Син остановился, и прижал своих псайкеров ближе, когда сделал шаг назад и уставился в лицо Варлу. Он узнал униформу на человеке. Танитцы. Эти люди были Призраками. Теми, кто украли у него победу на Хагии. Надо было благодарить псайкеров за предупреждение, из-за которого он выжил и забрался так далеко. Очень немногие из его племени спаслись с Хагии живыми.

Чувство обиды и мести кипели внутри него. Губы Греха скривились над имплантированными стальными клыками. Это были жалкие людишки, которые мешали ему. Вот этот, сержант по его знакам различия, неопрятный,

легкомысленный, обезабраженный аугметическим плечом. Никчемный маленький ублюдок, который –

На мгновение, Грех почти позволил псайкерскому покрову упасть, чтобы они могли видеть его. Он мог убить их всех, вырезать их, повернуть их собственное оружие против них.

Но терпение и преданность клятве сдержали его. Он уже перенапрягал своих детей, а он хотел, чтобы они были сильными и отдохнувшими перед предстоящей работой. Они были уставшими, и из-за этого ими было сложнее управлять. Один из них упорно продолжал махать своей рукой. Маскироваться было легче, чем управлять кем-то, и поэтому он превратил эту улицу в подобие кладбища, чтобы пройти.

Кроме того, его месть Танитцам будет всеобъемлющей, когда его работа будет законченной. Скоро эти люди будут мертвы. Даже лучше, они умрут, отрезанные от веры и надежды.

Он повел своих детей прочь, по уходящей вверх улице. Они прошли мимо еще трех зданий, игнорируемые Имперскими защитниками, и затем повернули прямо на юг. Грех положил руки на головы своих псайкеров. Они оба вздрагивали и бормотали.

Грех чувствовал, что он на правильном пути. Он был уже достаточно близко.

Он поторопил псайкеров уйти прочь с дороги в крытый рынок. Все продуктовые магазины были закрыты и ставни опущены, деревянные щиты были частично подняты, чтобы защитить стеклянную крышу.

Он повел карликов дальше по мощеной дорожке одного из рядов рынка, и затем усадил их за тележкой продавца пуговиц.

Син успокаивал их своим тихим, сладким стоном, и они вошли в спокойное состояние транса от повторяющихся ритуальных слов управления.

Они стали бездвижными. Даже махание прекратилось.

«Устремитесь,» прошептал он. «Найдите инструмент...»

Его татуированная кожа стала красной от прилива крови, и ее начало покалывать, когда он почувствовал их забурлившие кошмарные мысли. Началось тихое жужжание. Медленно, улица за раз, они устремлялись вперед, охотясь.

Охотясь на дефектных. Опасных. Пригодных.

Вон там, один. Нет, слишком сильный.

Там! Другой, слабее... но нет. Раненый.

Еще один... и он отшатнулся в ужасе, слишком хрупкий, чтобы быть помеченным.

«Еще, еще...» успокаивающе говорил он.

Там...

Роун заморгал. Он поднес руку ко рту, кашляя, и когда он убрал руку, ладонь была мокрой от крови.

«С тобой все в порядке?» спросила Бэнда.

Роун не ответил ей. Он начал идти к выходу, который вел из дома на улицу.

«Майор?» позвала Бэнда более настойчиво.

«Майор Роун?» сказал Каффран, вставая из укрытия за разбитым окном, чтобы догнать своего командира взвода.

«Отставить, солдат,» резко сказал Роун и снова кашлянул.

Снаружи, танковые снаряды от последней атаки Кровавого Пакта со свистом проносились мимо и ударяли по ближайшим фабрикам. Огнестрельное оружие трещало на открытой улице.

Лейр, разведчик третьего взвода, пригнувшись присматривал за дверью, и в смятении смотрел, как Роун проходил мимо него.

«Сэр!»

«Уйди с дороги,» сказал Роун.

«Сэр!» крикнул Лейр, более настойчиво. «Вас там убьют за пять секунд, если вы высунете туда голову --»

Он протянул руку, чтобы схватить за руку Роуна. Роун резко развернулся, кровь капала у него из носа. Его кулак врезался Лейру сбоку головы, и разведчик упал на землю.

Фейгор рванул вперед, перепрыгивая растянувшегося Лейра, и врезался в Роуна. Он опрокинул майора в дверном проеме, локтем заставив деревянную дверь открыться. Вражеский огонь, свирепый и непрекращающийся, обрушился на дверь и вокруг нее, наполнив воздух деревянными щепками и пылью.

Роун приземлился на спину. Лежа ничком, он лягнул обеими ногами так, что Фейгор отлетел, сложившись пополам, через комнату, а Роун резко поднялся на ноги. Каффран быстро подбежал сбоку, делая удар рукой, который Роун заблокировал поднятым предплечьем. Каффран нанес второй удар, который Роун отклонил открытой ладонью, и, уходя от третьего выпада в сторону, нанес удар солдату локтем в горло.

Каффран упал на четвереньки, задыхаясь. К этому времени Лейр был снова на ногах, делая хук в сторону головы Роуна. Роун схватил разведчика за запястье, и крутанул так сильно, что почти сломал его. Лейр закричал от боли и рухнул на колени. Фейгор, сжав кулаки вместе, ударил Роуна по шее.

Роун пошатнулся, кровь полетела у него из носа. Он ударил ногой назад, и Фейгор опять отлетел к стене, затем повернулся и шатаясь пошел к двери.

Бэнда опрокинула его на землю.

Она перевернула Роуна под собой и прижала свой серебряный клинок к его шее. В отчаянии, она смотрела ему в лицо.

«Элим! Элим! Какого гака ты пытаешься сделать?»

Он посмотрел на нее, а затем обмяк, его расфокусированные глаза пытались сфокусироваться.

«Фес...» запнулся он.

Он встала с него, держа свой боевой нож поднятым, кончиком к нему. Роун поднялся, когда Каффран, Фейгор и Лейр снова приблизились.

Роун моргал, смотря на них.

«Кафф? Жесси Мюрт? Что за фес я только что делал...?»

Нет! Слишком сильный. Слишком волевой. Слишком любим другими душами, которые выдернули его обратно.

Двойняшки расстроились. Они начали завывать и хныкать, и жужжание потекло из их открытых ртов.

«Шшшш!» проворковал им Грех. «Будет другой. Найдите его. Найдите инструмент. Устремитесь.» Успокаиваясь, они отправили свои разумы снова.

Вон там, один... нет, слишком взволнованный.

Другой... бесполезен, готовится быть убитым Кровавым Пактом.

«Найдите одного, найдите одного... найдите того, кто будет служить и пометьте его. Заклейте его целью. Сделайте его инструментом...»

Разумы двойни внезапно остановились от толчка. На мгновение, Грех подумал, что ему придется начинаться все сначала, но затем он осознал, что они остановились, потому что нашли именно то, что они и искали.

Без сомнений.

Патер Грех улыбнулся. Через эмпатический контакт с карликами, он мог почувствовать вкус разума избранного инструмента. Это было очаровательно. Великолепно.

«Пометьте этого!» прошипел он, и маркировка началась.

Брин Майло укладывался спать. Его голова болела, и он устал так, как никогда прежде.

«Тебе нужно поспать,» сказала она.

Майло поднял взгляд. Он не был уверен, было ли это указанием или мнением. Он не мог говорить с ней.

«Я устал,» сказал он.

Саббат улыбнулась. «Мы все устали, Майло. Но это долго не продлится. Судьба приняла решение. Она идет.»

Он подивился, имеет ли она ввиду тот ошеломительный штурм, который обрушился на их позиции на второй линии, но казалось, что она, по какой-то причине, вглядывается в небо.

Майло был весь в грязи и порезах в дюжине мест от шрапнели. Большинство из людей Домора, которые пошли с ними, были такими же. На Беати не было ни пятнышка, ни царапины. Если уж на то пошло, ее бледная кожа и золотая броня казались ярче и чище, чем когда-либо.

«Как все закончится?» спросил он.

«Так, как этого захочет судьба,» ответила она.

«Кажется, вы верите в судьбу,» сказал он. «Я думал, что вы верите в Бога-Императора.»

«Если и есть какой-нибудь закон, какая-нибудь справедливость для этого космоса, Майло, то они одно и то же. Я нашла свой путь, и путь проложен.»

Ракеты ударили по зданиям к западу от них, и вслед за ними минометные снаряды. Майло услышал, как Домор кричит своему взводу отступить. Майло встал и повел Беати за ними.

Имперцы сейчас отступали по всей хваленой второй линии. Было правильным добраться через Склон Гильдии к ульям до сумерек. Они проигрывали.

Сражаясь тяжело, сражаясь хорошо, но все равно проигрывая.

Майло и Саббат забрались в укрытие, слушая лязг приближающихся вражеских танков и хруст разбитых стен под траками.

«Я знал кое-кого, кто так сказал,» сказал Майло.

«Сказал что?» спросила она, стирая пыль с лезвия своего меча.

«Что она искала свой путь. Что она нашла свой путь.»

«Она нашла?»

«Я не знаю. Она говорила, что думала, что ее путь был в войне... но я не верил ей.»
Саббат нахмурилась. «Почему? Она не говорила правду?»

Майло улыбнулся и помотал головой. «Ничего такого. Я просто не знаю, понимала ли она, что означает война.»

«Как ее звали?»

«Сания. Ее звали Сания. Я знал ее недолго на Хагии. Мы защищали в --»

«Я знаю, что вы делали на Хагии, Майло.»

Майло пожал плечами. «Я думаю, что я влюбился в нее. Она была очень сильной. Очень красивой. Я бы остался с ней, если бы мог.»

«И что тебя остановило?» спросила Беати. Она повернулась и махнула команде пушки .50 Домора в сторону точки, где они могли вести перекрестный огонь по приближающейся бригаде смерти.

«Долг?» предположил Майло.

«Долг - это награда нам,» сказала она.

«Так они и говорят,» ответил он.

«Кто я?» спросила она, приблизившись к нему.

«Вы – Саббат. Вы – Беати,» ответил он.

Она кивнула. «Он скоро придет.»

«Кто?»

«Причина, по которой я здесь, а не в каком-нибудь другом месте. Причина, по которой мы все здесь.»

«Я не понимаю.»

«Поймешь,» сказала она. Еще одна ракета упала рядом и снесла стену в десяти шагах от того места, где они скрывались. Майло закашлялся.

«Ты ранен?» спросила она.

«Моя голова. У меня самые жуткие головные боли.»

Беати кивнула. Она отползла назад под огнем и позвала Домора.

«Шогги!» Она с удовольствием увидела, как засияла его улыбка, когда он услышал, как она зовет его по прозвищу.

«Отведи людей к Перекрестку Саенца. Пусть окопаются. Подкрепление бронетехники приближается.»

«Как вы это узнали, Святейшество?» крикнул в ответ Домор. «Вокс мертв!»

«Доверься мне,» сказала она. «Сделай это. Я скоро вернусь.»

Каким-то образом, не обращая внимания на – или неуязвимые к ним – снаряды и перекрестный огонь, стучащий вокруг них, она вела Майло через разрушенные улицы к маленькой часовне Цивитас, крыша которой отсутствовала из-за недавних стараний архиврага. Часовня была посвящена Фалтомуусу.

Сломанные балки дымились, и полу валялись плитки и разбитые скамьи.

Она подзывала его вперед через обломки, пока они не оказались перед алтарем с аквилей. Голова Майло пульсировала и кружилась. Он мог слышать, как близко они были к кровавому сражению. Почему она привела его сюда? Она была такой жизненно важной, такой ценной. Она так сильно рисковала.

Это было сумашествием...

Руками, нежно, она повернула его грязное лицо к алтарю и надавила тремя средними пальцами правой руки ему на лоб.

За секунду, единственную прекрасную секунду абсолютной ясности, его головная боль прошла, и он увидел все.

Все.

«Теперь ты все знаешь. Останешься ли ты со мной?»

«Я это в любом случае сделаю.»

«Я знаю. Но я имею ввиду это. Гаунт не понимает. Останешься ли ты со мной, даже вопреки его неудовольствию? Я знаю, что ты любишь его, как отца.»

«Это слишком важно, Саббат. Я останусь. И Гаунт поймет.» Саббат кивнула. Казалось, что золотой свет отсвечивается в ее глазах. «Давай мы --»

«Я думаю, что мы должны сначала провести обряд,» сказал Майло. «я имею ввиду, это предприятие настолько опасно, что мы должны помолиться Богу-Императору... судьбе... пока у нас еще есть такой шанс.»

«Ты прав. Ты здесь, чтобы напомнить мне, какие вещи правильны,» сказала она. Они опустили на колени перед алтарем.

Саул перевел дыхание. Точки его прицела теперь моргали на пустом месте. Всего лишь секундой ранее у него был практический идеальный выстрел. Разбитое узкое окно в Часовне Фалторнуса, пятьсот метров, незначительный боковой ветер... не такая корректировка, которую он не смог бы компенсировать.

Мгновение ее заслонял мальчик, молодой солдат Гвардии, который оставался на линии выстрела. Саул был уверен, что один из его привычных зарядов пробил бы тело мальчика, и тело Беати тоже, но он не хотел рисковать. Так же как и не хотел сделать грязный выстрел. Он хочет чистого попадания в голову Беати. На его глазах. Так, как этого хотел Магистр. Один выстрел.

Но чертов мальчишка никак не уходил с линии. До последней минуты, когда он внезапно исчез под поперечным брусом. Вероятно встав на колени.

Всего мгновение Беати была открыта, чистый выстрел через разбитое узкое окно.

Затем она пропала из вида рядом с мальчиком. Что они делали? Молились, предположил он.

Как будто сейчас это будет иметь значение.

Саул вытащил свой лонг-лаз из щели. Строение, в котором он был сейчас, было почти километр длиной, нависающее над шестью улицами Склона Гильдии, и по всей длине были окна. Он мог легко сменить огневую позицию и убить ее, когда она встанет.

Он начал собирать свое снаряжение, и замер. Он внезапно почувствовал то ощущение, которое всегда чувствует снайпер.

Он присел.

В шестистах с чем-то метрах западнее, Хлэйн Ларкин отвел прицел и вздохнул. Он мог поклясться, что видел что-то в окне того строения. Подготавливавшийся стрелок. Исчез сейчас.

Спокойно повернувшись на бок, он притронулся к своей микро-бусине.

«Видишь его?»

Пауза. «Нет.»

«Пусть она смотрит дальше,» сказал Ларкин. «Он там. Я клянусь.»

Саул прижался к окну пятью арками дальше, и снял прицел с оружия. Он всматривался в прицел, как в телескоп. Там была часовня. И все еще никакого движения.

Он ждал. Как долго длится молитва?

Он не мог стряхнуть это ощущение, это шестое чувство.

Для безопасности, он отошел к другому окну.

Он посмотрел в прицел снова. На этот раз движение. С первого взгляда он засек головы.

Он прикрепил свой прицел обратно на лонг-лаз, и отошел к дальнему углу окна, изготавливаясь.

Молитва закончилась, Майло и Саббат появились в поле зрения. Он видел, как она кивнула ему и что-то говорила. У Саула был его выстрел. Чистый... нет, мальчик опять был на линии. Если он пройдет дальше...

Вот где он был! Ларкин напрягся и резко подался назад. Он увидел движение в окне строения, но трубы препятствовали прямому выстрелу с его позиции.

«Засекли его? Скажите мне, что засекли его!» рычал он в вокс.

Палец без шрамов Саула начал нажимать на спусковой крючок. Послышался треск, отдаленное эхо, и на один торжественный миг Саул подумал, что он выстрелил.

Но счетчик его лазгана показывал все еще полный заряд.

Взорванная горячим выстрелом, голова Саула полностью исчезла. Его труп, дымящийся у шеи, упал в комнату. Лонг-лаз, не сделав выстрел, выпал из его рук.

«Она убила его, Ларкс!» задостно воксировал Жажжо.

Стоя на коленях возле него, под прикрытием окна общежития, Нэсса Бурах подняла свой дымящийся лонг-лаз и оскалилась.

Переработанный воздух в сортировочной раненых на Улице Тарифа был влажным и вонял химикатами. Вереница грузовиков, управляемых волонтерами из гражданских, направлялась во двор, чтобы забрать раненых, которые могли передвигаться, в лазареты в ульях. Гаунт проталкивался через толпы раненых. Крики, стоны и безумные голоса окружали его со всех сторон.

«Где Дорден?» крикнул Гаунт.

Фоскин, его халат был перепачкан кровью, поднял взгляд от трясущегося солдата из отрядов Люго на каталке, и показал дальше по залу.

«Доктор?»

Дорден вышел из временного навеса, сделанного из властика, прикрепленного к дверной раме.

Он был сильно перепачкан кровью, и на его лице была сильная усталость.

«Прибыл,» сказал он.

Несколько санитаров везли Харка на каталке, чтобы эвакуировать к улей. Гаунт едва мог видеть его под пластиковым медицинским респиратором и стерильными тампонами, примотанными к его левой стороне. Толстые трубки змеились от его тела к капельницам, висящим на проводе в изголовье каталки, и аппарату переливания крови под ней.

«Фес...» сказал Гаунт. Он глянул на Дордена.

«Огромная травма левой части тела. Потерял руку, левый глаз, ухо, и большую часть костей и тканей, парни Грелла нашли его и принесли сюда. Он почти истек кровью.»

«Он выберется?»

Пол тряхнуло.

«А кто-нибудь из нас?» мрачно спросил Дорден.

«Ты знаешь, что я имею ввиду!»

Дорден вздохнул. «Он сильный. Стойкий. Он сможет. Мы отправляем его в интенсивную терапию.

Ибрам...»

«Что?»

«Когда Грелл нашел его, Харк был окружен трупами Мкендрика и всего его взвода.»

«Все... все мертвы?»

«Да. Грелл сказал, что это было похоже на лавку мясника. Что-то по-настоящему превосходило их.»

«Кровавый Пакт --»

Дорден помотал головой, и взял маленький хирургический поднос из нержавеющей стали. Он протянул его. Несколько вещей лежали на нем, тусклые от крови. Гаунт с любопытством протянул руку, чтобы взять одну.

«Не надо,» сказал Дорден. «Если ты конечно не хочешь отрезать себе кончики пальцев.»

«Это то, о чем я думаю?»

Дорден кивнул. «Обломки от заряда флешета локсатля. Я вынул их из плеча Харка.»

«Боже-Император, они бросают на нас все.»

«Это единственный отчет, что кто-то пострадал от локсатля, но я подумал, что ты должен знать.»

«Спасибо,» сказал Гаунт. «Мне нужно выбираться отсюда.»

«Есть еще кое-что, что я хочу, чтобы ты увидел,» сказал Дорден.

Палата была зарезервирована для наиболее тяжелораненых, включая тех, которых Дорден не разрешил перемещать. Доктор вел Гаунта к койке в углу, где Танитский солдат лежал под системой жизнеобеспечения.

Это был Костин, пьяница, чья халатность нанесла большой урон взводы Раглона на Айэксе.

«Ты слышал, что взвод Раглона сделал этим днем?» спросил Дорден.

Гаунт кивнул. Он гордился ими. Их импровизированная атака, когда Даура отрезали, помогла спасти больше семидесяти человек.

«Раглон принес Костина. Попадание в живот в бою. Возможно, не переживет этот день. Но Раглон хочет, чтобы о нем особенно позаботились. Скрытная атака была делом Костина. Раглон мне это лично сказал.

Раглона прижали, так что Костин взял ответственность и повел взвод. Обеспечил яростное прикрытие. Вытащил всех тех людей. Раглон хочет представить его к награде за героизм.» Гаунт посмотрел на Дордена. Усталось лишила медика его обычной утонченности.

«Так значит, если бы я настоял на своем и казнил Костин на Айэксе, мы могли бы потерять все эти жизни.

Ты говоришь, что я должен поблагодарить тебя за --»

«Не будь ослом, Гаунт!» проворчал Дорден, отворачиваясь. «Я тебе просто рассказал, как все было.»

«Ты прав,» сказал Гаунт. Дорден остановился. «Я – комиссар, а ты – медик. Всегда будут времени, когда наши главные обязанности будут сталкиваться... сталкиваться в наихудших случаях. Суровая дисциплина и самоотверженная забота не соседствуют уютно. Я предполагаю, что это именно та разделяющая проблема, с которой приходится жить двум друзьям.»

«Полагаю, что это так.»

«Но здесь, сейчас... Извини меня. Ты был прав.»

Дорден посмотрел в сторону, чувствуя себя по-дурацки. «Ладно, тогда. У тебя там нет войны, которую нужно выиграть или чего-то еще?» Гаунт быстро вышел из-за навеса и столкнулся лицом к лицу с Сориком в зале.

«Шеф? Что вы здесь делаете?»

Лицо Сорика было твердым. «Простите, сэр. Я надеюсь, что вы поверите мне, когда я скажу, что не причиняю никакого вреда. Я всегда был верен, несмотря на то, что он мог сказать вам.»

«Кто? Что такое?»

«Просто сделайте для меня одну вещь, сэр. Выслушайте меня, а затем сделайте это быстро.»

«Сделать быстро что, Агун?»

«Казните меня, сэр.»

«Сорик? Какого феса ты несешь?»

«Я знаю, что Харк вам все рассказал, сэр. Я упрекаю себя в том, что не сделал этого раньше.» Пластиковые навес позади Гаунта откинулся, и вышли три санитара, везущие Харка на каталке к погрузочной рампе.

Глаза Сорика расширились, когда он увидел тело, везущее мимо него.

«Я здесь потому, что Харка тяжело ранили, Сорик. Он был не в состоянии что-то мне сказать.

Итак... а ты что хотел?»

Сорик выпрямился, притягивая внимание к своему дряхлому большому телу.

«Полковник-Комиссар, сэр. Мой долг и мой стыд признаться вам здесь в том, что на мне... на мне прикосновение варпа. Оно было на мне с Фантина, и я притворялся слишком долго. Проклятие псайкеров испортило мой разум. Я получаю сообщения, сэр. Наставления, советы, предупреждения. Все они были правдой. Мне очень жаль, сэр.»

«Это шутка, Сорик?»

«Нет, сэр. Хотел бы я, чтобы это было так.»

Гаунт был ошеломлен. «Ты представляешь, что у меня нет другого выбора, Сержант? У меня нет выбора. Если во всем этом есть правда... если на тебе прикосновение варпа, я должен --»

«Я это знаю, сэр.»

«И что ты собираешься делать, Гаунт? Застрелить его?» Дорден стоял рядом с Гаунтом. Он все слышал.

«Я не верю, что даже самоотверженные медики решатся иметь дело с варпом, доктор.»

«Это не какой-то вражеский отброс варпа, Ибрам,» сказал Дорден. «Это фесов Агун Сорик!»

«Не заступайтесь за меня, док,» сказал Сорик. «Пожалуйста, это не правильно. Вы сами знаете, что во мне. Помните на Фантине, с Корбеком. Я знаю, это испугало вас.»

Как Гаунт, так и Дорден хорошо помнили этот инцидент. И это, в самом деле, взволновало их.

«И с тех пор становилось хуже. Намного хуже.» Казалось, что Сорик волновался, как будто что-то живое в его кармане изводило его.

«Стандартная практика говорит, что я должен пристрелить тебя прямо здесь,» сказал Гаунт. «Но, это ты, Агун, и я никогда не слышал, чтобы причуды варпа раскрывали себя. Дежурные?» Три часовых из СПО Херодора поспешили к ним. «Заберите у этого человека оружие и его знаки различия, и в наручники его. Сопроводите его в улей и запирайте в самой охраняемой камере, которая там есть. Если он что-то попытается выкинуть, пристрелите его. И, когда доберетесь до улья, вызовите местную Гильдию Астропатов, чтобы проверить его.»

«Да, сэр.»

«Сэр, пожалуйста. До того, как они меня уведут. Я хочу предупредить вас.»

«Агун, иди. Пока я не передумал.»

«Сэр, пожалуйста!» Солдаты схватили Сорика и крепко сковали. «Пожалуйста! Ради всех нас!

Оно говорит мне – девять приближаются! Девять приближаются! Они убьют ее, и кровь будет на моих руках!

Пожалуйста, сэр! Именем всего святого! Пожалуйста, выслушайте меня!» Утаскиваемый солдатами, крича, Сорик исчез в переполненном зале пункта.

«Может нам стоило послушать?» спросил Дорден.

Гаунт помотал головой. «Либо он говорил под давлением, в таком случае, я сожалею о его смерти, потому что он был чертовски хорошим солдатом. Либо... как он и сказал, его коснулся варп. Я поддерживаю первое объяснение. Тем не менее, ему нечего было сказать мне, во что бы я поверил. Ворчание сумашедшего или извращенная ложь варпа.»

«Потому что варп никогда не открывает правды человечеству?»

«Только не необученным и не несанкционированным, доктор. Нет, не открывает.»

«Псайкерские трюки,» сказал Корбек. «Вот, как это звучит для меня.»

«Фесовы псайкеры,» согласился Фейгор.

«Ощущалось, как будто это завладело моим разумом. Я больше был не я. Я...» Голос Роуна затих.

«Что?» спросил Корбек.

«Если бы я не сбросил это, Колм. Фес. Я собирался убить ее.»

«Кого, Бэнду?»

«Фес, нет! Ее. Беати.»

Фейгор красочно выругался. Это звучало, как всегда, странно смешным, когда шло из его плоской аугметической голосовой коробки.

«Что-то забралось вам в голову и заставило решить убить Святую?» спросил Каффран.

Роун пожал плечами. Он не мог сказать им правды. Как они тогда будут ему снова верить?

Что-то забралось ему в голову, это точно. Что-то мягкое и сильное, и соблазнительное, что он обо всем забыл. Верность, дружбу, каждую клятву, которую он когда-либо давал, даже его глубокое чувство к Жесси Бэнде.

Все это было забыто. Единственное, что осталось, это его беспощадная ненависть. Его инстинкт убийцы. Ту часть его характера, которую всегда опасались остальные, та часть характера, которая была уверена, что Ибрам Гаунт никогда не повернется к нему спиной.

Самая плохая часть него. Она увеличилась и выросла, и полностью завладела его разумом, телом и душой. В тот короткий момент, он бы с радостью убил все, что угодно, и кого угодно.

И затем это все пропало, как быстрая отливная волна.

Осталась только одна ужасная мысль. Если это сделало такое с ним, что оно могло сделать с остальными? Если оно покинуло его, то куда ушло сейчас?

Майло снова заморгал, его разум был неустойчивым. Он так чертовски устал. Эффект от прикосновения Беати спадал, и возвращалась головная боль. Казалось, что голоса зовут, как будто из сна, из-за края сна.

«С тобой все в порядке, Брин?» спросил Дреммонд.

«Да, конечно,» сказал Майло.

Двенадцатый взвод осторожно отступал по опустошенной аллее на Склоне Гильдии к ульям. Вторую линию не столько разрушили, сколько сжали. Снаряды свистели над головой от большого количества вражеских батарей на окраинах.

Солнце садилось. Уже ничего не было видно позади крыш. К ночи они должны быть в ульях, запечатывать люки и делать те массивные башни площадками для последнего боя.

Внезапно Домор поднял руку, и все солдаты в его отряде рассыпались по укрытиям.

Все, кроме Беати. Ярко блестя, она шла по аллее к передовой позиции, на открытом пространстве.

«Ложитесь!» зашипел Майло.

«Ложитесь, мэм!» настоятельно добавил Домор.

Бригада смерти ворвалась на улицу. Они бежали, завывая, перезаряжаясь, бряцая оружием.

Каменные осколки полетели от боковых стен аллеи, когда они приближались.

Майло прицелился и выстрелил. Его выстрел сбил с ног ближайшего солдата Кровавого Пакта в железной маске. Люди вокруг него тоже открыли огонь.

Саббат стояла, ее силовой меч вращался, отбивая лаз-заряды во все направления.

Она проткнула животы первым двум Пактийцев, которые добежали до нее, и обезглавила следующего.

«На них! На них! Серебряный клинок!» прокричал Домор, и взвод поднялся и ринулся в атаку, растекаясь волной вокруг непокорной Беати, встречая лицом к лицу врага.

Майло бежал вперед, в его голове стучало. Он воткнул свой, прикрепленный к винтовке, боевой нож в лицо ближайшего солдата Кровавого Пакта, поворачивая, чтобы выдернуть.

Он видел ее. Он выглядела такой уязвимой. Всего один выстрел. Единственный выстрел, и с ней будет покончено.

Он бросился против вражеской волны.

Последние остатки угасающего солнечного света косо падали сквозь частично закрытые ставнями стеклянные щиты крытого рынка и отражались от стальных зубов Патера Греха, когда он произносил успокаивающие слова своей двойне. Они делали свою работу. Они были связаны с инструментом, и с каждым проходящим моментом они отпечатывали задачу всю глубже и глубже в его разуме.

Двойняшки были самыми могущественными псайкерами в секторе. Они были альфами. Их объединенные разумы несли в себе больше мощи, чем все астропаты и псайкеры на Херодоре, как Имперские, как и вражеские. Его дети. Дети Греха.

Сейчас Каресс был под водой, на глубине десяти метров в железистом источнике, который давил на него сильным течением. Пузырьки газа мерцали вдоль его адамитового корпуса и вокруг отверстий тяжелого вооружения. Его слуховые каналы вибрировали от проносающегося со свистом водяного давления.

Каменное основание водоносного пласта было мягким, и массивные ноги взбалтывали ил и безглазых существ, бактерии и термальную пену.

Машинная боль пронзала его суперструктуру. Он проверил датчики позиционирования.

Прямо на юг, прямо на юг. Там, он поднимется и убьет.

Тайфех был мертв. Человеческая пуля вошла глубоко внутрь и убила его. Что, который командовал выводком, приказал Регхху бросить Тайфеха. Холодное,

вынянутое тело соскользнуло на землю. Что и Регхх стояли на задних конечностях и скорбно выли в небеса. Не было звука, который услышало бы человеческое ухо, только глубокая, тошнотворная пульсация, которая сотрясала воздух.

Влажные и мерцающие, два оставшихся локсатля друг рядом с другом заскользили прочь к следующей улице.

Их пушки были заряжены. Несчастье постигнет все, что угодно, что встретится им сейчас на пути.

«Приказы, сэр!» крикнул связист. Майор Ландфрид подбежал к нему, пригибаясь позади бруствера. Шрапнель мерцала в воздухе от артиллерийского обстрела неподалеку.

Приказы были частям Люго, под командованием Ландфрида, отступить к Старому Улью.

Ландфрид передал приказы своим людям. С полудня бригады смерти Кровавого Пакта убили его шестьдесят солдат. Он твердо решил, что те, кто остался, должны остаться в живых. Его люди начали выдвигаться: два отряда, плотным порядком.

Снаряд упал прямо за стеной разрушенного здания, и взрыв сотряс землю. Черепица посыпалась с оставшихся балок. Ландфрид тяжело рухнул на землю.

Когда он поднялся, то был окружен дымом. Он не мог видеть никого из своих людей.

Моргая, его глаза слезились, он огляделся вокруг, и обнаружил, что стоит лицом к лицу с фигурой в черном, которая появилась ниоткуда.

Ландфрид застыл. Ужас сковал его конечности и рефлексы. Он уставился в лицо, которое материализовалось всего лишь в двадцати сантиметрах от него.

Оно было совершенно безволосым и белым. Глубокие складки пересекали кожу, и оставляли глубокие морщины вокруг улыбающегося рта и темных глаз. Сухая коричневая грязь обрамляла глазные впадины. Это было лицо смерти, страшилище, которого Ландфрида научили бояться.

Призрак тьмы.

Скарваэль медленно провел своим болином по передней части мундира Ландфрида, без усилий срезая пуговицы. Серебряные пуговицы посыпались на землю, стуча и отскакивая.

Болин Скарваэля остановился, когда дошел до открытого горла Ландфрида.

Скарваэль улыбнулся. Улыбка сделала складки еще глубже. Хищные зубы, блее, чем мертвенно-бледная плоть, которая покрывала их, болезненно обнажились.

Ландфрид попытался найти крик.

«Сэр? Сэр? Майор Ландфрид?» Несколько его людей – Санчез, Гроховски, Ландис, Боулс – двигались наощупь сквозь едкий дым от снаряда в его поисках, и остановились в нерешительности, когда поразились тому, что увидели.

Ландис закричал, поднимая свой лазган. Он точно не знал, чем была эта бледная в черном штука, но его желудок сообщил ему достаточно.

Скарваэль закружился, его кожаные черных одежды со свистом рассекли воздух и взметнули в воздух водовороты пыли. Выстрелы Ландиса рассекали пыль, но не попали ни во что твердое.

Как тень, внезапно отброшенная источником света, взявшимся непонятно откуда, Скарваэль появился на другой стороне от них. Мерцающий осколочный пистолет появился из-под его плаща из сырой человеческой кожи, удерживаемый длинными, бледными пальцами. Энергетические нити из токсичного кристалла вылетели из дула, и Гроховски согнулся пополам, выпотрошенный. Ландис снова выстрелил, и снова промазал.

«Шевелитесь! Шевелитесь!» прокричал Ландфрид, наконец-то найдя свой голос. И свои лазпистолет.

Он открыл огонь по безобразной тени, но она исчезла. С озадаченным бульканьем, Ландис упал на спину, застреленный своим командиром.

Боулс и Санчез вместе открыли автоматический огонь по разрушенной кирпичной стене перед ними.

Они видели тень, но она забралась, как черная вспышка, по стене, уклоняясь от их выстрелов, и взмыла в воздух. Она на мгновение повернулась посередине прыжка, жуткое черное одеяние раскрылось, как крылья, и затем она упала на Санчеца. Солдат сопротивлялся и кричал, и развалился надвое, когда почти невидимая тень ударила по нему, и затем отбросила в сторону.

Пятясь, Боулс посмотрел на Ландфрида.

«Беги,» просто сказал Ландфрид.

Боулс побежал. Позади него, Ландфрид повернулся, чтобы встретить монстра, поднимая руку для стрельбы.

Но пистолета не было. И руки. Только чисто отрезанный обрубок запястья.

Скарваэль материализовался перед Ландфридом и насадил его на болин.

Боулс мчался сквозь дым и обломки. Он мог слышать, как его командир умирает позади. В глубине своего испуганного разума он удивлялся одной вещи. Что могло заставить предсмертный крик длиться так долго?

«Что неправильно?» спросил Гаунт Белтайна, предваряя обычное высказывание своего офицера-связиста.

«Как насчет... всего?» ответил Белтайн.

Первый взвод окопался на Улице Дигре, коммерческом квартале рядом с Принципал I на Склоне Гильдии, когда Гаунт присоединился к ним, вернувшись с медицинского пункта. Отступление со второй линии было с первого взгляда суматошным, по сравнению с тем, когда Имперцы отступали из северных пригородов. Они удерживали вторую линию совсем не так долго, как на это надеялся Гаунт. Архивраг плотно перепахал Склон Гильдии, и уже угрожал сельскохозяйственным куполам на западе. Подразумевалось, что защитники должны отступить в башни улья для последнего боя, тактический ход, который предприняли Биаги и Люго. Ландфрид ушел с передовой, и его войска были в пути. Отступление Калденбаха было существенно нарушено – по вокс-логам казалось, что он каким-то образом лишился нескольких ключевых подчиненных, включая Ламма из Полка Цивитас.

Даже Призраки были в замешательстве. Гаунт попытался и не смог скоординироваться с Корбеком и Роуном. Их действия были отложены из-за инцидентов, о которых вокс-лог не дал никакой информации.

Последним сообщением от Беати был доклад об адской перестрелке в нижней части Склона.

На Улице Дигре становилось все хуже. Первый, четвертый и двадцатый взводы залегли под мощным артиллерийским обстрелом. Архивраг согнал серьезное количество самоходных орудий на окраины Склона Гильдии ниже их позиций, и сейчас они бомбардировали местность.

Яркие желто-зеленые гейзеры огня вырывались из зданий вокруг них, отправляя в воздух черепицу и плитку, ручьи огня стекали с неповрежденных крыш. В воздухе ощущался запах горелой кирпичной пыли, такой сильный, что забивал ноздри.

Гаунт знал, что они на острие прямо сейчас. У них была очень слабая надежда на отступление. Если они нащупают ее – и судьба будет не на их стороне – они не смогут прожить достаточно долго, чтобы принять участие в последнем бою в ульях. Если враг продолжит так давить на них, то Имперское сопротивление на Херодоре будет уничтожено до того, как враг достигнет ульев.

Гаунт перебежал через горящую улицу с Белтайном, и присоединился к Мколлу и Эулери в укрытии за полуразрушенной стеной.

«Нам нужно отсюда выбираться. Назад к ульям.»

Мколл кивнул. «Это будет тяжело.»

«Хотел бы я, чтобы Корбек или Роун были доступны по воксу.»

«Слишком большая интерференция,» сказал Мколл. «Обстрел в одиночку перебивает сигналы.»

«Если я организую тут оборону, ты сможешь начать отводить людей назад на юг?» спросил Гаунт.

Эулер кивнул. Мколл пожал плечами. «Нам нужно опасаться снайперов.»

«Здесь, в глубине наших позиций?»

Мколл мрачно посмотрел на своего командира. «Я получил доклад недавно. Ларкс и Нэсса убили снайпера прямо тут, на Склоне Гильдии. Он почти достал Беати. Они убили его до того, как он сделал выстрел.»

Мколл показал Гаунт место на планшете.

«Фес,» проворчал Гаунт. «Серьезно, так далеко?»

«Да,» сказал Мколл. «Я думаю, что у них сейчас специалисты глубоко среди нас. Намного дальше от основного фронта. И они преследуют только одну цель.»

«Она,» сказал Гаунт.

Мколл кивнул.

Гаунт посмотрел на Белтайна. «Бел... вызови Беати. Вызови ее или кого-нибудь с ней. Скажи ей отступить у ульям. Мой приказ. Они идут за ней.» Белтайн смахнул пыль со своего вокс-передатчика. «Сделаю все, что смогу, сэр,» сказал он.

«Я только что говорил с Домором,» сказал он мгновением позже. «Он говорит, что Беати с ним. Он убедит ее отступить.»

«Скажи ему, чтобы сделал что-то большее, чем просто убедит. Если она умрет, все будет кончено.» Белтайн кивнул и вернулся к своей работе.

Снаряды опять начали падать вокруг них. Все присели.

«Ладно,» сказал Гаунт. «Давайте попробуем найти выход из этой ловушки. Эулер? Пойдешь с южной стороны. Мколл, со мной. Ты тоже, Бел.»

Они выбежали из укрытия, уворачиваясь от обломков и огня. Неустойчивый, со своим тяжелым вокс-аппаратом, Белтайн споткнулся и упал. Мколл поставил его на ноги и подтолкнул к укрытию, к двери дома рядом с Гаунтом.

Силовой меч Гаунта сломал замок, и они зашли внутрь, в темноту, в сквозной коридор, где поток воздуха от снарядов снаружи всасывался и останавливался, как в гигантском респираторе, гоняя вперед-назад трепещущие обрывки бумаги и пыль.

Здесь была кромешная тьма. Мколл выбил дверь и открыл грязную комнату. Белтайн открыл другую, пустую комнату. Мколл поспешил дальше, и открыл еще одну комнату, с беспорядком внутри, ногой.

«Мколл!»

Мколл побежал назад и присоединился к Гаунту и Белтайну у двери пустой комнаты, которую открыл Белтайн.

Здесь было не на что посмотреть, абсолютно пустая комната. Ни ковров или покрытия, нет лампы над головой, стены голые. С одной стороны закрытая дверь. В центре комнаты стоял столик, с книгой на нем.

«Что это значит?» сказал Мколл.

«Прикройте меня,» сказал Гаунт, заходя внутрь. Он вытащил из кобуры лазпистолет, и вложил меч в ножны. Мколл бросил взгляд на Белтайна, и Белтайн пожал плечами.

Гаунт подошел к маленькому столу, одиноко стоявшему в центре комнаты, и протянул руку к книге, лежащей на нем. Она была старой. Такой старой, что рассыпалась на части и обращалась в пыль.

Он открыл обложку и прочитал заголовок, зная, с болезненным чувством, что он там найдет. Это было еще одно издание «Об Использовании Армий» Марчезе.

Он продолжил листать дальше, и книга раскрылась, как будто подул сильный ветер. Страницы затрепетали и перевернулись.

Гаунт уставился на книгу и начал читать:

Когда я говорю о теле в этом смысле, я имею в виду тело, как фигуру для вооруженной силы. Для лидера, эта сила становится его телом...

Он сделал шаг назад. Он помнил о вещах, которые ему показали, хотя сейчас казалось, что они повторяются с неуловимой настойчивостью. Упустил ли он что-то? Был ли он неосторожен?

Закрытая дверь дребезжала в раме, как будто ее тряс сильный ветер.

«Времени мало, сэр,» крикнул ему Мколл из двери.

Гаунт подозвал обоих к себе.

«Что это?» спросил Белтайн.

«Сэр?» сказал Мколл.

«Сделайте мне одно одолжение, друзья мои. Идемте со мной, и докажите мне, что я не сошел с ума.» Гаунт открыл дверь.

ОДИННАДЦАТЬ

ЧАСОВНЯ НИГДЕ

«Две опасности, одна – настоящее зло, одна – недопонимание.»

- Элинор Закер, из Командования Херодора

Это была часовня, старая и обветшавшая, похороненная в зеленых сумерках деревьев.

Ее стены обвивали плющ и цветы. Ярко-зеленый лишайник разрушал камень.

Ошеломленные, испуганные, Мколл с Белтайном шли за Гаунтом вдоль частично обрушившейся стены, через старые ворота, к двери. Аромат вернулся, цветочный аромат. Он был таким сильным, что Гаунт едва не чихал.

Это был ислумбин.

Гаунт толкнул дверь и вошел в холодный сумрак часовни. Интерьер был незамысловатым, но хорошо сохранившимся. В конце рядов скамей, на Имперском алтаре горела свечка.

Гаунт пошел вдоль рядов к каменному изваянию Императора. На грязных стеклах узких окон он видел изображения Святой Саббат среди достойных. Мколл и Белтайн шли позади.

«Как это может быть здесь?» спросил Мколл.

Белтайн не ответил. Он знал, чем это было, и мысли об этом слишком пугали его, чтобы он мог говорить.

«Итак,» пробормотал голос из темноты. «Наконец-то ты здесь.» Она была такой же, как и тогда: очень старой и слепой. Полоска черного шелка была у нее на глазах. Ее

серебряные волосы были туго стянуты позади черепа. Годы согнули ее, но стоя прямо она бы возвышалась над Гаунтом.

Нельзя было ошибиться в ее красных и черных одеждах.

«Сестра Элинора,» сказал Гаунт. «Мы снова встретились.»

«Встретились, Ибрам.»

«Это похоже на Часовню Обильного Святого Света, Веник,» сказал он.

«Это она.»

«Я думал, она была на Айэкс Кардинале, очень далеко отсюда.»

«Была когда-то,» сказала Элинора Закер. «Но ее там не было очень давно, даже тогда, когда ты ее посетил в прошлый раз. Она существует сейчас как память, память, где я могу жить.» Белтайн тихо застонал. Мколл быстро моргал.

«Кого-то слышать такое приводит в уныние,» сказала она, наклоняя голову. «Ты не один?»

«В этот раз нас тут трое. Я, Белтайн и мой старший разведчик.» Она села на одну из скамей, нащупывая путь рукой и опираясь на посох другой. «Значит... это уже Херодор?» сказала она. «И на него напали?»

«Да,» сказал Гаунт. «И опасность растет. Вы можете направить нас?»

Она откинулась к спинке скамьи. «Божественные силы позволяют мне только советовать.

Но вещи стали более опасными с тех пор, как я с тобой говорила. Силы и элементы, которые не предвидели таро, вошли в механизм. Чтобы уровновесить это, мне дозволено говорить с тобой снова.»

«Вы пытались выйти на контакт. Я извиняюсь, что игнорировал знаки. Я был занят.» Он сделал паузу. «Кем дозволено?»

Она повернула голову к нему. Это был плавный поворот шеи человека, который приучился к прицельным сенсорам шлема. Точно так же, как и при их первой встрече, Гаунт чувствовал, как будто она целится в него.

«Божественные силы. Их имена не стоит произносить, потому что они слишком обнадеживающие.»

«Так, говорите, сестра,» сказал Гаунт. «Время не ждет. Беати со мной, но она все еще может умереть от руки архиврага. Не надо больше загадок.»

Элинор Закер начала. «Она с тобой?»

«Да,» сказал Гаунт.

Она слегка улыбнулась. «Ох, мой Бог-Император, наконец-то...»

«У нас так мало времени...» подгонял Гаунт.

«Механизм такой хрупкий --»

«Замолчите!» рыкнул Гаунт. От силы его голоса Белтайн подпрыгнул. Мколл смотрел, не отрываясь, сузившимися глазами. Он видел – и, что более важно, принял – чудеса раньше.

«С меня хватит неопределенности и загадочного дерьма!» резко бросил Гаунт.

«Скажите мне! Просто скажите мне! Если вы можете помочь мне победить, помогите мне победить! Если нет, какого феса вы сначала втянули меня в эту ерунду?»

Она не ответила.

«Сестра?»

Она положила руки на колени. «Ты сам втянул себя тогда, когда служил Беати на Хагии.

Ты сам втянул себя тогда, когда пожалел Брина Майло и вытащил его из огня Танита. Ты сам втянул себя тогда, когда слушал рассказы Магистра Войны Слайдо о сражениях Эпохи Саббат, и поклялся своей кровью, что закончишь его работу. Ты сам втянул себя задолго до того, как даже родился, до того, как родились твои предки, для тебя и твоих Призраков – это маленькая часть явленной судьбы, такой великой,

что даже отсюда, даже с наивысшей ее точки, мы не можем увидеть ее начала или конца.» Гаунт сглотнул. «Понимаю,» заикаясь сказал он.

Она ему кивнула. «Я знаю, что ты не понимаешь. Все, что тебе нужно понять сначала, тебе нужно сыграть свою роль в жизни Майло. Он жизненноважен. Жизненноважен для того, что будет дальше. Но пойми вот что, никакого дальше не будет, если тебя здесь постигнет неудача.»

«Здесь? На Херодоре?»

«На Херодоре,» эхом повторила она. «Здесь везде зло, даже большее, чем изначально ожидалось. Но все-таки, самое большое зло внутри. Внутри твоего тела.»

«Вы используете слово, как ДеМарчезе использовал его. Тело, в значении вооруженных сил. Мои Призраки?»

«В самом деле. Ты обучился с тех пор, когда мы последний раз встречались.»

«Да, сестра,» сказал Гаунт.

«Тогда ладно. В последний раз. Зло состоит из двух частей. Две опасности: одна – настоящее зло, одна – недопонимание. В последнем ключ. Ты же помнишь, что это важно, потому что комиссары ужасно рады стрелять по любому поводу. Ключ сейчас более важен для тебя, чем когда-либо. И наконец, позволь своему самому острому глазу показать тебе правду. Вот и все. Там будут девять.»

«Что вы сказали --?» начал Гаунт.

Реальность лопнула, как мыльный пузырь.

Гаунт был рядом с Мколлом и Белтайном в очень пустой и очень разрушенной комнате.

«Что, именем феса, только что произошло?» спросил Мколл.

Белтайн дрожал от страха и замешательства.

«Девять...» пробормотал Гаунт. «Бел. Доставай вокс. Выясни, где сейчас Сорик.»

В темноте, распространившаяся резня в Цивитас стала более видимой. Целые кварталы на внешних окраинах и склонах пылали, и пожары распространялись вокруг северных сторон башен улья один и два. Гаунт не был абсолютно уверен, когда упал городской щит, но он давно исчез, и ветра с севера дули на Цивитас и поддерживали огненные шторма.

Имперские солдаты и команды поддержки спасались бегством на юг по улицам Склона Гильдии, некоторые пешком, некоторые в ревущих транспортниках и грузовиках. Вторая линия была полностью уничтожена.

В спешке, три взвода Гаунта уже добрались до атмосферного процессора на Площади Фензи, и там сели на четверку транспортников СПО, которые провезли их последнюю треть Склона Гильдии до цитадели в районе верхнего города, которая служила главными бараками Полку Цивитас.

Цитадель была по большей части неповрежденной. В нее попали несколько снарядов из дальнобойных пушек, но основная структура здания, выходящая на Принципал I, выстояла. Внутри двора для сбора, собрались сотни солдат Херодора, загружающих запасные орудия на ожидающие транспорты.

Гаунт прыгнул со своего транспорта и осмотрелся, пока Мколл и Эулер делали переключку. Ночной воздух был едким от выхлопов, и звенел от настойчивых криков людей вокруг. Гаунт посмотрел наверх. Район верхнего города был основой для ульев, и их огромные формы возвышались над ним, головокружительно высокие и обнадеживающе массивные. Они не были башнями, они были вертикальными городами, и они были циклопическими сооружениями. Гаунт глубоко вдохнул. Он и забыл, как они были огромны. Они должны выстоять, какое-то время, по крайней мере.

«Гаунт!» Он повернулся, когда услышал свое имя, и увидел Биаги, проталкивающегося сквозь толпы к нему. На маршале ясно было видно его участие в битве. Поспешно наложенная повязка была у него на бедре.

Гаунт отдал честь. «Я так думаю, что мы сейчас отправляемся в улья?» сказал он.

«Старый Улей,» сказал Биаги. «Лорд генерал и чиновники Цивитас отступили туда. Мы установим нашу защиту вокруг них.»

«Разве Старый Улей не наиболее уязвимый?» спросил Гаунт. «Он древний, и далеко не такой крепкий, как остальные ульи.»

«Старый Улей – основа культуры Херодора,» сказал Биаги. «Он – наше сердце. Там Священные Купальни, и самые старые места поклонения. Если мы и сконцентрируемся где-то, то это должно быть там.» Выводы были мрачными. Другие башни останутся без защиты. Их жители погибнут. Должно быть это было тяжелым решением для Биаги.

Гаунт подловил себя. Нет, решение было простым. Оно в точности совпадало с тем, которое он сделал во время падения Танита. Целое не может быть спасено, и все попытки сделать это будут обречены.

Единственным курсом действий было сконцентрировать все усилия, чтобы спасти часть.

Биаги уставился в сторону на колеблющееся огненное зарево, освещающее северное небо.

«Если подумать, я запретил вам использовать огнеметы, Гаунт. Смотрите, как горит мой город.»

«Будьте благодарны, сэр, что я проигнорировал ваши приказы. Если бы не мои огнеметы, ваш город запылал бы гораздо раньше, и в гораздо больших местах.»

Гаунт посмотрел на Биаги. «Я по пути послал сигнал. Касательно моего солдата Сержанта Сорика?»

«В самом деле. Я сопровождал его вниз из улья, как вы просили. Что в нем такого особенного?»

«Идемте со мной, и мы может быть выясним.»

В сопровождении Белтайна, и собственного связиста Биаги – офицера Сайреса, Гаунт и маршал быстро вошли в цитадель Полка Цивитас. Аварийные огни были включены, и коридоры были залиты тусклым зеленым светом. Люди в спешке проходили мимо них командами, неся ящики с припасами или толкая боеприпасы на тележках.

Старая крепость была вычищена от всего, что могло пригодиться.

«Есть что-нибудь от Калденбаха?» спросил Гаунт.

«Короткие сообщения. Его поймали в карман к западу, но у него осталось еще несколько единиц бронетехники.»

«А от Беати?»

«У нас сейчас трудности с определением ее местоположения. Я умолял ее отступить.»

«Как и я. Это обязательно. Вы понимаете, что эта война чисто символическая?»

«Эта мысль посещала меня,» сказал Биаги.

«Не дайте мысли исчезнуть. Держитесь ее. Это все из-за Беати. У Херодора нет стратегической важности. Придя сюда, она превратила этот мир в цель. У этого вторжения только одна причина. Найти ее и убить. Она манит. Если мы признаемся в этом и используем это, у нас, может быть, и появится шанс.»

«А она это понимает?» сказал Биаги.

Гаунт бросил на него взгляд. «Меня больше волнует, почему она сначала пришла сюда, маршал.»

«Понимаю,» сказал Биаги.

Они подошли к шлюзу безопасности, запертому на три замка. Два часовых СПО стояли по бокам от него, и быстро удалились, когда Биаги отпустил их. Маршал вставил свой авторизационный ключ в гнездо, и шлюз с шумом открылся. Камера за ним была освещена белой люминисцентной лампой.

Это был карцер крепости.

Группа вооруженных Призраков ожидала их внутри: Мерин и его отряд, в качестве охраны.

«Сэр!» резко сказал Мерин.

«Мы можем с этим справиться, сержант. Идите к эвакуационному транспорту. Встретимся в Старом Улье.» Мерин кивнул. Он выглядел злым. «Вы должны были его пристрелить, сэр,» сказал он.

«Прошу прощения, Мерин?»

«Он отброс. Мерзость. Я знал это. Я говорил Комиссару Харку. Ублюдок должен был быть давно казнен.»

«Это твое мнение, не так ли, Мерин?»

«Сэр, каждое мгновение, пока он живет, он позорит наш полк! Я не знаю, почему вы не сделали свою работу комиссара, и не пристрелили этого ублюдка -- »

Удар Гаунта застал Мерина врасплох и удивил всех вокруг них. Мерин растянулся на спине, держась за свой окровавленный рот.

«Агун Сорик служил Призракам с уважением, Мерин. Он сам отправил себя под арест, и он все еще может доказать что он что-то другое, отличное от страшилища, которого ты боишься. Что качается позора, то ты с этим сам неплохо справляешься.» Гаунт посмотрел на людей из взвода Мерина. «Я – комиссар. Это мое дело – судить.

Но, в отличие от Китлов в этом чертовом космосе, я не буду принимать поспешных решений. Сорик будет жить или умрет только по моему слову. Ясно?»

Раздались нервные возгласы. Гаунт посмотрел вниз на Мерина. «Убирайся с моих глаз и молись, чтобы я не вспомнил о твоей дерзости, когда мы снова встретимся.»

Фаргер и Гахин подняли своего сержанта на ноги, и четырнадцатый взвод покинул помещение.

«Я думал, что Мерин был одним из ваших лучших?» сказал Биаги.

«Так и есть, хотя и звучит невообразимо.»

«Тогда, что он имел ввиду? Об этом Сорике?»

«Я хочу, чтобы вы были снисходительны, Биаги. Сорик недавно пришел ко мне и признался. Он – псайкер.»

«Он тут,» сказал Дорден, показывая четверем солдатам на дверь пятой камеры. Танитский доктор вызвался лично сопровождать Сорика. Астропат в робе и два огромных человека в длинных серых кожаных плащах стояли у двери камеры. Люди в сером, держащие силовые пики, были офицерами-укротителями из кадров санкционированных псайкеров. Провода аугметических подавителей были вшитым в уши и глазные впадины.

«Я слышал, что ты сказал. Мерину, только что,» сказал Дорден.

«Слышал? Полагаю, что начинаю соответствовать вашим высоким стандартам, доктор?» Дорден саркастически улыбнулся. «Я вот только одного не понимаю,» сказал он. «Ранее, ты мне сказал, что веришь, что варп никогда не открывает правду человечеству, особенно нетренированным и несанкционированным.»

«Я поменял свое мнение,» сказал Гаунт. «Я и не тренированный и не санкционированный, но, как легко указал бы на это Цвейл, божественные силы, или что-то другое, выбрали меня, чтобы говорить со ними. Всего лишь этим днем, в маленькой часовне, я --»

«Что?»

«Забудь. Здесь?»

Дорден открыл шлюз камеры.

Сорик лежал на перфорированной металлической кровати, под жестким светом люминисцентных ламп.

Он был сильно избит. Дорден сделал все, что мог, чтобы подлатать его.

«Фес! Что случилось?»

«Взвод Мерины случился. Они провели его через ад по пути сюда.»

«Ублюдки. Невежественные ублюдки...»

«Что это за черт?» пробормотал Биаги, наклоняясь, чтобы собрать несколько, из сотен, обрывков голубой бумаги, которые валялись на полу. Гаунт посмотрел через его плечо. Бумаги в руках маршала были покрыты малопонятными каракулями.

«Я бы сказал, что они вырваны из стандартного Гвардейского пакета с приказами,» сказал Белтайн.

«Вы давали ему бумагу? Писчие принадлежности?» спросил Биаги у укротителей.

«Нет, сэр,» проворчал один из них, его голос был монотонным из-за аугметической голосовой коробки. «Мы забрали все личные вещи у заключенного. Но они к нему возвращаются.»

«И что за черт это означает?» спросил Биаги.

Укротитель подошел к Сорику и обыскал его. Сорик застонал от прикосновения. Укротитель вытащил латунную гильзу для сообщений из кармана штанов Сорики.

«Не могу сосчитать, сколько раз мы забирали это у него. Каждые несколько секунд, это исчезает из нашей сумки с уликами и появляется у него в кармане.» Укротитель открыл гильзу и вытряхнул еще одну голубую бумажку. «И каждый раз здесь другая записка.»

«Вы такое уже раньше видели?» спросил Гаунт.

«Нет, сэр,» сказал укротитель.

Гаунт опустил на колени возле Сорики. «Агун? Шеф? Ты меня слышишь?»

Единственный глаз Сорики открылся, сжимаемый опухшей плотью на его отеком лице. Глаз был налитым кровью.

«Полковник-комиссар, сэр,» вздохнул он.

«У нас мало времени, шеф. Расскажи мне о девяти.»

«Так устал... так больно...»

«Шеф! Вы рисковали, чтобы рассказать мне раньше! Расскажите мне сейчас!» Сорик медленно кивнул, и, с помощью Дордена, сел.

«Девять приближаются,» сказал он.

«Девять?»

«Девять,» повторил он сквозь боль. «Мне так жаль, сэр. Я никогда не представлял угрозы в --»

«Об этом позже, Агун. Расскажи мне о девяти.»

«Девять. Гильза рассказала мне о девяти. Потому что девять – священное число Беати...»

«Девять святых ран,» торжественно сказал Биаги.

«Девять святых ран,» кивнул Сорик. «Я видел ее. Она смотрела на меня. Прямо на меня. Она знала...»

«Шеф! Шеф! Давайте, оставайтесь со мной!»

Сорик обмяк и упал. Гаунт посмотрел на Дордена. «Ты можешь что-нибудь сделать?»

«Это поможет нам? Конечно. Это поможет ему? Нет. К тому же, если он то, чего ты опасаясь, то укол адреналина может быть не самой хорошей идеей.»

«Я думаю, что мы должны попытаться воспользоваться этим шансом,» сказал Гаунт. «Согласны?» Биаги кивнул. Укротители зарядили свои копья. Резкий запах озона наполнил маленькую камеру.

Дорден воткнул одну дозу в руку Сорика и промокнул ранку тампоном, вымоченным в алкоголе. Сорик затрясся в судорогах.

Затем он резко очнулся и уставился здоровым глазом на Гаунта.

«Сэр?»

«Расскажи мне о девяти, шеф.»

«Девять. Вот, что оно говорило. Оно не может об этом замолчать.» Сорик поднял руку, и Гаунт увидел, что в ней латунная гильза для сообщений. Как, фес ее, она вернулась ему в руку?

«С самого Фантина, когда меня ранили на Фантине, вещь была там. Не разговаривая со мной, вы понимаете. Писав мне. Все очень цивилизованно. Я открывал гильзу и вуаля! Там еще одно сообщение. Уйти влево, уйти вправо, идти к той стене... все

такое дерьмо. Бог-Император, я знал, что должен! Я должен был рассказать вам все давным-давно!»

«И почему ты об этом не беспокоился?» спросил Гаунт.

«Потому что, это было написано моим почерком. Я люблю пропустить стаканчик-другой, вы это знаете, сэр. Я удивлялся... я это написал и забыл...?»

«Все те сообщения?»

«Нет. Нет! Ну, в начале всего, немного. Потом, когда я осознал, что это было чем то большим, я был очень напуган.»

«Чем?»

«Людьми, как вы,» сказал Сорик, указывая на Гаунта. «Людьми, как они,» кисло добавил он, делая жест в сторону укротителей.

«Майло сказал мне, что я должен сделать,» сказал Сорик. Гаунт бросил взгляд на Белтайна. «Он сказал мне быть мужиком и признаться.»

«Что... что гильза говорит тебе сейчас, шеф?»

«Гильза всегда знает. Она знала о Херодоре задолго до того, как нас направили сюда. Она знает. Она просто знает. Девять. Девять приближаются.»

«Девять чего?»

«Девять убийц.»

«Приближаются, чтобы убить Беати?»

Сорик кивнул.

«На Херодоре большая армия, пытающаяся убить Беати,» сказал Биаги.

«Но девять – особенные. Их выбрал Магистр. Они в глубине нашего фронта. Гильза так говорит. Настолько глубоко, чем мы даже можем представить.»

«Что они такое?» спросил Гаунт.

«Подождите,» сказал Сорик. Он положил гильзу обратно в карман, и затем снова ее вытащил.

Когда он открыл ее, там был хрупкий листок синей бумаги, лежащей внутри.

Он разгладил листок, чтобы прочесть, и держал его близко к своему покалеченному глазу.

«Девять. Снайпер. Три псайкера. Три рептилии. Фантом. Машина смерти.»

Снаружи камеры, Гаунт тяжело прислонился к стене и вытер пот со лба.

«Вы почувствовали это там?»

Биаги кивнул.

«Как будто внезапный наплыв, такой горячий, такой влажный...»

«Он псайкер. Его нужно сжечь.»

«Нет, пока он полезен. Забудьте о войсках вторжения, архивраг высадил специалистов убийц в Цивитас. Нам нужно быстро их найти.»

«Но --»

«Думайте, Биаги! Я говорил вам, что эта война символическая! Все, что имеет значение, все, чего стоит ваш мир – это жизнь и смерть Беати. Мы должны найти этих убийц и убить их до того, как они добьются своего.»

Биаги пожал плечами. «И что нам известно? Он нам слишком мало рассказал. Снайпер...?»

«Я думаю, уже мертв,» сказал Гаунт. «Один мертв. Рептилии...»

«Мы знаем, что здесь где-то локсатли,» сказал Дорден. Гаунт кивнул.

«Он упоминал фантома,» сказал Биаги. «Я беседовал с солдатом по имени Боулс, всего лишь тридцать минут назад. Он рассказал мне, как Ландфрид и целая огневая команда была уничтожена призраком, который появился ниоткуда.»

«Призраком?» эхом повторил Дорден.

Биаги улыбнулся. «Простите меня. Привидением. Боулс опытный ветеран. Он был уверен, что это было пиратское дьявольское отродье.»

Гаунт вздрогнул. С тех дней, когда он был кадетом, за много лет до Балгаута, ему не приходилось сталкиваться с этими ужасными убийцами, так называемыми темными эльдарками.

«Что насчет трех псайкеров? И этой... как он это назвал? Этой машиной смерти?»

«Мы найдем их,» сказал Гаунт.

«Как?» рассмеялся Биаги.

«Мы найдем Беати. Они все ищут ее.»

«Что означало пророчество, сэр?» спросил Белтайн, пока шел с Гаунтом через шлюзы наружу.

«Сестра Элинора сказала, что есть две опасности: одна – настоящее зло, одна – недопонимание. Я верю, что недопонимание – это Сорик. Помнишь, она сказала мне быть осторожным, потому что комиссары ужасно рады стрелять по любому поводу. Это кажется подходящим. Он – ключ, и я бы его казнил до того, как обнаружил бы это.»

«А что про другое?»

«Ну, это то, что мы сейчас ищем.»

«И что она там сказала в конце... 'Позволь своему самому острому глазу показать тебе правду'?» Гаунт кивнул. «Подними все подразделения, которые все еще в поле. Скажи им, что Беати в опасности, и что они должны найти ее и охранять. И вызови мне по связи Мколла. Он мой самый острый глаз.» Гаунт сделал паузу. «И Ларкина тоже.»

«Святейшество! Ваше святейшество!» Домор бежал через двор к тому месту, где стояла Беати. Майло был с ней.

Казалось, что она пристально смотрит в небо.

Домору пришлось кричать, чтобы быть услышанным сквозь бомбардировку, доносящуюся с соседних улиц.

«Еще один вокс-сигнал! От Маршала Биаги на этот раз. Он повторяет инструкции Полковника-Комиссара Гаунта. Мы должны отправиться в Старый Улей. Это срочно! Святейшество?»

«Я думаю, что она понимает,» сказал Майло. Земля содрогнулась, когда танковый снаряд уничтожил коммерческую собственность не далее, чем в семидесяти метрах. «Мы в любом случае не можем здесь больше оставаться.» Саббат задрожала, как будто ночной воздух был холодным. По правде, было очень жарко от бушующих огненных штормов.

«Что такое?» спросил Майло.

«Он идет. Приближается конец игры.»

«О ком это она говорит?» спросил Домор Майло.

Майло помотал головой. «Нам нужно уходить в Старый Улей прямо сейчас, Саббат,» сказал Майло. «Они ждут нас. Мы им нужны.»

Беати повернулась и посмотрела на него с легкой улыбкой. Иногда, как сейчас, когда свет от огня сбоку освещал ее черты, у нее было внушающее ужас выражение лица.

«Скоро,» уверила она. «Еще одно рискованное предприятие. Мы должны добраться до сельскохозяйственных куполов.»

Снаружи, на голых пустошах Великой Западной Обсиды, ночь была суровой, ниже нуля, овеваемая жестокими ветрами с внешних территорий. Люминисцентные лампы светились и покачивались на ветру, холодно освещая ряд за рядом пустые десантные корабли и транспортники. Их передние шлюзы были открыты, в сторону юга.

Там, далеко, лежал Цивитас, погруженный во мрак и вспышки войны. Оранжевое сияние от огненных штормов озаряло горизонт.

Двигатели выли и работали с перегрузкой на одиноком транспортнике, намного более бронированном, чем остальные, летящим низко над землей, поднимая волны пыли более яростно, чем пустынные ветра. Эскорт из Цикад повернулся и полетел

назад. Двигатели горели синим. Гидравлические когти выдвинулись, и боевой транспорт приземлился, как гигантский москит.

Рампы откинулись. Наружу вырвался свет. Отряды рабов повалили из люков, за ними маршировала коробка Свиты в полной боевой броне. Свита, из пятиста воинов, разделилась с четкостью, как на параде, раскачивая своим оружием на плечах в идеально синхронизированном движении, и сформировала две линии почетной гвардии.

Этродай, связанный с ним меч был покрыт кожей и голоден, быстро сошел с ramпы, и затем за ним последовал Он.

Он был одет для войны в блестящую черную броню. Его лицо закрывал Его рогатый шлем. Свита зашептала стоны уважения.

Энок Иннокенти, Магистр, Военачальник, избранный последователь Архонта, ступил на пыльную землю Херодора. Он поднял Свои руки в приветствии.

Свита закричала Его имя.

ДВЕНАДЦАТЬ

ИМЕНЕМ САББАТ

«Как Император защищает, так и мы должны.»

- Ибрам Гаунт

Несколько людей из взвода Корбека озвучили свои жалобы, и Корбек мог частично понять почему.

«Когда же фес мы будем отступать?» сказал Беул.

«Ради феса, почему мы все еще здесь?» сказал Коун.

«У нас есть работа, парни,» заверил их Корбек. Инструкции были просты. Найти Беати и доставить ее в Старый Улей. И, в особенности, ожидать по-настоящему плохие вещи. Из которых хуже всего, несомненно, была девятка.

Они больше не сражались. Они прятались. Скрытно, используя каждую крупницу Танитского умения ориентироваться, они пробирались сквозь руины Склона Гильдии. Они избегали приближающиеся отряды Кровавого Пакта, и прятались, пока красные танки с яркими фонарями с грохотом проезжают мимо. Когда обстоятельства вынуждали, были одна, или три, перестрелки, но затем все было строго – ударить и отступить.

Они работали в тених и оставались в живых.

Корбек был рад иметь Мквеннера с собой. Он сбился со счета, сколько глоток Кровавого Пакта Вен перерезал этой ночью, пока вел их к точке. Не было никаких сомнений в том, что все они умрут здесь, на Херодоре, так или иначе. Так складывались шансы, и даже Варл или Фейгор не дали бы больше. К фесу, они собирались хорошо себя показать.

С накинутым поверх, как капюшон, плащом, Корбек побежал вперед по знаку Вена, пробегая мимо Оррина, Коуна, Коула и Ирвинна, сидящих в укрытии. Он добежал до угла улицы, и, использовал тени от горящего общинного холла, чтобы слиться с местность. Он поднял руку и сам подал сигнал.

Веддекин, Поноре, Силло, Андроби и Браун побежали по его следам, и скрылись в возвышающейся типографии слева от него. Затем Серч и Лоелл энергично пошли вперед, волоча пушку .50 и сумки с боеприпасами.

Корбек понесся к следующему укрытию. Он был бесшумен для большого человека. Рервал и Роскил прикрывали его, и затем плавно заскользили за ним.

Все трое бежали, друг за другом, к концу квартала. Танк, или что-то похожее, сровняло там с землей здание, и не осталось ничего, кроме разрушенных рокритовых секций и торчащей из них металлической арматуры.

Появился Мквеннер, легким бегом приближаясь к ним.

«Что-то типа крытого рынка там слева. Справа дорога заблокирована. Если мы пройдем по той боковой улице, то сможем спуститься дальше по склону.»

«А мы можем пройти через рынок?» спросил Корбек.

«Я не осматривал его.»

«Давай попытаемся.» Корбек поднялся, и сделал пальцем сигнал назад. Затем он с Вном побежали вперед снова, с Брауном, Коулом, Силло и Роскилом позади.

У крытого рынка когда-то была стеклянная крыша, но ударные волны от обстрелов обрушили ее. Осталось несколько деревянных щитов. Продуктовые магазины и тачки торговцев внутри были закрыты на замки и ставни.

«Не выглядит многообещающе,» сказал Вен.

Корбек кивнул, и повернулся, чтобы пойти назад. Затем он остановился. Он кое-что учуял. Запах был слабым, очень слабым, почти неслышимым из-за вонь дыма и горящего топлива.

Что-то, похожее на корицу. Он отчетливо знал этот запах. Специфическая вонь. На Хагии, в Доктринополисе... когда это было? Четыре года назад?

Он никогда не забудет его. Он все еще был в его кошмарах. Тот момент в его жизни, какой никакое количество хороших снов не перебьет. Его и бедного парня Яэля. Пленники Инфарди. И того существа, того монстра в человеческом обличье. Того, кто подвергал пыткам Яэля всего лишь для того, чтобы слышать его крики.

Не может быть! Этот ублюдок уже давно мертв...

Корбек снова вдохнул: корица, пот, разложение. Слабые, но различимые.

«Прикрой меня,» сказал он Вену, и проигнорировал косой взгляд, которым его одарил разведчик.

Корбек вошел на рынок, держа лазган наготове. Он осторожно делал каждый шаг. Пол был усеян осколками стекла с крыши. На пределе нервов и так же хорошо, как и любой Танитский разведчик, он не делал ни звука.

Он крался, проверяя стороны. Дважды, он прыгал в тени и почти что не разряжал свое оружие. Запах становился сильнее.

Корбек увидел движение. Внизу, под тележкой торговца. Он обошел ее, держа одной рукой лазган, пока другой выуживал фонарик. Он заглянул за край тележки, и увидел

двух детей, прячущихся между колесами. Маленьких, сгорбленных детей. Один из них махал рукой возле своей головы, как будто пытался оттолкнуть воздух. Корбек подошел ближе, и включил фонарик. Он посветил на детей резким светом фонарика, но они не вздрогнули. Он увидел их лица.

«Ох, фес!» прорычал он.

Что-то ударило его сзади, тяжелая, мощная масса, источающая пот и корицу.

Корбек покачнулся вперед и опрокинул тележку.

Его придавила тяжесть. Он почувствовал боль от ножа в левом плече.

Корбек взвыл и ударил локтем назад. Тяжесть уменьшилась, и он перекатился, нащупывая свою винтовку. Он натолкнулся на детей... хотя он только мельком взглянул на них, он знал, что это не дети... и почувствовал, что они хватают его.

«Полковник? Сэр?» Корбек мог слышать крик Вена. Он услышал, как люди бегут вперед по осколкам стекла. Начался лазерный огонь.

Мквеннер прибыл первым, с Брауном и Коулом позади. Роскил и Силло были неподалеку. Коул уже стрелял, дырявя ставни продуктового магазина позади шаркающей двойни.

Двойня схватилась друг за друга и повернула свои слепые головы в унисон, смотря на Коула.

Шокирующая пси-волна ударила в него и сломала каждую кость в его теле. Его безвольная, обмякшая форма взмыла в воздух, как тяжелый ранец, и вылетела через крышу рынка, разбивая поддерживающие балки с тошнотворным хрустом.

Корбек быстро встал и огляделся. Он увидел проблеск зеленого шелка и блеск обнаженных клыков.

«Грех!» закричал он, и выбросил кулак вперед, который попал Патеру Греху в лицо. Огромный Инфарди рухнул с грохотом, разбив еще две тележки. Пуговицы и бусы рассыпались по полу.

«Патер Грех!» снова крикнул Корбек, и бросился к катящейся тележке. Двойня услышала его крик, и повернула свой головы в его сторону. Пси-удар зацепил его, и он кувырком влетел в ставни магазина на дальней стороне прохода. Он сломал несколько досок и упал на землю.

Мквеннер прыгнул на Греха, когда тот пытался встать. Они яростно сцепились, и разведчик опять опрокинул его на землю. Грех выбросил вперед татуированную руку и ударил Мквеннера сбоку.

Двойня открыла рты, и жужжание полилось потоком. Браун и Роскил остановились и закачались, кровь хлынула у них из носов и ушей. Роскил поднял свой лазган и выстрелил Брауну между глаз. Затем он, пьяно покачиваясь, повернулся и прицелился в Силло, который пятился назад в ужасе.

Последовала автоматическая лазерная пальба. Мквеннер стоял на одном колене и стрелял. Двойня ударилась о стену позади них одновременно, и сползла вниз, оставляя липкие полосы крови.

Роскил, с изжаренными мозгами, осел, когда они умерли.

Взвыв, Патер Грех бросился на Корбека. Его смертоносные импланты заскрежетали и кусали Призрака в шею. Корбек отбросил Греха левой рукой, нащупывая правой что-нибудь полезное, что можно использовать против маньяка. Что-нибудь. Все, что угодно.

Его пальцы схватились за что-то металлическое и твердое. Он до феса надеялся, что это его боевой нож. Он вытащил это и ударил Греха сбоку черепа. Это не вонзилось, но удар отбросил Греха назад на секунду.

Это совершенно не было серебряным клинком Корбека. Это был трубчатый заряд.

Корбек выругался и вздрогнул, когда Грех снова подался вперед. Его огромное тело придавило Корбека, и его аугметические клыки обнажились, чтобы вырвать глотку врагу.

Корбек запихнул трубку в раскрытый рот, когда Грех собирался укусить. Его острые зубы глубоко вошли в металлическую оболочку. Грех пытался вытащить ее. Корбек

ногами уперся в торс Греха и отбросил от себя. Обрывок ленты детонатора остался между пальцев Корбека.

«Это за Яэля, фесомордый!» крикнул Корбек, когда бросился на землю.

Трубчатый заряд, застрявший в зубах Патера Греха, взорвался.

Перепаханный останками Греха, Корбек поднялся. Он поспешил к Мквеннеру, которого бросило на землю взрывом.

«Прикончил ублюдка,» сказал Корбек.

Каффран внезапно осознал, на что он смотрит. Он занял позицию на боковой улице, и сгорбился в укрытии, пока Призраки передвигались позади него. Впереди было темно и пусто, из-за массивной тени от громады акведука, который тянулся над головой, вниз по склону к нижнему городу, туда, где ночь освещалась оранжевым огнем.

Каффран наблюдал за движением на улице, но он был смущен движением в тенях акведука. Устроившиеся на ночь птицы, подумал он, и затем вспомнил, что он ни разу не видел ни одной птицы на Херодоре.

Он пристально посмотрел вверх. Казалось, что бледная фигура движется по ту сторону акведука, иллюзорная, как дым.

«Внимание,» воксировал он. «Там что-то --»

И затем он осознал, что он увидел. Два локсатля, гладкие и скользкие, как рыба в воде, двигались вдоль кирпичной кладки, направляясь прямо к их позиции.

«Враги! На двенадцать часов!» прокричал он и открыл огонь в тени арки. Оружейный огонь прокатился эхом, и его выстрелы, яркие и неистовые, осветили кирпичи рядом с существами. Один мгновенно исчез наверху акведука, другой на огромной скорости спистился по поддерживающей опоре, его длинное тело двигалось волнообразно и мерцало. В трех метрах от улицы он стал забираться на стену дома напротив, его когти позволяли подниматься по вертикальным поверхностям.

Каффран побежал вперед, снова стреляя. Фейгор, Лейл и Даник были рядом с ним, но они не видели того, что видел он.

«Кафф?»

«Локсатль! Фес, там наверху!»

Каффран выстрелил в фасад дома, хотя по правде он больше отчетливо не видел существо.

Даник и Фейгор стреляли с ним, слепо следуя его примеру. У Призраков было редкое отвращение в локсатлевидным.

Существо появилось, ниже, чем подсчитал Каффран. Маленькие аугметические серво-конечности на его сбруе с оружием щелкнули и открыли огонь.

Первые два флешетных снаряда ударили в стену позади Фейгора, оставляя глубокие отверстия, окруженные сотнями минидырок. Третий на атомы развалил голову и плечи Даника в кровавой дымке.

Каффран и Фейгор упали на пол. Лейр, которому вспоролу руку случайными шипами, завизжал и споткнулся.

Они оттащили его в укрытие. «Лежи! Лежи, фес тебя!» крикнул Каффран, видя, как Роун и полдюжины других Призраков перебегают через улицу, чтобы помочь им. Пушка локсатля повторяла свое характерное покашливание, и выбивала осколки из стены вдоль улицы на уровне головы. Кто-то закричал.

Роун стоял на карачках позади брошенной машины и с ужасом смотрел на огромные дыры, которые оставляло оружие ксеноса над его головой. Каждый удар был, фактически, тысячами острых шипов, ударяющих одновременно.

«Где эта фесова штука?» крикнул он.

Каффран не мог ее видеть. «Примерно в двух этажах над нами,» воксировал он. «Еще один был наверху акведука. Ради феса, кто-нибудь прикройте тот угол!» В пятидесяти метрах позади, Колеа и Крийд услышали его сообщение и посмотрели друг на друга. Вобщее покашливание пушек локсатля особенно откликалось у них в памяти. Уранберг. Крийд в беде. Колеа, фактически отдающий свою жизнь, чтобы спасти ее.

Как будто читая ее мысли, Колеа сказал, «Не в этот раз.»

Они двинулись обратно под акведук, охотясь на второе существо. На другой стороне видимость была лучше. Улица хорошо освещалась янтарным светом от пожаров. Нервно, с поднятым оружием, они продвигались вперед, пытаясь держаться укрытия. Первые Крийд и Колеа... Жажжо... Скин, Позетин... Кенфелд.

Жажжо увидел отражение света от нечеловеческих глаз, закрытых защитными веками. Он прыгнул вперед, когда снаряды флешета застучали по мостовой вокруг него. Несколько шипов попали ему в икры и голень, но он умудрился перекатиться и открыть огонь.

Лазерный огонь Жажжо усеял стену, где было существо, но острые когти и ужасающая ловкость позволили существу быстро забраться на десять метров по фасаду многоквартирного дома, и вдоль под кромкой крыши.

Крийд увидела его и открыла огонь, Кенфелд присоединился к ней.

«Гак, она такое фесово быстрое!» завопила она.

«Я думаю --» начал Кенфелд, и затем его внезапно не стало рядом с ней. Она вздрогнула. Ее лицо было липким. Это была кровь Кенфелда. Его покалеченное тело отлетело на пять метров назад, так быстро, как будто в него врезался грузовик.

Крийд пригнулась за укрытием и стала трясущимися руками перезаряжать оружие. Она услышала лазерные выстрелы, ответный кашель, и затем звуки бега. Гол Колеа присел рядом с ней.

«Где оно?» спросила она.

«Наверху слева, но передвигается. Ты в порядке?»

Она кивнула. В ее ухе звенели вызовы и предупреждения от остальной части отряда, пытающейся передвигаться, но прижатой к земле беспощадным ответным огнем.

Колеа приготовился пообедать снова, но она схватила его за руки и подтянула к себе.

«Не геройствуй,» сказала она. «Мы только что вернули тебя.»

«Это приказ?»

«Да, и --»

«И что?»

«Я хочу, чтобы ты был жив, когда мы закончим. Нам нужно будет поговорить о... о твоих детях.» Он странно посмотрел на нее. «Мои дети умерли в войне ульев, Тона. Моя жена тоже. Единственные дети, о которых мы должны беспокоиться в эти дни – твои.»

«Но --»

«Твои,» решительно сказал он. «Император защищает, и, когда он занят, Тона Крийд делает чудеса за него. Достаточно знать, что они живы и любимы. Это большее, на что я когда-либо смел надеяться.»

Он обнял ее, и крепко сжимал в объятиях секунду. Затем он схватил свое оружие и побежал. Пушка кашляла и ревела.

На другой стороне акведука Роун тоже бежал. Еще трое из его взвода были уже мертвы, но Локсатль на мгновение перестал стрелять. Он заметил, как оно забралось на крышу дома.

Он перебежал улицу и подбежал к стене дома, прижимаясь к ней спиной и продвигаясь вдоль. На улице было тихо. Тонкие струйки дыма ползли вдоль дороги. Через дорогу он мог видеть Призраков, ползущих вперед позади укрытия.

Внезапно в ноздри Роуна вторглась вонь скисшего молока и мяты. Молоко и мята.

Прижимаясь спиной к стене, он поднял голову и посмотрел вверх. Локсатль пялился прямо на него. Он был прямо над ним, примерно в трех метрах наверху, на стене, головой вниз, и сопел. Его аугметическая сбруя щелкнула и зарядила заряд в пушку у него на глазах.

«Вот дерьмо,» сказал Роун.

С другой стороны улицы, горячий выстрел Бэнды попал в основание хвоста и оторвал существо от стены. Оно упало рядом с Роуном, осыпав его дождем из разбитых кирпичей, и его извивающееся тело забилося в агонии.

Жидкость вытекала из его безгубого рта. Роун приставил дуло своего лазгана к глотке и выстрелил.

«Хорошо поработал приманкой, детка,» сказала Бэнда, выходя из укрытия со своим лонг-лазом, закинутым на плечо. «Ха, фес, ха,» сказал Роун.

Лидер выводка Что был мертв. Регхх услышал его дозвуковой вопль боли. Ярость залила его разум, и его блестящая кожа начала пульсировать от горя. Радужные узоры появлялись вдоль его змеиного тела. Он поспешно спустился по стене, пересек мостовую и затем перелез через стену на следующую аллею. Эти млекопитающие не были целью. Они задерживали его и заставляли тратить выстрелы.

Чувства локсатля были притуплены. Вне воды, их зрение, слух и обоняние были слабыми. Регхх мог чувствовать, что млекопитающие солдаты бегают по улице, которую он только что пересек, в его поисках. Он мог чувствовать их шаги, их сердцебиение и работу их легких. Он мог чувствовать запах их страха и кожных выделений.

Он начал стремительно спускаться вниз по стене, двигаясь на юг, когда боль пронзила его тело. Холодная, жестокая боль. Он зашевелился, двойные веки заморгали.

Млекопитающее повернуло свою винтовку и с усилием выдернуло длинный, серебряный штык. Как Регхх не почуял его или не узнал, что он был там?

Регхх свернулся кольцом. Земля была омыта жидкостью, хлещущей из него. Он смутно видел млекопитающее.

Млекопитающего не ощущалось. Совершенно никак не ощущалось. Как будто он был новорожденным: чистым и не загрязненным богатыми запахами, собиравшимися на их грязных кожах в течении жизни.

Как такое могло быть? Млекопитающее было взрослым.

Регхх попытался достаточно повернуться, чтобы нацелить свое оружие на сбруе. Боль в животе была такой сильной. Млекопитающее-без-запаха сделало еще один выпад.

Гол Колеа воткнул свой штык в извивающееся тело существа еще дважды, чтобы быть уверенным, что оно мертво. Кровь Локсатля капала с серебряного клинка, прикрученного к стволу его оружия. Темные цветные спирали вспыхивали на блестящей шкуре животного, и затем она стала тускло-белой.

Тяжело дыша, Колеа постучал по своей микро-бусине. «Сарж?» сказал он. «Я прикончил его.»

Наистраннейшая вещь. За все годы охот и убийств, он никогда не испытывал это чувство. Охотились на него.

Скарваэль тихо перемещался через покинутые авеню Склона Гильдии, невидимый для всех. Башни Имперского города возвышались перед ним, но по соседству было тихо и безжизненно. Люди сбежали, оставив после себя руины. Громоухая, как зловещая угроза, силы вторжения были в двадцати минутах позади него.

Скарваэль охотился несколько раз по пути к башням, не потому, что ему было это надо, а потому, что он жаждал чужой боли. Херодор был разбит. Меньше, чем за день, улья запылают, и Магистр получит свою победу.

Задача оставалась. Она была неуловима, эта мученица. И это делало его охоту все слаще.

И это странное чувство. Оно делало все мероприятие стоящим. Скарваэль согласился на задание на основе платы, которую предлагал Магистр – богатство за счет территорий и внутренних переходных металлов, и договор о терпимости между его кабалом и Архонтом Гором. Но это возбуждение уже было достаточной наградой. На охотника охотились.

Он не чувствовал ничего такого с тех горьких лет, когда он был послушником, когда Лорд Каах охотился за всеми ними в убогих склепах убойных арен, чтобы отполировать их черепа.

Что здесь могло быть? Определенно не человек. Ни один человек никогда не смог бы сравниться с мандрагорой в искусстве невидимости и хитрости.

Скарваэль влился в тень, и согнулся. Как фантом, он проплыл сквозь тени выгоревшего дома, и выбрался на улицу. Тьма плыла вокруг него, неестественно растягивая его плащ из плоти, связывая его с ночью.

Где же ты, размышлял он?

Улица была пуста. Случайные огни горели в нескольких зданиях. Одеревенелые трупы Имперских солдат украшали землю. Раненый человек, рядовой СПО, пробежал мимо него по улице, напуганный, в надежде добраться до башен до того, как ворота закроют. Человек даже не видел Скарваэля, хотя он и стоял посередине широкой дороги. Рассеянный человек пробежал так близко от Скарваэля, что тот мог его достать своим боином и перерезать ему глотку.

До сих пор это чувство.

Скарваэль повернулся, стал кирпичем, стал стеклом, стал камнем, переключая свою форму для смотрящего позади него. Его невидимый противник был близко. Он это чувствовал. Его мертвенно-бледную кожу покалывало.

Позади? Нет! Слева...

Он прошел сквозь тень и свет от огня, свет и звук изгибался вокруг него, когда он двигался.

Его силы хамелеона превращали его в стены и дверные проемы, как призрака из загробной жизни.

Там! Скарваэль повернулся и поплыл назад сквозь ночь. Наконец-то его бесподобные навыки, как охотника, будут вознаграждены. Там был его оппонент, съжившийся позади ограды, пытающийся спрятаться.

Ты был хорош, признался Скарваэль. Приятно поохотиться, приятно проверить свои навыки. Но ты ничто, в сравнении с мандрагорой. Не двигайся. Я удостою тебя чести медленной, очаровательной смерти.

Скарваэль сделал выпад своим священным ножом. Болин прошел между решетками ограды и порвал безжизненную ткань.

Удивленный, Скарваэль потянул ткань между решеток и понюхал ее. Плащ, пустой плащ, из какого-то камуфляжного материала. Он повернулся и увидел винтовку, направленную на него.

«Ты хорош,» с неохотой сказал Мколл.

Единственный лазерный заряд вошел мандрагоре между глаз.

ТРИНАДЦАТЬ

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

«Девять все еще один.»

- сообщение, написанное рукой Сорики

Для закрытия требовался генетический отпечаток первого чиновника. Легер был напуган, и его пришлось вести через процедуру, но Биаги был терпелив.

«Они все внутри? Все?» бормотал Легер.

Орудийные команды охраняли склоны перед воротами улья внизу. Гаунт уже проверил взводы Крийд, Роуна и Обела. «Подождите,» сказал он.

Стрельба прокатилась по территории базового уровня Старого Улья. Волны отрядов архиврага, большинство из них были мотострелками, рвались к нижнему уровню башни, и атаки с воздуха удвоились.

Был почти рассвет.

Цепочка прорвавшихся транспортников прогрохотала за ворота, и плавно заскользила по дороге в широкую галерею Старого Улья. Как только они остановились, открылись люки. Из них выбрался взвод Домора. Беати и Майло были с ними.

«Саббат,» сказал Гаунт, кланяясь. «Мы опасались за вашу жизнь.»

«Прости меня за это, Ибрам. Но сейчас я здесь. Твои Призраки защитили меня.»

«Гаунт?» Крикнул Биаги с мостика наверху. «Сейчас?»

Гаунт сделал паузу и сверился с планшетом. Сейчас все они были внутри Старого Улья, все выжившие из Полка Цивитас, СПО и отрядов Люго. Все, кого можно было в любом случае ожидать.

В своем личном списке, Танитском списке, отсутствовал один отряд. Сержанта Скеррала, номер девятнадцать, последний раз его видели в битве с бригадами смерти на Улице Нешион.

«Сэр?» Корбек уставился на Гаунта. «Я думаю, что мы должны подвести черту сейчас.» Гаунт кивнул.

«Запечатать ворота!» крикнул Биаги. Легер положил свою руку на генетический считыватель и подтвердил свои полномочия. Массивные противовзрывные ворота Старого Улья с лязгом встали на свое место.

Девятнадцатый взвод был, примерно, в пятистах метрах от северного входа Старого Улья, когда они увидели, что ворота закрываются.

Скеррал остановился и подозвал людей. Половина его отряда была мертва. Он вытащил ячейку из лазгана и вставил новую.

«Идем,» сказал он, поворачиваясь назад, чтобы посмотреть на склон и волны атакующих, мчащихся наверх.

«Посмотрим, скольких еще мы сможем убить.»

Остатки девятнадцатого продержались семнадцать минут с того момента, как ворота закрылись. Они убили сто восемьдесят девять врагов. Никто не стал свидетелем их героизма.

Старый Улей, такой же огромный, каким и был, вибрировал от града огня снаружи. Множество верхних уровней были в огне. Огромные силы Магистра били снова и снова по внешним стенам.

Дошли слухи, что башня улья два была захвачена. Иннокенти лично был там, получая жертвы среди гражданских.

Главные ворота Старого Улья упали поутру. Бригады смерти хлынули внутрь, завоеывая улицу за улицей и помещение за помещением, чтобы захватить башню.

Гаунт шел вниз по лестнице в Священную Купальню у основы Старого Улья. Тысячи электрических свечей мерцали и дрожали. Большинство важных людей уже были собраны ниже, у бассейна. Люго, Биаги, Легер, Килош и аятани, Калденбах, глава астропатов, старшие еkkлeзиархи.

Служба была идеей Беати. Последнее благословение для ее верных войск до того, как настанет конец.

Гаунт чувствовал, что смирился со всем этим. У них было всего несколько часов до смерти. Беспощадное сражение за улей прорвалось через наружные уровни башни. Части внешней суперструктуры начинали обрушиваться от интенсивной бомбардировки.

Даже в этом случае, он разрешил присутствовать только самому минимуму Призраков. Сражение с врагом было более приоритетным, чем любое священное благословение. Те Призраки, которым дали разрешение присоединиться к нему, маршировали по лестнице позади него в два ряда. Танитские огнеметчики. Они гордо несли свои баки и шланги. Биаги лично запросил из присутствия. Он хотел воздать им почести, и осознал жизненноважную роль, которую они сыграли, несмотря на древние законы Цивитас.

Гаунт сопровождал их к бассейну, и они встали в четкие ряды. Некоторые из городских чиновников и офицеров Люго смотрели на грязных огнеметчиков с презрением.

«Игнорируйте их,» сказал Гаунт.

Беати, заключенная в свою золотую броню, стояла по бедра в воде, провозглашая преданность Киодруса. Майло ждал неподалеку, вместе с храмовыми адептами, наверху ступенек купальни.

Голос Саббат разносился эхом сквозь теплый сырой воздух. Она восхваляла войска, которые сражались за нее на Херодоре, и упоминала офицеров и командиров отрядов по именам. Семьдесят процентов имен, которые она произносила, принадлежали убитым.

Гаунт, стоявший по стойке смирно со своими солдатами, начал пропускать мимо ее слова. Воздух был теплым, и его наполнило чувство смертности. Это были все лишь хорошие слова. Их ожидала битва, наверху в улье, и она будет их последней. Гаунт обнаружил, что его внимание приковано к пузырькам, которые появлялись на воде в дальнем от Саббат конце бассейна. Какая-то вентиляция.

Больше пузырьков. И по размеру больше, более интенсивные. «Беати --» начал Гаунт, делая шаг из шеренги.

Каресс вырвался из бассена купальни.

Его корпус был заросшим и перепачканным, после его путешествия сквозь глубокие места под Цивитас. Его орудийные конечности повернулись вверх и открыли огонь. Тяжелый болтер и плазменная пушка.

Ужасная паника охватила собрание в Священной купальне. Священники и солдаты рассыпались во всех направлениях, несколько подскользнулись на мокрых камнях. Никто совершенно не верил в то, что дредноут Хаоса может вот так внезапно появиться.

Каресс быстро пошел вперед сквозь бурлящую воду, стреляя из орудийных конечностей и транслируя непотребства. Осколки базальта откалывались от бассейна. Болтерные снаряды разорвали пять храмовых адептов и три офицера Люго. Килош был испепелен лучом плазмы. Калденбах упал, кровь хлестала из раны на животе.

Каресс приближался к ступенькам бассейна, еще больше выйдя из воды. Он развернул свой корпус, чтобы прицелиться в левую часть купальни. Его тяжелый болтер ревел и хлопал, и стена на другой стороне покрылась кровью и изорванными тканями. Первый Чиновник Лего и старший астропат Цивитас перестали существовать от этого залпа. Саббат, спотыкаясь, поднялась вверх по ступенькам, и Майло начал тащить ее в укрытие за одной из массивных каменных колонн купальни.

Биаги побежал, чтобы помочь им, стреляя из своего служебного пистолета в бассейн. Болт ударил его в грудь и отбросил его разорванный труп назад вдоль зала, сбив с ног несколько человек, которые пытались спастись бегством.

Одним из них был Лорд Генерал Люго.

Трясаясь, Люго вырвался из-под упавших тел и встал. Убийственная машина уже была рядом с верхом ступеней, устанавливая подходящим образом первую из своих когтистых ног на пол перед бассейном. Майло завел Беати за колонну, и почти все остальные, которые еще были живы в зале, были в укрытии.

Аугметические сенсоры Каресса щелкали и настраивались, когда он поворачивал свой массивный корпус, выискивая цели.

Выискивая цели.

Он увидел Люго, который с ужасом в глазах медленно пятился назад. Каресс выпустил еще один поток ругательств и нацелил свой болтер.

Он не выстрелил. Удар сотряс его. С шипящим ругательством, он повернул свой массивный железный торс, чтобы обнаружить источник, и почувствовал еще один удар сбоку.

Гаунт замахнулся силовым мечом Иеронимо Сондара и ударил снова. Эта военная машина была внушительной и очень мощной, но она была медленной и громоздкой. Она выстрелила, но Гаунт был позади нее, идя по мелкой воде на верхних ступеньках. Он еще раз ударил мечом и оставил глубокий надрез в задней части корпуса Каресса.

Каресс издал электронный визг, и со скрежетом шестерней резко развернулся. Конец его плазменной пушки ударил Гаунта и отбросил в бассейн.

Дредноут повернулся назад, вереща богохульства, и определил колонну, за которой пряталась Беати.

Зажимая свою ужасную рану на животе, Калденбах с трудом встал на колени. Он был всего в нескольких метрах от убийцы. Задыхаясь от боли, он вытащил гранату и катнул ее по плиткам. Она остановилась между массивных когтистых ног Каресса.

Взрыв разнес верхние ступени на куски. Он едва повредил Карессу, но, все-таки, сбил его с ног. Жестокая машина опрокинулась в бассейн, поднимая в воздух столб воды.

Призраки выбежали из укрытия, чтобы вытащить Гаунта из бассейна. Кашляя, Гаунт пристально смотрел на неистово бурлящую воду, где разъяренный каресс пытался поднять себя.

«Бростин! Лубба!» прошипел Гаунт. «Сварите ублюдка!»

Пять Танитских огнеметчиков подбежали к краю бассейна и залили воду жидким огнем. В закрытом каменном помещении жара стала безмерной. Повалил пар. Они продолжали поливать...

Бростин, Лубба, Дреммонд, Лайз, Нескон... превратили воду в кипящую пену.

Бронированный корпус Каресса был защищен почти от всего, но меч Гаунта проделал в нем маленькую дыру. Кипящая вода полилась внутрь, в его оболочку, изжаривая крупницы жизни внутри. Каресс утонул, огни на его корпусе потускнели и погасли.

Бростин и его собраты прекратили огонь и подняли свои огнеметы. Воздух был до изнеможения горячим, и густым от пара и дыма. Кровь покрывали почти каждую поверхность древнего зала.

За ужасную цену, последний из девяти был остановлен.

В своей камере, гораздо выше в Старом Улье, Агун Сорик почувствовал внезапный наплыв облегчения. Он лег на свою кровать, его сердце стучало. Затем он почувствовал, как что-то шевелится в кармане его куртки.

«Были времена,» тихо сказала Саббат, «когда я думала, что мы не доберемся так далеко.» Он не знал, что сказать. Казалось, что она говорит так, как будто оставался еще какой-то шанс на победу. «У Люго есть корабль,» сказал он. «Я очень сомневаюсь, что он переживет побег, но он хочет, чтобы вы были на борту.»

«А ты?»

Гаунт помотал головой. «Я думаю, что есть еще несколько шансов для вас выжить в этой войне, моя Святая, и корабль Люго в них не входит. Мколл предложил уйти через резервуар позади города, на Южные Валы. Будет тяжело, но вы и небольшое войско можете там спрятаться и остаться в живых.»

«Пока ты сдерживаешь Иннокенти здесь последним боем?»

«Никто больше этого не сделает. Биаги мертвы, Калденбах тоже почти. Люго слишком боится.»

Гаунт и Беати сидели одни в зале для дискуссий Чиновников Херодора, на девяностом уровне Старого Улья. Несмотря на монолитную постройку городской башни вокруг них, они могли чувствовать вибрацию от яростного сражения, которое происходит в самых нижних районах.

«Ибрам?» улыбнулась она. «Ты полагаешь, что моя игра тут сыграна?»

«Если у вас есть цель, Саббат, это за гранью моего понимания. Я никогда не понимал, почему вы выбрали Херодор. Вы слишком ценны – для нас и для архиврага. Вы бы могли повести наши войска к победе на Морлонде. Здесь вы сами себя заперли, вообще без выгоды. Единственное, чему вы послужили, так это прибытию сил Хаоса. Ваша смерть подстегнет их боевой дух на годы вперед.»

«Ты понимаешь риск, Ибрам. Скажи мне, лучше рискнуть чуть-чуть для легкой победы, или рискнуть всем для великой?»

Гаунт печально рассмеялся. «Я не могу увидеть вы --»

«Если бы я отправилась на Морлонд, Ибрам, Я бы на самом деле добилась бы там быстрой победы. Но с Крестовым Походом было бы покончено. Макарот слишком растянул фронт. Фланговые атаки Иннокенти сейчас глубоко кусают в Группе Хана. Магистр Войны и я получили бы победу на Морлонде только для того, чтобы увидеть, как войска позади нас уничтожаются контратакой. Мы бы были отрезаны и уничтожены.»

«Значит, вместо этого вы отправились в Группу Хана? Без каких-либо значительных сил?»

«Насколько важен Херодор, Ибрам?»

«По сравнению с основными мирами Хана, и главными населенными центрами? Его значимость – ноль.»

«Так почему же Магистр лично... и такая большая часть его войск... беспокоятся из-за него?» Гаунт пожал плечами. «Потому что вы здесь.»

Она кивнула. «Иннокенти смог бы выиграть эту войну для Хаоса одним беспощадным ударом во фланг Хана. У нас в наличии нет силы, чтобы остановить его. Но мне пришло в голову, что мы можем полностью отвлечь его и заставить тратить жизненноважное время на бесполезное вторжение в бесполезный мир.»

«Вы... вы использовали себя, как приманку?»

«Ты сам сказал, я слишком ценна. Для нас и для архиврага. Иннокенти не проигнорирует меня.» Она залезла в свой плащ и вытащила планшет. «Это было

получено астропатами за несколько минут до того, как мы запечатали ворота улья. Я собиралась сообщить об этом на церемонии в купальне, но нас прервали.»

Гаунт взял планшет и прочитал. Текст был дешифрован с шифровки очень высокого уровня.

В последнем, кровавом нажиме, войска Макарота взяли Морлонд. Урлок Гор безумно отступал. Потребуется время, но Имперские части сейчас смогут выделить резервы, для защиты Группы Хана от продвижения Иннокенти.

Продвижение, которое, несмотря на все преимущества, застряло на Херодоре.

«Именем Золотого Трона...!» изумленно вздохнул Гаунт.

«Может быть, мы здесь и умрем, Ибрам. Но мы умрем во имя победы.»

«Благословен будь Император,» сказал он.

Она поднялась на ноги. «И если я погибну здесь, я бы хотела, чтобы это значило так много, как только возможно. Майло?»

Майло ожидал в вестибюле зала. Он поспешил к ним и поклонился ей до того, как отдал честь Гаунту.

«Время пришло,» сказала она. «Мое сообщение?»

«Я отдал его в командование тактической службы. Они загрузили его в публичную систему Цивитас. Только скажите.»

«Сейчас, Майло.»

Он подстроил свою микро-бусину и послал быструю голосовую команду.

Пикт-сообщение было коротким. Она записала его прямо на камеру, говоря быстро и четко.

Каждый публичный экран, коммуникационный монитор и планшет в Цивитас воспроизводил его, и голосовая часть гремела из всех воксов и громкоговорителей, все еще связанных проводами к городским системам. Оно длилось около пятнадцати

секунд. Тактическая служба поставила его на циклический повтор. Часами, его можно было видеть и слышать по всему Цивитас Беати, как друзьями, так и врагами.

Вещание говорило о великой победе на Морлонде. Оно дерзко заявляло, что убийственная авантюра Иннокенти провалилась. Оно смело наглость заявить ему, чтобы он спасался бегством до того, как гнев Бога-Императора обрушится на него за все зверства, которыми он засыпал Херодор. Последние слова были такими:

«Все живые человеческие души в этом городе, все люди Цивитас, которые еще живы, знайте это. Несметными силами, монстр Иннокенти сломил нас физически, но он не смог сломить наш дух. Наша жертва гарантирует великую победу. Не умирайте в страхе и прячьтесь. Дорого продайте свои жизни. У Императора Человечества есть место для каждого в его Имперской армии.»

Поначалу они пришли из сельскохозяйственных куполов. Наземный штурм архиврага проигнорировал западные сельскохозяйственные секторы в своих усилиях сконцентрироваться на главных ульях. Полевые наблюдатели Кровавого Пакта на своем западном фланге внезапно увидели тысячи фигур, хлынувших, как из ведра, из сельскохозяйственных куполов.

Дети Беати. Толпа пилигримов.

Несмотря на потери, которые они понесли в короткой, но беспощадной войне, их число все еще было сотни тысяч. Гигантские сельскохозяйственные купола предоставили им убежище, когда город начал сдаваться. Это были мужчины и женщины, которые пришли на Херодор, не зная по-настоящему почему, за исключением того, что их позвала Беати.

И сейчас она позвала их еще раз, напрямую, через вещание.

Некоторые захватили вражеское оружие, или артиллерию СПО, у некоторых был садовый инвентарь или куски труб или деревянные палки. У некоторых не было ничего, кроме голых рук.

Тысячи из них умерли, прискорбно превзойденные оружием и оснащением войска врага.

Но они ни мгновение не колебались.

Через час, после того, как они появились, чтобы излить свою священную ярость на легионы Магистра, похожие волны начали изливаться из башен ульев один и три, и из публичных убежищ и подвалов Склона Гильдии и нижнего города.

Цивитас Беати, почти задавленный до смерти Эноком Иннокенти, повернулся, как смертельно раненый зверь в ловушке, и укусил охотника.

Агун Сорик колотил кулаками по двери своей камеры. Его руки опухли и кровоточили от усилий, и оставляли пятна крови на стали.

«Пожалуйста!» кричал он. «Пожалуйста! Вы должны дать мне уйти! Я должен предупредить ее! Я должен предупредить ее!» Никто не отвечал. В этот ранний час, когда город погибал, по правде говоря, никого не осталось в тюремном блоке, чтобы услышать его.

Он закричал и ударил снова, слезы лились по его морщинистому лицу.

Открытая гильза, и голубая бумажка, лежали на кровати позади него.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

МУЧЕНИК САББАТ

«Знайте его таким, какой он на самом деле. Убийца.»

- сообщение, написанное рукой Сорика

В первый час битвы, или около того, Антон Алфант использовал пистолет, который он позаимствовал у трупа врага, но потом они нашли брошенный транспортник СПО на одной из улиц, ведущей к башне улья один, и забрали оттуда полдюжины лазганов.

У них была ложа из стальной проволоки вместо ложи из прессованного металла, такими он пользовался в свою бытность в Гвардии, но, кроме этого, все остальное было до боли знакомо.

Ночь, дикая от огненных штормов и монументального рева войны, поглотила Цивитас, и Алфант обнаружил, что находится в самом кровавом сражении, какое он когда-либо знал, включая давние дни, когда он был солдатом. Он делал все, что мог, чтобы разобраться в уличном бою, и повести войско пилигримов за собой.

В армии пилигримов не было формальной структуры. По существу, это была гигантская толпа. Но Беати пришла к ним в купола, и вытащила людей, как Алфанта, из толпы, и сказала пилигримам, что они будут их лидерами. Большинство уже и так были. Саббат безошибочно выбрала тех людей, у которых было военное прошлое, или мужчин и женщин, которые уже стали естественными лидерами отрядов пилигримов.

У них не было плана, как такового... за исключением того, чтобы броситься на врага. Алфанта пытался сплотить свою часть фанатичной толпы и повести к Старому Улью, где, как говорили, Беати была в осаде.

Все что имело значение, так это ее жизнь.

Этродай никогда не видел Его в такой ярости. Ярость Магистра была так велика, что Этродай даже стал опасаться за свою жизнь. Завывая, со слепящей сферой потрескивающих огней вокруг Него, Энок Иннокенти вел Свиту и три ветеранские бригады смерти Кровавого Пакта сквозь внутренности Старого Улья, через коридоры и галереи, разрушенные сражением и заполненные телами убитых.

Люк за люком, коридор за коридором, они продвигались по разрушенным защитным укреплениям города башни. На передней линии, Этродай сметал своим мечом солдат СПО, Имперских Гвардейцев и безумных гражданских бойцов.

Более ста тысяч солдат Кровавого Пакта, вместе с бронированной техникой, сейчас были внутри Старого Улья, распространяясь, как дикий огонь по нижним уровням. Еще сотни тысяч столпились на руинах верхнего города, пока город пылал позади них.

Поступали доклады о контратаке во фланг, но Этродай был уверен, что они не могут быть правдивы. На Херодоре больше не оставалось Имперских сил, чтобы организовать такую атаку.

Дерзкая передача святой довела Магистра до Его точки бешенства. Он хотел ее. Он должен убить ее Своими руками.

Все что имело значение, так это ее жизнь.

Прямо перед полуночью, бригаде смерти удалось взорвать два центральных силовых генератора в подуровнях Старого Улья, в основном для того, чтобы прекратить трансляцию сообщения святой, которое так выводило из себя их повелителя. Взрыв прорвался через два уровня улья, и привел у массовому внутреннему обрушению, которое убило тысячи. Энергия перестала поступать на восемнадцать уровней выше. Резня бушевала на нижних уровнях, коридорах и главных дорогах улья, которые превратились в адские пещеры, освещаемые только пожарами и вспышками оружия. Пожары вышли из-под контроля, потому что системы пожаротушения были выведены из строя, и дым собирался в неподвижном воздухе.

Иннокенти и его авангард пробирался сквозь все это, освещаемые мерцающими огнями его псайкерской злобы и смертельными лентами энергии, которые были явным проявлением его кровавой ярости. Захватчики лились потоком позади них.

В тюремном блоке выше наступила тьма. Сорик охрип и выдохся, ожидая, как вторичные системы включатся, но ничего не произошло.

Он схватил руками дверь камеры и начал тянуть ее. Если энергия полностью отключилась, тогда, скорее всего, магнитные замки тоже отключились.

Дверь отказывалась шевелиться. Он попытался снова, хрипя от напряжения, и, наконец-то, стальная дверь начала скользить назад. Сорик тянул, пока его окровавленные пальцы не смогли пролезть в щель и увеличить точку опоры.

Он открыл дверь и, пошатываясь, вышел. В тюремном блоке было темно. Идя наощупь и спотыкаясь, он вышел наружу. Главные ворота тюремного блока были открыты.

Снаружи, главная дорога улья была темна и пуста. Он чувствовал отдаленный грохот внизу. Воздух был затхлым и в нем чувствовался дым. Не смотря на большие вентиляторы на дороге, он мог слышать шум, эхом поднимавшийся по широкой структуре улья.

Звуки резни и разрушения, звуки смерти.

Сорик похрамал по пустой дороге в поисках лестницы.

Прибытие Магистра на Великий Перекресток, широкое публичное место на девяностом уровне Старого Улья, было объявлено стелк-танками, которые поднялись, по трем большим каменным лестницам, которые восходили от транзитных терминалов и декоративных садов внизу. Размеры этих лестниц был такими, что пять или шесть военных машин в ряд могли подняться по ней, со Свитой и солдатами Кровавого Пакта за собой, стреляющими по Имперцам, окопавшимся за богато украшенными базальтовыми ограждениями перекрестка. Широкое пространство было глубиной в три уровня улья, и огромная люстра, которая свисала с куполовидной крыши, была темна с тех пор, как энергия отключилась. Огромные окна, тридцати метров в высоту, были напротив лестниц, и перекресток сквозь них освещался светом от горящего снаружи города.

Майор Удол, теперь уже мтарший офицер планетарных сил, собрал последнюю бронированную технику на перекрестке, и их пушки встретили стелк-танки, как только они поднялись по ступеням. Взрывы снарядов расцветали над мостовой, швыряя каменные плиты и людей в воздух. Импульсные лазеры лучами пронзали адский мрак, врезааясь в здания, обрамляющие перекресток, и разбивая огромные обсидиановые скульптуры, которые свисали с крыши. Стекланные изображения аквилы и других Имперских гербов падали вниз в лавине стекланных осколков, разлетаясь на части, как падающий лед.

Войска Магистра потоком устремились на перекресток.

Гаунт собрал половину Танитского полка и остатки отрядов Люго позади бронетехники для этого последнего боя. Все оставшиеся войска заняли другие уровни, встречая другия наступления, но это, знал Гаунт, было ключевым.

Она ему так сказала. Она чувствовала ярость приближающегося Иннокенти.

Бронетехника Удола медленно откатывалась назад по мостовой, перемалывая большие куски разбитого стекла и черепицу, когда она падала. Они понесли тяжелые потери, но ни один стелк-танк не отошел более, чем на двадцать метров от ступеней. Спокойное отступление Удола было преднамеренным, чтобы заманить хорошую часть пехоты врага на перекресток, где не было укрытий.

«Именем Императора... сейчас!» просигнализировал Гаунт, и его пехота появилась со всех сторон огромного публичного пространства, стреляя на ходу. Первые пятнадцать секунд были стремительной резней. Перекресток осветился так же, как днем, от разрядом лазерного оружия. Сотни солдат Кровавого Пакта и Свиты были срезаны на землю или разорваны на части. Затем архивраг собрался, и перестелка стала серьезной. Тем не менее, Имперцы наказывали их.

«Держать позиции! Держать укрытия!» приказал Гаунт. У его людей было абсолютное преимущество за счет зданий по обе стороны мостовой, а у, все еще, приближающегося врага не было ничего, кроме открытого пространства.

Гаунт увидел проблеск света наверху ступеней. Сверхъестественный зловещий свет, потрескивающий, как молния. С ужасом он осознал, что Беати и отряды Люго вышли из укрытия и атаковали перекресток. Вокруг самой Беати был ореол зеленого огня.

В одиночку, несмотря на великую силу, наполняющую ее, она умрет.

«Призраки Танита!» прокричал он, поднимая свой меч. «В атаку!» Только на Балгауте, в той адской войне, Гаунт бросался в сражение такого большого масштаба.

Как несущиеся моря, волны солдат вклинились одна в другую, стреляя и пронзая. Огнеметы ревели.

Сила столкновения заставила древний перекресток содрогаться. Гаунт бежал вместе со своими людьми, лазпистолет вздрагивал в его левой руке, силовой меч косил врагов в правой. За секунды в него попали дважды, скользящими выстрелами в тело, и он получил полдюжины порезов. Меч Иеронимо Сондара прорывался сквозь ветеранов Кровавого Пакта, которые делали выпады к нему примкнутыми штыками, и вскрывал элитных солдат Магистра в темно-синей броне, диких животных в выпуклых насекомоподобных очках.

Он пытался найти Святую. Его лицо было мокрым от крови, а его дыхание было тошнотворным.

Грохот вокруг него был таким сильным, что он глохнул. Каждую секунду, каждую часть секунды, он ударял и двигался, уклонялся, пронзал, пойманный в сердце

рукопашной схватки такой яростной, что она казалась эхом варварских войн прошлого.

Он на мгновение увидел Роуна и Каффрана, стреляющих во врага, пока бежали вперед. Фейгора, стоящего на колене возле павшего Призрака, и стреляющего в автоматическом режиме. Варла, Крийд, Обела, Домора, Мерина, их людей вокруг них, когда они атаковали вражескую толпу. Он видел, как Даур застрелил офицера Кровавого Пакта в голову. Он видел Бростина, поливающего огнем уменьшающийся отряд солдат Свиты. Он видел серебряные клинки, и кровь, и мужество.

Он видел, как люди, которых он знал почти семь лет, сражались и умирали.

Мужчины и женщины с Вергхаста, все настоящие Призраки, стойкие и храбрые.

Мужчины с Танита, самые непоколебимые войны, каких он когда-либо знал, которые, несомненно, заслужили жить вечно.

Гаунт знал, что война была переменчивой, и нечасто воину доводилось выбирать место своей смерти. Но это место, этого было достаточно. Такое хорошее, такое достойное, такое почетное, как и любое, которое он бы выбрал.

Свет дьявольского сияния был рядом с ним, и он прорывался сквозь смыкающиеся ряды солдат Свиты, чтобы добраться до него. Он потерял пистолет. Оставалось только заряженное лезвие его меча. Лаз-заряд чиркнул по его щеке, но он проигнорировал пылающую боль и снял голову члену Свиты, прыгнув вперед к молниям.

Окруженный грудой мертвых, Иннокенти стоял перед ним. Магистр, более мерзкий и ужасный, чем когда-либо Гаунт мог представить, скрестил меч с мечом Беати.

Каждый удар, каждый выпад, которыми они обменивались, грохотали, как гром. Летели искры. Ударные волны от встречающихся клинков сбивали людей вокруг них – как друзей, так и врагов – с ног. Омерзительное свечение скручивалось и увядало вокруг Магистра. Холодный зеленый огонь, в виде великого орла с распростертыми крыльями, освещал Святую.

Гаунт рванул вперед, его сапоги скользили на мокром от крови камне.

К нему прыгнул демон, блокируя его путь. Зверь был огромным. Он был заключен в черно-синюю броню Свиты, но голова его была непокрыта, розовая плоть была горестно помечена ритуальными шрамами. Его рот и нос были спрятаны позади аугметической решетки, а его глаза были желтыми светящимися щелками. Он орудовал жутким мечом из зазубренной кости, который рос из его правого кулака. Плоть на кулаке была содрана назад, открывая серые кости пальцев, которые срослись в длинный клинок. Он замахнулся на Гаунта.

Кровь спасла его. Он поскользнулся и упал. Костяное лезвие просвистело над его головой, и Гаунт откатился до того, как оно могло резануть еще. Он рывком поднялся на ноги и отбил меч демона, когда он устремился к нему, и затем сделал резкий колющий выпад, который зверь отвел в сторону.

Они кружились в середине окружающей бойни, обмениваясь ударами со всей силы. Гаунт больше не мог видеть Беати.

Только зеленоватый свет в воздухе подтверждал, что она все еще жива. Отчаянно, Гаунт сделал выпад, но демон отбил удар в сторону, контратакуя ударом, который отвел силовой меч Гаунта вниз.

Его защита была открыта. Костяное лезвие устремилось к его глотке.

Лаз-заряд попал демону в шею, и второй вспорол его наплечник. Он отступил от Гаунта, поворачиваясь.

Брин Майло помчался вперед, силовая ячейка была пустой, и вонзил свой серебряный клинок по рукоять в грудь демона.

Съедаемый кислотной кровью зверя, клинок сломался. Майло отошел назад. С безсловесным криком, Гаунт крутанулся, и провел своим силовым клинком по шее чудовища.

Этродай, телохранитель Магистра, упал мертвым, его лезвие рассыпалось в пыль.

Гаунт и Майло повернулись и побежали к Беати. Живой огонь шипел вокруг нее, и изливался, как кипящее масло на мостовую перекрестка.

Огонь лился из выпотрошенного трупа Энока Иннокенти.

«Святая Терра...» заикаясь произнес Гаунт.

Саббат встала, незрячая голова Магистра с широко открытым ртом болталась в ее поднятом кулаке.

«Именем Императора!» прокричала она. Яркая аквила вокруг нее запылала, размером в три раза больше, треща и ударяя в высокую крышу.

Звук ее голоса был таким чистым, таким громким, он выбил наружу огромные окна перекрестка ураганом стекла.

Все до одного, воины архиврага на Херодоре пронзительно закричали.

Там, где всего лишь минуту назад на него сильно наседали, Корбек обнаружил, что смотрит на пустой коридор. Изнуренный и нервный, он повел свои силы вперед, к западным воротам улья.

Что-то определенно произошло. Вражеские войска были повсюду, а теперь они сбежали.

«Рервал? В чем дело, сынок?»

Рервал помотал головой. Огромный и разрушительный пси-звук только что сжег все коммуникационные каналы и расплавил все вокс-установки на территории улья.

«Может быть какой-то трюк,» сказал Мквеннер.

Корбек кивнул. «Закрепитесь здесь. Фесы так легко не сдаются. По крайней мере, у нас есть передышка.»

Мквеннер кивнул. Он распределил Призраков и СПО в непосредственной зоне, и приказал строить баррикады из обломков в коридоре.

Прибежал Халлер, когда началась работа.

«Что-то происходит,» сказал он Корбеку. «Вокса нет, но слухи говорят, что враг повсюду отступает.»

Корбек почесал голову. «Черт побери, если я знаю, что это значит.»

«Колм?»

Корбек огляделся. Приближался Мколл. Несколько человек из его взвода шли позади, побитые и окровавленные, как и все остальные, сопровождающие фигуру.

Это был Сорик.

«Он... он требует разговора с тобой,» сказал Мколл.

«Агуну никогда в жизни не приходилось спрашивать разрешения говорить со мной. И сейчас он тоже не начнет так делать.» Корбек пошел к Сорику. Старый Вергхастец трясся и был изнурен.

«Ты должен предупредить Гаунта.»

«Предупредить его?»

«Все еще не кончено.»

«Я не буду с тобой спорить, Агун. Что-то происходит, но я --»

«Нет, Колм!» Сорик вытащил латунную гильзу для сообщений и открыл ее. «Девять. Девять это еще не все. Псайкеры --»

Корбек улыбнулся. «Я убил псайкеров, Агун. Патера Греха и его двух страшилищ. Я отправил их в ад.» Сорик сглотнул. «Я знал, что ты сделал. Она сказала мне.»

«Кто?»

«Не важно. Колм, они уже отпечатали свое задание. Вот, для чего они были. Не убить Беати, как остальные, но выбрать и направить убийцу, который сделает это для них. Кого-то, кто к ней будет близко. И он все еще там.»

Глаза Корбека расширились. «Фес... Что? Кто?»

«Она мне все показала, Колм. Она мне показала, чем он был,» сказал он, протянув рванный клочок синей бумаги Корбеку, чтобы он посмотрел.

Майло обхватил рукой плечи Беати и вел ее через перекресток. Ее трясло от истощения, и глубокие порезы от клинка Иннокенти кровоточили.

«Медик! Медика сюда!» звал он.

Враг исчез, в стремительном отступлении, их боевой дух упал очень сильно после смерти их повелителя и победы Беати. Даже сейчас, отступающие силы врага были атакованы армией пилигримов в верхнем городе, когда те пытались вырваться.

Все еще было не кончено. В самом деле, битва за Херодор была еще далека от завершения. К в данный момент, маячившее поражение было отсрочено.

Разрушенный перекресток, с плывущим дымом и потрескивающими огнями, был заполнен мертвыми с обеих сторон. Люди ходили по мостовой в поисках раненых и павших товарищей.

Когда они находили выживших врагов, они были беспощадны.

Дорден привел толпу медицинских команд на поле битвы.

«Сюда!» позвал Майло, и Дорден прибежал.

Гаунт и другие офицеры осторожно стояли рядом, пока Дорден перевязывал раны Беати. «У нас есть вокс?» спросил он у Белтайна.

«Все воксы вышли из строя, сэр. Предсмертный крик вражеского лидера выжег все контуры.» Гаунт повернулся к людям вокруг него. «Сегодня мы сделали хорошую вещь. Мы отошли от грани, с которой, я был уверен, мы свалимся. Мы нанесли тяжелый удар по архиврагу человечества. Соберите ваши отряды, позаботьтесь о раненых, и распространите эти слова всем, кого встретите.

Беати победила. Иннокенти мертвы. Убедитесь, что все об этом узнают. Убедитесь, что каждый чертов гражданский в ульях узнает это.»

Офицеры кивнули и разошлись.

«Мне нужно доставить ее в лазарет, в котором есть энергия,» сказал Дорден. «И мне понадобится каталка...»

«Я могу идти,» сказала Саббат, поднимаясь.

«Тогда мы пойдем с вами,» сказал Гаунт. «Почетная гвардия, сюда!» Майло сделал шаг вперед, так же как и Даур с Дерином. Нэсса так же сделал шаг вперед. Гаунт кивнул.

Ларкин, устало сидевший возле стены неподалеку, поднялся на ноги.

«Я тоже, сэр,» сказал он.

Гаунт посмотрел на него. «Есть особая причина, Ларкс?»

Ларкин сделал жест в сторону Призраков вокруг Беати. «Они были почетным караулом. На Хагии. Теми, кого она позвала.»

Гаунт посмотрел и осознал, что старый снайпер был прав. Дорден, Даур, Нэсса, Майло и Дерин были частью тайной миссии Корбека на Храмовом мире. Кроме Корбека, единственного отсутствовавшего здесь, остальных не было в живых. Грира, Вамберфелда и Брагга.

«Еще Разок хотел бы, чтобы я занял его место,» сказал Ларкин. «Это имело значение для него. Она имела значение. Я...

Теперь я вижу почему.»

«Идем,» сказал Гаунт.

Используя фонарики, чтобы освещать дорогу, и медленно передвигаясь, эскорт покинул Великий Перекресток и направился по соединяющему переходу к главной лестничной шахте. Они шли по покинутым улицам улья, разбитым войной и мародерством. Напуганные и потрясенные жители столпились в руинах и смотрели, как они проходят мимо, кланяясь, как только видя Святую.

Раздраженный, Гаунт шел с ними, отчаянно желая, чтобы вокс вернулся, и он смог бы составить картину ситуации. Ему пришлось довериться Роуну и Удолу, что без него все будет нормально.

Они почти прошли еще один коридор, недалеко от шахты доступа, когда Гаунт увидел свет от фонаря и услышал голоса, выкрикивающие его имя.

Тяжело дыша, бежал Корбек, с Сориком позади.

«Что он здесь делает?» спросил Гаунт.

«Свой долг,» сказал Корбек. «Убийца все еще здесь. Один из девяти.»

«Что?»

«Псайкеры поместили кое-кого,» сказал Корбек. «Кого-то подходящего.» Он протянул обрывок синей бумаги Гаунту.

«В укрытие ее!» крикнул Гаунт и поднял свой фонарик, чтобы прочитать, пока Дорден и почетная гвардия быстро уводили Беати в укрытие. Нэсса и Ларкин мгновенно подняли свои лонг-лазы и начали выискивать угрозу своими прицелами.

«Нет...» сказал Гаунт, читая имя на бумаге. Он резко повернулся. «Майло! Уведи е --» Лазерный выстрел разорвал темноту и попал в стену в нескольких сантиметрах от головы Беати.

Все присели. Еще два выстрела пролетели в их сторону. Один ударил Дерина в плечо и сбил с ног.

«Я не вижу его,» простонал Ларкин, целясь из своего оружия.

Провыли еще два выстрела. Нэсса попыталась ответить и выстрелила горячим выстрелом в темноту. Ответ убийцы, полуавтоматический залп, попал Дауру в бедро и отбросил Дордена к стене.

«Он вертит нами!» прокричал Корбек, пригнувшись в укрытии рядом с Гаунтом. «Вы видели записку Сорики? Вы прочитали, что он сделал?»

Ярость кипела внутри Ибрама Гаунта. Талант Сорики не только опознал убийцу, которого поместили псайкеры Греха, он показал, кем он был. Сорик увидел отвратительный разум жестокого убийцы и раскрыл все его преступления.

Лайжа Куу. Убийца. Насильник. Убийца Брагга. Убийца Сехры Мюрис.

Корбек протянул свой лазерный пистолет Гаунту.

«На счет три?» предложил он.

Гаунт посмотрел назад на окружающий эскорт. Даур и Дерин корчились от боли. Дорден лежал на земле и выглядел так, как будто был мертв. Нэсса яростно нажимала ему на грудь. Майло и Ларкин с поднятым оружием, защищали Беати своими телами.

«Приготовьтесь переместить ее!» крикнул Гаунт.

Он и Корбек выскользнули и рванули вперед, стреляя в темноту. Лазпистолет потрескивал в руке Гаунта, извергая пучки света в темноту. Корбек был рядом с ним, поливая автоматическим огнем из лазгана.

Шквал выстрелов обрушился на них.

Гаунт перепрыгнул упавшие камни и метнулся вдоль дальней стены. Он стрелял в тени. «Куу! Куу, ты ублюдок! Я убью тебя!»

Лаз-заряд ударил Гаунта в спину и опрокинул навзнич. Он почувствовал, как горячая кровь хлынула из него. Он попытался перевернуться.

«Ты первый, как пить дать, потом эта сучка Беати,» сказал Куу, встав коленом на спину Гаунта и заставив его кричать от боли. «Я вас всех убью.»

Серебряный клинок опустился к горлу Гаунта.

Звук горячего выстрела был таким громким, что прокатился туда и обратно по проходу. Гаунт почувствовал, как труп Куу упал на него. Он пытался выбраться из-под тела Куу. Ларкин нагнулся и поднял на ноги.

Гаунт покачивался. Рана на спине была мучительной. Он уставился вниз, на труп Куу.

«Он мне никогда не нравился,» сказал Ларкин.

«Он убил Брагга.»

«Я знаю, сэр,» сказал Ларкин.

«Хороший выстрел. В такой-то темноте.»

«Я бы фесово хотел, чтобы получилось пристрелить его раньше,» сказал Ларкин. Его голос был тих, как будто он переживал огромное душевное волнение.

«Что ты имеешь ввиду?» спросил Гаунт. Он пошевелился и посмотрел назад в проход. Боль пылала на его спине, но то, что он увидел, ранило его гораздо больше.

В двадцати метрах позади, в проходе, лицом в луже крови, Колм Корбек лежал мертвым.

ЭПИЛОГ

Битва за Херодор продолжалась еще шесть недель. Огромной войско вторжения отступило после смерти Иннокенти, нагоняемое и изнуряемое вооруженной армией пилигримов. Двумя днями позже, с новыми силами и используя свою силу по максимуму, войско опять атаковало Цивитас. Тысячи пилигримов погибли сопротивляясь. Беати, хромящая от ран, возглавила контратаку с остатками Имперских сил – с Призраками, Полком Цивитас, СПО и армией пилигримов – и удерживала огромную войско неделю.

Затем прибыл флот с подкреплением, посланный Магистром Войны. Прибытие флота осветило ночное небо. Произошла намного более кровавая битва, чем та, которая описана в этом рассказе.

За несколько недель войска Магистра были отброшены из Цивитас, и, в конце концов, уничтожены в последней наземной битве на Печных Холмах.

В этом Призраки Танита не принимали участия.

Так же, как они не принимали участия в полной победе. Освобожденные от своего долга на Морлонде и передовой, большие части Крестового Похода были отправлены защищать фланг Хана. Детали тех действий описаны в других работах. Важно понять, что если бы войско Магистра не задержалось бы так на Херодоре, целая Группа Хана скорее всего была бы потеряна, и усилия Крестового Похода пропали бы даром.

Усилия Беати были впечатляющими. Она свела на нет наступление с фланга, и, более того, она убила одного из самых доверенных лейтенантов Гора. Сообщение, которое она послала врагу, было разрушительным. Когда войска Архонта отступили к границе систем Миров Саббат, Макарот приготовился к последнему, победоносному периоду Крестового Похода.

Как описано в исторических работах, это было нелегко. Но на некоторое время преимущество было на его стороне.

Гаунт отвернулся от жалящей пыли, когда транспортник приблизился. Он приземлился на площадку на крыше Старого Улья, и выключил двигатели.

Он повернулся к Беати и преклонил колено. Она подняла его обеими руками.

«Не надо передо мной вставать на колено,» сказала она. «Я должна преклонить колено перед тобой.»

«Вы знаете, куда они вас посылают?» спросил Гаунт.

«Передовая. Каркародон. К Макароту... как продолжает настаивать Люго.» Гаунт улыбнулся. «Вам лучше знать.»

«Нет, он прав. Я не забуду службу Призраков, Ибрам.»

«Просто сделайте мне одолжение и присмотрите за ним.»

Она улыбнулась и кивнула. «Его судьба ждет нас, Ибрам Гаунт. Она настолько важна, что ты даже не можешь представить.»

Она поцеловала Гаунта в лоб и пошла к опущенной рампе транспортника. Гаунт посмотрел на Майло. Он казался счастливым и напуганным одновременно. Он побежал к Гаунту, как будто собирался обнять, но в последнюю минуту остановился и четко отдал честь.

Гаунт отдал честь в ответ. Затем он вытащил свой боевой нож и протянул Майло.

«Ты потерял свой. Возьми мой с собой.»

Майло мгновение смотрел на серебряный клинок в своих руках, и затем побежал к Саббат. Рампа транспортника закрылась, и он поднялся в бесцветное небо, ревя двигателями.

«До свидания, Брин,» сказал Гаунт, уверенный в том, что больше никогда снова не увидит мальчика.

Шаттл с черного корабля ожидал. Зловещие люди в длинных темных одеждах шли по платформе. Он мог почуять вонь озона от силовых пик. Его руки тряслись в наручниках.

Фигура в длинной робе сошла по рампе, мелко глянула на планшет, предложенный сервитором, и пошла к ним.

«Имя?»

«Агун С --»

Силовая пика хлестнула, чтобы он замолчал.

«Его имя Агун Сорик,» сказал человек, стоящий рядом с ним.

«Оценка?»

«Псайкер, уровень бета.»

Фигура в черной робе кивнула. «Распишитесь о демобилизации, пожалуйста.»

Виктор Харк взял планшет своей новой имплантированной аугметической конечностью и изучил.

Он поставил свою подпись на планшете стилусом и отдал его обратно инквизитору. «Куда вы его забираете?» спросил Харк.

«Туда, куда надо. Это вас не касается,» сказал инквизитор в робе. «Увести его!» крикнул он, и укротители стали подгонять закованного Сорика вверх по рампе.

Харк мог слышать всхлипы Сорика. Он отвернулся, чтобы не слышать этого.

Латунная гильза для сообщений стояла на решетке палубы у его ног. Харк нагнулся и взял ее аугметической рукой. Он открыл ее и вытряхнул бумажку.

Два слова были написаны на голубом обрывке.

Помогите мне.

Харк повернулся назад и смотрел, пока шаттл поднимался вверх, развернулся и помчался в небеса.

Пила визжала. Прекрасное завывание от разрезаемого качественного дерева. Воздух был густым от ароматной пыли.

Колм Корбек зашел в маленькую мастерскую на Склоне Гильдии, и недолго смотрел на старика – как там его имя... Вайз? – работающего с деревом. Работа была оживленной. Фес, да!

Гробы для покойных. Боже-Император, это был спрос и предложение!

Корбек сделал шаг в едкий, сухой воздух мастерской, и пробежался рукой по зрелой древесине. Не наловое дерево, но хорошее.

Этот Вайз. Он работал один, без помощи. Не так, как это бы делал отец Корбека. Ему нужна была помощь.

Корбек закатал рукава. Он знал эту работу. Он любил ее. Он останется ненадолго и поможет.

«Больше никакое дерево не подойдет. Вы понимаете?»

«Да, Мистер Гаунт,» сказал Гафри Вайз.

«Полковник-комиссар вообще-то --» начал Гаунт, и затем помотал головой. «Наловое дерево. Все из него.»

«Это ваши деньги, сэр. Был вашим другом?»

«Другом. Братом. Призраком,» сказал Гаунт.

Вайз улыбнулся. «Много их поблизости.»